

MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE

STUDIES AND TEXTS

volume 2

К. Н. БУГАЕВА

ВОСПОМИНАНИЯ О БЕЛОМ

Berkeley, 1981

MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE
STUDIES AND TEXTS

volume 2

edited by

Lazar Fleishman *Jerusalem*
Joan Delaney Grossman *Berkeley*
Robert P. Hughes *Berkeley*
Simon Karlinsky *Berkeley*
John E. Malmstad *New York*
Olga Raevsky-Hughes *Berkeley*

Berkeley, 1981

К. Н. БУГАЕВА

ВОСПОМИНАНИЯ О БЕЛОМ

**EDITED, ANNOTATED, AND
WITH AN INTRODUCTION BY
John E. Malmstad**

**BERKELEY SLAVIC SPECIALTIES
Berkeley, 1981**

This volume was published with the assistance of the Russian Institute and the Department of Slavic Languages and Literatures of Columbia University.

A Publication of the Russian Institute.

Copyright © 1981 by John E. Malmstad
All Rights Reserved

PRINTED IN U.S.A.

Library of Congress Cataloging in Publication Data
may be found in the colophon.

ISBN 0-933884-15-X

INTRODUCTION

Я — лишь действующее стекло,
Отражение дня.

Иосиф Бродский
«Полдень в комнате», XI

1886-1970. The stark dates frame a life about which we know very little. Yet for some ten years Klavdija Nikolaevna Bugaeva, née Alekseeva, was the constant companion and then wife of one of the most remarkable figures in modern Russian literature, Andrej Belyj. Memoirists have mentioned her only in connection with him. Most of them — Xodasevič, Berberova, Baxrax, for example — saw her only in émigré Berlin. Misled by Belyj himself, who was then undergoing another of those crises which mark his personal life, they picture her in an almost sinister way, as a kind of anthroposophical *éminence grise* and sexless “nun” who lured Belyj back into the embrace of the faith and finally back to Soviet Russia itself. Some ten years later, in 1933, Nadežda Mandel’štam and her husband saw her with Belyj in Koktebel’. The two writers made intellectual and human contact. Their wives did not. This is really all that the memoir literature has to tell us of her, except for some references in Margarita Woloschin’s *Die grüne Schlange* to her friend “Frau Wassiljew” and her energetic and central role in Russian anthroposophical activities before and after the Revolution. Aside from the fact that she had a sister, Elena, and a brother, Vladimir, nothing is known of her background, education or early life.

She was Vasil’eva by her marriage in 1910 to a doctor, Petr Nikolaevič. Like other members of Klavdija Nikolaevna’s fam-

ily, both were adherents of Rudolf Steiner's anthroposophy. Belyj first caught a glimpse of her in 1912, in Steiner's reception room at Dornach, Switzerland, headquarters of the anthroposophical movement: «мы с Асей [Тургеневой] приехали на свидание, входим в приемную; там сидела лишь нами неизвестная Клавдия Николаевна; я ее, как сейчас, помню: она ужасно понравилась; и я подумал: какое *милое, родное* лицо; ...но она — скрылась бесследно». ¹ He saw her again in 1913, but they did not really meet until September, 1916, after Belyj's return to Moscow from Dornach. Klavdija Nikolaevna was working as a librarian at the Moscow branch of the Russian Anthroposophical Society. Belyj's lectures at the Society and his research in its library, which had been set up by his old friend Aleksej Petrovskij, meant that he saw Klavdija Nikolaevna constantly. They were soon close friends.

In 1917 Klavdija Nikolaevna and Boris Lehmann were sent from Moscow to take charge of the Petersburg branch of the Society. Nevertheless, she and Belyj kept in touch, and Belyj himself dated his "intimacy (*sbliženie*) with K.N. Vasil'eva" to the end of December, 1917. In 1918 she left Petersburg for Rostov: her mission had failed, and besides, famine was on the rise. ² Her whereabouts during the years of the Civil War are far from clear. She turns up in Rostov, Moscow, back in Petersburg, then in Ekaterinoslav. She and Belyj corresponded as conditions permitted. A letter to Belyj from Zinaida Rajx, dated November 22, 1918, makes clear that Klavdija Nikolaevna was very much part of Belyj's closest circle and served as his factotum in a variety of practical matters. ³ She became the one person to whom he could pour out the fears he hid from others: «Но и такое молчание было-таки...молчанием, которого тяжесть заставляла себя мучительно чувствовать; хотя мои нервы и были забронированы жизнью на западе, они бы не вынесли, если бы в лице К.Н. Васильевой я не нашел душу, которой бы мог сказать „*Все как Есть*“, и этим правдивым сказом сказаться действительно». ⁴ Among the things they discussed was Belyj's deteriorating relationship with his wife, Asja Turgeneva, who had stayed in Dornach. This kept

him in a state of constant agitation, which was exacerbated by a sense that he had been betrayed by the Dornach anthroposophists in general.

Belyj believed that anthroposophy had an active cultural and social role to play in the new post-Revolutionary society, and he used his prestige as a writer to propagandize it among a wide circle of intellectuals. Some anthroposophists resented this. Only the members of the Moscow group gave him support. Soon this group became a kind of spiritual center and home, a “living Dornach”:

я скоро стал к ней [московской группе] тянуться всею силой души; она стала родною мне; я видел внутри этой группы и жизнь, и брожение моральной фантазии, и серьезность дум, и правдивость устремлений; были и дефекты в «общественной» жизни, вытекающие из закона, что люди отдельно взятые интересней и глубже себя же, взятых в сложении «Общества»; ...и тем не менее: было радостно себя чувствовать в группе честных, здоровых, все же максимально непредвзятых людей, не превращенных в «Послушное стадо» и не разложенных гангреной «Общественного эзотеризма».⁵

However, doubts as to his place in anthroposophy and in the new society persisted. Oppressed by the atmosphere in Moscow, he fled to nearby Dedovo. There he awaited the Christmas of 1918 and the New Year. There too he received a particularly painful letter from Asja telling him that their relationship (a marriage in name only) was over.⁶ Belyj was plunged into one of those deep crises of self which make the years between 1918 and 1923 resemble a seismic graph covered with unstable, rapidly oscillating tracings, as his moods swung between manic activity and black depression. He was torn between rejecting Asja, Dornach and all that it stood for completely and rushing there for some “explanation” with her. A letter from Klavdija Nikolaevna persuaded him that his place was in Russia: «Она [Клавдия Николаевна] — первая меня поняла в моей антропософии, ...Она одна из всех москвичей, с невероятной чуткостью поняла, в какой *мрак* я ушел (я в те дни уже решил ехать за границу); и она нашла слова; ... И я — вернулся в Москву с решением: *мне быть в России*».⁷ After a quick trip to

Petersburg, Belyj returned to a city on the verge of total economic collapse. In the politically and, for Belyj himself, emotionally turbulent years that followed, with too much work and too little time for it, too little or no food or clothing, and with his health breaking down, Belyj very nearly perished. Only the help of friends saved him (“individual kind souls [most often female]”), as he later remarked to Asja in a twenty-page letter which describes the sufferings of the time in frightful detail.⁸

After spending May to June, 1919 with Klavdija Nikolaevna at Karačev in the province of Orel, he returned to Moscow. Again friends came to his aid, among them the Vasil’evs, in whose apartment he lived from August 26 through October. Klavdija Nikolaevna was often with him and accompanied him on several of his trips. At the beginning of November he noted in his diary: «задумываем с К.Н. Васильевой...мой отъезд за границу (для выяснения отношений с А.А. Тургеневой)». It looked as though the trip might be possible in January, 1920, but nothing came of it.

In February he moved to Petersburg. He took up residence in the “Dom Iskusstv” and submerged himself in work with “Vol’fila”: «большое культурное дело... ассоциация людей, связанных в исканиях новой *Культуры* (мысли, общественности, искусства)... в этой работе [в „В.Ф.А.“] я забывал ужасные тучи сомнения, нависавшие надо мною и над моей личной жизнью».⁹ The idea of leaving Russia, however, was never far away, as entries in his diary note. When he heard that a visa would be granted, but only in Moscow, he returned there in July and began making preparations to leave. The visa was not approved, and Belyj lived in a state of nervous uncertainty until the end of March, 1921, when he again left Moscow for Petersburg. He had never given up his idea of leaving Russia. Finally, at the beginning of September, 1921, he received a telegram informing him that permission had been granted. This is how he described the period in the letter to Asja:

...опять рванулся из Москвы, опять попал в Петроград; опять с марта до сентября впрягся в работу «Вольфилы» — с какими же силами? Опять хлопотал об отъезде; и опять не

пустила чрезвычайка (в июне); тогда я нервно заболел; меня лечил невропатолог проф. Троицкий; тут я решил бежать, но и об этом узнала чрезвычайка; и побег — рухнул. Тут умер Блок, расстреляли Гумилева; и — устыдились: молодежь стала кричать: «Пустите Белого за границу, а то и он как Блок умрет!» Друзья надавили; и — пустили.¹⁰

He immediately left for Moscow, accompanied by Ivanov-Razumnik, with whom he had been staying at Detskoe Selo. “Xlopoty po ot”ezdu” occupied him throughout the month, and at last, on October 20 he left Moscow.

Officially he, like many others who left Russia at the time, had been granted an exit visa for reasons of health. (He had been ill enough to require hospitalization on two occasions early in 1921.) He regarded the trip as a rest cure; as he wrote Asja: «я стараюсь пока что рассматривать Ausland, как санаторий, в котором мне надо окрепнуть нервами, написать начатые книги, издать их».¹¹ He arrived in Berlin on November 19, after an anxious wait of almost a month for a German visa in the Lithuanian capital, Kovno.

While still in Russia, making plans for his Western sojourn, Belyj had looked at Berlin merely as a stopping place on the way to his ultimate destination, Dornach, where he wanted not only to confront Asja, but Steiner himself and thereby determine both the course of his personal life and his future in the anthroposophical movement. He must also have been troubled, despite the protestations that the trip was a rest cure and nothing more, by the thought that one result of these conversations might be emigration. In Berlin, however, he learned that obtaining a Swiss visa was out of the question. He had to face the fact that his hope of visiting Dornach had been frustrated. He had hardly been in good spirits even before his arrival in the German capital, and he seems to have expected the worst: «Все, что подлинно любит меня, все, чему я нужен, — в России. Русская эмиграция мне столь же чужда, как и большевики; в Берлине я буду один. Антропософское О-во? Но — нет, нет; там я был бы *бараном* в стаде; моя работа в Антропософии — в России. Но Россия меня измучила».¹² While he immediately

plunged into the literary life of Russian Berlin, then the major center of the emigration, he found no peace: «час от часу не легче... переоценка ценностей десяти лет (людей, ...идей... себя)... Угрюмость... Тоска все глубже грызет... — ужас отчаяния», he noted in his diary in December. His long letter to Asja implies that he still hoped for some kind of reconciliation with her, although he later interpreted his need to see her in a different light: «...я знал: в разрезе личной жизни на западе мне предстоит хирургическая операция, к которой с 19 года я был вполне готов». ¹³ She arrived in the city in March, 1922. When she left in April, Belyj knew that their relationship was over. And she apparently made it clear that there was no life for him in Dornach. The pain this “operation” caused is attested to in all memoirs of this émigré period.

Belyj met with nothing but incomprehension about the “new Russia” and, he believed, hostility from members of the West European anthroposophical movement as well. («Болезнь же — от любви, униженной и растоптанной звериною мордою „Общества“ ... западные антропософы... поступили... свински»). ¹⁴ Steiner himself was in Berlin at the time on one of his periodic long stays there for lectures and meetings with his followers. Belyj expected to see him immediately, but was unable to meet him on more than a casual basis until 1923. (Belyj pictures Madame Steiner as the chief “villain” here, but Steiner himself probably wanted to keep his distance from his disciple, about whose wild drinking and “dancing” at Berlin cafes he must have been told.) In his brief encounters with Steiner, the “Doctor” seemed cold and aloof. Belyj felt unloved («В Берлине — никто меня не любил: ни антропософы, ни эмигранты») ¹⁵ and abandoned: «„жена“ меня бросила, „учитель“ повернул от бывшего „дома“, дом [Гетеанум] — „сгорел“; запад — „прогорел“». ¹⁶

Word of Belyj’s state of mind must have reached his friends in Moscow, and in January, 1923, Klavdija Nikolaevna arrived in Berlin: «около меня выросла — Москва: К.Н.». Nina Ivanovna Gagen-Torn, who knew Belyj from “Vol’fila” and remained on good terms with him and Klavdija Nikolaevna until

his death, writes in her memoirs (unpublished): «...приехала в Берлин К.Н. Васильева, присланная московскими друзьями. Разрешение на выезд за границу за Белым получено было ею от Менжинского, ценившего писателя Андрея Белого, считавшего необходимым вернуть его в Советский Союз». (Klavdija Nikolaevna would make a second “anthroposophical errand of mercy” in 1926 in connection with Trapeznikov.) With her “gentle and masterful hand” (Gagen-Torn), Klavdija Nikolaevna tried to restore some equilibrium to Belyj, although he frequently made her the target of his hysterical pain and dejection (for instance, in his comments to Ходасевич and Вахрамеев about “that anthroposophical auntie”). Klavdija Nikolaevna bore these attacks with what her friends regarded as astonishing equanimity and understanding.

Even before Belyj had arrived in Berlin he warned Asja, in a postscript to his long letter, not to share with anyone his account of conditions in Russia. He feared that even abroad Russians were watched by agents of the Cheka, and he did not want to ruin the possibility of returning to the land where “the friends dear to my heart” lived. With Klavdija Nikolaevna’s arrival in Berlin, return to Russia occupied him more and more. Still he wavered, caught between choices, neither of which seemed to offer any hope. He believed that there was no place for him in anthroposophical or émigré circles in the West: they represented the past, and were condemned to repeat it. His work and the future, he believed, lay in Russia. But would he be allowed to play any kind of role in it?

He wandered restlessly between Berlin and Saarow, asking the advice of friends and subjecting them, again and again, to rambling confessions of his sufferings and doubts. Late in March he and Klavdija Nikolaevna went to Stuttgart, where Steiner was lecturing. There he saw Asja for the last time and there, on March 30, he finally had his long-awaited meeting with Steiner. Five years later, in “*По чему я стал символостом,*” he gave a highly colored interpretation to it:

Вторую поддержкой [первой — К.Н.], дающей надежду в то время, что я смогу стряхнуть свой паралич, был удар грома

по трупу [Антропософского] общества, или слова Штейнера в 23 году о том, что аппарат этого общества — труп; тогда я, сорвавшись с одра, заткнув нос, чтобы не услышать «Вони», бросаюсь в Штуттгарт, наперерез тому, что меня механически отделило от Штейнера, и имею свидание-прощание с ним, много мне разрешившее в будущих годах моей кучинской жизни; в нем — заря нового расцвета Антропософии в моей душе, но уже... без... морды «Общества», с которым все счета кончены.

Не я их кончал.

Кончила их героическая кончина Рудольфа Штейнера (в день нашего прощания с ним, 30 марта); 30 марта 1923 года я поклонился человеку, давшему мне столько, и зная, что еду в Россию...

His letter of March, 1927 to Ivanov-Razumnik puts the whole matter more succinctly: «оживает доктор (К.Н. невольно мирит меня с ним); в марте 23 года доктор мне „все“ объясняет, что казалось неясным».

Despite Belyj's assertion that he knew he was returning to Russia in March, the diary-entries and the March, 1927 letter to Ivanov-Razumnik show that he did not finally make up his mind until June, when he spent almost a month with Klavdija Nikolaevna in Harzburg. She had done all she could for him and had decided that she must return to her family and to anthroposophical duties in Moscow. Belyj accompanied her to Stettin on July 23, 1923, and she proceeded on to Russia. On August 1 he noted: "Notification by the Berlin Commission of Narkompros about permission for me to enter the RSFSR." But he was kept waiting almost three months for the visa. Finally, on October 23, he left Berlin, or as he put it in a letter to Ivanov-Razumnik: «Я за ней [К.Н.] рванулся».¹⁸ The verb leaves no doubt about the emotional nature of the decision, and one is not surprised that while he was preparing to leave Berlin, he also wrote to Cvetaeva in Prague begging her to arrange for him to come there.¹⁹

Klavdija Nikolaevna must have been the deciding factor. Belyj trusted her as no one else, and felt she was the only person who understood him. She had "saved" him once before in 1918; she would do so again. She "returned" him to Russia and to

anthroposophy as well:

Если бы не дружеская, ласковая, антропософская поддержка из Москвы, в лице К.Н. Васильевой, приехавшей в Берлин в 1923 году, и разделившей мои истинные думы, мне не вернуться бы... даже к антропософии: антропософия без антропософов...слишком для меня... Прекрасная Дама; увидев Антропософию в человеческом, сердечном порыве, я сказал себе: Антропософия...все же...есть. Я не доехал до... Дорнаха, куда выехал...к Антропософии; Антропософия настигла все же в Берлине меня, но... из...Москвы.²⁰

In the March, 1927 letter to Ivanov-Razumnik, he would characterize the period 1912-1918 as “From Asja to Klavdija Nikolaevna,” and 1919-1926 as “From the crisis of anthroposophy to the anthroposophy of Klavdija Nikolaevna,” when she became his “guiding star.”

Belyj had no illusions about life in Soviet Russia, as letters of 1923 to Ivanov-Razumnik show. He found the situation in Moscow difficult, in this “evil period for the whole world.” Characteristically, he later drew the most grim picture possible of what had awaited him in Moscow (in “*По чему я стал simvolistom,*” 16):

Я вернулся в свою «Могилу» в 1923 году, в октябре: в «Могилу», в которую меня уложил Троцкий, за ним последователи Троцкого, за ними: все критики и все «Истинно Живые» писатели; даже «Фетировавшие» меня в 21-м году странно обходили меня, опустив глаза; «Крупные» заслуги мои оказались настолько препятствием к общению со мною, что самое появление мое в общественных местах напоминало скандал, ибо «Трупы» не появляются, но гниют.

Я был «Живой Труп»; «В.Ф.А.» — закрыта; «А.О.» — закрыто: журналы — закрыты для меня; издательства — закрыты для меня; был момент, когда мелькнула странная картина меня, стоящего на Арбате... с протянутою рукою: «Подайте бывшему писателю». Так — не случилось... Уйдя из Москвы, я два года просидел на замоскворецком заводе, служившим мне скорее одром болезни, которую медленно я преодолел.

Certainly his literary activities were restricted. Henceforth, he published little in the periodical press except travel notes and excerpts from his memoirs. Editors were probably cautious,

especially considering Trockij's destructive attack of the year before in *Literatura i revoljucija*. All the same, the situation was not as desperate as he pictured it. After all, neither journals nor publishing houses were actually closed to him. In 1924 he published his *Odna iz obitelej carstva tenej* with Gosizdat and several articles. He was at work on his adaptation of *Peterburg* for the stage and on the first of the "Moscow" novels. Furthermore, his autobiography and a bibliography of his works were included in Vladimir Lidin's *Literaturnaja Rossija. Sbornik sovremennoj russkoj prozy* (1924).

Most immediate was the problem of finding a place to live in Moscow. Before leaving Berlin, Belyj had expressed his concern about housing to Baxrax. An apartment had been found, he had been told, but he had to arrive by September, 1923 to claim it. When he got there, it was gone, and he had to live first with friends and then in the quarters mentioned above. (Even in this Belyj exaggerates: he did not live at that "zamoskvoreckij zavod" for two years.) In January, 1925 he noted in his diary: «Жилищное неустройство... безрадостная жизнь... ни читать, ни правильно работать нельзя». Matters were complicated by his relationship with Klavdija Nikolaevna. His trust and reliance had grown into love. In 1924 they decided to live together. She had accompanied him to Koktebel' in the summer, but when they returned to Moscow she went back to the Vasil'ev apartment. They still had no place to live together. Obviously, they could not take up residence in Vasil'ev's apartment. Yet it was essential to remain in Moscow. Klavdija Nikolaevna's family, though disapproving of the relationship, was there, and her mother was dependent on her. If Belyj was to play any part at all in Soviet cultural life, he felt it had to be where his contacts with publishers were and where his closest friends in the literary and theater world worked. Just as important, Belyj and Klavdija Nikolaevna needed their friends in Moscow anthroposophical circles (Belyj never felt close to the Leningrad group). The Anthroposophical Society itself had been closed down by the Bolsheviks in 1923. (In "Počemu ja stal simbolistom," 16, Belyj tried to put the best light on it: «Мне было ясно: Штейнер — нужен;

антропософия — нужна; „Общество“ — нет. И как знак этой моей мысли мне было узнание о закрытии властью „Русского Антропософского О-ва“; стало и грустно, и... радостно; в России „А.О.“ *Не Должно Быть*;... Антропософия в России, или новая культура жизни...или — ничто. Хорошо, что нет в России ни членов, ни Общества».) Some of the members had been taken into custody and questioned, but it was still possible to meet for lectures and other activities as long as they were private; and Belyj took an active part in them.

On March 24, 1925, the wife of the noted hydrologist, M.A. Velikanov, invited Belyj and Klavdija Nikolaevna to visit their dacha at Kučino, some twenty-one kilometers east of Moscow. That had been the site, before 1917, of the family estate of the Rjabušinskij family, where Dmitrij had established Russia's first aerodynamic laboratory in 1904. The buildings of the estate still remained, but the property had been divided up among small property holders to become a typical “podmoskovnoe dačnoe mesto.”²¹ During their month-long stay, Belyj delighted in the tranquility of the pleasant landscape of meadows dotted with patches of woods. The close proximity to Moscow, and the location on a railroad line, meant that he could easily journey to the capital on necessary business. Late in May he and Klavdija Nikolaevna moved there from Moscow. In late summer they took two rooms in the house of a local family (the Šipovs described in the memoir). They intended to stay only until the following spring, but remained until April, 1931.

After years of wandering, Belyj had found a “place” in which he felt at home and could work. As he wrote to Tician Tabidze on December 3, 1929: «по опыту знаю, что только тогда человек освобождается, когда он имеет место, куда он может бежать, чтобы из тишины увидеть и себя, и окружающих».²² Kučino provided this “place,” as Belyj later wrote in “*Роџему ја стал simvolistom*” (section 16): «Кучино, место моего всяческого выздоровления: оздоровления физического, морального, душевно-духовного, оздоровления интересов и чтения».

There is no need to summarize the activities of the relatively tranquil six years Belyj spent there with Klavdija Nikolaevna. They form a major part of the memoir. Nor need one describe the several trips that the couple took to the Caucasus during this period. These too are part of her account. For Belyj, although quite unable to cope with travelling, periodically felt the need to do so: «Когда живешь в одном месте и все впечатления сосредоточены на ландшафте вокруг, который вбираешь всеми порами сознания, время течет медленно». ²³ But they always returned to the peace of Kučino, where works flowed from Belyj's pen. Klavdija Nikolaevna evokes in vivid and fascinating detail the "creative drama" of these years. She is silent about the no less intense and highly personal "emotional drama" of the same time. Her husband refused to give her a divorce, and out of respect for her mother's feelings, the nature of her relationship with Belyj had to be hidden. (She is not, for example, mentioned by name in the 1928 *Veter s Kavkaza*, where Belyj refers only to his *sputnik*.) Belyj gave his view of the relationship in a long letter to Ivanov-Razumnik of August 16, 1928, which deserves to be quoted at length to fill in this notable lacuna in Klavdija Nikolaevna's account of these years:

Дело вот в чем: мы с К.Н. *вместе* (и работаем, и морально мыслим, и вместе ищем, взявшись за руки) уже с 1918 года. И за десять лет Бог знает как стали близки: можно сказать, что все *мое* стало *её*, и все *её* стало *моим*...; всем это ясно; и всем это понятно (и её родным, и Петру Николаевичу, её мужу, который сам признается, что он вполне понимает меня и её и ничего не может противопоставить нашей моральной связи). Но тут то и поднимаются «*Парок бабье лепетанье, — жизни мышью суетня*».

Петр Николаевич человек благородный, честнейший и сильный сознанием стать на уровне проблемы *Пути*; увы, — у него слабая воля и *страстное*, ревнивое сердце; он мучается нашей близостью с К.Н. тем сильнее, чем яснее видит, что сказать тут нечего...несмотря ни на что он...все еще погибает от *безнадежной* любви; и ведет порою себя, как капризный ребенок. Мать К.Н., Анна Алексеевна, старушка пуританская с явным уклоном и в толстовство, и в «*брандизм*» (от «*Брандт*», драма Ибсена), когда-то взяла с нас слово,

чтобы К.Н. внешне осталась с П.Н. и чтобы мы (я и К.Н.) не были мужем и женой; она очень слаба; у нее склероз; и боязнь *убить* ее держит нас в условностях. Единственно, кто мог бы нас разрешить от «уз» протестантской «морали» (в кавычках) и догматов «*семейного дома*», в котором К.Н. (в силу обстоятельств, а не своей воли) должна играть роль «*супруги*» — единственно, кто мог бы нас разрешить, так это П.Н.; но повторяю: тут он *слаб*, как...капризный ребенок; и, так сказать, «*бронирует*» себя той Анной Алексеевной, которая *требует*, чтобы К.Н. «*якобы*» шадя П.Н., осталась «*мадам*» Васильевой; и тут-то начинаются «*бабы... лепетания*» и «*мыши...грызны*», буквально изгрызающие душу К.Н. «*Наши*» *прекрасно понимают нас с К.Н.*; но *остаётся труп* быта, который насильно привязали к К.Н.... Конечно, Петр Николаевич, мог бы, если бы был *сильным* человеком, освободить К.Н., т.е., доказать Анне Алексеевне, что он *не погибнет* без «*Клады*». А он...человек слабый; а мы, который год, боимся поднимать разговоры на эти темы из-за здоровья Анны Алексеевны (припадок, сердечный удар, вообще «*удар*»). И стало быть: ложь «*жизни сей*» — довлеет; мы с К.Н., когда рассуждаем обо всем этом, — решили: до кончины (не дай бог!) Анны Алексеевны положено нам быть «*страдающей*» стороною, ибо мы, увы, все же — *сильнее духом!*...

Но что стоит это К.Н....²⁴

Nor, understandably, does Klavdija Nikolaevna speak of the mounting persecution of members of the anthroposophical movement in Russia. (She hoped, right up to the time of her death, to publish the reminiscences in the Soviet Union and cruelly was lead to believe it possible; this helps account for the absence of the word “anthroposophy” in the work and the single mention of Steiner.)

In April, 1931, for reasons that are not clear, but which apparently involved tensions stemming from the close-quarter life with their landlords, Belyj and Klavdija Nikolaevna left Kučino. They took up residence in a room in a house with Ivanov-Razumnik at Detskoe Selo outside Leningrad. If they thought that this would remove them from the attention of the secret police, they were mistaken. On May 30 Klavdija Nikolaevna was arrested, along with many other friends from anthroposophical circles, among them Petrovskij, her sister, and her husband.

Belyj was not touched, although his typewriter for a time was confiscated. His mental state can easily be imagined,²⁵ especially when Klavdija Nikolaevna was taken from Leningrad to the Lubjanka in Moscow. Only on June 23 was he able to go to Moscow himself. There he did everything in his very limited power to secure the release of his friends. The humiliating letters addressed to the prosecutor and to Stalin himself are now available.²⁶ We know that he even went to see Jakov Agranov, the creator and chief of the secret police's department for the surveillance and control of writers ("Litkontrol"). The times were bad, but not yet as bad as the late thirties. Somehow both Klavdija Nikolaevna and her husband were released on July 3. Shortly thereafter, on July 18, Belyj and Klavdija Nikolaevna were married at the Moscow "ZAGS."

At the end of 1931 Belyj wrote to Petrovskij: «как странно, что то, о чем думал года, что казалось неосуществимым, в эти *тревожные, темные месяцы* разрешилось само собой... Так что *мертвая петля*, душившая нас троих от невозможности К.Н. развестись с ним и стать моей женой, сама собой развязалась».²⁷ For two months, Belyj went on to explain, he, Klavdija Nikolaevna, and her ex-husband prepared her mother for the news. The experience brought the three of them closer together than ever before. Anna Alekseevna finally accepted the new situation, although not without strong protests. True to character, she now turned against Petr Nikolaevič as she accepted her new son-in-law.²⁸

They were also awaiting the permission of the secret police to leave Moscow. It came in early September, and on the sixth, they returned to Detskoe Selo. (Klavdija Nikolaevna was forced to promise not to leave the town without specific authorization and to break off all contact with her anthroposophic friends. But at least she had been spared exile, unlike her sister and Petrovskij.) They again took up residence in a house with Ivanov-Razumnik. Klavdija Nikolaevna described their life there in a letter to Petrovskij: «Живем очень тихо, главным образом вдвоем. Только обед, да вечерний чай у нас общие с Р.И. Остальное время никто не мешает. Гостей бывает мало, а у нас... почти

никого. Но время все занято. Очень много работы по книге о Гоголе. Б.Н. и меня тоже запряг. То пишу под его диктовку, то выписки делаю, то переписываю...».²⁹ All of them were forced to move in December, and in April, 1932, Belyj and Klavdija Nikolaevna had to leave Detskoe altogether, when no further housing could be found. Belyj also found himself less in agreement with Ivanov-Razumnik on a variety of social questions than before. And Ivanov-Razumnik was himself the object of close scrutiny by the secret police.

They received permission to return to Moscow. There, once again, they were homeless and in a straitened financial position. Belyj had exhausted the advances on *Maski* and *Načalo veka*, which had been at the publishers for almost two years, and no other money, apart from an inadequate pension, was to be had. They moved into the cramped basement apartment of Petr Nikolaevič and his new wife. After months of demeaning pleas and petitions, the Writers' Union grudgingly located a small apartment for them in the city (Furmanov Street, No. 3/5, apt. 55). All this had seriously undermined Belyj's health and kept him in a state of nervous tension.

Roger Keys has characterized the last ten years of Belyj's life as a time of a "gradual narrowing of horizons, both political and literary; increasing loneliness and an awareness of his own embattled position in Soviet society; the cherishing of a few, true friends; and recourse to private values as the only secure element in an adverse environment."³⁰ One can only add that all his activities represented an ever more desperate attempt to justify himself (and his generation) in the eyes of the regime, to find some way to remain inside the shrinking boundaries of Soviet culture and life. He had no desire to be an "internal émigré"; he wanted to participate in the building of the "new society." But he had to be true to himself. The conflict took a terrible toll. In 1931 he had complained to Stalin of the difficulty of his literary position. "Enormous efforts" had to be made to get a book into print or to publish in a journal which «в моем возрасте все тяжелее, ибо нервы истрепаны, здоровье расстроено, прежних физических сил уже нет и не может

БЫТЬ».³¹ There had been no change since that time. Belyj remained as active as possible, but his health grew worse. Nothing seemed to help, not even a trip to Koktebel' in the summer of 1933. Finally, worn out by the attempt to finish the final volume of his memoirs, he died on January 8, 1934.

Klavdija Nikolaevna was allowed to remain in the apartment, as Belyj had requested in a pathetic appeal to the Sovnarkom.³² She managed to obtain a paltry pension from the Writers' Union, and lived in terrible want, according to those who knew her. She had dedicated herself totally to Belyj in life. Now she devoted the rest of her life to his legacy. She gathered and catalogued his manuscripts and correspondence, and, with Petrovskij and D.M. Pines, she prepared a meticulously detailed description of his entire output. (Pines's name was not mentioned when the "obzor" was published, with significant cuts, in *Literaturnoe nasledstvo* 27-28 in 1937 because of his arrest the same year.) She compiled two bibliographies, one of Belyj's works and another of writings in all languages about them. She labored for years on a series of indexes or "registers" of epithets, color-frequency, neologisms, and word-usage in Belyj's voluminous works. She supervised the few publications of the works which followed his death. (There exists, for example, her curious correspondence from 1939 about a proposal to translate *Meždu dvux revoljucij* into English, and another from the immediate post-war period concerning a project to publish a selection of Belyj's verse, neither of which ever reached print.) These activities yielded no financial profit whatever. From time to time she was forced to sell materials from the collection to the state archives. Much, however, still remained at the time her life came to a close, including an immense number of Belyj's anthroposophical writings. No archive had expressed any interest in them; nor did Klavdija Nikolaevna feel the time was right for them to be studied or published. (Much of this material, as well as Klavdija Nikolaevna's personal archive, entered the collections of the Lenin Library manuscript division in a series of installments in the 1970's, after her death.)

Her fellow anthroposophists must have helped her when they

could, as did some of Belyj's friends. After a serious illness which left her totally paralyzed and bed-ridden for the last seventeen years of her life, she was looked after "selflessly" by one such friend, Elena Vasil'evna Nevejnova, a teacher who "literally saved her," as one who knew her in those years told me. She continued to follow with interest work about her husband, and patiently responded to questions and requests from scholars, both Soviet and Western. In July, 1970 she died. Her ashes were interred with those of her husband in Moscow's Novodevičij Monastery.

Every scholar owes an inestimable debt to Klavdija Nikolaevna for her painstaking preservation of Belyj's archive. And no one interested in Belyj can ignore this memoir of her years with him. She wrote part of it — the Sixth Chapter, "Mysl'" — as early as 1933, while Belyj was still alive, but turned to the strictly reminiscence aspect only after his death. (She had, however, kept a diary throughout the 1920's and 1930's.) Copies of the memoir in the Lenin Library and the Leningrad Public Library are dated 1934-36, but details in the text itself indicate that she was still adding to it in the 1940's. She also wrote reminiscences of Steiner (as Belyj had too in 1927).

Klavdija Nikolaevna witnessed the varied creative activity of the last ten years of Belyj's life. Certainly there was little falling off in his energies, as he composed the "Moscow" novels, prepared the definitive redaction of his verse, reworked and expanded his memoirs into three large volumes, and wrote his innovative investigations of Puškin and Gogol', to name only the major published products of the period. Belyj is so little studied that critical opinion has yet to pronounce judgment on these works. (Some of Belyj's contemporaries were well aware of their importance: Tomaševskij once remarked to the secretary of his poetics seminar, "You know, Belyj is the greatest of us all.") Probably few will agree with Klavdija Nikolaevna's belief that *Maski* is Belyj's finest novel; few, however, have read it. But everyone can gain a better understanding of the work by reading her striking account of its composition, and profit from her descriptions of how Belyj, a literalist of the imagination,

filled his work with the giant forms of ordinary things closely observed from nature. That alone makes this book of reminiscences worth the attention of anyone who is curious about the creative process, and indispensable to serious students of Belyj's late novels. Equally valuable are the glimpses we receive of unpublished works, such as "Istorija stanovlenija samosoznanija," which she quotes and outlines.

The published works have, of course, long been available to us. But aside from mere bibliographical data, we have known very little of the final years of Belyj's life. Klavdija Nikolaevna's exceptional knowledge of them and the inner veracity which suffuses her reminiscences (not, to be sure, without partiality) make them a primary biographical source. In many ways the picture of Belyj that emerges conforms to what we know from other descriptions: eccentric (by his own account a *čudak*), awkward, clumsy, often helpless before the demands of daily life in the world of "things," yet a genius who underwent a "transformation" and achieved mastery when immersed in his otherworldly realm of creation and art. Many, like Nadežda Mandel'stam, have testified to the magnetic power of his strange, protracted speech and "literally luminous" being which "charged everybody who came near him with a sort of intellectual electricity."³³ But it is Klavdija Nikolaevna who finds the telling incident and the details which make the portrait come alive as no other. She creates the immediacy which saves the portrait from the dangers of caricature or cliché that mar some other accounts, and restores the human being.³⁴ We see and hear Belyj as never before.

But what of their author herself? To borrow words from Xodasevič's 1933 review of the memoirs of N.N. Čebyšev, Klavdija Nikolaevna "belongs to the number of those intelligent memoirists who, themselves remaining in the shadows, manage to put the events they describe in first place."³⁵ In this case, of course, the "events" are Belyj himself. Klavdija Nikolaevna is no egoist of affirmation, urgently insisting on her central place in the great man's life. Here is no "My Life With...", but simply "Reminiscences of Belyj." She was so much a part of his world,

and so totally shared his beliefs, that her own imagery, vocabulary, at times even style (such as the abundance of dashes) are his; she seems to be his reflection. Yet one cannot leave a record of another without leaving a record of oneself. She is in no way similar to two other Russian widows of men of comparable genius and "difficulty," Anna Dostoevskij and Nadežda Mandel'stam, either in the quality of her achievement or in the nature of her work (neither a diary nor a chronicle and analysis of a whole epoch). But like them, both by character and intelligence, she survived marriage and devotion to a great writer without a loss of common sense.

Nadežda Mandel'stam has testified to the "cleverness" of the "small and once beautiful" woman she saw at Koktebel' in the summer of 1933. At the same time, she mistakes, I believe, Klavdija Nikolaevna's fiercely protective concern for her husband and her personal wariness (she had, one should remember, spent several weeks at the Lubjanka) for a disdain for non-anthroposophists. Certainly no such qualities make themselves felt here. Nor do we see much evidence of the strong will and temperament which must have existed to sustain her through various family problems, through her life with a man of mercurial moods, who was obsessed with work which required a careful, unvarying routine, through the ordeal of arrest and interrogation, and through the years of privation and illness after Belyj's death. Such rocklike qualities helped make Belyj's years with her the most stable in his entire life. Their relationship probably lacked the intensity of Belyj's earlier affairs; but there was none of the self-laceration and tormenting insecurity which characterized his often hysterical relationships with Nina Petrovskaja, Ljubov' Blok, and Asja Turgeneva. All these other women to some degree had been as unstable as Belyj himself at his worst moments. All, too, had pretenses to "artistic temperaments": Petrovskaja was herself a writer, Ljubov' Dmitrievna fancied herself an actress, and Asja was an artist whose designs can still be seen in the stained glass windows of the Goetheanum in Dornach. In every case the combination with Belyj proved highly volatile.

Every memoir emphasizes Klavdija Nikolaevna's quiet, even placid exterior. When she came to Berlin in 1923 Belyj was like a wounded animal, snarling and lashing out in all directions, often most venomously at precisely those people, even Klavdija Nikolaevna, who most wanted to help. Her quiet stability and strength, her undemanding devotion, constant companionship, and shared anthroposophical faith nursed him back to life. Then, and in the years to come, she provided the calm around which the storm of Belyj's creative life swirled.

The reminiscence is, in part, a record and, in part, an act of piety, not a "critical portrait." Klavdija Nikolaevna is almost never judgmental; she remembers without bitterness. A strong love of life and a sense of affirmation come through, much as in one of Belyj's final letters (to his sister-in-law).³⁶ The most attractive sides of Belyj's personality are shown to advantage (and there were many: witness his ability to inspire not only admiration for his talents but devotion). This "uncritical" quality will irritate some readers, no doubt, as will her own "self-effacement." She was no professional writer, as the less than compelling overuse of citations sometimes demonstrates, but she recounts their life together in a sensitive, often vivid, and above all modest fashion. Unlike the wives or mistresses of some "great men" (Tolstoj's wife comes instantly to mind), Klavdija Nikolaevna is not looking after herself and her place in history. She presses no claims for moral and aesthetic originality. Nor does she ever pose as Belyj's intellectual equal, although she clearly stands out as an educated woman of wide reading and culture. Rather, she emphasizes that Belyj was really always alone, having no one with whom he could fully communicate, and that this fact brought him torment. She does not try to pretend that she could provide such communication. Instead, she provided something else: kindness, tenderness, warmth, and love, words which Belyj uses over and over in his descriptions of her.

In a review of *Načalo veka* Ходасевич wrote:

Поехав в Россию, Белый там, наконец, обрел тот семейственный лад и уют, которого ему так недоставало всю жизнь и

которого каждый человек, особенно в немолодые годы, вправе хотеть. Вероятно, и в качестве антропософа нашел он себе подходящее, очень тесное, окружение. Но в литературном смысле оказался он одинок в высшей степени.³⁷

Klavdija Nikolaevna could do nothing but try to ease the effects of this literary isolation. Her presence made possible the work of the final years, as Belyj acknowledged when he dedicated his final verse collection (*Zovy vremena*) "with love and gratitude" to her "without whom it would never have been realized."

John E. Malmstad
New York City

NOTES

1. Letter to Ivanov-Razumnik of October 23, 1927, quoted in Roger Keys' fine introduction to his publication of Belyj's letters to Petrovskij and E.N. Kezel'man in *Novyj žurnal* No. 122 (1976), p. 152.

2. In a letter to Asja Turgeneva of November 11, 1921 Belyj wrote "O-vo tam v sostojanii raspada; Vasil'eva i Leman ničego ne sumeli sdelat'." The letter was never sent. Parts of it were first published by Xodasevič in 1934, in *Sovremennye zapiski* LV. It appeared in full in *Vozdušnye puti v*.

3. *Russian Literature Triquarterly* No. 13 (fall, 1975), p. 569.

4. "Počemu ja stal simvolistom," section 13 (unpublished).

5. *Ibid.*

6. In his November, 1921 letter to Asja (*op. cit.*), Belyj calls this letter her "Christmas present of 1919." His diary, however, clearly places the letter at the end of December, 1918. The confusion seems to be only one of the calendar, for in the same letter to Asja he writes of the "rokovoj janvar' 1919" when her "Grüss Gott k prazdniku" arrived. Orthodox Christmas falls, of course, in January, not December. Therefore, the letter was received either late in December, 1918 or early January, 1919.

7. October 23, 1927 letter to Ivanov-Razumnik, *op. cit.*

8. *Op. cit.*, p. 304.

9. "Počemu ja stal simvolistom," section 14.

10. *Op. cit.*, p. 306.

11. *Ibid.*, p. 307.

12. *Ibid.*

13. "Počemu ja stal simvolistom," section 15.

14. *Ibid.*

15. *Ibid.*, section 16.

16. October 23, 1927 letter to Ivanov-Razumnik, *op. cit.*

17. Published in *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1-2, Volume xv, Janvier-Juin, 1974, p. 80.

18. October 23, 1927 letter, *op. cit.*

19. Cvetaeva included Belyj's plea for help in her memoir "Plennyj dux," but mistakenly writes that it was sent from Berlin in November. Belyj had already arrived in Moscow on October 26.

20. "Počemu ja stal simbolistom," section 15.

21. See M.A. Il'in's *Podmoskov'e* (1966) for more on Kučino. Kučino is one of the stops on the "Moskva-Petuški" railroad line and thus figures in Erofeev's work of that title.

22. T. Tabidze. *Stat'i, očerki, perepiska* (Tbilisi, 1964), p. 241.

23. Letter to Ivanov-Razumnik of June 7, 1927 from Cixis-Dziri, cited in "Andrej Belyj v Gruzii," *Družba narodov*, No. 2, 1966, p. 232.

24. *Novyj žurnal*, *op. cit.*, pp. 163-164.

25. Nadežda Mandel'stam describes it in her *Vospominanija* (1970), in the chapters "Dva golosa" and "Utrennie razmyšlenija."

26. See Gleb Struve's publication "K biografii Andreja Belogo: Tri dokumenta" in *Novyj žurnal*, No. 124 (1976), pp. 154-161.

27. *Novyj žurnal*, No. 122 (1976), pp. 157-158 (my italics). Some friends of Klavdija Nikolaevna conjectured to me that Vasil'ev now agreed to a divorce partly because when Belyj was trying to obtain Klavdija Nikolaevna's release, he kept being told not to interfere in a matter which could not concern him, since there was no legal connection with Klavdija Nikolaevna. In his letter to Stalin, Belyj did make a great point of the fact that Klavdija Nikolaevna was his wife.

28. See excerpt from a letter of Klavdija Nikolaevna to Petrovskij of December 14, 1931, cited by Keys in *Novyj žurnal*, No. 122, p. 164.

29. *Ibid.*

30. Roger Keys, "The Bely – Ivanov-Razumnik Correspondence" in *Andrey Bely: A Critical Review* (1978), p. 198.

31. *Novyj žurnal*, No. 124, p. 161.

32. *Ibid.*, p. 162.

33. Nadežda Mandel'stam, *op. cit.*, pp. 162-163.

34. One hopes, too, that the account will lay to rest superficial and mean-spirited "memoirs" like those of Roman Gul', who did not know Belyj well. He must resort to repeating what others saw and said (even to quoting long sections of Cvetaeva's excellent memoir), but does not desist from making unfounded conjectures, such as suggesting that Belyj played at being an eccentric, needed no other people, etc. (*Novyj žurnal*, No. 132, p. 56).

35. *Vozroždenie*, 1933/ No. 2823 (February 23).

36. See letter of August 15, 1933 in *Novyj žurnal*, No. 124, pp. 168-169.

37. *Vozroždenie*, 1934/ No. 3312 and 3319 (June 28 and July 5).

К. Н. БУГАЕВА

ВОСПОМИНАНИЯ

Durch alle Töne tönst
Im bunten Erdentraum,
Ein leiser Ton gezogen,
Für den, der heimlich lauscht.
Schlegel

ВСТУПЛЕНИЕ

(Посвящение)

Воспоминания встают... окружают. Светлый, скользящий рой. Одна за другой проплывают картины того, что было когда-то. В центре каждой — лицо, как сияющий луч.

Я всматриваюсь. Хочу взглядом остановить непрерывную смену видений. Хочу словом поймать милый облик.

Но вдруг все становится музыкой, стройным движением звуков. И во взволнованной памяти, оформляя и строя ее, проходит хор строгих созвучий. Растет, надвигается, и плывет невыразимой симфонией.

Я слушаю... Слышу, — о, как ясно я слышу: волну ее ритмов, сложность инструментовки, глубину гармонических взрезов, творческий взрыв диссонансов. Слышу: бездонности пауз, глухую угрозу в басах, молитву в высоких октавах, светлую трезвость C-dur, бархатный траур d-moll... Все тональности, все интервалы: поступь твердая кварты, вздрог септимы, легкая квинта, интимная терция, золотисто-воздушная секста, голубая, как небо, октава.

О, какой звонкий мир:... Kallokagatheia¹ — «Симфония»...

И раскрываются в памяти: милые годы, когда все это было, когда около, рядом, бился пульс нескудеющей жизни. Билось сердце, горевшее светом любви, огнем, волей пронизанной мысли. И пели, пели живые мелодии, не переста-

вая, — с самых тех пор, когда: «Из родников проговорившей ночи»² зазвучала впервые мне эта симфония, — когда в жизнь мою, как светлая буря, как тихая ласка зари на снегах, вошел Б.Н.

Собирайся же, память! И неси, — неси в слово то, что слышит душа. Лишь отражением — бледным — будет то, что сумею сказать.

Но говорит во мне только любовь, благодарность и счастье, что все это было — и есть. И будет — всегда.

1. «КОНТРАПУНКТ»

Борис Николаевич любил выражать свою мысль в формах и терминах музыки.¹ Мир звучал для него, *говорил* ему, звал. Цикл своих первых стихов назвал он «Призывы», и дал почти то же заглавие своему последнему сборнику — «Зовы времен».²

Кроме постоянных и почти обиходных в устах его выражений: пауза, ритм, фермата, стаккато, кресчендо и т.д., чаще и нужнее других были ему: контрапункт, тема в вариациях, фуга.

Контрапункт — одновременное звучание пересеченных мелодий. Слух различает отдельно движение каждой, и — соотносит их вместе, сливает в одно. Темы то сходятся на одной общей ноте, сообщая ей глубину многомерности, только внутренне сложенной из скрещения разных путей; то далеко разбегаются эти темы в разные стороны, расширяясь в охвате звукового пространства и почти разрывая единство потока. И вдруг, в резком внезапном порыве, снова бросаются к встрече в смелом изломе пути, и на мгновение стынут в аккорде, чтобы тут же опять разбежаться в легкой стремительной фуге.

Да, каждая тема слышна. Слышна, но не выделима из целого, где контрапункт непрерывно ведет свою главную

тему.

Так встает передо мной облик Б.Н., — как *главная* тема его неисчислимых мелодий; или, — по его любимому выражению, — как его А-большое среди постоянных, вариационных переложений и сочетаний его малых abcd, cdba, bcda и т.д., — его мыслей, исканий, стремлений. Встает глубоко скрытый его лейтмотив — песнь его жизни: «Excelsior... amans amare!» Excelsior! — выше, все выше вперед, во имя Любви, — через любовь к Любви.

И для этого все: жизнь, познание, творчество — под-нять в самосознание мысли, поступков и чувств. Все, как путь к одному, в чем конкретно раскрыто Excelsior: к полноте человека: к *Челу века*, к *звезде* будущего, к звезде любви и свободы.

Чело века — как цель, как венец устремлений, — Б.Н. уже *видит* и знает его. Видит и знает. — Но он видит и знает также остро другое: «Как труден горный путь, и как еще далеко, далеко все, что грезилося мне» (В. Соловьев).³

Устремление воли остается все то же. Но тело — слабеет. Организм не выдерживает.

Я хочу здесь дать ряд картинок из жизни Б.Н. Пусть из контраста их встанет его полный облик. Ведь только так можно найти к нему путь.

И вот вижу Б.Н. в кругу дневных мелких забот; вижу его в момент творчества. И вот он — в минуты *большие*, в *ответственных* случаях жизни. Это — совсем разные, на первый взгляд, облики. Но странным образом они тесно связаны между собой, переплетены: они почти обуславливают друг друга. Точно живой закон сохранения энергии.

Для первого — все было трудно. Из всего вырастала *проблема*. Как заполнить анкету, как написать доверенность, что делать с отсыревшими папиросами, как развязать затянувшийся на ботинке шнурок, как продеть запонку. Во всех этих мелочах у него не было ни навыка, ни сноровки, ни даже самой простой житей-

ской догадливости. Он сознавал это и очень ценил в других эти качества, смотрел с *уважением*:

— «Вот, ведь, как просто... а мне невдомек».

Из-за этого «невдомек» происходил целый ряд царапающих осложнений, о которых я расскажу в другом месте.

Но бывали порой и веселые инциденты. Вот один из них, рассказанный мне Галиной Сергеевной К-ой. В Коктебеле, в доме Макса Волошина все приезжавшие гостить должны были сами себя обслуживать.⁴ Никаких уборщиц не полагалось. Сами носили себе воду из бочки, стоявшей внизу около кухни, под нашей террасой, сами убирали комнаты, выносили сорные ведра, мыли посуду.

Первое время Б.Н. взялся ходить за водой. Но он делал это так долго, задерживаясь по дороге со всеми, кто хотел его приветствовать или с ним поговорить, что пришлось снять с него эту заботу. Зато обязанность подметальщика лежала всецело на нем. Нужно сказать, что он любил это дело — убирать пыль и сор. И когда нам случалось иной раз жить летом без прислуги, то стирание пыли и особенно подметание комнат Б.Н. брал на себя. Последнее делал очень охотно и, как все, необыкновенно тщательно и систематически. Его занимало, как постепенно из ничего набиралась «очень почтенная» кучка, прежде не видная. Призывал посмотреть, — вместе поудивляться. И стоя с веником или щеткой в руке, начинал развивать полушутливые, полусерьезные мысли — о «прометейях» и «пропылеях», о «прометеевой» пыли, которою непрестанно осыпается жизнь; о том, что из неучтенных, нестертых пылинок образуются очаги всевозможных зараз и болезней⁵ — душевных, физических, социальных, что в этих «незаметных пылинках» лежат корни крупных научных ошибок и всяческих заблуждений и зол. Называл это «философией Кифы Мокиевича». Поговорив и поудивлявшись, он самым тщательным образом собирал кучку сора на специально для этого предназначенный лист белой бумаги (только не

газетной: «на газете не так отчетливо видно») — еще раз удивлялся и заботливо относил выбросить в определенное место. Чтобы сор лучше попал на бумагу, он изучал предварительно пол, все неровности, скважины, сучки. Сор заметал на высокое место, бумагу подкладывал ниже и, став на концы ее обеими ногами, добивался того, чтобы собрать все до последней соринки.

Он действительно не мог делать ничего механически, без интереса. Или не брался совсем, или углублял и осмысливал, переплетая дело с игрой, игру с делом.* Даже в самой серьезной работе у него присутствовал элемент этой своеобразной *игры*. О ней лучше всего можно сказать в словах Гераклита, которые сам же Б.Н. выбрал заглавием для одного из отрывков в романе «Маски»: — «Вечность — младенец играющий».⁶

В Коктебеле подметать пол было не просто. Мешали постоянные сильные ветры. Сор летел из-под веника, бумага срывалась с места. Устав от бесплодной борьбы, Б.Н. раздражался сердитыми восклицаниями. Со стороны могло показаться, что он с кем-то ссорится, даже бранится.

Однажды, когда меня не было дома, Галя К-ая, жившая на одной с нами террасе, услышала отчаянный яростный крик Б.Н., отчетливо доносившийся из его комнаты. Она знала, что меня нет, и поспешила на помощь. Подойдя, она увидела Б.Н. в бурном негодовании и смятении. Он бросался по комнате в разные стороны, ожесточенно потрясал и взмахивал веником в погоне за разлетающимися из-под ног бумажками, окурками и другим сором.

— «Нет, невозможно! Отказываюсь! Не могу подмести... Ветер как назло... Ай... Вот, вот... опять! Так я и знал...» — вскрикивал он, с упорством царапая по полу, и с такой силой бил веником, что слышался только треск ломавшихся прутьев.

— «Б.Н., да вы дверь затворите! У вас же сквозит: окно

*То же было с бритьем, например. Там были свои наблюдения, переживания, — своя *философия* и *система*.

открыто и дверь», — и Галя быстро захлопнула дверь. Б.Н. остановился, затих и с минуту глядел пораженный. Потом просияв, высоко вскинул руки: — «Галина Сергеевна, — это же ге-ни-ально!» И бросился до-подметать, выражая громкое восхищение той «гениальной простотой», с которой Г.С. разрешила это «трудное положение».

Другой случай относится к гораздо более ранним годам — 1905-6 гг. В это время Б.Н. гостил в Дедове у С.М. Соловьева.⁷ Однажды приехал их навестить М.И. С-ов с сестрой.⁸ Пишу с ее слов. — Продолжая нескончаемый разговор об искусстве, филологии и философии, они всей компанией двинулись в соседнее село Надовражино: посмотреть хоровод, интересовавший их, как своеобразное продолжение греческих плясок. Только что прошел дождь. Б.Н. отставал, то и дело теряя с ноги непомерно большую калошу, и издали подавая свои реплики.

С.М., наконец, оглянулся: — «Боря, что же ты отстаешь?» — и приглядевшись, добавил: — «Э, да у тебя там калоша спадает». — «Да, Сережа, спадает», — кротко согласился Б.Н., продолжая прихрамывать. — «Так ты поправь!» — «Сережа, а как?», — с недоумением остановился Б.Н. — «А вот как! Дай калошу сюда!» — шагнул к нему С.М. Быстро нагнувшись, он сорвал пучок травы и затолкал в калошу. — «Бери, надевай! Теперь хорошо?» — «Спасибо... Совсем хорошо... Как это ты догадался!».

Это неумение справиться с жизненными мелочами особенно выступало во время поездок и вообще при всякой перемене места. Б.Н. страстно любил путешествовать. Но он физически заболел от одного приближения к билетной кассе. И просто не умел постоять за себя, или — как он говорил — *напереть, отодвинуть плечом* кого-то другого. Он отступал, если нужно было ловить единственную каюту, единственного носильщика, единственный номер в гостинице. А когда пересиливал себя и пытался что-то устроить, то все равно ничего не выходило. Ему не везло. Этого он не выдумывал. Там, где другим уда-

валось легко, перед ним воздвигались тысячи трудностей в виде более или менее крупных или мелких случайностей, которых не перечислить. Отменялся нужный поезд, экскурсия захватывала целый автобус, на который у нас давно уже были взяты билеты и которого мы ждали в течение многих часов, оказывалась запертой всегда в это время открытая касса или контора. Даже погода присоединялась к этому граду сюрпризов. Ливень размывал дорогу, неожиданная гроза застигала нас как раз на пересадке, такой же неожиданный холод встречал в самое непоказанное время и в самом непоказанном месте. Однажды профессор-гидролог М.А. В-ов⁹ рассказал Б.Н. о своеобразном, сделанном им наблюдении, которое он полушутя называл «законом щельности»: иголка падает со стола и... попадает в щель. В поездках Б.Н. часто чувствовал себя такой «защемленной иголкой» и предпочитал отказаться от самых интересных планов, чем «очертя голову, ввергать себя в водоворот энных возможностей».

Его ужасала одна мысль о тех «гигантских» и совершенно бесплодных усилиях, которые неизбежно связывались для него с каждой новой попыткой тронуться с места.

Зимой, в Кучине¹⁰ — обычно это начиналось уже в январе-феврале — он изучал Путеводитель (Анисимова)¹¹ и карту Кавказа и оживленно мечтал, что непременно поедет и туда, и туда: — «Нельзя же не увидеть такого прекрасного места». — А когда приезжали в первый намеченный пункт и хоть немного сносно устраивались, он уже никуда не хотел больше двигаться. Сначала он отшучивался: — «От добра добра не ищут». А потом говорил раздраженно и грустно: — «Нужно все рвать из горла. А я так не могу. С нашими слабыми силами лучше и не соваться: все равно затолкают».

Так просидели мы в 1930 году четыре месяца в неинтереснейшем, раскаленном жарой Судакe.¹² А в наших зимних планах была намечена и Ялта, и южный берег Крыма, и Новый Афон, и даже Кахетия, — о чем шла

переписка с тифлисскими друзьями.¹³ Вместо всего Б.Н. засел за «Начало века» и отговаривался, что не может теперь бросить начатой работы. — Так же сидели в 29-том году в Эривани, отказавшись от намеченной Джульфы, Нахичевани, Карабаха, Севана.¹⁴ Пограничные разрешения, билеты, гостиницы, сомнительная погода — опять воздвигались как неразрешимый вопрос. От всего отмахнувшись, Б.Н. увлекся архитектурой Армении, целые дни читал, делал выписки, ходил в музеи, в библиотеку. Выставил этот «кордон», как защиту, чтобы не приставали и не уговаривали.

И насколько другим он бывал за работой, за книгой. Тогда он был у себя, в своей нормальной стихии. И часто бывал счастлив. С непередаваемым выражением выходил он иногда в мою комнату, чтобы прочесть то, что за минуту перед тем написалось. Я не могу назвать это радостью. Это было бы внешне и грубо для тех тонких оттенков, которые пробегали тогда на этом лице. И как передать их живую игру? Как отразить едва уловимые отсветы необычайных процессов рождения слова, которые только что, только что кончились — там, за столом. На побледневшем лице еще проходили их легкие тени. Взгляд расширенных глаз еще не видел предметов. Какой-то непередаваемый величавый покой овеивал лоб, словно венец строгой собранной мысли. А улыбка уже озаряла приветом. И взволнованной теплотой звучали, чуть прерываясь, слово: — «Вот, послушай! Прочту...»

Что-то не наше, не здешнее было в этом лице, во всей его позе. Припоминалось невольно: — «Но лишь божественный глагол»...¹⁵ И казалось, что не должна, не смеешь на это смотреть, что нужно склониться, и так принять его дар.

Нет, не радость была в нем тогда, а может быть... счастье, — торжественное, отрешенное, высокое, чистое, — счастье прикосновения к «своей отчизне давней» (Баратынский).¹⁶

Таким же бывал он на лекциях. Точно опытный мастер прикоснулся верной рукой к душам слушателей. И чем многочисленней была аудитория, тем больше росла его сила, тем крепче звучал его как-то особенно углубившийся и выросший голос.

Но вот опять: стоило только выйти за дверь, очутиться в давке перед трамваем, как весь он сжимался. Сам отходил и меня увлекал быстро в сторону. Глядел с выражением ужаса и страдания, переходившего в гнев, на картину «кулачного боя». Иногда этот гнев раздражался. Б.Н. начинал возмущенно кричать, обращаясь к «человеческим чувствам». Этих взрывов я боялась больше всего: просьба его, конечно, была безуспешна, а сам он после этого на несколько дней был разбит. Лежал в тяжелой мигрени и слабым надорванным голосом восклицал: — «Жить не умею! Чем же я виноват, что так устроен, что не могу вырывать себе блага; и не умею вне правил проскальзывать. Мне жить нельзя».

В этом, растущем с годами, смятении перед трудностями жизни, сказывалась уже его роковая болезнь. Как мне передавали, проф. Абрикосов, делавший вскрытие, нашел, что недомогание началось лет уже десять назад.¹⁷ А мне кажется, что гораздо раньше. Сколько я помню, он всегда говорил, что чувствует себя *насквозь больным*, что организм его вконец подорван и что он все делает через силу.

Как это ни странно, но источником многих трудностей и бытовых осложнений являлась еще необыкновенная, почти изысканная деликатность и мягкость Б.Н., которую он часто обращал совсем не по адресу. Я говорю об этом подробнее в другом месте. — Он не только не умел постоять за себя в нужных случаях, он даже не мог достаточно решительно заявить о самых простых своих нуждах, о том, на что он имел самое элементарное право.

Точно вся энергия его огненной воли шла без остатка в другом направлении. И там — вне быта — вставал его подлинный облик. Там Б.Н. был тверд и решителен, не знал никаких колебаний. Действовал быстро, точно, вер-

но. Часто с какою-то холодной трезвостью, часто — строго, с повелительной силой. Был скуп на слова и на жесты. Никогда не забуду его интонации, когда он властно, отрывисто бросил: — «Дайте палку!» — человеку, ударившему неудачно медведя, в лапах которого была крепко зажата нога Б.Н. — случай, происшедший в Пассанауре, о котором расскажу подробнее дальше.¹⁸

Таким бывал он всегда в минуту опасности, или в минуту, требовавшую серьезных решений, быть может, менявших все направление судьбы, — например в Гарцбурге в 23 году.¹⁹

Но прежде всего таким был Б.Н. в творчестве. Бесстрашно и неуклонно шел он своим одиноким путем. И упорно работал — один, не находя почти отзвука. Но тут ничто не могло его остановить. Тут выступало в нем то, что он считал главным в работе художника.

«Воля — первое в творчестве», — утверждал он настойчиво. — «Если спросят меня, что всего нужнее художнику, я отвечу: воля, воля, воля. Воля и упорный кропотливейший труд. Только так создается подлинное произведение искусства. Оно оплачено дорого. Горы усилий нужны. Талант, вдохновение — вздор. Без работы на них далеко не уедешь. Талант не поможет, коли нет воли к труду, к физической черной работе. Разве не труд — ночами не спать: и — часами, неделями, месяцами водить рукой по бумаге. Гений тот, кто умеет в искусстве трудиться. Иначе покажет „нутро“, от которого будет тошнить...»

Полушутя, полусерьезно Б.Н. находил справедливым, что писатели зачислены в союз рабочих полиграфического производства. Показывал свой средний палец, на котором за годы держания ручки натерлась большая твердая шишка, изменявшая форму руки. Но он ею гордился: — «Это моя рабочая мозоль. Справедливо, что меня отнесли к рабочим полиграфического производства. Я и есмь этот рабочий».

Без громкого возмущения он не мог слышать или читать, когда не-художник, с сознанием своего спокойного превосходства начинает разглядывать человеческие недостатки

и промахи художников: их неуравновешенность, беспорядочность в жизни, их чудачества, даже пороки. « — Воля художника, — говорил он, — несет слишком большую нагрузку. Вся она брошена в дело: в работу. Поэтому в жизни сам он часто выглядит безвольным, неприбранным. Ему некогда прибираться. Он не может ни на минуту отойти от своих *разведенных котлов*, как кочегар на паровозе. Он — при котлах состоит. Он — своеобразный урод. И он трижды урод в периоды максимальной заряженности творчеством. Хорошо это или дурно — вопрос другой. Но — это факт, с которым нельзя не считаться. Творчество — это такая стихия, о мощных ураганах которой в иные минуты не может судить тот, кто им не был подвержен. В таком состоянии всякий художник (музыкант, живописец, поэт, скульптор, актер — все равно) может наделать тысячу глупостей, тысячу непоправимых ошибок в своей человеческой жизни. И все-таки он — без вины виноватый. От этого нелегко ни ему, ни другим. И нельзя говорить, что ему все дозволено: положение художника *обязывает*, а не *развязывает*. Но при всей доброй воле он не властен тогда над собой. И составляя суждения, которые внешне не лишены оснований, нужно все-таки брать на учет особенности устройства той сложной машинки, которую так абстрактно и с легким сердцем называют — художник, не задумываясь о том, каково ей жить и творить. Тайна творчества есть все же — тайна. И она далеко не разгадана. Самая необходимость художнику продавать плоды своей кровной работы вносит в душу его разбивающий диссонанс: рынок и мир красоты. Если это изменится, если отпадет от него забота о хлебе насущном, заставляющая его нести на продажу свой совершенно особенный труд, тогда, может быть, он сумеет быть более гармоничным и в жизни. Теперь всю гармонию свою отдает он искусству — своему мастерству. И ходит по жизни в лучшем случае как чужак, на других непохожий. Чудил Пушкин, чудили Ибсен и Гоголь. Был чудище Толстой. Достоевский, Некрасов, Гете — по-другому расплачивались. Гармонии

и нормы у них не ищите. Нужно прямо сказать, что все они с жизнью не справились. Поверьте, что то — не случайность. И рубить здесь с плеча осуждение, втайне радуясь, что „меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он“, ²⁰ — просто грешно и преступно». В архиве Брюсова сохранилась анкета 1919 года о Некрасове, заполненная рукой Б.Н.²¹ Он подробно и в положительном смысле отвечает на девять вопросов. А в ответ на десятый — как относитесь вы к распространенному мнению, что Некрасов был безнравственный человек? — Б.Н. резко и решительно написал: « — Не задумывался». Сухая, отстраняющая краткость этого ответа красноречивее многих слов. В нем слышна та негодующая интонация, которую я много раз слышала из уст Б.Н. при подобных вопросах о Пушкине, Гете, Толстом и других. « — Нельзя с кондачка подходить к трагедии большой жизни», — говорил он с горячим волнением.

Он хорошо знал и в себе *негармоничного человека*. И нес его, как свой больной горб, как своего рода душевную мозоль, которая в результате работы натерлась на душе, как и на пальце. Бороться с этим по мелочам он считал бесполезным. А изменить в основном — невозможным, — при данных условиях. Но с тем большим жаром мечтал о возможности синтеза в будущем, когда снимется роковое противоречие в сознании художника, стоящего как бы на грани двух несоединимых миров.

Он часто цитировал строчки Пушкина, в которых поэт, по словам Б.Н. с *фотографической* точностью отразил ни с чем не сравнимый и глубочайший трагизм этого совершенно особого самосознания:

«Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон... Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется, душа поэта встрепенется... Бежит он, дикий и суровый, и звуков, и смятенья полн, — на берега пустынных волн...» (курсивом передаю интонацию Б.Н.).²²

Особенно поражала Б.Н. совершенная точность слов: «Бежит он дикий и суровый...» *Бежит* — потому что в

такие минуты нельзя *не* бежать: соединить звуки услышанных глаголов со звуками жизни поэт нашего времени еще не умеет, не может; и из тех, кто *не бежит*, кто никогда не бежал, едва ли многие могут представить себе конкретно, о чем именно говорит Пушкин, *что* понимает он под состоянием дикой суровости, неумолимо влекущей бежать прочь от людей. А между тем, это так и есть. Иначе и лучше не скажешь. Не пережив, трудно представить себе стихийную мощь того *смятения*, которым охвачена тогда душа поэта.

О необходимости творческого уединения совершенно отчетливо говорит также Гете: *Ich fühlte recht gut, dass sich etwas Bedeutsames nur produzieren lasse, wenn man sich isoliere. Meine Sachen, die so viel Beifall gefunden hatten, waren Kinder der Einsamkeit. (Wahrheit und Dichtung, 3 Jh., 15 Buch, S. 191. Berlin, 1870.)*²³

Б.Н. писал в своих ранних статьях: «Искусство есть искусство жить».²⁴ Или: «Художник есть прежде всего человек».²⁵ Это понимание искусства он считал основным. И чем дальше с годами, тем настойчивей и строже ставил знак равенства между искусством и жизнью.

« — Но отчего же, — спрашивал он иногда в глубокой задумчивости, — отчего же те, кто *умеют* жить, — так *неумелы* в искусстве? А те, кто оставили после себя сокровища красоты, — в жизни были совсем не прекрасны. Здесь есть над чем пораздумать. А не бить с кондачка. Пока что — это трагедия, а совсем не предмет обвинения, осмеяния или таких кондачковых анкет». — Он вспоминал Брюсова, Сологуба, делал несколько отрывочных замечаний. И замолкал в той же строгой задумчивости.

Перехожу теперь к новой теме в облике Б.Н. Несколько раз в своей жизни Б.Н. подвергался очень серьезной, а может быть и смертельной опасности. И избавлялся от нее благодаря необыкновенной решительности и находчивости в такие минуты. К способности не растеряться, сохранить присутствие духа, присоединялась еще удивитель-

тельная пластичность и гибкость (*ритмичность* — как он называл) всего его тела. Он говорил, что тогда его тело действовало как бы само, не управляемое сознанием, а точно знало, что ему нужно сделать.

Как инстинкт самосохранения, это явление в общем известно. Но в Б.Н. этот процесс протекал необычно. Он *сознавал* и *подглядывал* в себе свои инстинктивные действия. Он очень охотно и много говорил об этих *подглядах*. Казалось, что он постоянно контролировал, разбирал и учитывал все свои *непроизвольные* движения, жесты, слова.

« — Нет, почему я так сделал?» (или «сказал» или даже «подумал») — то и дело слышалось его оживленное восклицание. И после этого начинался немедленный разбор предполагаемых «почему». Он как будто не мог оставить в себе ничего бессознательного, необъясненного. И хотел во все сам вмешаться. Но это не был рассудочный анализ или психологическое самонаблюдение. Вопрос Б.Н. ставился гораздо глубже. Его интересовало взаимоотношение области сознания и бессознания в человеке, роль бессознательного в наших поступках. Что значат всем известные и почти ходячие выражения: «рука не поднялась», «ноги сами понесли», «сорвалось с языка», «дернуло же меня» и др.? Каждый их знает и ими пользуется. Но откуда они взялись и что они значат, — над этим редко кто думает, кроме немногих специалистов-филологов.*

Б.Н. думал над этим. И видел в таких бессознательных выражениях еще одно подтверждение близкой ему мысли о том, что сфера морали только отчасти покрыта в нас сферой сознания, и что моральные корни поступков, — *голос совести* в частности, — погружены в глубокое дно бессознания. Это *дно* живет своей, нам донныне неведомой жизнью, в которой и кроются побуждения к так назы-

* Например, А.М. Пешковский относит их к «неразрешенному вопросу о происхождении языка», причем он отвергает гипотезу анимизма, как еще не проверенную. (См. *Русский синтаксис*, Гиз, 1934, стр. 62-67, и особенно 72 — о «живительном» оттенке в глаголах.)²⁷

ваемым *непроизвольным* поступкам, — то есть, в сущности, к тем или иным движениям или действиям тела. Самое слово — *поступок* — Б.Н. производил от — *поступь*. А поступать, — т.е. действовать, производил от — ступать. Словосочетание — «поступь поступков» — приобрело для него глубокий внутренний смысл, и в последние годы стало обычным, когда он хотел указать на природу морального. Не случайно он дал название одной из главок в «Масках»: «Поступь поступочная».²⁶ В этой главке профессор Коробкин пытается высказать свое понимание сущности человека как отношения числа звуковых колебаний (т.е. ритма) — к рукам и ногам, — т.е. к поступкам.

Наряду с правилами сознательной этики наш нравственный облик с одинаковой, если не с большей, силой обусловлен жизнью особого инстинктивного ритма, память о котором сохранилась в указанных выражениях языка. Этот ритм, минуя сознание, действует непосредственно в теле: вызывает в нем произвольные или инстинктивные сокращения мышц, и тем самым влечет в разных случаях к разным поступкам, а также мимике, жестам и позам.

Отсюда — все растущий с годами интерес Б.Н. к жесту и телу. Герои его последних романов говорят столько же жестами, сколько словами, даже жестами больше. По словам Б.Н., ось реализма лежит именно в этом *внимании к телу*, к телесному жесту. Этим подлинный реализм отличается от многочисествий и многословий душевной романтики и от рассудочных сентенций сентиментализма. «Уменье подметить вздрог мускула» — мощный реализм Льва Толстого. В реализме *тело* входит в поле зрения художника.

Можно по-разному относиться к жизни этих закрытых от нас, темных, незаренных глубин. Можно бежать от нее как от хаоса, в страхе заклиная ее словами Тютчева: « — О, страшных песен сих не пой»... Но можно сказать вместе с Пушкиным: « — Я понять тебя хочу: темный

твой язык учу».²⁸ — Б.Н. выбрал Пушкина. Он с особым вниманием слушал в себе этот «темный язык», наблюдал и изучал в себе «поступь поступков». Он говорил: «Нет пределов сознания в пределах сознания».

Его интересовало даже не самое проявление инстинкта, а возможность *подглядеть* в себе, так сказать — на ходу, — его действие. *Понять* механику этого действия в каждом отдельном конкретном случае. Понять — почему это действие развивается не всегда одинаково: почему иногда инстинкт просыпается и ведет к сохранению жизни, иногда же напротив — как бы отступает и даже толкает к «несчастному случаю», или к тому, что называют «роковым стечением обстоятельств».²⁹

Для Б.Н. было бы «мистикой» просто поверить и допустить — прежде всего в себе — такие «случайности». Он утверждал, что они изучаемы. Для этого необходимо расширение и углубление естественнонаучного опыта и активность внутренней жизни — самосознание. Никто не знает, к каким представлениям о материи, и конечно же о теле, — о телах — приведут опыты Бора и Резерфорда.

И изучая по-своему «темный язык» телесного жеста, подглядывая сокращения и растяжения мышц, Б.Н. хотел сделать хотя бы первые шаги на пути к тому, чтобы сознательно вмешаться в услышанное Пушкиным «парок бабье лепетанье». Он хотел внести свет понимания и мысли в тютчевский «хаос», так как он знал, что «бессознание озаряемо светом сознания». Оттого-то с никогда неослабевающим интересом он рассматривал все те случаи, где приоткрывалась возможность поймать в себе момент пересечения инстинкта с сознанием. Он хотел подметить, как отразились в сознании произвольные действия тела, единственно верные и нужные в данный момент. Он рассказывал, что в те молниеносно короткие миги он заставлял себя одновременно в двух разных центрах сознания: в более глубоком — спинно-мозговом, — и в нашем обычном головном. Это обычное сознание не утрачивалось и даже не ослабевало, а скорей обострялось в такие минуты. Оно

вело как бы двойную работу: с одной стороны с усиленной зоркостью наблюдало, точно извне, со стороны, все происходящее, а с другой — слушало и выполняло какие-то приказания, шедшие из глубины.

Б.Н. помнил последовательно каждый отдельный момент и помнил то, что побуждение — или приказание — к поступку шло именно не от обычного, а от того, другого сознания, или от *спинки* (спинной мозг), как он называл это шутливо. *Спинка* и диктовала тогда, по его словам, содержание поступка.³⁰

У него была вообще очень выразительная спина. И я часто по ней узнавала его настроение. У нас были даже соответствующие названия: добрая спинка, больная спинка, квадратная (т.е. сердитая, раздраженная) спинка и другие.

Повторяю, что в этих «подглядах» для Б.Н. имело значение, главным образом, то, что он осознал в себе инстинктивный жест, т.е. — пусть на мгновение — проник сознанием в область бессознания. Его интерес и внимание все больше и больше привлекала эта *химия переплетения* сознательных актов воли с бесконтрольной стихией телесных движений.*

Первый из случаев «подгляда» в себе этой «химии», о котором хочу рассказать и который припоминаю со слов Б.Н., относится к его гимназическим годам. Перед сном Б.Н. в постели еще долго читал. Это было в 6 - 7 классе гимназии. Ночного столика у него не было, и большую высокую лампу приходилось ставить рядом с собою на стул, а по окончании чтения каждый раз вставать и относить ее на комодик, который стоял в головах у постели. Как-то раз он поленился проделывать всю процедуру: вставать, надевать туфли и т.д. Понадеявшись на свою ловкость, хотел просто привстать на постели и одной рукой перенести лампу прямо над головой на

* Конечно, эта особенность сознания Б.Н. необычна. Но необычна и та особенность его памяти, которую он называл «мой кодак», и которую я описываю в отрывке «Природа», и еще многое другое.

комод. Но сделал неловкое движение ногой, поскользнулся и, потеряв равновесие, полетел с горящей лампой в руке прямо на спину. Все же не растерялся и быстро стал *сообразать* — что теперь делать. Рассказ был гораздо длиннее того неизмеримо короткого мига. Но Б.Н. рассказывал именно так: очень длинно, со всеми подробностями. И самую «длинность» рассказа рассматривал даже как наглядное доказательство разности ритмов, или времен, в которых живет в нас сознание и бессознание. Он *понял* мгновенно, что падает, и падает мимо постели, на пол, что огонь опрокинется на него менее чем через секунду. Остановить падение — уже невозможно. Но из «спинного» сознания поднималось, что возможно: 1) направить движение так, чтобы упасть на постель, 2) удержать лампу в руках. Миг — и уже он лежал на спине, опрокинувшись на подушки, высоко держа над собой лампу в напряженно застывших руках. Он помнил, как сделал движение, изменившее ось падения тела, и помнил, как инстинктивно напряглись и вытянулись его руки. Потом он осторожно поднялся. Поставил лампу на место. Снова улегся, закутался. Тут только сказался испуг: его стало трясти как в лихорадке, весь он дрожал, даже зубы стучали. Не мог заснуть до утра, но позвать никого не решился.

Другой раз дело было в Швейцарии.³¹ Б.Н. переживал тогда глубокую личную драму. Но он не любил «самотерзов» и чтобы отвлечь себя и успокоиться, уезжал подальше в горы. Забирался на какую-нибудь маленькую станцию в горной глуши, оставлял вещи в отеле, и отправлялся бродить по горам. Эти прогулки восстанавливали его физически и морально. Мало сказать, что он горы любил. Он в горах оживал, как бы попадая в свою основную стихию.³² Он находил здесь тот внешний ландшафт, который глубочайшим образом гармонизировал с его внутренними переживаниями. Ритм гор — это был его ритм. Он как бы слышал здесь свое: «Excelsior», обращенное к нему извне от величавых и строгих, отовсюду его обступивших

гигантов. «Excelsior!» — его любимое слово, которое часто в себе повторял и которое давало ему силу проходить *выше* и *над* разъятыми ущельями жизни. Охваченный торжественно-светлым зовом «Excelsior!», уходя в горы, он надевал неизменно сюртук. Этим праздничным платьем как бы отрезывал себя от того, что «оставил в долине» («Котик Летаев», 10)³³ и сливался с «возвышенным» праздником гор.*

В непередаваемо прекрасных строках запечатлел он в «Котике Летаеве» эти прогулки. Часами бродил среди гранитных «многозубий» и пиков, в «расколах громадин», ни души не встречая. Слушал «полифонию» гор. Он говорил, что стоял в эти дни на границе меж жизнью и смертью, — не в смысле самоубийства, а в смысле глубочайшего кризиса, из которого в катастрофах сознания рождалось самосознание его. «Самосознание, как младенец во мне, широко открыло глаза» (К.Л.,13)... По-новому осмыслились все прежние «мертвые» смыслы. Вставало: «Смысл есть жизнь: *моя жизнь*» (К.Л., 13).³⁵

Однажды Б.Н. долго шел по дороге, которая мягко винтила по склону. Ему вдруг стало скучно в обход делать длинные петли: решил сократить. Головокружения он не боялся, а карабкаться по кручам страстно любил. Измерил на взгляд расстояние вверх до следующего поворота дороги. Оно показалось невелико, и подъем выглядел «пустяковым». Перешагнув через парапет, отделивший дорогу, бодро и весело закарабкался. Все шло хорошо. Он уже довольно высоко поднялся. Но вдруг почувствовал слабость в руках** и одышку. Хотел проверить — много ли еще осталось идти. Взглянул вверх и замер в испуге: вверху конца не было. Зеленовато-серая круча выпукло загибалась, уходя в неизвестность. Инстинктивно он тотчас же заглянул вниз. И почувствовал, что

* Так — в сюртуке — снят он там же в горах каким-то бродячим фотографом. (Снимок этот у меня и у А.С. П[етровско]го сохранился.)³⁴

** Б.Н. всегда жаловался, что при очень сильных неутомимых ногах у него «непомерно» слабые руки.

леденеет от ужаса: там конца тоже не было. Зеленоватосерая круча выпукло загибалась у него под ногами. Казалось, что он повис в воздухе. Повторилось переживание, охватившее его когда-то при восхождении на пирамиду: взвешенность на ребре шара, где каждый следующий шаг представляется бредом.³⁶ — Что делать? — Почувствовал, что одному отсюда не выбраться. Стал кричать, звать на помощь. Прислушался: тихо! Снова кричал: никого! Убедившись, что никого и не будет, вдруг успокоился. Сознание с обостренной четкостью отмечало безвыходность положения и рисовало неизбежную смерть. Но откуда-то из глубины поднималась волна тишины и покоя. В самом деле — что же тут страшного? Что конец наступил? Но разве смерть страшна? Разве она не была столько раз уже прежде желанной? Довольно страданий... Пора отдохнуть... Он готов был разжать онемевшие пальцы, которые плотно цеплялись еще за какие-то корни. — Но тут что-то дрогнуло еще глубже: в сердце. Зазвучала новая сильная нота. Наперебой прежним мыслям о желанном покое хлынули бодрые, светлые мысли. Возвращалось мужество, руки и ноги снова окрепли. Что бы там ни было, — вдруг зазвенел чей-то, как ветер, освежающий голос, — но разбиваться и падать так, просто — нельзя. Жизнь — это смысл. Смысл — это жизнь: «*моя жизнь*».* И она драгоценна. Нужно ее сохранить. Нужно карабкаться дальше, не рассуждая — зачем. Прежде всего: экономия сил и расчет. Думать только о том, куда ногу поставить, за что захватиться... Вперед!... Он огляделся и — тронулся. Сыпались камни. Кусты обрывались, когда он на них повисал. Но он полз. Полз упорно. Без мыслей, без чувств. Все существо словно стянулось в одну упругую и эластичную точку твердо направленной, нерассуждающей воли: вверх! Только вверх, чего бы это ни стоило.

*Этих слов из К[отика] Л[етаева] нельзя ставить в прямую связь с переживанием на откосе. Но Б.Н. говорил, что там впервые после долгих страшных месяцев в нем зазвучал лейтмотив: «о жизни» и «к жизни».

Последние миги были уже за пределами слов. Сердце «разрывчато» ухало, шумело, как море в ушах, пальцы немели, для дыхания не было воздуха.

По временам он опять замирал, и начинал звать на помощь. Прислушиваясь, выжидал. И не получая ответа, полз дальше. — Наконец под рукой ощутил что-то плоское, твердое: край дороги. Почти машинально он подтянулся, перекинулся через невысокую стенку, и на мгновение как бы потерял сознание. Напряжение кончилось. Силы сразу иссякли. Сколько лежал так — не знает. Показалось — минуту. Встав снова на ноги, захотел посмотреть на пройденный путь. И — отшатнулся: гладко, почти отвесно спадала зеленоватая плоскость. А внизу бледно серела неширокая лента: дорога, откуда он полз. Так вот какой был подъем! Не верил себе. Еще раз заглянул: убедиться. И — все так же не верилось.

13 августа 1926 года произошел еще один случай, чуть не стоивший жизни Б.Н.

Все дни перед этим он был особенно грустен, даже подавлен, и казался более чем обыкновенно рассеянным. Накануне, уходя к себе спать, он позвал меня в проходную темную комнату и показал за окно: « — Вон там Марс. Посмотри, какой страшный...». На темном небе, совсем низко над крышей соседнего сарайчика, точно кровавый злой глаз, тускло горела звезда. Стало вдруг жутко. Мы молча простились.

На другой день Б.Н. должен был ехать в издательство («Круг»)³⁷ Этим я объясняла отчасти его настроение. Он не любил «московских» поездок, и откладывал их до последней возможности. Но и кроме того август всегда был для Б.Н. трудный месяц. В детстве он в августе много болел, и один раз чуть не умер (от дизентерии)³⁸ С тех пор эти дни были всегда окрашены для него в «тона тихой грусти и серьезных раздумий». Он любил темными августовскими вечерами подолгу смотреть задумчиво на звездное небо, уйдя в свои думы. От мыслей о звездах, путях

их, о формах жизни, возможной на этих далеких «мирах», переходил к мыслям о человеке, о «Я», о сознании, о смерти: вернее — о жизни по смерти, когда существо человека снова рассеется в космосе, и каждая «звездочка» может стать местом новой, неведомой жизни. Вспоминал об отце, о своих с ним беседах в такие же звездные летние ночи, о Персеидах, метеоритах, о созвездии Геркулеса, к которому мчится земля, уносимая необъятным для мысли полетом нашего солнца в мировую пучину.

Я уже знала по прежним годам эти темы августовских «песен без слов» в Б.Н. и поэтому не удивилась, когда утром он вышел такой же сосредоточенно тихий, погруженный в «свое». Рассеянно брился, пил чай, собирал свой портфель. Рассеянно-грустно простился и с отсутствующим видом, слегка крутя палкою в воздухе, и чуть-чуть согнувшись, пошел по освещенной утренним солнцем дорожке на станцию. Я долго смотрела с балкона (мы жили тогда наверху, в летней надстройке) вслед ему, как он медленно удалялся и наконец исчез за деревьями, на повороте.

Во мне вспыхнуло вдруг необъяснимое беспокойство. Напрасно я убеждала себя, что ничего не случилось и беспокоиться нет оснований. Это не помогало. Я как-то ничем не могла заняться и, бросив все, ушла в лес, чего никогда не делала в случае отъезда Б.Н.: постоянно бывало, что он приезжал раньше срока, так как указывал время поездки «с запасом», чтобы я не волновалась напрасно. Бывало и так, что он возвращался уже с полпути, воспользовавшись каким-нибудь пустяковым предлогом.

В лесу было прекрасно: тихо и солнечно. Но тревога не оставляла меня. Когда же, вернувшись домой, я увидела, что его все еще нет, то совсем пала духом. Села на балкон и стала глядеть на дорожку. Поезда проходили один за другим. Дачники возвращались толпами. А он все не приезжал...

Наконец, на повороте, там, где утром скрылся Б.Н., показалась сестра.³⁹ Я вскочила: что это значит? Где же

Б.Н.?

Сестра замахала мне издали и крикнула снизу, чтобы я не беспокоилась. Быстро взбежав на балкон, она досказала все остальное: « — Б.Н. у нас, на Плющихе.⁴⁰ Его ушибло трамваем. Но опасного нет ничего. Мы были с ним в амбулатории. Нашли вывих плеча. Петя пойдет с ним к Руфанову (хирургу).⁴¹ Б.Н. спокоен. Он очень тихий. Плечо, конечно, болит... Хочет видеть тебя и послал меня в Кучино...»

В ответ одна только мысль: скорее... к нему! Но мы и так уже бежали на станцию. Подошел поезд... Москва... трамвай... переулки... Наконец-то Плющиха! Спустились по лестнице, постучались. — «Б.Н., вот они и приехали», — крикнула в комнату мама,⁴² открывая нам дверь. А от стола нашей «кухоньки», из своего любимого уголка, уже поднимался Б.Н. Ждал здесь, чтобы встретить скорее. Бледный, лицо сразу осунулось, около губ страдальческая морщинка. Рука на перевязке: одно плечо ниже другого. Только глаза сияли навстречу: « — Ничего, все уже кончилось. Руфанов — художник. Вправил руку так, что я и не заметил... Взял за локоть... подвигал вперед и назад. Я думал: он пробует... А он говорит: готово. Все кончено... Вот это — искусство». — Б.Н. хотел улыбнуться. Но улыбка не вышла: поморщился и больше еще побледнел. — «Б.Н., вы лучше пойдите и сядьте поудобнее в кресло», — перебил его П.Н. — «Вам нужен покой. Идемте, я вам помогу».

Мы прошли в нашу комнату. Усадили Б.Н. в большое покойное кресло. Долго укладывали подушки, ища удобного положения для руки. Все же боль была сильная, хотя Б.Н. и хотел сделать вид, что «пустяки» и все принимался опять и опять хвалить хирурга Ивана Гурьевича Руфанова.

Понемногу начал рассказывать, как это вышло. Он уже побывал в редакции «Круга», которая помещалась где-то в переулках за Почтамтом, у Мясницких ворот. Сойдя с тротуара, он пересекал теперь проезд около Чистых Прудов, с трамвайной линией А, намереваясь пойти по

бульвару в сторону Покровки, там сесть на трамвай к Курскому вокзалу, чтобы отправиться в Кучино. Шел, задумавшись, совсем позабыв о том, где находится, все стараясь поймать какую-то ускользавшую мысль. Очнулся от неожиданного страшного удара в плечо. — «Как ломищем ахнуло!» — Обернувшись, увидел рядом с собою что-то огромное, что на него надвигалось, закрыв вдруг собой все поле зрения. Еще не понимая, что же собственно происходит, — *поймал себя* на неожиданно странном движении: он заметил, что сделал высокий прыжок, перевернулся волчком, точно кувыркаясь в воздухе, и отлетел, как отброшенный, в сторону. Это *он еще помнил*. Затем сознание погасло... Пришел в себя от чувства сильной боли и слабости во всем теле. Понял, что лежит на земле; и тут же подумал, что, пожалуй, больше не встанет. Как-то неясно мелькнуло: что ж это — смерть?.. Как хорошо и как просто... — Откуда-то издали донеслись голоса, очень глухо: кто-то там разговаривал. Он сделал усилие: открыл глаза. Над ним с участием наклонились незнакомые лица... Кто это? И где он?.. Но слабость была так велика, что глаза снова закрылись. Подумалось: только бы так и лежать. Ничего больше не нужно. Как все просто. Какая тишина... — Но его тормозили: нужно подняться и ехать в амбулаторию. — «Кому подняться? В какую амбулаторию?» — Прислушиваясь, с усилием старался понять. Понемногу сознание опять возвращалось. Из отрывков слов и разговоров ему уяснилось, что он попал под трамвай и спасся лишь чудом. Удивлялись — как он оказался на мостовой, в нескольких шагах от трамвайных путей, а не под трамваем, который налетел как раз в то время, когда Б.Н. переходил через рельсы. — Он же, как сквозь сон, снова *припоминал*, что получив сзади в плечо сильнейший толчок, и увидев, как на него бешено мчится нечто огромное, сделал отчаянный поворот и подпрыгнул, с *целью*, — именно с *целью* — Б.Н. это подчеркивал — отброситься в сторону. Когда об этом рассказывал, то трудно было решить — что для него

тут существенней: то ли, что спасся от (может быть) смерти, или же то, что *поймал* в себе глубочайший бессознательный жест.

Но прежде чем добраться до Плюшихи, он прошел еще через ряд настоящих мытарств. Когда усадили его на извозчика, он был еще настолько слаб, что не мог давать никаких указаний. Вскочивший за ним милиционер повез его сперва в милицию на Петровку, а потом в ближайшую амбулаторию. Через несколько шагов: стоп! остановка! — «Что такое?» — «Да пересаживаться: на другого извозчика». — «Зачем же?» — Милиционер, вероятно, не услышав вопроса, влек из пролетки. Каждое движение было мукой, рука висела, как плеть. От боли лоб и все лицо покрылось холодной испариной. Он с трудом сдерживался, чтобы не застонать. (В перенесении больших физических болей Б.Н. был очень терпелив.)

Пересели, поехали. Через несколько шагов — опять остановка, опять пересаживаться. Так раза четыре. Каждый раз с возрастающей мукой. Наконец Б.Н. взмолился: — «Да что это за пытка? Зачем на другого извозчика? Едем на этом». — «А кто будет платить?» — обернулся грубо извозчик. Б.Н. не понял: — «Как — кто платить?» — «А как же, — вмешался милиционер, — даром никто не повезет всю дорогу. Как доедем до первого свободного, так и слезай, пересаживайся. Такое правило есть». — «Так я заплачу». — «Что же вы раньше не сказали!»

Но и на этом не кончилось. Амбулатория, до которой кое-как добрались, оказалась закрытой. Хмурая женщина мыла полы. «Подождите вот здесь, — а я пойду справлюсь по телефону, куда еще ехать» — усадил его милиционер на скамейку. — Б.Н. был как в бреду. Пустая мрачная комната, лужи воды на полу, босая женщина с подоткнутой юбкой и грязной тряпкой в руках... Откуда все это? Зачем? И как, наконец, он здесь очутился? Казалось — он снова теряет сознание. Тогда через все вспыхнуло вдруг неудержимо и повелительно: прервать этот бред. Вернуться домой: в Кучино... Нет, сил не хватит... Сперва на

Плющиху...

Появляется опять милиционер. — «Едем!» — «Куда?» — «В амбулаторию». — «Голубчик, не надо, поеду домой». — Милиционер сперва не сдавался. Пришлось спорить, упрашивать. Наконец, согласился, помог сесть на извозчика, хотел было сопровождать. Но Б.Н. уговорил не беспокоиться, уверив, что чувствует себя хорошо и прекрасно доедет один. На Плющихе встретила его мама: Б.Н. постучал ей в окно.

Еще один случай описан самим Б.Н. в «Ветре с Кавказа».⁴³ Перескажу его здесь своими словами.

Летом 1927 года при проезде по Военно-Грузинской дороге, мы остановились в Пассанауре отдохнуть и позавтракать. Выехали из Тифлиса шумной веселой компанией на двух автомобилях. Б.Н. был в приподнятом настроении. Осуществлялась его давнишняя мечта: увидеть Военно-Грузинскую дорогу, побывать в тех местах, где когда-то военным врачом служил его дед, где родился и рос до 10-ти летнего возраста отец⁴⁴ — Н.В. Бугаев.* В этих местах — Мцхет, Душет, Ананур, — Б.Н-чу все казалось близким и милым. К тому же он был захвачен быстрой ездой, прекрасной погодой, красотой ландшафтов. Впечатления настоящего переплетались с впечатлениями, нахлынувшими из детства. Вставляли рассказы отца о чудесной, как сказка, таинственной жизни в крепостях на далеком Кавказе. Об этом взволнованно быстро шептал мне, переживая едва ли не встречу: с отцом, с дедом.

Мы только что пронесли мимо Душета, мелькнувшего вправо россыпью беленьких домиков на изумрудных холмах, залитых солнцем. Сделали короткую остановку в Анануре. Б.Н. уверял, что это и есть та самая крепость, где 70 лет тому назад родился отец. С огромным волнением обошел он крепостные развалины, заглянул во внутренний

* В Кучине и в Цихис-Дзири мы уже скрупулезно ее изучали, знали все станции, расположение горных цепей, старались представить себе «Перевал», Казбек и «Ушелье».

дворик. Весь загорался от мысли, что именно здесь, может быть, родители его отца скрывались от нападения горцев, рассказ о котором он помнил, отсюда бежали они со своим сыном, тогда еще 3-х годовалым младенцем.

Воображение его пылко работало. Он бледнел от волнения и говорил о далеком прошлом так, будто это было вчера, и он сам был свидетелем всех этих событий.

И вот — Пассанаур. Мы вышли из автомобилей. Сопровождавшие нас «поэты» разбрелись в хозяйственных хлопотах: о помещении, завтраке, винах. Мы с Б.Н. остались на дворике перед гостиницей. Подошла милая, всегда внимательная Н.А. Табидзе и начала разговор.⁴⁵ Б.Н. бродил сперва около, восхищаясь высокими зелеными громадами, обступившими величавой толпой горизонт, закидывал голову и искал, не выглянут ли где-нибудь «убеленные снегом гиганты». Он был все в том же радостном, приподнятом настроении. Улыбался навстречу всему, и ему казалось, что все — и в природе, и в людях — улыбается так же ответно, что все любят друг друга. С переполняющим чувством любви и доверия подошел он к двум небольшим горным медведям, привязанным тут же посередине двора к врытым в землю столбам. Медведи свободно маячили по двору на своих довольно длинных веревках.

Б.Н. любил вообще всяких зверей и «зверушек». Но особенную симпатию чувствовал к «мишукам» или «мишкам». Со словами: «Мишка, милый», — он наклонился и стал гладить медведя по голове. Отвлеченная разговором с Н.А., я издали машинально следила за этой сценой. Но была совершенно спокойна, не предполагая опасности: звери казались ручными — иначе, разве пустили бы их так, без всякой ограды?.. Но через мгновение произошло что-то странное. Б.Н. вздрогнул и как-то неестественно отклонился назад, упираясь на левую ногу. Правая оказалась в лапах у «мишки». Откуда-то выскочил неизвестный совсем человек и ударил палкой медведя. Тот глухо заворчал, не выпуская ноги Б.Н.

Я все еще не представляла себе всей меры опасности. Но почему-то кругом все вдруг стало *не то*. И горы, и очень высокое небо, и желтый песочек площадки, и мишка, вплотную припавший к ноге Б.Н. (выше колена), и фигура самого Б.Н., так странно откинутаая назад, — все как застыло, точно перенеслось на экран.

Увидев испуг на лице человека, взмахнувшего палкой, не помня себя, рванулась к Б.Н. Он бледный и строгий, но совершенно спокойный, каким-то не своим, а сухим, повелительным голосом отрывисто бросил: — «Дайте палку». — Миг — и палка уже опустилась. Зверь мотнул головой: его лапы разжались. Потеряв упор, Б.Н. странно перевернулся в воздухе, подпрыгнул, и не упал, а будто играя, прикоснулся к земле, и тотчас же снова стал на ноги. Подбежал незнакомый брюнет, с участием взял его под руку: — «Подите отдохните, вы дешево отделались». — Б.Н. был все еще бледен, но так же спокоен, и лишь изредка вздрагивал. Мы прошли с ним в комнату, где он прилег. Кроме Н.А, никто из ехавших с нами тифлисцев этой сцены не видел.

Скоро позвали к столу. Б.Н. уже овладел собою, о «случае» упомянул только вскользь и небрежно. Его не стали расспрашивать; и он принял участие в общей беседе: выслушивал тосты, сам отвечал. Но я знала, как глубоко он был потрясен, и как серьезно воспринял происшедшее (подробная запись осталась в его дневнике), и удивлялась его молчаливости, выдержке. Так бывало всегда: о том, что задевало особенно сильно (интимно), он меньше всего говорил.

Часто потом он детально анализировал «случай»: — «Я сразу не понял, что это серьезно. Думал, — мишка играет. Когда же попробовал освободить ногу (стало вдруг неудобно стоять), то почувствовал, что зажат как в стальные клещи. Тут только увидел: нет, не игра это. Помню затем все, что было. Помню, как просил палку, как ударил по морде. Но почему именно по морде — не знаю. Мишка цепко тянул меня влево, к другому, который — я это видел

— уже поднялся навстречу, злобно поглядывая в мою сторону. Я давал себе во всем очень ясный отчет. Но переживал это как-то со стороны, точно дело шло не обо мне... Я сознавал, что движениям моего мишки мешает только ошейник, который оттягивает его назад и душит горло. Я стоял чуть-чуть слишком далеко от него. И очень хорошо понимал, что стоит мне сдвинуться на два сантиметра, тогда я погиб... А силы уже изменяли. Тут вдруг откуда-то слева поднялась и ударила палка. Я не видел, кто бьет, но почему-то узнал, что удар был неверный, что надо бить иначе. И больше того, что я *знаю, как* именно. Но того, что я ударю по морде, тогда я не знал. Это мелькнуло как молния только в самый момент удара».

Уже вернувшись в Москву, Б.Н. узнал (не помню — прочел он об этом, или ему рассказали), что единственное уязвимое место у медведя — именно нос, и что если бить их, то только по носу. Б.Н. был поражен. — «Нет... это невероятно! Ведь *тогда* я этого не подозревал... Спроси меня там — я не ответил бы... Так почему же ударил именно по носу? С чего это взял?..» И охваченный своим постоянным стремлением проникнуть в «темный язык» бессознательных действий, Б.Н. продолжал припоминать все подробности этого случая, чтобы «рационально» представить себе всю последовательность своих «иррациональных» движений, и окончательно уяснить себе, каким образом могло быть, чтобы *рука* его *знала* то, чего сам он *не знал*.

Наконец, последнее, что припоминаю. Как-то в Кучине (осенью или зимой 1927 года) вечером Б.Н. сидел за работой. В углу, за его столом стоял столик, заваленный ворохами бумаг и папок. Такие же вороха лежали кругом на большом рабочем столе. Я была в другой комнате. Вдруг мне показалось, что освещение изменилось: словно воздух заколебался, и побежали откуда-то отсветы. Удивившись, я заглянула к Б.Н. и невольно вскрикнула: что это? Весь его угол пылал. Б.Н. вскочил на мой крик и первую минуту глядел, не понимая. Потом в один миг сорвал одеяло

с постели и бросился к пламени. Повалил густой дым. — «Еще, еще что-нибудь! Скорей, скорей!» — отрывисто вскрикивал Б.Н., быстро кидая в угол то, что я ему подавала. Через секунду он уже топтал там что-то ногами. Дым все еще шел. Но пламя погасло. Прибежала хозяйка. Мы вместе «до-тушивали». Поднялись восклицания, расспросы — как? почему? Всего вероятнее, что когда Б.Н. закуривал папироску, искра от спички отбросилась в угол и попала в камышовую корзинку, стоящую под столиком и также полную всяких бумаг. Она оказалась больше всего пострадавшей от пламени. Углубившись в работу, Б.Н. ничего не заметил. И когда, услыша мой возглас, поднял голову, то увидел, что на него из угла прямо бьет пламя. — «Даже не успел испугаться», — отвечал он на «ахи» Е.Т. и улыбался очень довольный, главным образом тем, что «пожар ликвидирован» быстро.

О случае этом скоро забыл.

Б.Н. любил рассказывать о своих гимнастических способностях. Но к этой чисто физической ловкости в себе он относился совсем иначе, чем к подглядкам в зону бессознания, говорил о ней в других выражениях, другим тоном, более легко и внешне. И никогда не *разглядывал*. Здесь все было заранее ясно и просто. Часто, смеясь, прерывал свой рассказ и бросал с вызовом, с веселым задором: «— Упущенная карьера. Мог бы быть акробатом или фокусником...» Лукаво поглядывал на собеседника и с удовольствием продолжал свой веселый рассказ. Его занимало то выражение недоумения, даже смущения, которое выступало порой на лице слушателя, не знавшего, как принять эти слова, а главное — как на них ответить, чтобы попасть в тон Б.Н. и вместе с тем не выказать и неуважения».

Б.Н. придавал большое значение тому, что в определенный момент в его детство вошло много движения. Он писал об этом в «На рубеже».⁴⁶ Вспоминая с благодарностью одну из своих гувернанток — m-lle Бэллу Радэн, — он называл ее своей «избавительницей» именно за то, что

она расколдовала в нем «ненормально оцепеневшую» детскую душу: его «тихие» игры, в которых двигалась больше всего фантазия, заменились живыми подвижными играми. — «При мадемуазель я начинаю много бегать и лазить по деревьям; из меня вырабатывается великолепный лазун; и вдруг обнаруживается подлинная гимнастическая ловкость, предмет удивленья мальчишек; она добивается того, что... нас с ней отпускают в... гимнастическое общество; и я два года, еще до гимназии, и марширую, и прыгаю, и упражняюсь на „барах“ (впоследствии, отроком, я щеголял различными фокусами на трапедии, быстротой бега, высотой прыжка, умением ходить с зажженной лампой на голове и взлезать на четыре поставленных друг на друга стула)». («На рубеже», 216). И несколько дальше повторяет почти то же самое: «в младших классах гимназии я с таким „совершенством“ проделывал фокусы, что ужаснул свою суеверную бабушку; за фокусами вспыхнула страсть к акробатике, в которой я был тоже горазд; я потрясал ту же бабушку тем, что мог поставить друг на друга четыре стула, на них взобраться; и стоя под потолком, держать горящую лампу на голове, что мне запретили; я проделывал курбеты и на трапедии... В Кисловодске (14 -15 лет) я прельщал барышень, раскачиваясь и не держась руками за веревки» («На рубеже», 335).⁴⁷

В годы студенчества акробатические способности сохранились еще в полной мере. Компания «органиков», к которой принадлежал Б.Н., устроила себе что-то вроде клуба на плоской крыше университетской химической лаборатории; туда вылезали через окно и проводили часы в чаепитии, в шумных спорах на обширные темы нового искусства, и в веселых «дурашных» забавах. В этих забавах Б.Н. был одним из самых «отчаянных» зачинщиков и исполнителей; выдумки его не иссякали. Он «здесь же устраивал цирк и показывал, как возможно над бездной ходить по перилам, имея на голове стакан чаю или прыгая на одной ноге чрез поставленный на перила сосуд; весна, молодость, просто избытки сил нудили лазить по пер-

пендикуляру стены, зацепляясь за выступы» («На рубеже», 448). Другой его «номер» в то время — хождение по карнизу стены квартиры Владимировых на Смоленском бульваре, на высоте второго этажа. Распластав по стене руки, и распростершись на плоскости, он осторожно передвигался к ближайшему окну, «демонстрируя» своим знакомым, как вор может забраться в окно в их квартиру. (Фотографический снимок его и одного из товарищей в этой «распластанной» позе находится в ГЛМ.)

В 1923 году в Альбеке (курорт на Балтийском море) пришлось проделать такое же путешествие.⁴⁸ Он снимал комнату в пансионе (во втором этаже), в нескольких шагах от моря. Целые дни проводил на пляже, в трусиках и купальном халате. Как-то раз он вернулся к себе, чтобы переодеться и отправиться на вокзал, где обещал встретить своих русских знакомых, не знавших немецкого языка. Времени оставалось немного, и он торопился. Но перед запертой дверью вдруг обнаружил, что ключ от комнаты потерян: в карманах халата его не оказалось, не оказалось его и в кабине, куда Б.Н. бросился и где обыскал «все мышинные норки»; искал даже в песке: безуспешно. Положение было «критическое». При его невероятной исполнительности, и при его — в пустыках даже — верности данному слову, он не мог и «помыслить» обмануть ожидавших. Бросился к слесарю. Но день был воскресный, и слесарь отказался придти. В сильнейшем волнении, мечась перед запертой дверью, Б.Н. громко выражал свое негодование на «нелепую ситуацию»: быть отрезанным от собственной комнаты в костюме, близком к костюму Адама. На его яростный крик появился сосед (или соседка — не помню) осведомиться — что же случилось? Тогда Б.Н. вдруг пришла в голову «счастливая мысль», которую он тут же и высказал: проникнуть к себе через соседнюю комнату, с балкона которой, «тряхнув стариной», он мог по карнизу добраться до своего окна. Сосед согласился. И Б.Н., мгновенно перешагнув через перила, пополз по узкому выступу, — точно так же, как 20 лет назад. — Внизу собра-

лась кучка зевак, с интересом наблюдавшая редкое зрелище. Слышался смех, шутки, возгласы одобрения, страха. Кажется, поняли так, что это — пари. Но Б.Н., смеясь, уверял, что конечно же сочли за вора, и он будто бы очень боялся, что начнут швырять камнями. Но обошлось во всех отношениях благополучно. Он влез в окно, быстро переоделся и тем же путем двинулся обратно. Поблагодарив за любезность соседа, поспешил на вокзал, где успел во-время встретить знакомых. Был очень доволен, что прежние навыкигодились.

В 1924 году в Коктебеле как-то сама собой устроилась площадка для игр. Б.Н. с таким увлечением и мастерством играл в мяч, что на него приходили смотреть. Составилась даже особая партия: Б.Н. и М.А. Волошин. Контраст их фигур был так поразителен, так подчеркнуто живописен, что не только окружающие, но и сами они, как художники, живо чувствовали его, восхищались яркостью этого сопоставления, и любили играть свою «партию», от души веселясь, точно дети. Кто-то так и зарисовал их на этой площадке с перелетающим между ними мячом: широкий, неповоротливый, но по-своему ловкий Макс, как бы живое олицетворение массы и веса; и Б.Н., преувеличенно длиннорукий и длинноногий — всякое отсутствие массы и веса.

Этот рисунок долгое время висел потом в так называемой «музыкальной комнате». В 24 году в ней танцевали, пели, ставили шарады, импровизировали кино; в ней было тогда столько веселья и шума. И там же этот рисунок оставался — через девять лет — в 1933 году, когда Макса уже не стало, а Б.Н. в той же комнате так сильно страдал.⁴⁹ По нелегкой для меня случайности, в этой комнате, как самой большой и прохладной, нас поместили, когда Б.Н. заболел. И сидя у его изголовья, я невольно постоянно видела перед собой это живое напоминание о том, чего уже не вернешь.

Б.Н.-ча особенно интересовали такие игры, в которых было много движения, и где можно было проявить свою физическую ловкость и верность прицела: крокет, кегли,

мяч, серсо, даже блошки.

А вот карты, шашки и даже шахматы он не любил. Особенно последние. Как это ни странно, — шахматы вызывали в нем упорную скуку. Единственно, что он признавал, это — пестрые кубики, из которых, оставив в стороне указанные образцы, он из собственной фантазии складывал самые причудливые орнаменты и розетки. Один такой ящик с кубиками, кем-то подаренный, помогал ему коротать долгие *пустые* часы в берлинском пансионе у Крампэ.⁵⁰ В форме и красках «розеток» часто отражалось его душевное состояние.

Любовь к подвижным забавам и играм проснулась опять особенно в Кучинские времена. Чего только он ни придумывал!

Летом, уходя в лес, непременно забирал с собой мячик, чтобы всласть поиграть где-нибудь на поляне, «вдали от наблюдающих глаз». Он закидывал так высоко, что мяч казался небольшой черной точкой, и пока он падал обратно, Б.Н. успевал проделать разные сплошные фигуры: несколько раз присесть, перевернуться, подпрыгнуть, обежать большой круг по поляне, лечь на землю и быстро подняться, повертеть в воздухе палочкой и т.д.

Он часто шутил, что признает только два состояния: ходить и лежать; и терпеть не может сидеть. Особенно за столом. Очень скоро устают ноги, шея, спина. Все тело наливается тяжестью. Если уж сидеть, то лучше всего на корточках: «как арабы». — «Превосходная поза! Никогда не устанешь! Часами могу так сидеть. По мне, хоть бы не было стульев», — говорил он, присаживаясь. И улыбался снизу вверх, обводя всех глазами.

Он сидел на носках, почти не касаясь земли. Иногда с шутивным вызовом предлагал его опрокинуть. Казалось, что это нетрудно. Стоит только коснуться рукой — и он упадет. На деле же выходило другое: все усилия были тщетны. Его «взвешенное состояние» оказывалось необыкновенно устойчивым и прочным. Концы пальцев точно вросли в землю, весь он был, как железный, и упруго

выдерживал все толчки и усилия хоть немного сдвинуть его с места. — «Старайся, старайся, — поддразнивал он хохоча, — я-то знаю, что не свалюсь. Года могу просидеть».

Многие знают этот жест Б.Н., когда в пылу разговора он вскакивал, подходил к собеседнику, легко опускался на корточки возле самого стула; и продолжал говорить, заглядывая снизу в лицо. Потом так же вдруг поднимался и, стоя или идя по комнате, доканчивал свою мысль.

В молодости он любил танцы и хорошо плясал ползунка. Даже в 1932 году, как-то развеселившись, он «тряхнул стариной» и пустился вприсядку.

Порой находил на него особый задор, и он принимался *показывать* всевозможных зверей, подражая их типичным движениям и мимике. Один за другим появлялись: барсук, слон, ленивец, медведь, мартышка, белочка, заяц, кот, собака и др. Это делалось молниеносно, с такой поразительной быстротой, что я не успевала опомниться. Едва раздавалось его торопливо-лукавое: — «Хочешь видеть ленивца?» — как во мгновение ока уже никакого Б.Н. не было, а на спинке кровати, плотно вцепившись руками, ногами и воображаемым хвостом, на перекладине повисал ленивец, сонно помаргивающий на меня тупыми, ничего не выражающими глазками. Оторвать его тогда от перекладины не было никакой возможности: казалось, его руки и ноги приросли к ней навсегда.

Но мгновение — и нет никакого ленивца, а посреди комнаты тяжело висится слон, медленно и широко размахивающий длинным хоботом, и время от времени бросающий этот хобот высоко вверх, направо, причем он особым образом топал правой ногой и с непередаваемым — нечеловеческим — звуком «у-у-у!» шумно выпускал забранный воздух.

Или — выскакивала белочка — хвост парусом, в лапках орешек, который она вкусно грызла, наклоня головку то вправо, то влево. Или — заяц прислушивался, испуганно поводя длинными ушами, и потом улепетывал, мелькая

в воздухе крепкими задними лапами. Или — мишка косолапо раскачивался, глухо ворчал и грозно поревывал, а крошечный хвостик его беспомощно повисал на широкой мохнатой спине. — Или же, наконец, смешная мартышка соскакивала с плеча итальянца-шарманщика, уморительно жеманилась, расправляя кругом свои юбочки, и начинала приплясывать, строя умильные рожицы. Нет, словами не передашь, что тут поднималось. Это была удивительная способность мгновенно менять весь свой облик, и давать каждый раз до иллюзии точное подражание.

А то вдруг припоминал свои фокусы с картами или схватывал палочку и проделывал разные «кунштюки»: вращал, перебрасывал с перевертом, ловил, балансировал, держа на лбу, на кончике пальца, носился с нею как ветер по комнате. Или же медленно шел, весь как застывший, со стаканом воды на голове, раскинув для равновесия руки. Или даже стремился нагромоздить стулья и показать мне воочию, чем «во времена оновы» приводил в трепет бабушку. Но тут приводил в трепет меня и встречал мое отчаянное сопротивление. Я оттаскивала его в сторону, а он отбивался, со смехом рвался прочь к стульям, спешил с грохотом поставить их один на другой и уверял, торопливо отмахиваясь, что не полезет на них, что хочет лишь продемонстрировать, какова была пирамида, на которую он когда-то взбирался. Мы весело спорили под шатавшимся нагромождением и наконец мирно разносили стулья по местам, после того, как Б.Н. убеждался, что я вполне оценила и ясно представила себе весь риск его предприятия.

Такие игры вовсе не всегда были следствием непосредственно хорошего настроения. Очень часто — напротив, Б.Н. прибегал к ним, как к своего рода физиотерапии, именно в такие минуты, когда на сердце было особенно тяжело, а он не хотел отдаваться своему мрачному настроению. Тогда-то он и бросал этот «Аполлонов ковер над Дионисовой бездной».* Он предпочитал шуткой и

* Это выражение не раз встречается в книгах Б.Н. Например, в «Арабесках»: «Мир искусств, — золотой ковер Аполлона над музыкальной

смехом закрыть то, что заставило бы его мрачно лежать на постели, лицом повернувшись к стенке. Это бывало, но очень редко, — очень-очень редко. Чаще всего шутка и смех помогали, и он, веселый и бодрый, опять принимался за свои очередные дела.

Все же больше всего в разнородных «играх» Б.Н. выливался просто избыток жизненных сил, которого он так и не успел изжить, и о котором много раз писал в «На рубеже» и в «Начале века». Этот избыток вызывал в нем неравновесие сил, чисто физических и душевных. Физических сил постепенно становилось все меньше и меньше, а душевных до конца было все еще слишком много. — «Какой вы молодой! Сколько в вас жизни...» говорили и писали ему постоянно. И даже д-р Славолюбов, который осматривал Б.Н. во время болезни его в Коктебеле, и который, — я видела это, — сразу же понял всю степень опасности, мягко, но очень настойчиво посоветовал: — «Б.Н., берегите себя. Ваша болезнь в том, что вы слишком молоды для своих лет».⁵²

Слово «игра», «играть» у нас очень богато значениями. Играет солнечный луч, играет молодое вино, играет актер, музыкант, играет ребенок; есть игра драгоценных камней, игра волн, игра светотени. И сколько еще есть разных «игр»!

В «игре» Б.Н. было также много оттенков. Главный из них: игра творческих сил, или еще — как называл ее сам Б.Н. — игра *sui generis*. Она началась очень рано.

Из упоительной свободной игры,* из детских фантазий и сказок Б.Н. сам выводил в себе начало той линии, которая «в будущем вытянулась в писательство» («На рубеже», 217).

«Взобравшись на дверь своей детской (лет 8-9), я часами бездной»(49).⁵¹ Оно родилось из строк Тютчева: «На мир таинственный духов — Над этой бездной безымянной — Покров наброшен златотканый — Высокой волею богов» (День и ночь). И еще: день «как золотой покров, накинутый над бездной» («Святая ночь на небосклон взошла»).

* Не в игрушки, которые он быстро ломал, а в «кого-нибудь» или во «что-нибудь».

выглубляю фабулу своей игры: опасная, но прекрасная жизнь в дремучих американских лесах». ⁵³ Таким образом: «я упражняюсь в сюжете и в приурочивании предметов комнатного обихода к предметам ландшафта природы лесной. Дверь детской — скала, высоко поднятая над лесными чашами и недоступная врагу. Лишь сидя на ней, я в безопасности: опустись в леса, — там рыщут гуроны, враги мои... самое дремучее место леса — гостиная. Зеркало — водопад, красный комод — гранитная гора» («На рубеже», 217).

«Тут я — „символист“, изучающий символизацию: дана дверь детской, дана необходимость ей найти место в американских лесах; вывод: дверь не дверь, а белая скала над вершинами леса; вывод: я — на скале: так заводится привычка: сидеть на двери верхом; в годах я непрерывно символизировал; и доходил до большего и большего совершенства реализовать мои символы; это сказалось позднее в том, что натуралистические образы в книгах моих выглядят, как символы; и обратно: символы мои ищут себе натуралистической подкладки» («На рубеже», 224 - 225).

О своих уроках с Бэллой Радэн Б.Н. писал: «А учиться с мадемуазель — одно восхищение; это же — игра, а не уче- нье; и здесь все мне легко дается; я сперва отыскиваю на карте Северной Америки область озер, где „он“ бродит („он“ — субъект игры); потом — заинтересовываюсь уже всею Америкой; потом интересуется меня, как попасть в Россию; и я — в России; незаметно земной шар мною изучен; и мы с мадемуазель загадываем ряд кругосветных путешествий. Вслед за физической географией заинтересовываюсь я и политической; государства, народонаселение, столицы, количество жителей, армия и флот — все входит в сферу моих интересов; но я ничего механически не заучиваю, а стараюсь узнанное ввести в игру; и в упражнениях над расширением сюжета игры я овладеваю фактами». Прочитав в ту же зиму несколько «мифологических книг (для детей) некоторое время я переполнен событиями греческой мифологии, опять-таки овладевая ими в играх; я

разыгрываю миф о Язоне, об аргонавтах, о Персее; с особенным вдохновением совершаю я двенадцать подвигов Геракла» («На рубеже», 218).

Дошло до того, что в азарте игры он — тихий, почти робкий мальчик — произвел страшное опустошение в огороде, сбив палкой все цветочные завязи у помидоров.

«Период перманентной игры, — пишет Б.Н. дальше в „На рубеже“ — обнимает десятилетие; она — вторая действительность; в ней мальчик — „герой“; установление связей между отдельными моментами нескончаемого сюжета, имеющего своей сферой историю». Игра «вырабатывает во мне контроль и мысли и инициативу, которая вылезает в жизнь зрелой позднее уже... Она [игра] длилась до времени серьезного изучения Шопенгауэра, Милля и символистов... ознакомляясь с „героями“ истории, я их обирал, перелагая на свой лад; „он“, выросший из Кожаного Чулка плюс Скобелева, скоро включил и Суворова... ранее, узнавши о подвигах Юлия Цезаря и речах сенатора Цицерона, я обобрал и Цезаря, и Цицерона... надо же было объяснить себе ежедневное посещение гимназии: „он“ ежедневно ходит в Сенат и не урок отвечает с парты, а речь произносит; ...последние следы „его“ теряются в слухах о нем, что он с головой ушел в авторство, пишет стихи, замышляет невиданные произведения,... Далее — краткий перерыв; „его“ — нет. И тотчас же: рождается „Андрей Белый“, —то же мое „второе я“» («На рубеже», 223 - 224).*

Что все это, о чем пишет Б.Н. — игра это или не игра? И где здесь граница между игрой, искусством и жизнью?

Жизнь — движение пробуждающейся мысли, требовало себе прямого исхода в движении тела. Продумать, даже пережить — было мало. Нужно было подействовать — *совершить*. И совершал 12 подвигов Геракла, завоевывал страны, как Александр, был полководцем равным Суворову. Сидя на двери — на скале — выжидал удобного момента,

**Alter ego* — псевдоним Б.Н. в годы, когда он хотел вообще снять свой псевдоним и писать как Б. Бугаев. Но не согласились издательства.⁵⁴

чтобы спуститься и с опасностью для жизни пересечь враждебные чащи; был путешественником, открывающим новые страны, был оратором по образцу Цицерона. Все это — в действии, в движении, в своеобразно осуществленных поступках. Скоро товарищем в играх стал С.М. Соловьев. Игры расширились, разрослись, зазвучали свирелью поэзии. И Б.Н. вспоминает в «Первом свидании»: «Мои строфические дни — И симфонические игры». ⁵⁵

Но и в гораздо более поздние годы *движение тела* было так же необходимо Б.Н. Оно создавало оттяжку от головы: прогулки, работа со снегом, гимнастика действовали на кровообращение, освежали и отвлекали от мыслей. Отсюда — берлинский фокстрот, как та же оттяжка, как сознательно выбранное средство не сойти с ума в тот трагический период в жизни Б.Н. ⁵⁶ И так же все для того, чтобы *уравновесить голову* — прогулки в море под парусами или на веслах, купанье, загар, игра в мяч, «камешки», рисунки, «листки» осенью и снеговые «Версали» зимой. В своих, так им называемых «работах со снегом» Б.Н. композиционно продумывал линии всех дорожек в Кучинском дворе, и с необыкновенным изяществом обрезал боковые бордюры, после чего они принимали вид искусно подстриженных снежных боскетов с картин Сомова. ⁵⁷ В ярком солнечном свете и при луне эти «боскеты» вызывали невольное восхищение не только у посещавших Б.Н. москвичей, но и у наших кучинских соседей, не слишком склонных к эстетике.

Для забавы же и для «игры» — он любил иногда *поиграть*, что: рассеянный! Б.Н. принимался в веселые часы рассказывать разные смешные инциденты, возникавшие на почве его действительно частой рассеянности. — «На ловца и зверь бежит» — весело смеялся он. И рассказы лились рекой.

Однажды в Берлине он поздно вернулся домой после одного из своих ресторанных и фокстротных походов. Все

уже спали, и он двигался осторожно, чтобы не помешать соседям. Улегшись в постель, потянулся взять что-то из ящика в своем ночном столике. Не рассчитав движения, слишком выдвинул ящик и с грохотом уронил его на пол со всем содержимым. Испугавшись, что шумом обеспокоит соседей, наскоро подобрал разбросанные по полу вещи и хотел вставить ящик обратно. Тот не вставляется: вдвинулся наполовину и дальше не шел. Б.Н. долго возился с ним, двигал в разные стороны, удивлялся и шопотом ахал: — «Скажите пожалуйста! А! Вот так история!» Все напрасно. Совершенно измучившись, решил отложить до утра и сообщить о «непонятном казусе» убиравшей комнаты фр. Эльзе.

Когда проснулся, первая мысль была: Как же ящик. Ящик не двигался. Едва показалась в дверях фр. Эльза, Б.Н. бросился к ней. — «Фр. Эльза, взгляните! Непонятное что-то! Испортился ящик!» Та наклонилась и вдруг весело фыркнула. Едва сдерживая смех, показала: «Но это же ключ, херр Бугаев. Вы не тем боком вставили ящик!» Оба они дружно расхохотались.

В Москве, в 1924 или 25 году Б.Н. пригласили прочесть доклад на частной квартире для небольшого кружка инженеров. Предварительно он зашел к В.О.Н. условиться о ночлеге,⁵⁸ заговорился и когда взглянул на часы, то оказалось, что нужно спешить (опаздывать он не любил). Покорее оделся и что-то еще договаривая с провожавшим его В.О., бросился к выходу. Доклад удался. «Инженеры» остались довольны и разошлись с выражениями всяческой благодарности, взяв обещание встретиться снова. Разгоряченный, Б.Н. переждал, пока немного «простынет», договариваясь с хозяином о продолжении лекции. Наконец он поднялся, простился и, надев шубу, пошел к выходу. — «Б.Н., а вы забыли здесь накидку» — крикнул ему инженер, протягивая вслед «что-то широкое, темное». — «Какую накидку? Не было у меня накидки!» — отрицал Б.Н. Но хозяин настаивал: — «Ваша накидка, Б.Н. Больше ничья.

Видите — вешалка пустая: все, кроме вас, разошлись». — Б.Н. пригляделся и с удивлением признал: «Это же накидка В.О.! Как она здесь очутилась?» — «Б.Н. вы в ней пришли! Больше никак!» — улыбался хозяин. Пришлось допустить, что, торопясь от Н., он «прихватил впопыхах» и накидку. Как это случилось — понять невозможно: шуба Б.Н. и без того была так узка, что он с трудом в нее «втискивался». Металось ли широчайшее облачение снаружи, или повисло внутри — так и осталось загадкой.

Но и Н. был поражен, когда Б.Н. вернулся с накидкой: — «Так и проехались с вами? И не потеряна! ... Великолепно!...»

Поселившись временно в Базеле, Б.Н. особенно полюбил высокую площадку на набережной, над Рейном, возле старого Мюнстера. Часто бродил там и подолгу сидел на скамейке, глядя вниз на зеленые быстрые воды. Там зазвучали ему темы «Кризисов»,⁵⁹ вставали образы Ницше, Эразма, — тоже некогда жителей Базеля. Занятый этими мыслями, он однажды спускался по широкой лестнице, ведущей от Мюнстера к Рейну. Вдруг за спиной его раздалось сердито-испуганное восклицание: — «Ай! Что вы делаете? Разве так можно!» Не относя восклицания к себе, Б.Н. все же бессознательно обернулся. И к величайшему удивлению и ужасу увидел перед собой рассерженное лицо молоденькой девушки, за локоть которой зацепилась ручка его палки. Девушка поднималась по лестнице, а он тянул ее вниз. — «Что вы делаете? Вы можете на смерть меня расшибить!» — начала она негодующим тоном. Но увидев растерянное и испуганное лицо Б.Н., весело расхохоталась. — «Какой вы, однако, рассеянный! Вперед, если захотите так же крепко задуматься, то не берите палку крючком назад, и не спускайтесь по лестнице. Иначе может случиться несчастье». — Б.Н. бормотал извинения и пытался что-то такое сказать. Но она махнула рукой и, весело смеясь, побежала вверх по ступенькам.

Однажды, в «мусагетские»,⁶⁰ а может быть и в еще более ранние годы, Б.Н. несся по Арбату, куда-то сильно спеша. Встретив знакомого, хотел с ним любезно раскланяться и рванул быстро в сторону шляпу. Но в глазах знакомого брызнул смех, а сам Б.Н. ощутил «непомерную тяжесть шляпы». Оказалось, что болтавшийся сзади шляпный шнурок непонятным образом задел за сюртучную фалду, и при поклоне она «лихо» взвилась вслед за взмахом руки.

Нечто подобное повторилось при мне в Берлине (в 1923 году). В весенний солнечный день мы решили с Б.Н. сделать «Ausflug». По дороге на вокзал что-то нас задержало. Стоя у кассы, Б.Н. отчаянно волновался, что мы опоздаем на поезд. И едва получив в руки билеты, опрометью бросился к выходу на перрон. Вслед ему раздалось вдруг добродушно смешливое: «Hei, hei, junger Mann, nicht so schnell mit meiner Uhr!» — и в ту же минуту я увидела, как из жилетного кармана толстого немца, стоявшего у кассы за Б.Н., вылетели золотые часы. Сверкнувши на солнце, они повисли на спине Б.Н., зацепившись за пуговицу пальто. Он стремительно рвался вперед, а немец придерживал его за рукав и пытался вернуть себе улетающие в пространство часы. Рассерженный непонятной задержкой, Б.Н. яростно оглянулся. Глаза его разрывались от гнева. — «Оставьте! Что вы меня держите? Мы ж опоздаем на поезд!» — кричал он по-русски. Но немец уже справился со своей задачей, и водружая на место часы, по-прежнему с добродушием крикнул: «Laufen Sie mal, s'ist schon fertig».

Когда мы уселись в вагон, и я рассказала Б.Н. о «происшествии», он до слез хохотал над своей «неудачной попыткой ограбить почтенного немца».

Более мелких «недоразумений» — не перечислишь. Они случались на каждом шагу. — Вдруг начинались шумные поиски очков, незаметно сдвинутых на лоб; или шапочки, крепко зажатой в руке. Причем раздражение и горечь потери были так велики, а поиски так стремительно, что и

мне, захваченной этой бурей, не сразу удавалось обнаружить пропажу. А сколько раз Б.Н. собирался подлить в стакан с вином «воды» из молочника, или «поперчить» суп из... чернильницы. Или же нетерпеливо рвал и сердился, что никак не может просунуть голову в ворот «противной» рубашки, а при ближайшем рассмотрении оказывалось, что это был просто рукав. Или прощаясь и спеша договорить последние фразы, стремился поцеловать руку у пораженного собеседника (Б.Н. Григорова).⁶¹ Или изо всех сил дергал дверь, «не желавшую отворяться», и не замечал, что она заперта еще в «неожиданном месте» на коварный крючок.

И однако, при такой как бы постоянной рассеянности, он ни разу не спутал того, на что сознательно обращал свое внимание: не потерял ни одной нужной бумажки, билета, квитанции. Но для этого он должен был сперва сосредоточиться и *сознательно* запечатлеть в своей памяти каждую мелочь. Это называлось у нас: «довести до сознания». Перед выходом по делам или перед поездкой Б.Н. каждый раз методически сортировал свой карманный портфель. — «Ну, довел до сознания, — говорил он облегченно, окончив трудное дело разборки, — можешь теперь быть спокойна: ничего не потеряю». — И действительно, не терял. Но без такого обзора-«компендиума», как он называл, «был как в темном лесу» и никогда не забывал его сделать. Поэтому он не любил, чтобы во время работы трогали его письменный стол, где видимый беспорядок листов, папок и книг был им строго продуман и «доведен до сознания».

Рассеянность Б.Н. во многом происходила от постоянной сосредоточенности его на каких-нибудь своих мыслях, а также от его темперамента, заставляющего его делать и переживать все с необычайной стремительностью и порывом.

Об этом мы часто с ним говорили. Он разбирал в себе свой темперамент и старался понять ту сложную «интер-

ференцию» самых разных оттенков, из которых слагалась трудно определяемая ткань его темперамента и его характера вообще. Оказывалось, что в нем смешаны, и притом почти в равной мере, холерик, меланхолик и сангвиник. Только флегматика не было ни на иоту. И сколько мы ни искали, так и не могли найти ни одной флегматической черточки. А будь он хоть немного флегматик, — ему было бы гораздо легче жить и работать.

Зато меланхолика было — «хоть отбавляй». И острые «задуми» меланхолика, соединяясь с кипучим напором холерика, создавали вокруг Б.Н. ту взволнованную напряженность атмосферы, которую не все понимали и не все могли выносить, говоря, что он утомляет и подавляет. «Холерик, сцепившись с меланхоликом», заставлял его бурно реагировать, «ввергая в водоворот катастрофических вихрей».

Прежде чем перейти к Б.Н. — сангвинику, кратко скажу, что была еще «зона», которую Б.Н. называл в себе *вне-* или *над*темпераментной. В ней он укрывался от бурь темпераментной «зоны». Все реакции в ней проходили иначе, совсем в другом ритме и формах. Там была тишина, нежность и строгий покой. Бурный огонь темперамента переходил там в ясные мысли, в свет самосознания. И звучала его изначальная тема: «Excelsior!» ...*amans amare* — Выше вперед, — через любовь к Любви. Но эта зона была глубоко скрыта в Б.Н. и мало кому он ее открывал.

В темпераментной «зоне» его спасало то, что он сам весело называл в себе «неисправимым сангвиником». Он действительно всегда был открыт для смеха и шутки, для солнца и радости; был как-то детски доверчив, беспечен и беззаботен. Охотно шел к людям, отзываясь на все их интересы, большие и малые. И сам был всегда готов поделиться своим. Даже в самые тяжелые минуты, находясь в обществе среди живых, интересных людей, он мог действительно быть, а не только казаться веселым. И никакие удары судьбы не могли истребить в нем этой, в основе своей

жизнерадостной воли. «Воля к жизни» была постоянным солнечным центром его существования. Она провела его сквозь недетскую боль его более чем грустного детства и не покидала его никогда на протяжении всех его дней. Это была его музыка, его Песня без слов. «Воля к жизни», любовь к силам, строящим жизнь, — ее-то не видели многие. И в этом источник — почему многие не понимали или так неверно понимали Б.Н.

Одни просто считали его поверхностным, едва ли не легкомысленным, весельчаком и откровенно завидовали: «Какой счастливый характер! Вам легко жить!» Я не преувеличиваю. О таких отзывах со смехом рассказывал сам Б.Н. Да и мне не раз приходилось выслушивать такие замечания.

Другие, главным образом — более близкие к Б.Н. люди недоумевали и даже негодовали, — как может он в данный момент веселиться, искать развлечений. — «Значит, — все нипочем. Значит, — как с гуся вода».

Говорившие это не видели в Б.Н. такого чрезмерного богатства души, которое нельзя было нести только в себе, которое непременно нужно было кому-то отдать. Этот-то разрывающий переизбыток часто понимали упрощенно, как эгоизм. Считали, что именно эгоизм позволяет ему с — видимой — легкостью переходить от одного впечатления к другому, увлекаться новыми людьми, завязывать новые отношения.

А между тем, на протяжении шестнадцати лет я видела, как Б.Н. умел быть верным и преданным, как долго он хранил свои чувства, с каким трудом и болью отходил от своих глубоких привязанностей, когда, наконец, убеждался, что было «не то».

Повторяю — часто *выход к людям* был жестом самосохранения. Ему нужно было ошутить вокруг себя жизнь, убедиться в ее реальности именно в те минуты, когда в его сознании проходила уничтожающая трагедия *гибели и смерти*. Тогда ему нельзя было долгое время оставаться наедине с собой. Сборник «После разлуки» показывает, к

чему это могло привести.* В этот период его поведение очень многих смущало: «Пьет... Танцует фокстрот...» Он же знал, что теперь именно уединение для него опасно. Целые ночи, оставаясь один, он кипел, бушевал и доказывал что-то кому-то. А утром, поднявшись усталый, с мигренью, он горько сетовал: — «Сегодня опять не заснул. Всю ночь подо мною ходила постель, и я сжимал кулаки».

После таких ночей необходим был *разряд*: новый приток впечатлений; нужно было кинуться к людям, пошуметь, поболтать, посмеяться, бросить, в сущности, тот же «Аполлонов ковер над Дионисовой бездной». Б.Н. знал, что в этом жесте его понимают неверно. И не умел, а отчасти — из гордости — не хотел объяснить. Помню тогда наши беседы; его упрямое: — «Каков есть, таков есть... Пусть таким принимают. Дела мне нет до того, что подумают!...»

Но сильнее и глубже этого вскрика было то, что заставило его в «Первом свидании» сказать:

О, обступите — люди, люди:

Меня спасите от меня...⁶³

В тот период с особой остротой Б.Н. проходил через свой последний «темпераментный» кризис. Этот кризис отмечен им в «Раккурсе дневника» (находится в ГЛМ)⁶⁴ краткой записью: «Переоценка ценностей десяти лет (людей, идей... себя)».

Я привела эти строчки из «Первого свидания» не как прямую автобиографию, а как иллюстрацию одного из моментов тогдашнего настроения Б.Н. С такою же силой в нем звучали тогда и строчки Вл. Соловьева: «Одно, навек одно», и слова глинковского романса: «Сияй же, указывай путь», и многое другое.⁶⁵

Б.Н. всегда возражал против «по прямому проводу» автобиографического истолкования поэзии, даже лирической.** Он говорил об ошибках, которые непременно возникнут, если в лирическом стихотворении будут искать непосред-

*Он жил тогда совершенно один в при-берлинской деревне Цоссен.⁶²

**Исключая лирику «личного чувства», да и то с оговорками.

ственно отражения личности автора в момент написания. В предисловии к «Пеплу» (1929), назвав эту книгу в целом «лирической поэмой», он пишет, что герой поэмы — «штун, бродяга», которого он — автор — просит не смешивать с собой, так как «лирическое Я есть мы зарисовываемых сознаний, а вовсе не Я Б.Н. Бугаева (Андрея Белого), в 1908 году не бегавшего по полям, но изучавшего проблемы логики и стиховедения».⁶⁶

Биографический узел всегда гораздо сложнее. И лирика, как и всякое творчество, может дать только своеобразно оформленный и преломленный материал к пониманию. Преломленный настолько, что по словам Б.Н.: «Мрачнейшее стихотворение неведомым путем может вырваться из-под пера в самые безоблачные минуты. И наоборот: иные прозрачные светлые строки слагаются как раз тогда, когда на душе царит мрак отчаяния».

В связи с этим скажу здесь еще об одном. Каждый раз, когда думаю о темпераменте Б.Н., во мне начинает звучать его голос, читающий все то же стихотворение «Тимпан» из последнего сборника «Зовы времен».⁶⁷

Ритм мелодии дан там на дыхании трех разноокрашенных волн интонационно поющего голоса. В пределах трех строф сомкнут диапазон звучаний, — от огненных взрывов, через певучую призрачность флейты, до сквозного струения арфы.

Он начинал, — будто весь вспыхнув, — с бурного взлета острых хохочущих строк: — «Поднял голос упорный, лукавый, как Пан». — Потом, из обрыва в глубокую паузу едва намечал, замедляя, напевно: — «Точно сон из забвенья, точно хитон фиолетовый...»

Потом — новая пауза... И — вздохом душистого воздуха веяла «Сафо», лицом озаряясь на звук; а вдаль, угасая легким всплеском созвучий «арфа струилась ручьем серебристым — Из рук...»

Нет, нужно было раз только слышать, как читал свой «Тимпан» Б.Н., чтобы этого никогда не забыть.

Меня однажды спросили: был ли Б.Н. скрытен? Этот вопрос заставил задуматься. Просто ответить да или нет на это — нельзя.

Он мог совершенно свободно и очень открыто говорить о себе почти со всеми, и казалось — высказывать *все*. Но тональность этого «все» у Б.Н. была непохожа на «все» у других. И непосредственность его проявлений, которую в нем иногда отмечали, его безграничная, как казалось, откровенность в высказываниях о себе также имела особый оттенок. В нем была редко встречающаяся объективность по отношению к себе, какая то *объективированность* — выделенность себя же в себе. Точно он различал в себе своего рода субъект и объект, и в то же время оставался всегда и во всем самим собой, тем же неповторимым Б.Н. — И вот, Б.Н. — субъект — говорил об объекте — Б.Н., — как о ком-нибудь постороннем, как о другом человеке. Он мог обсуждать слова и поступки этого человека, мог оценивать их совершенно незаинтересованно и беспристрастно, со спокойствием, свободным от личной взволнованности.

Может быть, это действовала в нем привычка художника, который всегда все видит и наблюдает невольно. Он и себя наблюдал наряду со всем остальным. Он следил за собой и видел себя со стороны даже в такие минуты, когда казалось, что никакое самонаблюдение невозможно. В одном разрезе я уже рассказала об этом, говоря о его самообладании и твердости в минуты опасности или при принятии серьезных жизненных решений. Но даже в мелких случаях, и даже тогда, например, когда он «взрывался», не владея собой, он всегда как-то видел себя и сознавал, хотя и не мог сдержать своих «взрывов». Он говорил мне об этом, а иногда я и сама это видела.

Так и в разговоре с людьми. Он был совершенно открыт и обращен к человеку. И все-таки — еще глубже, под этой открытостью оставалось еще что-то, чего он не открывал.

Он рассказывал о себе горячо и правдиво, часто с большим увлечением, и без всякой ноты утаивания. И все-таки

он обнаруживал только то, что хотел обнаружить, и настолько, насколько считал это в данный момент возможным и нужным.

Он часто говорил, что в человеке есть зона, вообще не выразимая в слове. Там человек всегда один, сколько бы друзей и любимых у него ни было. Там он один — с собою и Богом. В момент смерти каждый пройдет через это.

В следующей зоне человек живет с тем, кого он называет своим «ты». Там он уже не один, там он — «Я и ты». И, наконец, в третьей зоне он живет со многими, — там он в «мы», прежде всего с друзьями, а потом — уже со всеми людьми.

Конечно, это не было сухой схемой, механическим, рассудочным разделением. Через все всегда звучал голос сердца. Он проходил через все «зоны», связывал их, и делал слова Б.Н. всегда такими живыми и нужными каждому, с кем он говорил. И оттого в его личных словах так необычно звучала не личная нота. Он говорил не *о себе*, а о человеке, с которым случилось то-то и то-то, что со всяким может случиться. И слушавший чувствовал себя не исключенным, а включенным в этот человеческий опыт, в это человеческое переживание.

Исключительно о себе Б.Н. говорил очень редко и мало. И, пожалуй, не будет ошибкой сказать, что свое самое главное, свое заветное и святое он почти не выговаривал в слове. Он давал его в интонации, в жесте, в совершенно особенном тембре голоса, в невыразимом, сияющем и точно полном огня и слез взгляде; и в паузе. В паузе больше всего.

Но как сказать о том, что шло от него в этой паузе... Это был светлый, глубокий покой, чистота, отрешенность и строгость «перегоревших страданий». О них в «Х.В.» Б.Н. сказал: «Я знаю:... перегорающим страданием века омылится голова каждого человека».⁶⁸

И вот, казалось, что видишь, как буря страдания здесь уже улеглась, уже *перегорела* — в любовь. И любовь, победив, засияла трепетом легких лучей где-то незримо воз-

шедшего Солнца; оно — это солнце — согревало и озаряло теперь все черты; лицо его тихо светилось; и в детской улыбке, в прерывающихся тихих, как вздохи, словах было доверие к силам добра, к силам жизни. Какое-то детски простое доверие, простая горячая вера.

Привожу несколько строк из письма В.П.Д.,⁶⁹ полученного мною в январе 1941 года, — гораздо позднее того, как я сделала эти записи. В.П. пишет мне: «...Он весь был — *музыка*, — это первое, и второе — он был весь *детскость*. Да, несмотря на его острый ум, огромную эрудицию — он был где-то, в глубине глубин, — чистый, ясный ребенок. Эта детскость, так редко встречающаяся в людях, светилась иногда в лучистости его глаз... [Он рассказывал что-нибудь] ... его глаза были такие лучезарные, чистые и детские. Детские в доверии, в радости озарившей мысли, в стремлении отдать другому то, что звучало как некое открытие. [Это был] взгляд... „ребенка-гения“... И третье — какая-то *детская беззащитность*. Да, именно так... Он мог греметь, сердиться, стучать кулаками, негодовать, но, но... он все же был беззащитен... И четвертое — он был весь *правда и искренность*. Он был — правда, когда говорил противоположное тому, что говорил вчера, быть может, год назад... потому что он был прежде всего честен с самим собой».

Но бывали другие минуты. Тогда — будто стремясь из бездонных глубин, откуда-то из самых недр бытия, в нем вздымались огромные волны... Грозно и мрачно неслись, и ударяли, казалось, что: в небо. Точно вихрь, вдруг взлетал и звучал как угроза, вопрос: — «Зачем же возникла такая вертучка миров, где умнейшим, добрейшим...» (М. п. уд.).⁷⁰

Он вскакивал, будто поднятый ураганом нахлынувших мыслей. И застывал. Легкий и тонкий, он тогда казался гигантом. Стоял одиноко и прямо перед миром и Богом. С нечеловеческой властью и силой бросал свой человеческий вызов: — «Не хочу быть дураком перед Господом Богом» (слова Ломоносова).⁷¹ Если я человек, то и страдать

хочу по-человечески: зная и понимая, что и зачем. Мы — люди, а не бессловесные твари, которым положено мучиться, не понимая. Если же у нас отняли понимание, то я *не* согласен. *Я хочу понимать!* И заявляю об этом. Не хочу говорить, что прекрасно, коль вижу: *не* прекрасно совсем... Осанны в кредит петь *не* могу... И ходить в дураках *не* желаю...».

Как стремительные удары неслись его *не*, — сухие, короткие и страшные в своей отрицающей силе. Кого или что видел он перед собой? В кого бил, или — сам обо что разбивался? Какая сила вздымала в нем эти гневные волны? И как он мог совмещать в себе эту мрачную бурю и тот сияющий ясный покой? Как вообще мог *один* человек нести в себе и выдерживать такой страшный контраст состояний?

Беру его же слова, в которых слышу ответ на эти вопросы. Уже после, когда его не было, как-то читала я «Маски», и — вздрогнула. Неожиданно новым совсем смыслом зажглись мне знакомые, столько раз слышанные прежде строчки. Я словно видела вновь перед собой Б.Н. и слышала его голос: «...летучие ужасы мира стремительно вниз головою низринутись — над головою не нашей планетной системы, — чтобы зодиак был возложен венком семицветных лучей! И вселенная звездная стала по грудь: человек — выше звезд!» («Маски», 312)

— «Человек — выше звезд!» — звучал его голос. «Выше звезд» — как же и чем? «Выше звезд» он любовью, сердечным теплом. Ему дан этот луч, этот солнечный греющий луч, рассекающий черные тучи всех «ужасов мира».

В разговоре с Тителевым (в «Масках») Коробкин указывает на факт убывания скорости света, что ведет к охлаждению нашей вселенной. И на насмешливый вопрос Тителева: — «Ты-то... разогреешь созвездия?» — отвечает решительно: — «Да-с!» — «Чем?» — «Любовью».⁷² Это — ответ самого Б.Н.

И я вспоминаю: каким бы смятением ни был охвачен Б.Н., но при слове *любовь* — он стихал. И как бы ни был

велик его протестующий *бунт*, но стоило только сказать: — «Ведь есть же любовь», — и он весь озарялся. Точно все разрешающий синтез, пронеслось дыхание света; словно что-то склонялось над ним и покрывало собой все сомнения, непонимания, неразрешенности всех неразрешенных вопросов. Потому что в любовь верил он до конца, безусловно. Она была для него той *реальной реальностью*, которой ничто не могло поколебать, затуманить.

Вспоминаются изумительные слова бл. Августина: *Non-dum amabam, sed amorem amavi. Quaerebam, quod amarem, amans amare.* «Я еще не любил, но любил любовь. Искал что полюбить, любя любовь». (Привожу на память цитату, запавшую в душу мне в очень юные годы и с тех пор нигде не встречавшуюся.)⁷³

И вот, о Б.Н. могу сказать силой этих единственных слов: да, всю свою жизнь он «любил любовь». И с какой огненной силой!

Но — любовь он таил. Это и было то, что в общении с людьми он не обнаруживал, о чем целомудренно-строго молчал. И потому очень немногие знали в нем это свойство души, немногие предполагали в нем эту способность. И немногие видели, как он умел любить, как хотел любить и как он любил.

Мне почти страшно писать это слово. Слишком много оттенков в его понимании. Оно стало избитым, захвачанным. Стало штампом, как и другое великое слово: добро.

Но говоря о самом главном и внутреннем в Б.Н., об этом нельзя не сказать. Это было то, чем он дышал, чем билось его сердце, — его чистое, строгое и, как солнце, горячее сердце, укрытое в нем глубоко, глубоко, недоступно для взоров. А он нес любовь, как родник своей жизни. Он верил в любовь, как в изначальную силу, создавшую мир. И в своем творчестве видел лишь «малый и слабый» отблеск этой великой, единой основы бытия.

И сам он в любви своей был бескорыстен и щедр. Он не присваивал, не брал себе, но отдавал себя, — без вопросов, сомнений, без меры, — в одном неудержимом горячем по-

рыве: отдать.

Так любил он тех, кого считал бесконечно выше себя, тех, перед кем он благоговейно склонялся.

Но так же любил он и тех, к кому сам он склонялся, в ком не мог не почувствовать их беспомощной слабости, но кого в свете своей беспредельной любви он называл и считал себе братьями.

Записав эти строчки, я смущенно задумываюсь. Имела ли я право об этом писать? Имела ли право касаться того, что сам Б.Н. оставлял только в паузе...

Но смысл моих слов один. Я хочу рассказать о том, что я видела и узнала в Б.Н., чему от него научилась, и чего многие в нем не знали совсем.

Он действительно был очень сложен в своих проявлениях. Но как же могло быть иначе? Как мог он сразу открыть свою правду? Жизнь сознания в нем, его самосознание, было так многообразно построено, так многосоставно. Сколько сфер, зон, пластов и потоков в нем всегда пересекались! Как бурно двигалась и неслась эта певучая ткань, образуя мгновенные смены «переложений и сочетаний», — то, что Б.Н. называл в знаках алгебры abc , cba , bac и т.д. Это можно было бы уловить и передать лишь в формах музыки.

И он, действительно, был как живая симфония. Как в симфонии, светлый мажор в нем сочетался с трагическим скорбным минором; стремительность бешеной фуги сменялась высоким покоем хорала. Сложнейший хроматический ход «Разуверенья» прерывался «щеглячьей» наивностью радостной песенки.⁷⁴ То он взлетал, как «Тимпан» («Зовы времен») и несся в огненном смехе стаккато; то размеренно падал в сдержанной мощи рубато. То слышались грохоты гулких ударов: «— Гордо глыба молота — Закачалась в твердых руках» («Зовы времен»).⁷⁵ И вдруг запевала мелодия серебристой, «малиновой» нежностью, будто «зов бирюзовый», будто «бледно лимонная блеснь» из-под руки, «с лютни срывающей прозвучки грусти чудесной» («Зовы времен»).⁷⁶

Больше всего он был музыка, и больше всего он был ритм. Ритм и музыка едва сдерживались в нем человеческой формой.

И все же он был человек. Не только был, но и хотел быть человеком, — именно *прежде всего* и *до конца* человеком. Сам так смотрел на себя и хотел, чтобы так к нему подходили другие. Хотел, чтобы видели в нем не писателя, не автора книг, и — что хуже всего — не «арабеску от символизма». Он хотел, чтобы в нем видели человека — «Бориса Николаевича». Только на этот звук он откликнулся сердечно и ласково. На подходы иные сердился. И едва только слышал ноту придыхания «Андрей Белый», тотчас же становился далеким и сдержанным, порой неприятно официальным, порой подчеркнуто вежливым и любезным. Но все это значило, что он насторожился и спрятался, ожидая, что будет дальше.

Но окончательно он не выносил, когда люди «с улицы» обращались к нему, как к «учителю жизни», или, что еще хуже, — когда видели в нем существо необычайное и даже... сверхчеловеческое. А такие случаи тоже бывали. Тогда, рискуя обидеть, пугаясь этого и оттого приходя в совершенную ярость (иначе Б.Н. не умел себя защитить), он взрывался потоком громких, отчаянных криков. Летел, как лавина, на оглушенного почитателя:

— «Вот... Вы пришли разговаривать... А знаете вы, что у меня зубы болят, что я рот полощу шалфеем. Где же мне говорить... Вы подумали, что мне как раз завтра анкету фининспектору подавать... Мне время дорого. Я должен работать, как вол. Вы врываетесь к человеку, когда вам захочется, а у него мигрень жесточайшая... Вам неизвестно, что я всю ночь не спал за корректурой...»

Все это выкрикивалось с нарастающей быстротой, с единственной целью — как можно скорее, скорее, скорее «прервать безобразие ложной позы учителя», показать, что «учителя» нет, а есть усталый больной человек, который хочет оградить себя от неожиданных притязаний на углу-

бленный, многочасовой разговор о «последнем и вечном», когда ему не до того.

Такой крик давался Б.Н. нелегко. Иногда целый день после этого он не мог уже прикоснуться к работе. А успокоившись, когда гнев проходил, он говорил потом, полусмеясь, полусердито, что «чреватость» и «нарочитость», надетая к тому же как «на корове седло», — для него «хуже горькой редьки».

И напротив, — чем проще, непритязательнее и конкретнее был вопрос, с которым к нему обращались, тем охотнее он откликался.

Как-то, мало знакомый ему человек, благодаря Б.Н. за живую беседу, воскликнул с горячим порывом: — «Б.Н., как удивительно и хорошо, что около Вас нет никаких мусорных куч, которыми осыпаются знаменитости. К Вам подходишь свободно. Вы подпускаете прямо к себе. Это делает в Вашем присутствии просто счастливым. Начинаешь в Вас верить. И — начинаешь верить в себя...»

Б.Н. ласково улыбнулся. Но ничего не сказал. Он слышал искренность и прямоту этих слов и сдержал уже готовый вспыхнуть протест. Видно было, как «знаменитость» резнула его.

Разумеется, он допускал и уважение и естественный «пафос дистанции». Они не могли помешать. Даже напротив — так как развязности и бесцеремонности он вообще не любил и встречал ее или строгим «нахмуром», или подчеркнутой предупредительностью — признаком, что он недоволен. Слишком навязчивых и развязных людей быстро ставил на место.

Но у него была «откровенная слабость». Можно было подумать, что он ревновал себя к «Андрею Белому» и зорко следил, чтобы Андрей Белый не затмил собой Б.Н-ча. Внимание и ласка, оказанные Б.Н., были дороже всех лестных слов, расточаемых по адресу Андрея Белого. Убедившись же, что «Б.Н.» признан, что его замечают и с ним считаются, он успокаивался, добрел, становился веселым,

доверчивым и очень-очень простым. Он открыто радовался всякому знаку внимания, всякий пустяк принимал с благодарностью. «Б.Н.» не был особенно избалован и мало видел тепла и забот о себе и простой человеческой ласки. Но нужно было, чтобы и внимание и забота направлялись именно к нему, к Б.Н.-чу, а не к «абстракции», не к «арабеске» Андрей Белый, который он отразил, как свой литературный «каркас», назвав его «Леонид Ледяной» — в «Записках чудака» и в стихотворении «Леониду Ледяному», предназначавшемся для сборника «Звезда».⁷⁷

Что же значило на его языке «оказать внимание Б.Н.»? Расскажу несколько маленьких случаев.

Во время наших кавказских поездок предмет постоянных забот и волнений составляли «трудности с самоваром», потому что Б.Н. всегда любил «поуютничать за чайком». Он перебирал и обсуждал вновь полученные впечатления и тут же записывал их, кое-как примостившись «у самоварика» со своими листами и папками. А между тем — получить самовар на Кавказе — «редкое благополучие». И можно было бы написать целую эпопею о наших «самоварных и чайных» боях в Армении, в Грузии. — Только с большим трудом добились мы, например, признания самовара в Схвители,⁷⁸ в доме, где по местным обычаям день начинался и кончался вином. А какие «горы усилий» ушли в Эривани, прежде чем на столе у нас в номере появился, наконец, кипятилок.

И вот, когда из Тифлиса мы должны были «взлететь» в Коджоры (прекрасное горное место в тифлисских окрестностях), Т.,⁷⁹ в доме которого мы остановились на несколько дней и с которым прежде не раз совершали поездки, предложил нам взять с собою в Коджоры его самовар. Б.Н. встретил это предложение с восторгом. Он положительно ликовал и бурно выражал Т. свою благодарность; и как же не радоваться, когда с нами в Коджоры «взлетал» самовар, т.е. открывалась возможность многих «блаженных и плодотворных часов».

Также тронуло Б.Н. внимание одной знакомой, которая

заметила, что он с удовольствием кушает сладкие батумские булочки с ореховой начинкой — рожки, как он называл, и стала их привозить, навещая нас в Цихис Дзири.⁸⁰

Вспоминая свои «сырые» дни в больнице в 1921 году,⁸¹ Б.Н. всегда говорил, что большим утешением ему в то печальное время были кедровые шишки, которые вместе с рассказами о душистых сибирских лесах и о Байкале приносила ему одна из его слушательниц по Лито,⁸² проводившая свое детство в Иркутске.

Но зато как же он был недоволен, возмущен почти, когда друзья забыли привезти для него из-за границы цветных карандашей, о которых он, к тому же, специально просил. Цветные карандаши, бумага и краски были всегда желанным подарком. И вот теперь он бурно негодовал: — «Да, хорошо... Когда: Б.Н., почитайте нам, — то вытащат из постели. Болен, здоров, — все равно им: Читай. А карандаш привезти — это трудно. Абстрактные люди». И долго еще волновался и не мог забыть «невнимания» к своей «незатейливой просьбе».

«Абстрактный» — было в устах Б.Н. выражением величайшего порицания, имевшего много оттенков, главным же образом указывавшего на эгоизм. Другим, сильно порицающим словом было «нечеткий» в применении к поступкам или вообще к поведению человека. «Нечеткий поступок» означал на обыкновенном языке: непорядочный, или просто дурной. В знак более легкого неудовольствия и неодобрения он говорил еще о человеке «Verstandesseele», т.е. умствующий там, где нужно было бы чувствовать. Других порицаний не помню.

В жизни Б.Н. был исключительно легок. У него не было никаких особенных требований, никаких капризов, даже просто привычек. Когда он работал, для окружающих это было совсем незаметно. Не происходило никакого «священнодействия». Он тихо сидел за столом, углубившись в писание, и его не смущало, если в комнате шла своя жизнь. Он уверял даже, что от этого ему только «уютно». Лишь бы было сухо, тепло, лишь бы вечером на столе горела

светлая лампа, большего он не требовал. Ни шум, ни разговоры ему не мешали. Он их не слышал, если только это не была ссора. «Добрая атмосфера» вокруг была для него важнее всего. В этом отношении он был очень чувствителен. И если даже враждебность направлялась не на него, он все же сжимался, приходил в угнетенное состояние, нервничал. При этом — он совсем не умел сглаживать положение и обходить острые углы, и если вмешивался, то только ухудшал и запутывал дело.

Настроение домашних тем более отражалось на нем, что он очень охотно вступал со всеми в общение, интересовался общими радостями, разделял заботы и горе. Для каждого находил свой язык, быстро схватывал оттенки характеров и особенности окружающих лиц. За обедом или чаем он все наполнял своими живыми рассказами, в которых был просто неистощим.

Так было в моей семье. Мама, тетя и брат, не говоря уже о сестре, полюбили его как родного. В 1938 году тетя писала мне в связи с 8 января — днем памяти Б.Н.: — «Всегда вспоминаю дорогого Бориса Николаевича с любовью. Пусть я его не всегда понимаю в его писаниях, но в жизни он был честный, чистый, любящий человек, это было для меня понятно».

И странно было видеть, как эта сердечность, непритязательность и доступность сочеталась в нем в иные минуты с острым сознанием своей отделенности, с чувством невольного, беспредельного одиночества, которое вызывалось его роковым для него превосходством. Порой оно тяготило его самого и окружало трудную для других атмосферу постоянного напряжения и беспокойства.

Отчасти, это было связано в нем с нотой «Андрей Белый» (Леонид Ледяной). Как «Андрей Белый» он был не только избалован, но пожалуй, пресыщен. Он слишком привык быть в центре внимания и интереса; привык быть окруженным; выслушивать восхищения и восторги. Но эти внешние знаки нисколько не радовали его, не забавляли, а лишь раздражали: потому что «главного» — не получа-

лось; не получалось общения с людьми и не возникало горячей беседы, которой он всегда так искал и так ждал.

В такие минуты он часто переживал состояние, близкое состоянию профессора Коробкина в романе «Москва под ударом» (30): «Поговорить-то ведь нé с кем; из всех математиков, разве десяток, рассеянный в мире, мог быть ему в уровень». — Его охватывал приступ жгучей тоски. С острой силой вставало сознание своего «интеллектуального одиночества», — невозможность ни с кем поделиться обилием кипевших в нем познавательных сил, ввести в круг своих интересов и «домыслов».

Он испытывал подлинный голод по собеседнику, который мог бы активно участвовать в разговоре, поднимающем вопросы культуры, сознания, мысли; который мог бы не только выслушивать, но и оспаривать, возражать, выдвигать свои встречные темы. В отчаянии бросался он на постель лицом в подушки. И приподняв голову, несколько вбок неотрывно и остро глядел: — «Я хотел бы общения... настоящего разговора». Чтобы развлечь его, я шутила: «Сам виноват! Зачем такой умный... Вот и не с кем поговорить...» Иногда шутка действовала. Он быстро вскакивал, принимал гордый вид, уморительно сдвигал и заламывал свою шапочку и с лукавой иронией важно растягивал: — «Да, у-у-умен... слишком умен...»

И без всякого перехода, с хохотом бросался к столу — зарисовать тут же вспыхнувшую в уме карикатурную сценку. Я с облегчением вздыхала: это значило, что приступ прошел, и на этот раз с ним покончено.

Иногда же, не отвечая на шутку, он с тоскою глядел: — «Ах, мне так трудно жить... так трудно с людьми. Мы на разных языках говорим. Только и слышу: „Б.Н., как интересно... ах, ах...“ Мне же опротивели все „интересы“. То — интересно, и то. И все лишь одни трепыхи... по поверхности. Нового нет ничего. Ведано-переведано, что будет и как. Все уйдет в пустоту. Через два уже слова видишь: оборвалось... Ты летишь далеко... Говоришь, говоришь, говоришь. До хрипоты, до изнеможения. Без прока, без

отклика... Говоришь о том, что тридцать лет говорил, что сто раз пересказывал... И та же безответная бездна... Нет, почему невозможно общение с людьми?»

Иногда еще к этому он добавлял слова Баратынского: «Все *ведомы*, и только *повторенья* грядущее сулит». ⁸³

Он подчеркивал голосом «ведомы», «повторенья» и резко обрывал на «сулит» и замолкал.

Глядел на меня с разрывающей душу скорбью, но будто не видел. Тогда чувствовалось: *этому* одиночеству не так просто помочь. Этой тоски не смахнешь, не расшутишь, не развеешь ничем.

Весь он сразу и резко менялся. Словно ветер старинный поднимался из дали тысячелетий и обвеивал его ледяною и жгучей струей. Припоминались слова древней книги: «Идет ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем и возвращается ветер на круги свои... Что было, то и будет... Не выскажет всего человек... Не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием... Предал я сердце мое тому, чтобы исследовать мудростью все, что ... под небом... Но кто умножает познание, тот умножает печаль». ⁸⁴

Печаль чрезмерного знания, не отданного, не разделенного, росла из его неподвижно расширенных глаз. Взгляд был невыносим: в нем смешивались слезы и холод. Напряженный и острый, сухо и немо тоскующий, он обжигал и замораживал. — «Суета сует — все суета и томление духа!» ⁸⁵ — неотвратимо звучал приговор всему, что ни есть «под луною и солнцем».

И, как изгнанник, заброшенный в необъятность вселенных, к истокам времен и пространств, оттуда тянулся: — «Тяжело быть в таком отдалении... Ведь и я человек... Зачем же я здесь одиноко блуждаю? Я хочу быть с людьми. Мне здесь дико, и пусто, и холодно». ⁸⁶

Что на это сказать. Как облегчить. Я брала его руку. Прижималась к ней головой. Сердце плакало. Мы оба молчали. Сколько времени так проходило — не знаю: времени не было.

Но вот он начинал другою, свободною рукой тихо гладить мне волосы, сперва еле слышно касаясь, потом все сильней, живей.

Казалось, что он возвращался. Откуда? «Eine Strasse muss ich gehen, die noch keiner ging zurück».⁸⁷ Да, он ходил по дорогам, где спутников быть не могло.

Eine Strasse muss ich gehen — эти слова из романса Шуберта (цикл «Winterreise») одно время постоянно звучали в устах Б.Н. Он даже включил их в «Кризисы», над которыми работал тогда, а гораздо позднее ввел их опять в «Между двух революций».⁸⁸ Ему слышался в них лейтмотив его странной судьбы, особенно остро поднявшийся в нем в те трудные годы: лейтмотив безвозвратного и одинокого странствия. Эти годы он еще называл своим «Winterreise» — по имени этого цикла песен Шуберта.

Для Б.Н. многие из его внутренних состояний, порой даже целые полосы жизни, связывались со словами любимых поэтов или с темами музыкальных произведений. Он находил таким образом как бы внешнюю сжатую формулу для того, о чем *своими словами* было бы трудно и долго рассказывать. Нельзя перечислить и вскрыть все эти своеобразные формулы. Пришлось бы пересказать почти всю биографию Б.Н. ... Здесь были и Пушкин, и Гете, и Баратынский, и Лермонтов, Тютчев, Вл. Соловьев, Дельвиг, Глинка, Шуберт, Шуман и ряд просто романсов или песен, едва ли имеющих автора.

Назову еще две или три из них.

К тем же годам, что и «Winterreise», может быть немного позднее, относится тема, выражение которой давал Баратынский. Привожу это стихотворение — «На что вы дни» —, стараясь внешним образом передать интонации Б.Н.

Недаром ты металась и кипела,

Развитием спеша;

Ты подвиг свой свершила *прежде ТЕЛА*

БЕЗУМНАЯ душа.

И тесный круг подлунных впечатлений

Сомкнувшая давно
Под веяньем *ВОЗВРАТНЫХ* сновидений
Ты *ДРЕМЛЕШЬ*;

а *ОНО!*...

БЕССМЫСЛЕННО *глядит как утро встанет*
Без нужды ночь сменяя;

Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец *пустого* дня!⁸⁹

Условия жизни тогда были очень суровы. В домах не топили, трамваев не было. Б.Н. сильно страдал от холода и почти всегда был нездоров.

Он приходил к нам в чужих, слишком больших валенках, в неудобной тесной шубе с душившим его воротником, замерзший, усталый. Садился в кресло, произносил несколько бурных взволнованных жалоб на «невыносимую жизнь» и, вдруг как-то сразу умолкнув и оборвав свои возгласы, погружался в странное немое оцепенение.

Я спешила дать ему чаю. После двух-трех стаканов он оживал, оживлялся. Принимался рассказывать, где был, с кем встречался, о чем говорили. Потом раскрывал свой портфель, вынимал пачки исписанных листиков — последнее, над чем работал, и начинал читать, прерывая себя отдельными замечаниями:

«Это черновики... Лишь загрузка... Прицеливаюсь — как это может быть взято».

Часть этих записей так и осталась неиспользованной, и погибла вместе с другими бумагами Б.Н. на разных квартирах, по которым он кочевал в эти годы. Часть же вошла в «Крещеного китайца», в «Дневник мечтателя», в «Афоризмы о правде».⁹⁰

Наконец, после всего, перед уходом, сложив и убрав свои рукописи, он снова задумывался и отрывисто, то волнуясь, то успокаиваясь, начинал анализировать свое странное состояние.

Большая измученность, слабость и истощенность физическая переходила в душевном не то в полудремоту, не то в полусон. Картины воспоминаний наплывали одна за дру-

гой бесконечною сменой, как беззвучно скользящая ткань облаков, завораживая и погружая сознание в какое-то томительное оцепенение.

Тогда-то с непередаваемой болью начинал выговаривать он Баратынского, подчеркивая острою интонацией отдельные слова и строчки.

После глубокой паузы на «*ты дремлешь*», он обрывал голос в другую, казалось, бездонную паузу: «А оно...» И замолкал надолго, как бы ища нужное слово. И потом, из молчания сурово и медленно приподымал, точно вздох, точно стон мировой муки Атласа: «*бесмысленно... глядит...*» — Глаза широко открывались, как-то стеклянно вперяясь во что-то; будто с ужасом видели перед собой это неизбежное *утро, без нужды* сменившее ночь, — сменившее только затем, чтобы мертвенно повернувшись колесом *пустого* постылого дня, снова уйти в ту же ночь.

Много раз и потом слышала я, как Б.Н. цитировал и читал это стихотворение целиком и частями. Но никогда не звучало оно с такой безнадежностью, с такой силой «разuverенья» души, раненной, быть может, в самом глубоком.

И как контраст вспоминаются мне строчки Дельвига: «Когда, душа, просилась ты погибнуть иль любить».⁹¹

Эта тема сопровождала Б.Н. через всю жизнь. Впервые она зазвучала ему еще в юности, едва ли не в детстве. И шла с ним, раскрываясь по-разному в разные годы. В ней отражались очень интимные, едва уловимые движения души, то искавшей гибели, то вновь утверждающей любовь. Это была тема борьбы, трагический лейтмотив самых скрытых душевных глубин. То вставала она, как вопрос: *не быть или быть?* То манила сладкой отравой мыслью о гибели, соблазняющим зовом: уйти в «вечный покой». То вырывалась, как утверждение, как светлое «да» над всем горем, страданием жизни; и переходила в светлую тему: «Сияй же, указывай путь». В «Сияй же» — был призыв к силам света, было дыхание юных надежд, вера в счастье, свет зорь, волны музыки, огонь вдохновения. Оно зажигалось всегда «непобедимой звездой» над смущающим зовом

«погибнуть». Вот почему он мог сказать в «Первом свидании»:

Бросай туда, в золотое море,
В мои потопные года —
Мое рыдающее горе
Свое сверкающее: «Да»!⁹²

Но тогда борьба еще не окончилась. И казалось, что с первых моментов, когда пробудилось сознание, и до последних почти его дней в нем решался *вопрос роковой*; и душа была ареной борьбы. Точно на чаше весов всю жизнь было взвешено: любовь или гибель... И чаша весов колебалась.

Но в последний раз победила любовь. Осенью 33-го года в письме к моей сестре Б.Н. снова, и уже окончательно утверждает эту победу — с какой-то почти торжественной силой и с весенней нежностью. Заканчивая письмо, он пишет ей: «... мне сейчас хорошо и тихо; прислушиваюсь к себе; и слышу точно голоса, гласящие о выздоровлении и самопознании; вероятно нечто подобное испытывал Лев Толстой в эпоху своего кризиса: хочется быть лучше, облагодобразиться; и голос тишины и безмолвия, точно приподымаясь откуда-то, сулит помощь, Странные дни, странные часы, странные мысли, чувства и волевые импульсы.

Да, кризис сознания! Вот чем я преисполнен, взволнован в эти дни; и вспоминаются слова Дельвига:

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить...

Ну, конечно — „любить“, а не погибнуть.

Верю в силу любви».

(Москва. 15 августа 1933 г.)⁹³

В этих словах слышу я синтез всех его тем — итог подведенный всей жизни, всей борьбы и всей бури контрастов.

Это письмо, в сущности, было последним. После него были почти все открытки или короткие приписки в моих

письмах. Силы Б.Н. быстро падали.

И то, что было потом, можно передать уже в словах:

Мы — вот:
Мы — верим вере;
Пути —
Неисповедимы.
Иди:
Открыты двери!
Зовет —
Эфир родимый.

(«Зовы времен»)⁹⁴

2. ПРИРОДА.

«В образах, данных природой, слышатся художнику зовы Вечного».

(Луг зеленый, 24)¹

Да, «зовом вечного», или еще — по его же словам, — «праздником... утраченного смысла» («После разлуки»),² была для Б.Н. природа. И еще: она была «школой», — живой неиссякаемой школой, источником непрерывных исканий и опыта.

Попробую рассказать, как это было.

И сразу же поднимается — во мне начинает звучать одна из его главных тем: «понять и осмыслить». Все и всегда. И для этого: познать, изучить. Неотложно, стремительно. Все — от самых отвлеченных вопросов теории знания, до произвольной непроизвольности творчества, — ритмов, звуков и образов — до жизненных фактов, поступков, отношений с людьми, и даже — до снов.

Едва ли не каждый день, а иногда несколько раз на дню слышала я от него его любимый, — как он называл это — «пушкинский лозунг»: «Я понять тебя хочу: темный твой язык учу». После слова «хочу» в произношении Б.Н. подчеркнуто слышалось двоеточие, и смысл стиха раскрывался тогда в основной его теме: «*чтобы понять тебя — учу твой язык*».*

И Б.Н. непрерывно «учился». Объекты и стиль изуче-

* Так «учил» он когда-то язык своего злого врага — «Кашея Бессмертного» — Канта.

ния менялись. Но стремление оставалось все то же: «понять... хочу». С этого день начинался и этим заканчивался. В беседах за утренним чаем Б.Н. часто рассказывал только что виденный сон, и начинал его разбирать, полусуто, полусерьезно. В «Котике Летаеве» он пишет: «Я любил рассказывать сны: пояснять свои миги сознания» (стр. 44). А позднее, в «Ветре с Кавказа» он рассказал два-три таких сна.³ Вечером, за ужином, или на вечерней прогулке он любил продумать все, что случилось за день и рассмотреть это в том же все познавательном смысле. Самый день проходил также в смене «учеб». Им конца не было. «Век живи, век учись» — постоянная поговорка Б.Н., которую он произносил то шутливо, смеющимся тоном, а то очень серьезно.

Но последствия от прохождения разного рода «учеб» по-разному отражались на организме Б.Н.

Увлекательный и блестящий язык фактов культуры, искусства, истории вызывал сперва нервный подъем, а потом разбивал и измучивал, повергая в «депрессию».

Живое же «слово» природы дарило, не требуя жертв; питало и радовало, оздоравливая — морально, физически, творчески.

Прежде всего — «благостно» успокаивалась голова: без всякого напряжения мысли мыслились сами. Их, как и не было, пришли и ушли, оплеснули «душистыми ветерочками», прозвенели певучими струйками, как ручейки, прощепетали, как пташки. То были все же *мысли*, но мысли не головные, не рассудочные, а как бы музыкальные. Они мыслились всем существом, они пели в груди, во всех членах; омывали живою водою утомленное тело. От них шло освежение, бодрость, как от нарзанной щекочущей ванны.

«Власть надышался озоном», — говорил в такие минуты Б.Н. В его интонации эти слова означали не только природный озон, не кислород лишь, очистивший легкие, а всю живящую силу многообразных воздействий природы. И с годами потребность в этом «озоне» росла. Так цветку нужен солнечный свет. Так нужен воздух для птицы.

И Б.Н. все настойчивей «рвался» к природе, а «вырвавшись», производил больше всего впечатление птицы, выпущенной из душевной клетки на волю, в родную стихию, в лучистый простор. Он говорил и смеялся, и вновь говорил, говорил. О чем были эти слова, трудно сказать. Они сливались в какой-то щебечущий плеск: ни о чем, обо всем. О том, что видят глаза, что поет в сердце, о том, что жизнь хороша и столько в ней красоты. Кто не слышал этого милого неудержимого «щебета», не видел этой счастливой улыбки, озарившей черты, детской радости, брызнувшей в синих, как волны, глазах, кто не знает трепетных интонаций этого голоса, этих быстрых взволнованных слов, летящих от сердца к сердцу, тому трудно представить себе Б.Н. в такие минуты. И слово «щебет» выбрано мной не случайно. Оно взято у самого Б.Н., из стихотворения, переделанного, в сущности же написанного в 1921 году. Им открывается его последний сборник «Зовы времен».

Сердце, ты птенчик,
Свой щебет уйми!⁴

До сих пор еще слышу я как звучали в устах его эти строки. В них навстречу природе и миру, щебеча и ликуя, неслось его сердце. Чистое, «детское» сердце, которое он так рано в себе затаил, и которое всю жизнь просило раскрыться.

Детское сердце...
Раскрылись цветы...

—звучало в последней строфе этого стихотворения, которое Б.Н. называл «credo лирического поэта».

И часто во время прогулки, внезапно остановившись, он порывисто произносил: — «Природушка! Природушка-матушка...» и протягивал вперед руки.

В звук этих слов вкладывал он тогда все, чем был переполнен. Все волнение свое от встречи с «живой красотой», беспредельной гармонией. Перед ликом природы, благодарный и нежный, стоял он, как любящий сын, простирая к ней руки. Безмолвно склоняясь перед величием ее существа, частью которого с особенной силой теперь себя чувствовал.

В этих словах, глубоких и тихих, как вздох, изливалось огромное чувство. Была в них взволнованность счастья от того, что «*такое* вот довелось пережить», была благодарность за полученный щедрый «подарок» («дар», как всегда говорил Б.Н. о природе), был восторг удивленья: «Вот ты какая!» Но была и немота («Я словами так немощно нем...»),⁵ невозможность сказать: от полноты, от чрезмерности пережитого.

Улыбка сбегала с лица его; оно прозрачно светилось; взгляд углублялся, синел, становился бездонным, и — ширился, ширился. Он застывал, протянувши вперед, как для объятья раскрытые руки. Глядел, и глядел, и глядел...

И вдруг, без единого звука, делал крутой поворот, точно срывался всем телом, хотел улететь. Но шел неожиданно медленно, ступая легко, чуть касаясь и как бы не замечая земли, в глубоком покое, с тем же светлым, омытым лицом, с тем же, ушедшим в себя и расширенным взглядом. И снова, но уже как далекое эхо каких-то ему только слышанных звучаний, с губ его тихо слетало, едва различимо для слуха: — «Природушка, матушка...»

Но отдаваясь этим широким охватам «явления природы», как целого, Б.Н. с меньшей силой умел пережить и отметить в ней также и «малый отрезок», деталь.

Куча пестрых камней при дороге, «просиявшая красками Врубеля» (близ станции Казбек на Военно-Грузинской дороге),⁶ «розовый воздух» цветущего персика в садах Эривани, кружевные узоры изгрызанных ветром снегов в полях Кучина, туман, наползающий дымными змеями из ущелья Дарьяльского, слоистый срез скалы над шоссе в Красной Поляне,⁷ жестянка, блеснувшая ясно в траве на Кучинском дворике, и многое, многое становилось предметом живого разглядывания и удивленья.

Б.Н. мог надолго засесть над муравьиной кучей, наблюдая, как «добродетельный очень мураш старается» — тащит «громадину» хвоинки; или наклонялся почти до земли, вглядываясь в «слошную сеть перекрытий», образующих

лабиринт муравьиных построек, чтобы угадать, как перекрещены там под землей все эти входы и выходы. В мире «зверей и зверюшек» все было ему интересно; он на все реагировал, выражая в своего рода «постоянных эпитетах» отношение к увиденному. «Деловитая» пчелка, «пряткая» ящерка, «разленившийся» кот, «солнечная» коровушка, «бородатый» козел, «крикливая» галка, «глупая» курица, «злая» свинья — все вызывало поочередно симпатию, смех, «уваженье», или же неприязненный вздрог.

Порой раздавался его громкий возглас: — «Это же невозможно! Такого и Мейерхольду не выдумать! И Петрову-Водкину не разглядеть... Иди же скорей!...»

Я подходила. Б.Н. схватывал за руку, и волнуясь от нетерпенья, тянул:

— «Смотри же, смотри... Какова композиция! Каков подбор красок! Нет, я пасую: искусству до этого далеко...» — он показывал на гниловатый пенек, обросший грибами и мохом, и на присевшую возле лягушку. Краски пенька, грибов и лягушки образовали чудесную серовато-зеленую гамму тонов с яркими сине-оранжевыми и золотистыми пятнами.

Сколько встает в моей памяти таких сценок. То останавливал Б.Н.-ча «апельсиновый» просвет в темной гуще деревьев, когда солнечный луч, прорезав высокие кроны, косо падал на траву; то, сощуриив глаза, «до слепоты» любовался он «сверкунцами» обледенелых сугробов; то подыскивал слово, чтобы передать легчайшую ткань разноцветных вечерних теней над Эриванью; то поднимал и ощупывал плотный полузасохший листок с «декадентским узором» (в Цихис-Дзири). Стоял, погруженный в глубокую думу, или не шелохнувшись сидел, слегка опираясь подбородком на палку. Не перечислить «объектов» его изучения, не исчерпать вереницы «разглядов».

Совершенно особую роль в жизни Б.Н. играли прогулки. Он гулял всегда очень охотно, даже по городу. О значении этих прогулок для его творчества я подробнее говорю в другом месте. Здесь лишь отмечу, что на прогулке Б.Н. и

отдыхал, и «учился», и набирал «материалы».

Поэтому для него было не безразлично, как и с кем прогулять. И обычно очень мягкий в общении с людьми, он был требователен, почти капризен (казалось иным со стороны), когда дело касалось прогулки.

Особенно не любил он ходить «всем скопом», или «стадами», т.е. в большой и разносоставной компании.

— «Это уже не прогулка... Это какой-то мартириум... Хуже всякой работы» — роптал он раздраженно. — «Пропавшее время! Точно и не гулял. Ни людей, ни природы не видел. Нельзя мешать эти вещи. Люди и разговоры — одно. Прогулка в природу — другое».

Для гулянья вдвоем также нужны были свои условия. Прежде всего было нужно, чтобы спутник «не являлся обузой», т.е. был бы достаточно близок, чтобы Б.Н. его не стеснялся. Иначе он чувствовал себя связанным, принужденным поддерживать разговор и «шагать нога в ногу». А он хотел быть свободным, гулять как ему вздумается, отходить в сторону от дороги, «кружить», делать петли, большие обходы, идти напрямик. Или — останавливаться, задуматься; бросить два-три замечания; и снова надолго умолкнуть.

Особенно досадовал он, когда на прогулке затевались «умные» разговоры, или, — как он говорил — проявлялась «бестактная аритмия» со стороны спутника, который в горах начинал вздыхать вдруг о море, или у моря заводил речь о том, как прекрасны леса. Мешал ему одинаково и скучающий вид человека, равнодушного к природе, и слишком большая готовность «не глядя», всему восторгнуться, и отмахнувшись от этих восторгов, поскорее возобновить разговор, уводящий от всякого прикосновения к природе.

Не раз после подобной прогулки, расставшись с «безрадостным партнером», Б.Н. бурей влетал в комнату: — «Нет... Невозможно! Зачем шли гулять? ... Просто бред... Разговоры умнейшие поднял... а сам спотыкается. Я ему: „Осторожнее, здесь канава...“ А он: — „Да, да“, — и рассеянно тычется в яму... Угробил мне все... Какая-то кури-

ная слепота к небу и солнышку... Я не умею быть *умным*, когда щелкает птица, когда пчелка жужжит и облако пучится над сосной. Умничать нужно в стенах. В них мы довольно сидим... Вырвешься в кои-то веки: полюбоваться, порадоваться... Не до умных тут слов... Только успеешь примечать... Закипают живейшие мысли... Не от головы: от глаза, от уха, от ритма дыхания. Все тело здесь вестник. А будешь переть со своей „психологией“, так мимо всего и пропрешь... Черствые души: без глаз, без ушей... Мертвецы...».

Б.Н. уверял, что лучшие мысли его идут «от природы» и что каждая новая местность для него «кладезь новых богатств». Подтверждением этого служат его дневники. Я же могу привести лишь несколько случаев, врезанных в памяти.

Однажды, в Красной Поляне, Б.Н. записал в дневнике целое рассуждение о стопе ямбической и хореической: ямба — шаг подъема на гору, хорей — шаг спуска с горы. Ямбом мы всходим по круче, преодолевая препятствие: делаем малый шаг, набираем сил для большого. Хореем как бы скользим вниз в большом шаге и удерживаем себя в малом, чтобы не пуститься бежать по покатоности. — Утром, когда мы гуляли в горах, — все это было «продемонстрировано» на примерах различной походки.

Как-то в другой раз Б.Н. долго сидел над белой от пены горной речкой Мзымтой, в той же Красной Поляне. Он молчал, уйдя в свои думы. По выражению глаз и лица было заметно, что он не смотрит, а слушает. И слушает все более напряженно, с волнением, словно хочет поймать какие-то поразившие его звуки.

Вдруг он резко поднялся, подошел ближе ко мне и стараясь перекрычать оглушительный грохот реки, стал порывисто и горячо говорить о языке будущего.⁸ Он говорил, что явственно слышит ритм и тональность этой будущей речи, совсем не похожей на нашу. Слышит, до ощущения на языке, до особых движений гортани, до тонкой вибра-

ции голосовых связок. Но не умеет об этом сказать. Голосовой аппарат наш к этому не приспособлен. Он еще не готов. Гортань человека должна измениться. Тогда только, в будущем, неизмеримом годами, прозвучит и вонне эта новая речь, уже теперь так поразившая его внутренний слух. В этой речи сольются в живом неожиданном синтезе голоса и звучанья природы; в словах этой речи будет сила, которой не знает теперь человек. Пенье птиц, рокот моря, плеск ручья, крик животных, шелесты трав, шумы лесные, порывы ветров, громовые раскаты объединятся и свяжутся в непредставимую ныне ритмично певучую ткань. Слово будущего будет организовано по законам неведомой ныне фонетики.

Все это я больше угадывала из его взволнованных жестов, из пауз, которые как бы продолжали досказывать то, что не было сказано в слове. Он же только бросал отдельные полувосклицания, полунамеки, дополняя их взмахами рук, поворотами головы, движениями тела, которое в эту минуту казалось само воплощением охватившей его мелодии будущей речи.

Не могу даже точно сказать, говорил ли Б.Н. то, что я здесь записала. Или — это мое впечатление, отзвук того, что я в нем услышала и что шло от него помимо всех слов. Твердо помню лишь первоначальный момент, когда он подошел с восклицанием: — «Нет, что я слышу...».

О «будущем языке» Б.Н. говорил со мною и прежде. Впервые в 1918 году, зимой (в комнате было холодно и Б.Н. кутался зябко в пальто), — в связи со своей литературной работой: он писал тогда «Записки чудака», которыми сразу же был недоволен.⁹ Читал мне отрывки, находил, что они неудачны, что неверным приемом он только калечит прекрасную вещь. Но как быть, когда спотыкаешься о каждое слово, когда обычным словесным запасом не передашь динамической легкости темы «Записок»: — «Тема прозрачна. А на листы оседает гротеск». Это — все равно, что булыжниками из мостовой пробовать нарисовать облака. Что получится? «Тончайший» мир образов будет разбит. Пред-

станет уродство, явный и неприятный «гротеск». Ибо нет еще способов дать эти образы в написанной строчке, не раздробив их на атомы.

— «Нет, почему я не композитор, — восклицал Б.Н., — в музыке знал бы я *как* отразить...».

И вспоминал, как давно, еще в юности, на прогулках своих по полям и оврагам Серебряного Колодезя, он подслушивал «новый язык».¹⁰ Это звучание шло и тогда от природы. И тогда он был им взволнован. Но — «был еще молод и глуп», и пытался сложить свой язык. Придумал грамматику, синтаксис. Уезжая в поля далеко, чтобы быть одному без свидетелей, он громко выкрикивал звуки. И убеждался: «Не то!» Понимал, что попытки все тщетны, ибо время еще не пришло. Знал только твердо одно: в голосах и ритмах природы есть нечто, что как бродильный фермент должно войти в речь человека, чтобы преобразить ее, сделать снова конкретной и сильной.

Но не расскажешь о том, что было, когда он так говорил, о тех тонких и звонких узорах, которые тут закипали, почти ощутимо для глаз, но совершенно беззвучно. Словами не дашь глубокой безгласности его пауз, красноречивости его умолчаний, когда вдруг, обрывая себя, он затихал, а пробужденные ритмы певучими волнами разливались вокруг.

Мне не с чем сравнить его необычайных высказываний. Опыты Хлебникова идут совсем в другом направлении. Б.Н. знал эти опыты; кое-что в них находил «интересным» (не больше!), но относился к ним сдержанно, с холодком. — «Головные конструкции». — К заумникам вообще особой симпатии он не питал. И считал, что *заумь* есть обнажение того, что подлинный мастер слова, — Пушкин, Баратынский и Гоголь — дает в скрытом виде, «целомудренно» тонко, так что сразу не сыщешь.

В материалах Б.Н., переданных в ГЛМ, сохранился разбор «зауми» стихотворения Баратынского «Финляндия». Если не ошибаюсь — это звуки: Р-Л-Н-Т.*

* В свои Расселины вы пРиНяли певца, ГРаНиты фиНские, гРаНиты вековые.¹¹

Вот еще ряд примеров того, как претворялись в Б.Н. восприятия «новой» природы.

В Коджорах, дачном месте, расположенном высоко над Тифлисом, с горизонтом, как нам говорили, на 500 километров в диаметре, мы провели несколько незабываемых месяцев летом в 1928 и 29 гг.¹² Б.Н. сразу же обратил внимание на изменение всех восприятий пространства на такой высоте. Бродил по горным дорогам и, подолгу задерживаясь на открытых местах, он изучал игру светотени, изумлялся перламутровой нежности колоритов, сверканью и блеску «легчайшего» воздушного моря, игравшего всеми отливами радуги внизу под ногами.

— «Посмотри же! Земля легче воздуха. Видишь — чернильная клякса на сквозной кисее... А это всего лишь тень облака, бегущего над азербайджанской степью».

Он отмечал здесь непостоянство всех очертаний, условность всех контуров, являющих ежедневно, и можно сказать — ежечасно, симфонию новых пространств — в зависимости от освещения, влажности воздуха, от направления ветра, наконец, — от угла зрения.

— «Танец горных ландшафтов! Не устанешь смотреть!» — восклицал Б.Н. оживленный, счастливый.

— «Сегодня там брошена бирюзовая шаль, а вчера выпирали зубцы Дагестана. Сегодня — Армянский хребет на носу, а завтра, посмотришь — отскочил на край горизонта. Так уже было...».

Для наблюдений он выбрал себе «лабораторию зрительных опытов» — на коджорской вершине, в 10 минутах ходьбы от отельчика, в котором мы помещались. Уходил туда с пледом, с портфелем для зарисовок на много часов. И кончил тем, что построил целую теорию «перспективы 4-го измерения», основанную на принципе глубины, на взгляде «сверху вниз», с высоты. В сжатом виде об этом сказал в «Мастерстве Гоголя» (1934, 118-119), а в дневнике своем там же в Коджорах, с увлечением исписал ряд листов.

Поездка по Волге от Сталинграда до Горького (на паро-

ходе «Чайковский») тоже была откровением, и отразилась на десятках страниц дневника.¹³

С первых же дней этой поездки интерес Б.Н. возбудили овраги, прорезавшие берег Волги. «Овраги» — была для Б.Н. старая тема, на которую он отзывался в течение всей своей жизни. Не случилось ни разу, чтобы проезжая по Курской жел. дор. через пересеченную оврагами местность (за Тулой и дальше на юг), Б.Н., стоя у окна вагона, не прочитывал мне длинных лекций о губительном действии «овражной системы», о «ехидных отвержках» (маленьких боковых овражках), посредством которых распространяется эта «система». С жаром перечислял какие есть способы более или менее целесообразной борьбы с этой страшной «болезнью земли», волновался угрозой засухи и превращения в пустыню плодороднейших ныне полей чернозема. Вспоминал Вл. Соловьева, поднявшего тему «овраг-враг». (Ср. «Первое свидание» ... «что земли портящий овраг — Грызет юго-восток Европы».)¹⁴ В университете Б.Н. писал на эту тему свое кандидатское сочинение проф. Анучину.¹⁵ И запомнил с тех пор «об оврагах». Но не имел еще случая увидеть их так, как теперь с палубы парохода: в продольном разрезе.

Через несколько дней молчаливого наблюдения и размышлений, он стал говорить мне о том, что такое овраги: это, в сущности, те же все горы, только воздушные, воздухом врезанные в поверхность земли. Рельеф оврагов есть лишь обратный, как бы отраженный рельеф высоты. Это горы... Это горы России: незримые, опрокинутые «вниз головой», будто повисшие в обратном полете. В горных хребтах недра земные выпираются наружу, громоздятся под небо. В оврагах — небо врезано в землю.

На Волге Б.Н. был в первый раз. И Волга пленила его. Он любовался ее безмятежным раздольем, ее величавым спокойствием.

Стояли яркие июльские дни. Золотые пески, изумрудные заросли, синие воды под широким, чуть выгнутым куполом с легкими взмахами перистых облачков, тихие, нежные

зори — все было так невесомо, прозрачно. Мы целые дни проводили на палубе. Б.Н. вспоминал Блока и грустил, что Блок Волги не видел: — «Потеря невознаграждаемая... Если бы увидел... Только он сумел бы о Волге сказать».¹⁶

«Вольная Волга», воля на Волге, Волга и воля — повторял Б.Н. по разному. Ему нравилось аллитерационное звучание «воль и вол».

Первые дни он только приглядывался, «прицеливался», вбирая в себя музыку Волги. Слушал, о чем ее «песня без слов». И часами сидел на корме, затихший, сосредоточенный. Потом, — как всегда, — начал рассказывать.

Да, Волга — великая река русской истории. Недаром два беспокойных вольнолюбивых очага нашей родины связаны с нею: разбой и раскол.

Низовая Волга — «разбойная». Верховая Волга — раскольничья. «Разбой» и «раскол» разыгрались как песни, как пестрые мифы далекого прошлого. Задумчиво глядя на медленно плывущую мимо нас панораму лесов и лугов, он сплетал золотую певучую сказку. Потом замолкал и тихо шептал: — «Вот бы Блока сюда. Кто, как не он, об этом расскажет».

Б.Н-ча поразили плоты: *плывучая* жизнь на плотах. Целые деревни, с избами, огоньками, с развешанным для просушки бельем, с мирно жующей коровой, с толпой ребятшек. Или еще огромные, левиафаноподобные баржи, ленивые, сонные. А впереди их влекущий на длинном канате бойкий смешной парходишка. Задрал нос, фыркая дымом и деловито крутя колесом, он задорно ершитя. — «Маленький, да удаленький», — хохотал Б.Н.

Поездка по Волге была завершением нашего первого путешествия на Кавказ. Разница всех впечатлений резко бросалась в глаза. Продумывая и «изучая» их, Б.Н. сравнивал Волгу с Кавказом. Он разбирал шаг за шагом, какой путь следует выбрать: Москва-Волга-Кавказ, или обратно: Кавказ-Волга-Москва, чтобы впечатление было сильнее. В каком направлении получится художественно более яркий эффект?

Мы привыкли к равнинам. И глаз наш не удивится шири волжских просторов, если мы попадем в них непосредственно после Москвы. Тот же знакомый, чуть измененный ландшафт:

— «Даль без конца... Качается лениво, шумит овес...»¹⁷

Ничего особенно нового, яркого. Те же знакомые линии, краски; те же разливы пространств, те же запахи. В них мы родились, росли. Мы перестали их видеть, как не видим в конце концов тех, с кем живем. Слишком все здесь «свое», незадевающее, простое, — ничем в глаза не бросается. «По продолжению» так и пройдет незамеченным.

Для впечатления нужен контраст. И его дают горы. Там наш взгляд поражен, можно сказать — ошарашен. Все не то, что у нас, все — «не так». Вместо привычных плавных горизонталей, всюду вздымаются вертикали. Слом под прямым углом в 90 градусов. Тут скала, а там пропасть: гляди вверх, гляди вниз... но уже кругом не раскинешься. Нет тебе многоверстных привольных степей. Совсем иной мир. Для многих — мир «тесный», гнетущий. Многие гор не выносят. А почему?

«В ответ мог бы я исписать целые томы», — волновался Б.Н. Для него горы, до странности, были «родною стихией» с тех пор, как он их узнал.

Но избрав себе «родиной» горы, Б.Н. не изменил своей «первой любви»: «милым местам» средней России, где прошло его детство и юность. Волга напомнила ему далекие годы «Симфоний», его полудетских поэм, подняла в нем опять «золотолазурные» темы.¹⁸ Он отдыхал от «экзотики» Батумского побережья, от «изошренной утонченности» Военно-Грузинской дороги.

Волга ничем не тревожила: нежно лелеяла, навевала родные, глубокие грезы. Но по величию и размаху она не уступала «Хребту»: не умялялась сравнением, а как бы еще вырастала.

Не забуду я вечера в Нижнем, когда на закате мы вышли на высокий обрыв и залюбовались широким Заволжьем. Далеко, сколько глаз хватал, раскинулись там луга, пере-

лески. Среди них, как кусочки цветного стекла, отражая краски заката, блестели озерки и затоны. Все вместе казалось темнеющим шелковым платом, брошенным на плечи какой-то невидимой «Марфы» (героини «Хованщины»), расшитым цветами и камнями, и звучало неотразимую музыку Мусоргского.

И Б.Н. решил окончательно: — «Нет, Волгу нужно увидеть после Кавказа, чтобы ее оценить».

В том же роде вопрос задавал себе Б.Н. и после Военно-Грузинской дороги. Как по ней лучше ехать, чтобы картины ее дали большее нарастание и значительность их вскрылась бы глубже: от Тифлиса на Владикавказ. Или обратно.

Разбору того и другого пути было отдано много раздумий. Б.Н. мысленно проводил перед собой всю панораму «Дороги», оценивал оба разреза пути; сравнивал композицию каждого. Он старался быть беспристрастным и составить суждение независимо от того, как проехал он сам (от Тифлиса).¹⁹ «Скинув со счетов» себя, разбирал он, что и как увидел бы человек, выезжающий из Владикавказа; каковы преимущества предстоящих ему перспектив. Многое казалось и тут интересным. Но решающим было «трезвучие»: Перевал, Казбек, Ущелье. Подъем к Перевалу со стороны Тифлиса острее: дает более яркий контраст; и Казбек, увиденный после уже Перевала, звучит как интервал, необходимый для разрешения напряженности, вызванной этим подъемом. Ущелье же Дарьяльское входит как заключительный тон, не снижающий, а довершающий высокой нотой музыкальную полноту впечатления. Архитектоника пути, таким образом, строится цельно: сперва нарастание и углубление «прелестного» («reizend»), затем резкий вздерг к «высокому» («Hoch»), потрясающий «все мозги и составы» (Млеты-Гудаур); и дальше — успокоение на «прекрасном» (Ущелье). Смены дня — утро, полдень и сумерки — (весь путь укладывается в этих пределах) аккомпанируют общему ритму.

Рано утром остается за нами коричнево-серый Тифлис, и мы словно ныряем в зеленеющий сон «пленительных»

долин Грузии, залитых солнцем. «Елисейские поля» — назвал их Б.Н. Потом надвигается роскошь уходящих под небо лесов «строгого» Пассанаура. За ними тотчас же «подступы» к Млетам, вздернутый мост над Арагвой, еле видимый внизу; и стремительный млетский «зигзаг» к Гудауру. Там — неожиданно дико пустынная, странно безмолвная ширь: перевальное плоскогорье, точно огромный остров, взвешенный в волнах тумана. Дальше — мощный хорал розовых скал вблизи Коби; быстрый слет в ледяном бешеном ветре к долине Терека. И торжественное разрешение всей этой «горной фуги» — Казбек с мажорным аккордом Ущелья.

В него мы вступили едва ли не в сумерках. После горячего дня, обжигавшего ветром и солнцем, ослепившего яркостью красок, величием форм, было так благостно мчаться в мягких сгущениях теней. Глубокие серо-зеленые складки почти что без контуров, тихо скользили, то придвигаясь к машине, то отступая. В сердце стучало еще от острого «взлета» в возвышенно-мрачный «разгон» пустынь Перевала. А глаза уже успокоенно отдыхали. Свежей прохладой веяло из перекрестных ущелий. И мысли, такие же свежие, легкие, отлетали от головы, «как ветерок». Переполненный впечатлениями день погружался в бархат ласковой летней ночи. Последние километры мы летели совсем в темноте, взрезанной только огнями машины. Сумрак спустился как занавес, и покрыл собою «пережитое великолепие красок и форм». Отрадный, необходимый покой.

«Да! Довольно...» — шептал мне Б.Н. — «Мгновение было прекрасно. Но длить его дальше — нельзя. Должно пройти много дней, пока все разберется, уляжется, пока целое даст свой отстой».

«Целое» стояло всегда в центре его внимания. Целое: стиль, композицию, архитектуру целого — старался он уловить.

Так, наряду с редкой способностью видеть детали мельчайшие, отметить все «пустяки», мало кому интересные, Б.Н. стремился к этому «цельному» взгляду. А устремля-

ясь к нему, с исключительной зоркостью «схватывал» части. От него не ускользал ни один мелкий штрих, ни малейшая черточка. Обилие наблюдений не разрывало его. Он тотчас же их синтезировал, сливая в один организм, в «композицию целого».

Но и это казалось еще недостаточно. И на этом не останавливался его строящий синтез. Композиция, едва возникая, уже пересекалась с другой, чтобы тотчас же вновь перестроиться: в третью, четвертую и т.д. Так создавалась «градация композиционных разглядов». И каждый отдельный кусок загорался лучами все нового смысла. Прочитывая и соотнося эти смыслы, Б.Н. достигал, наконец, своей цели: «всестороннего представления» о предмете. Без этого представления он не мог оставаться. «Все во всем», «понятие в круге понятий» — был его метод мыслить и жить.

От подобных «разглядов» самые простые, затертые вещи приобретали порой неожиданный блеск. Точно снимался слой пыли и «многоцветие» радуги разгоралось над серым бесцветным пятном.

У Б.Н. был один, всегда повторявшийся жест, которого я сперва не понимала. Он вызывал во мне даже досаду. Какой бы предмет ни дать ему в руки, он тотчас же быстро его поворачивал, чтобы заглянуть с другой стороны. Впервые это отметились мне еще в 24 году в Коктебеле, когда началось увлечение коктебельскими камешками, или «каменная болезнь», как это шутя называлось тогда в Коктебеле.²⁰

Потом пошли годы кучинской жизни. И невольно я часто недоумевала: — «Зачем он так делает?» Даешь ему книгу — он мгновенно перевернет ее и посмотрит обратную сторону. Покажешь вновь купленный чемодан — то же самое. Передашь квитанцию с почты — опять тот же жест. Все это я видела постоянно, и, признаюсь, считала отчасти привычкой, отчасти же следствием необычайной его подвижности. Казалось, что он и возле себя ничего не может оставить в покое и произвольно приводит в движение все,

к чему прикасается.

Но при первой же нашей поездке «к горам» мне стало ясно другое: дело совсем не в автоматизме привычки и даже не в «беспокойном характере»; я поняла, что в этом жесте сказала очень глубокая и основная черта: потребность взять каждую вещь «максимально полнее», схватить ее «со всех возможных сторон»; тогда представление будет «реальным», динамичным, т.е. правдивым и не сузится в абстрактно рассудочный «штамп».

Вскоре же после того, как мы устроились в Цихис-Дзире, у Б.Н. проснулась его прежняя коктебельская страсть.²¹ Мы с утра отправлялись на пляж и там отсиживали часы, укрываясь под зонтиком в защиту от солнца. Выгребались «сокровища», которые затем подробно сортировались по возвращении домой. Мы «наизусть» знали свои материалы, помнили «в лицо» — особенно Б.Н. — каждый чем-нибудь замечательный «уникум». У большинства камешков есть своя лучшая так сказать, показная, нарядная сторона, и сторона «оборотная», худшая, всегда почти с большим или меньшим изъяном. Наблюдая, что и здесь привычка Б.Н. не изменилась и он переворачивает каждый поднятый или поданный ему камешек, я нарочно стала давать ему с другой, менее выгодной непоказной стороны. Он немедленно переворачивал и торжествовал, что *так* гораздо красивее. Когда секрет мой случайно открылся, и я рассказала Б.Н. о подмеченной мною его «страсти выворачивать все наизнанку», он долго смеялся, был чем-то очень доволен. У нас даже сложилось шутливое выражение: «перевернуть на обратную сторону». Оно применялось в разных мелких и крупных случаях жизни.

Во время одной из наших тихих бесед (на прогулке или за чаем) Б.Н. поднял вновь эту тему и стал уже серьезно анализировать свой с первого взгляда «бесмысленный» жест. Тогда окончательно стало мне ясно, что жест не случаен: он только «деталь», которая органически входит в «композиционное целое» характера и темперамента Б.Н.

Отсюда же и его манера гулять. Я уже говорила, что он

редко шел прямо, не отходя от дороги — разве лишь в слишком знакомых местах, или когда цель прогулки была определенно намечена. Обычно же прогулка Б.Н. состояла из бесцельных по виду блужданий. Он беспрерывно оглядывал горизонт, отходил куда-нибудь в сторону, возвращался назад, останавливался, поворачиваясь легким порывом то вправо, то влево. Присматривался, все так же озираясь кругом, не оставляя ни минуты в покое.

Этим стремился он снять ограниченность «роковой точки зрения». — «Ведь стоит лишь шаг отойти — и уже все другое. А ты и не подозреваешь об этом. И выносишь свой приговор: местность выглядит так-то и так-то. Жестоко провираешься! Выглядит то она вовсе не „так“... Почему наш глаз не может вращаться? Сидит себе неподвижно в глазнице и несет нам обманные вести...».

И с увлечением Б.Н. начинал рисовать, какая картина мира предстала бы пред нами, если бы глаз наш вращался, если бы мы могли одинаково свободно видеть вперед и назад, во все стороны. Корень многих ошибок был бы этим изъят. Видеть полный охват горизонта вовсе не то, что видеть одну его треть, да и то под определенным углом. И Б.Н. искал способов разбить эту статику. Делал это сознательно и бессознательно, произвольно и непроизвольно. Одним из сознательных способов был *наклон* головы направо, налево — с целью сместить привычное направление зрительной оси.

Как удивилась я, прочитав не так давно у Р. Роллана о том, что можно «наклонив голову и прищурив глаза, слить гармонично все плоскости пейзажа...» («Очарованная душа», т.1; стр. 200, Гихл, 1936).²² Такое совпадение таких разных во всем современников — едва ли случайно. И если присоединить к этому «сферическую перспективу», выдвинутую Петровым-Водкиным, то невольно подумается, что художники нашего времени подошли к каким-то новым возможностям видения и восприятия мира.

«Взять явление в контексте» — был также один из приемов созерцания для Б.Н.

Увидев прославленный замок Тамары, Б.Н. сперва удивился «мизерности» зрелища: — «Так себе, мушка невзрачная присела над Тереком».

Но взглядевшись, рассмотрев все кругом, он пришел к заключению: замок хорош, если его взять, как штрих на фоне огромной картины: улетающих под небо скал, обступивших здесь Терек. Тогда замок выигрывает. «В таком контексте» вскрывается его красота, неприметная иначе. Перенеси этот замок отсюда, от Терека, и он потеряется. Он хорош, как бронзово-ржавый узор, вотканный ярким пятном в роскоши тускло-серо-зеленых гобеленных ковров, которые углубленными складками падают из темносинего неба к серебристому Тереку.

Или в Цихис-Дзири, когда в садах расцвели голубые гортензии (на одном из кустов Б.Н. насчитал до трех тысяч «соцветий»). Против нас на соседнем холме газон перед дачей был обсажен гортензиями. Издали, на большом расстоянии они имели вид незабудок. Отсюда — «аджарские незабудки» в «Ветре с Кавказа». Б.Н. был удивлен, — до чего здесь «похорошела» гортензия, которая так безобразна, когда видишь ее в комнатной обстановке втиснутой в тесную банку с бумажными бантами, среди занавесок, ковров и диванных подушек. Гортензия требует иных перспектив, иных — крупных — масштабов, яркого света, экзотики красок. Там, в Москве, мы ставим на стол скромные незабудки и ландыши; они радуют нас. В Цихис-Дзири они были бы жалки. Они выпали б из кричащих роскошеств ландшафта; потому они убраны здесь. Глаз просит иных сочетаний. И на фоне апельсиновой аджарской скалы незабудкою стала гортензия, ландышем стал флердоранж. Природа — опытный мудрый художник. Она знает — что где поставить, не сделать «ляпсуса». Смотри на нее и учись.

В Цихис-Дзири же вечером на закате, когда мы возвращались с прогулки домой, Б.Н. любил еще раз обойти всю вершину холма, на котором была расположена дача. Тащил за собою и меня. Но я отказывалась, садилась тут же на ступеньках веранды с видом на море. Мне казалось, что

Б.Н. нужно побыть одному. Одному все по-своему оглядеть и понять.

Он бродил среди пальм, бамбуков, и кактусов по садовым дорожкам, рассеянно взмахивая и крутя в воздухе тростью. Выходил на открытое место. Останавливался и медленно поворачивая голову, окидывал горизонт долгим, пристальным взглядом. Словно измерял все отношения, устанавливал стиль «композиции», ловил пропорции в линиях берега, неба, и моря, гор и ущелий, далеких и близких, «еще» освещенных и «уже» утонувших в тени.

Или садился на лавочку,* над склоном холма, упдающим круто под ноги, рядом с кустом пламеневших азалий лицом на закат. Обвивал руками колени, причем трость поднималась голизонтальною черточкой в крепко зажатой руке, — и долго, долго глядел, точно забывшись, погруженный в свою неотрывную думу.

Незаметно темнело. Падали легкие сумерки. Стирались и гасли окрестности. Огромный Юпитер зажигал в море «елочный шарик» серебряных отблесков.

Ваня, мальчик, который прислуживал нам, приносил самовар. Я звала Б.Н. к чаю. Он откликнулся не сразу. Нужно было тронуть его за плечо. Тогда он быстро оглядывался и, не слушая моих слов, тянул сесть рядом с собой: «вдохнуть в себя чудо совершеннейшей красоты».

Он был полон немого восторга перед гармонией («непревзойденной») законченного произведения искусства, вышедшего из рук «великолепного мастера».

— «Как все продумано, как безошибочно взято... Учусь композиции, учусь колориту, — бросал он отрывисто, — учусь смешивать краски, давать переспективу... Знаю, все это войдет, когда стану писать».

И долго еще говорил, не замечая, что все изменилось, что перед глазами построился мир черно-серых и чуть синеватых теней, покрывших «пиры» ослепительно-ярких «роскошеств» цихис-дзирского дня.

И встает передо мной другая картина: посещение и осмотр

* Эту лавочку можно видеть на его цихис-дзирских рисунках.

развалин храма Зварт-Нотц под Эриванью.

В этой поездке нас сопровождал М.С. Сарьян.²³ Молчаливый, медлительный, но тонкий и чуткий художник, он был как раз таким спутником, какого ценил Б.Н. Без лишних слов, разговоров, он умел показать самое главное, отметить основной и характерный штрих.

Отъезд был назначен на раннее утро, и мы давно уже ждали Сарьяна, волнуясь, что он запоздал, что будет уже слишком жарко. Наконец-то машина подъехала. Мы быстро уселись, обменявшись коротким приветствием. Солнце порядочно жгло, несмотря на то, что час был еще ранний. Машина рванулась, и мы понеслись среди глиняных стен приэриванских садов. Высокие пирамидальные тополи бросали острые стрелки теней. Мы жадно ловили эти кусочки прохлады. Жар нарастал. Впереди — дымно-желтая даль, обожженная солнцем. Пыльной лентой туда убегало шоссе. Оно было пустынно. Лишь изредка мчалась навстречу машина или скрипели колесами арбы. Казалось, дороге не будет конца. Шевелились неясные мысли: не вернуться ль домой, под защиту спасительных стен? Было мучительно видеть сухой, безотрадный простор, глотавший нас пылью.

Вдруг — резкий сворот машины налево: от шоссе отделилась узкая колея, обсаженная, как показалось, желтой акацией. Но пряный, особенный запах, плеснувший в лицо, показал, что ошиблись.

— «Оливки!» — обрадовался Б.Н., узнавая пленивший его еще в Коктебеле за несколько лет перед тем «сладостный» запах. — «У нас это дерево называется *пшат*» — поправил его М.С. Сарьян. — «В конце аллеи и будет Зварт-Нотц, — добавил он каким-то особо торжественным тоном, будто без слов говорил: — «Приготовьтесь...».

Б.Н. на это весь насторожился и вытянулся: увидеть «Зварт-Нотц», древнейший из храмов Армении, о котором было уже прочитано им все, что удалось найти в Эриванской библиотеке, — вслушаться здесь, среди развалин, в «застывшую музыку» старых столетий, коснуться рукою священных руин.

— «Вот: приехали... выходите» — произнес М.С. Сарьян почти шопотом, также взволнованный, настороженный.

Машина стояла теперь среди зарослей пшата. Мы не видели перед собой ничего, кроме кривых перепутанных веток суковатых кустов. В невольном молчании ступили мы на старую, старую землю. Б.Н. побледнел и как-то строго выпрямился, готовясь увидеть дошедший до нас «след глубоких веков». «Excelsior!» — казалось, произносил он без слов.

Мы тихо двинулись, отстраняя нависшие ветки. Ожидание, как электрический ток, разлилось в жарком воздухе и почти сковало нам члены.

Впечатление стало безмерным, когда через 10-15 шагов кусты расступились и мы оказались на обширной площадке. Повсюду кругом возвышались развалины, осколки колонн, стен, карнизов лежали у ног.

М.С. опять произнес: — «Вот и Зварт-Нотц...» В том же молчании мы вступили на устланный серо-желтыми плитами пол, забродили среди колоссальных обломков, покрытых тонкой резьбой. Входили под своды, нависшие грудой высоких полуобрушенных арок. Едва проползали сквозь какие-то полутрещины, полудвери. Спускались по лесенкам, рассматривали вделанный в стену очаг: сколько веков назад горел здесь огонь и готовилась пища.

М.С. давал короткие объяснения и умолкал. Вдруг Б.Н. крепко сжал мою руку и дернул к себе. Я испуганно оглянулась, не понимая что с ним. Он стоял неподвижно. Взгляд его был направлен куда-то вверх обступивших обломков колонн. Я взглянула туда же. Направо от нас и налево, высоко в расплавленном небе сверкали снега Арарата и Алагеза. Предгория их занимали по полгоризонта. А величавые главы прозрачно светились в своих белоснежных венцах. Монументальная красота нас окружавших руин показалась почти нестерпимой на этом «возвышенном» («erhaben») фоне. Здесь Зварт-Нотц, грандиознейший некогда храм, затерялся, как еле заметная кучка камней. Он, казалось, тонул в необозримом, сухом, золото-сером пы-

лающем море Армянской равнины. Громады распавшихся цоколей, толщи обрушенных стен, возле которых страшно было стоять, казались песчинками перед лицом просиявших серебряных «старцев Армении».

— «Природа и здесь победила, — прошептал Б.Н., — не может быть, чтобы строители не учли этого «фона» и не включили его в замысел возводимой постройки...»

«Нет, это же невозможно!...» — оборвал он, не договорив. И показывал вниз, себе под ноги.

Там, среди треснувших плит замощенного пола, на тонких сухих стебельках плескались в ветре и в солнце огоньки алых маленьких маков. Это было единственное цветное и живое пятно в гамме древних золотосерых тонов.

Контраст этого милого «reizend» («прелестного») еще острее подчеркивал тонким и нежным штрихом монументальную мощь всей картины.

Б.Н. молчал.

Громко и сухо звенели цикады. В воздухе теплыми волнами плыл аромат цветущего пшата, пряный и сладкий, тоже «древний» какой-то.

И веяли грезы далеких, далеких времен.

Бывало порой, что Б.Н. спохватывался: — «Надо бы завести записную книжонку». — И закупал сразу две или три «про запас». Долгое время они пустовали. При случае в них заносились сперва адреса, телефоны, встречи с людьми, да списки закупок в аптеке, на почте.

Потом сразу, чуть ли не в один день, заполнялись набросками для литературных работ, или заметками о посещении выставок, лекций, музеев. Впечатлений же от природы Б.Н. в них так и не записывал. Для этих записей предназначался дневник. Там в конце каждого дня подводились итоги: где были, что видели. Записи же на ходу, во время прогулки были бы только помехой.

Вместо них у Б.Н. был свой особый «прием», чтобы удерживать в памяти нужное. Этот прием запоминания Б.Н. шутя называл «мой кодак». И мог ввести в заблуждение

людей его мало знавших, когда весело уверял: — «Всегда ношу с собой свой кодак. Очень удобная штука. Прицелишься — щелк! И — готово: картинка защелкнута».

Этот своеобразный «кодак» вполне заменял все блокноты. Б.Н. много раз объяснял мне подробно устройство «занятой машинки». «Кодаком» Б.Н. называл особенность своей памяти, которую сам же в себе подсмотрел и владеть которой учился годами, проделывая для этого целый ряд «*suí generis*» упражнений. Но открылась она непроизвольно, с раннего детства, вне всяких усилий или намерений с его стороны. Он говорил, что умеет запоминать, так сказать, «впрок», для будущего. В каждый данный момент нельзя познать все обилие поступающих впечатлений, не создавая нагромождений, пестрого хаоса. Происходит невольный отбор: осознается лишь малая часть; она-то и доходит у нас до сознания и составляет содержание памяти. Остальное проходит как бы бесследно. Его как и не было: память его не хранит. Но Б.Н. умел сохранять это при помощи своего «кодака». Он вел как бы двойной, тройной и более набор впечатлений. И говорил, что поступает при этом совсем как фотограф, который «защелкивает» в свой аппарат все, что ему приглянется, проявляет же эти пластинки не сразу. Может случиться, что иная из них пролежит непроявленной годы.

По-иному еще он называл это: «мой дальний ящик». Отложения этого «дальнего ящика» могли быть проявлены в любую минуту, когда лишь к тому представлялся соответственный повод.

Память Б.Н. казалась совсем безграничной. Но заранее, без нужды, он и сам не знал о том, что в ней хранится. «Защелкивал» он на «кодак» помимо сознания; *сознания* — да, но не *воли*; воля тут принимала участие, но каким-то своеобразным путем, исходя не из сознательных, а из других, более глубоко в нас заложенных центров. В этом, бессознательно-волевом, но все же *волевом* отборе и заключалась трудность для понимания устройства той «любопытной машинки», которую Б.Н. называл «мой кодак».

Когда Б.Н. начинал всматриваться в прошлое, сосредотачиваясь на нужном моменте (лицо, событие, место) — прошлое в нем оживало. Он разглядывал его, изучал; сравнивал свои прежние воспоминания с теми, какие предстали теперь; и переоценивал, *осмысляя* все по-новому. И нужно было слышать его в такие минуты. Казалось невероятным, что это — лишь *воспоминания*, что все это было уже очень давно. Время точно поворачивало назад свой поток. И выносило все новые, новые образы, детали, штрихи.

Как раз в те минуты, когда «кодак» безостановочно «щелкал» и я знала, что Б.Н. едва успевает «хватать», казался он внешне необычайно рассеянным. На самом деле зоркость его лишь усиливалась, и рассеянность была обманчива. Она опускалась, как заградительный щит, между *сознанием* и «кодаком», чтобы сознание не мешало напряженной работе последнего. Взгляд Б.Н. суживался, вбирался в себя. Глаза быстро перелетали от предмета к предмету, ни на одном не задерживаясь. Он явно *не видел*. Казалось даже, что глазами он *мыслит* теперь. А сила зрения, точно отделившись от глаз, окружает его сплошным зрительным органом.

Тогда говорили: — «Ах, Б.Н. ужасно рассеян... Он не видит совсем окружающего». Б.Н. знал о себе эти отзывы. И не оспаривал. — «Пусть так думают. Не объяснишь. Но если бы знали, *что* видит именно этот, рассеянный Б.Н.!» Об этом говорит он в своих «Масках»: «Наблюдательность с учетверенною силою, как кодаками, нащелкивала свои снимки» (340).

Однако, ценя свой «кодак» и пользуясь им постоянно, Б.Н. не считал его какой-то непогрешимой панацеей против власти времени, стирающего и изменяющего в нашей памяти контуры прошлого. Особенно не надеялся он на себя в смысле сохранения географических и графически точных воспоминаний о какой-нибудь местности.

— «Удержится только экстракт, настроение, импрессия. Точные линии, формы сотрутся. Воображение вмешается и пририсует свое. Мой кодак — все же не фотография. Он

больше направлен на глубину, может быть, на четвертое измерение (время-пространство). Но для второго и третьего достовернее перед глазами иметь положительный фотографический снимок».

И Б.Н. искал этих снимков. Вспоминал, как при писании «Путевых заметок» помогли ему простые открытки, которые пачками он накупал в Италии, в Тунисе, в Египте.²⁴ То же самое пытался он сделать теперь на Кавказе, — в Батуми, Тифлисе, в Армении. Но потерпел неудачу. Выбор открыток и снимков был слишком скудным. Тогда-то желание хоть как-нибудь закрепить характерные мелочи посещаемых мест толкнуло его к зарисовкам. Так появились его кавказские рисунки.

Он их начал шутя, для забавы. Рисовал сперва карандашом (в 27 году в Цихис-Дзири): — «Осенью, в Кучине, когда польются дожди, будет приятно развернуть эти листики и вспомнить, в какой роскоши жили мы летом».

Он набросал тогда фасад нашей дачи, веранду, башенку, где была его комната, балкон при ней, вид на залив и на старую крепость оттуда. Первый план на рисунках заняло то, что поразило нас больше всего в Цихис-Дзири: «буйство» тропической зелени. Пальмы, чинары, бамбук, виноградные листья были подчеркнуты в своих «гигантских» размерах. И лишь на втором только плане отмечился романтический стиль цихис-дзирских ландшафтов.

В следующие приезды увлечение рисунками продолжалось. Готовых открыток опять не оказывалось. А в планах Б.Н. наметился новый том своего рода продолжения «Путевых заметок». Кроме того, он предполагал перенести на Кавказ место действия III тома романа «Москва», поселив профессора Коробкина на время в Коджорах. Делал обширные записи в «Дневнике» и в дополнение к ним «пририсовывал». В Эривани, в Схвители — все еще карандашом. Но в Коджорах и в Красной Поляне уже карандаш был бессилен. И Б.Н. перешел на акварель. При втором посещении Коджор рисование стало страстью.²⁵ «Мастер-

ская» Б.Н. расширялась. Из своей комнаты он уже въехал в мою. На всех столах появились в обилии блюдца с водой, бумажки с пробами красочных пятен, ассортимент красок, наборы кистей, правда, самых непритязательных, закупленных в первом попавшемся магазинчике.

Б.Н. художником себя вовсе не мнил и довольствовался весьма малым; лишь бы краска красила, да не лохматилась кисть. Для рисунков он выбирал бумагу нарочно «похуже», и больше всего любил рисовать на клочках и обрывках. — «Тогда лучше выходит. А на хорошей очень уж страшно. Какой я художник! Прямой линии провести не умею».

В Коджорах кто-то узнал, что Б.Н. «рисует» и привез ему из Тифлиса в подарок прекрасный, обтянутый парусиной альбом и угольный карандаш. Б.Н. благодарил, восхищался «роскошным» подарком, пробовал толщину бумаги, выражая свое удовольствие. — «Не промокнет. Краски не поплывут, не размажутся. Прекрасная вещь!» Но к подарку потом не притронулся и продолжал «мазать» по-прежнему на клочках.

Начинал он с того, что во время прогулки карандашом набрасывал схему, размечая цвета и оттенки. Колорит же запоминал «наизусть». Дома доделывал. И на это шли целые дни. Технических знаний в сфере живописи у Б.Н. не было. Делал все наугад, изобретал и придумывал свои способы. Главная цель была — получить основной колорит, добиться гармонии линий и красок. Для этого он делал прежде всего «загрунтовку», т.е. весь лист покрывал тонким слоем отобранной краски, с тем расчетом, что потом она будет просвечивать и в смешении с остальными даст рисунку желанную цельность.

«Загрунтовочный» цвет Б.Н. тщательно, долго продумывал. Нужно было предугадать, что получится при наложении дальнейших оттенков, появится ли тогда ожидаемый нужный эффект. Не обладая техническим опытом в смешении цветов на бумаге, предугадать это заранее трудно. И Б.Н. пережил здесь немало волнений. Да и самое качество красок (едва ли не детских!) часто портило дело. Б.Н.

рассчитывал на ультрамарин, как значилось на тюбике, а получались тона васильковые; фиолетовая оказывалась сиренево-серой, розовая отливала в вишневую. Хуже всего обстояло с белилами: они — то блестели, как клей, и не впитывали в себя других красок, то — ложились грязной, свинцовой замазкой. Сколько «снежных вершин», сколько «хребтов» было загублено через эти белила; сколько «облаков» и «туманов» погибло! Отчаявшись, Б.Н. прибежал даже к... зубному порошку.

Решая вопрос о загрузочном цвете, он волновался не на шутку: момент «крайне ответственный», неправильный выбор может все «провалить».

Затем шла раскраска, выявление разных тонов. При плохом качестве кистей и красок, — процесс в достаточной мере мучительный. Кисть то царапала, то лохматилась, то разлезалась по волоску. Не лучше и с красками: одна рассыпалась в песок нерастворимыми зернами, другая ложилась неровными сгустками, третья «откровенно» не красила. В изнеможении Б.Н. вскакивал: — «Нет, больше я не могу! Разорву и конец! Это какой-то мученичество. Нечего сказать: отдых! Хорош отдых! Хлопот полон рот... Пусть кто хочет так отдыхает. Я — нет, не желаю. Мне и зимой предстоит сидеть не разгибаясь... Идем погулять! Проживешь и Коджор не увидишь из-за этой мазни», — он с отвращением брал в руки отброшенный листок. Вдруг замолкал, начинал пристально вглядываться. Машинально опускался на стул. И через минуту, забыв о прогулке, опять с ожесточением «мазал».

Когда рисунок вчерне был готов, то в иных случаях Б.Н. применял еще один способ: это — «промыв». «Промыв» заключался в том, чтобы весь лист с готовым рисунком, когда краски подсохнут, сразу, как можно быстрее, покрыть тонким слоем воды. Для такой процедуры требовалась «смелость», решительность, точность глаз и руки. Нужно было «бесстрашно» владение кистью. Ничего не стоило одним неверным движением испортить труд нескольких дней: «перепромыть», т.е. взять слишком много

воды, смыть какой-нибудь тонкий оттенок или посадить «роковое» пятно. Я не помню, чтобы этот «промыв» фактически окончился когда-нибудь «катастрофой». Но неизбежность такой «катастрофы» всегда предрекалась Б.Н.-м. Право, казалось порой, что иной хирург на операции волнуется меньше.

При «промыве» мое участие было необходимо. Стоя, — чтобы свободнее двигать рукой, — Б.Н. не отрывал глаз от бумаги и отрывисто вскрикивал:

— «Еще воды!.. Тряпку... Поверни лист...этот...этот вот угол... Левый... Да *левый* же!.. — поднимал он голос до крика, — Скорее... Кисть... *Другую*... Где же промокашка? ...Ай, будет пятно. Перемочил!.. Нет, ничего: контур остался... Ну, готово... Не трогай, не трогай... Размажется!..»

Оба мы вне себя, раскрасневшись, метались туда и сюда. Позабыв обо всем, кроме лежащего перед нами клочка бумаги, ошеломленно поглядывали то на «клочок», то друг на друга.

Наконец, Б.Н. опускался на стул и, ласково улыбаясь, говорил совсем другим тоном: — «Прости! Опять накричал... Проклятый промыв!.. Нет, больше не стану так рисковать!»

Цель «промыва» была та же, что и «загрунтовки»: достигнуть единства и цельности тона.

Так же «загрунтовывал» и «промывал» он свои художественные произведения.

«Мазня» с красками, по словам Б.Н., была прекрасной оттяжкой от мыслей. Но в конце концов и она утомляла порядком. Больше всего страдали глаза. В них поднималась жестокая «резь», и чтобы ее успокоить, Б.Н. прибегал к компрессам из борной, принужденный на несколько дней бросить кисть. В «горячий» момент он проводил над рисунком все утро и вечер. Перерыв делался лишь для отдыха после обеда. Если я предлагала гулять, дать глазам передышку, он упорно отказывался: — «Выйдешь — рассеешься!» Говорил таким тоном, будто его отрывали от серьезной работы.

Но когда на него находил «прогулочный стих», то он не знал ни меры, ни удержа. Мы гуляли, гуляли, гуляли: утром, днем, вечером, перед сном. И Б.Н. был неутомим и предприимчив неисчерпаемо в этих прогулках.

— «Идем, идем, — тащил он меня, — что под крышей сидеть!.. В Кучине насидимся. Не так-то скоро попадем опять в эти места». И мы отправлялись.

Больше всего его влекли к себе горы. Ходить по дорогам он не любил. Было скучно «топтаться» по исхоженным тропкам. Он стремился сойти от дороги и самому «прокладывать путь». Неизвестное манило его, и ему казалось, что в каждой местности должны быть уголки, о красоте которых не знают путеводители. Я шутила, что он хочет быть новым Колумбом и на удивление всем открыть еще раз Америку. Б.Н. смеялся, сердился: — «Оставь! Какой я Колумб...» — но делал по-своему.

Сколько раз мы блуждали от этого, сколько раз почти ссорились. Сокращая пути к «интересной» вершине, попадали в глухие, колючие заросли, или царапались вверх по кручам среди кустов, потеряв направление. Б.Н. громко и горестно упрекал меня в отсутствии инициативы, в пассивности. А я его — в эгоизме, в беспроком искании *новых* путей. Оба были взволнованы и полны негодования не на шутку. Своя правота казалась бесспорной. И — таилась надежда: перевлечь противника на свою сторону. Разойтись же и предоставить друг друга его желаниям и вкусам — никак не могли: как же так, — *бросить!*

Наконец устанавливалось соглашение: я пойду по дороге, а Б.Н. там, где ему хочется, но «не слишком рискуя» и помня, что я за него беспокоюсь. В «неопасных», но интересных местах он будет меня подзывать.

Взволнованное лицо его озарялось тогда детски-счастливой улыбкой, и Б.Н. с ликующим видом бросался к «желанным высотам», карабкался, перепрыгивал с камня на камень. На ходу он беспрестанно оглядывался и кивал мне в знак ободрения.

Лазал он великолепно: легко и бесстрашно. Будто весь

век жил в горах. Головокружения никогда не испытывал и никакой высоты не боялся. Напротив, чем выше и круче был обрыв под ногами, тем смелей и предприимчивей он становился.

Добравшись до особенно интересного места, он останавливался, распрямлялся и начинал свой «обзор». Оглядевшись, кричал мне подробно о том, что теперь видит, как все изменилось. Восхищался, насколько здесь лучше, чем внизу, в моем тесном «защёме». Звал к себе: нетерпеливо доказывал, что подъем пустяковый, что страшного нет. Когда же я медлила, он начинал все больше и больше сердиться, досадуя, что я такая трусиха, что «этак» мне никогда ничего не видать.

По правде сказать, мне было тогда не до видов. В пылу убеждения Б.Н. так метался, так рвался, ожесточенно махая руками, что у меня была одна мысль: — «Только бы не сорвался! Вот, не глядя шагнет и... что тогда делать!»

Чтобы его успокоить, кое-как начинала и я ползти вверх.

Страх за Б.Н. особенно вырос во мне после одного случая в Коджорах. Это было у «зámка Разбойника». Б.Н., по обыкновению, ушел вперед, а я потихоньку следовала за ним на довольно большом расстоянии. Вдруг ему показалось, — он все время оглядывался, где я, — что меня кто-то хочет обидеть (мимо шли пастухи, попросившие у меня папирос). В ту же секунду, не разбирая, что под ногами, громко крича какие-то угрозы и отчаянно потрясая палкой в воздухе, Б.Н. стремглав ринулся с кручи: на помощь! Я застыла на месте от ужаса. Как он не разбился о камни — не понимаю. И хотя он уверял, что прекрасно все помнил, что у него безошибочный инстинкт лазуна, меня это не успокоило: — «Один раз сошло. А другой — неизвестно». И я стала бояться случая.

А он теребил: — «Не затем же приехали в горы, чтобы гранить тротуары. Тоска... Что тут увидишь: в дыре» — он демонстративно, с презрением поворачивал голову, сердито и быстро поглядывал на меня, чтобы видеть, как я реагирую на его заявление.

Загорался опять старый спор. И после взаимных упреков — опять примирение. Иногда он шутливо жалел меня: — «Бедненькая! Как это грустно: головокружение... Прости, что кричу... Ну, пойдем, пойдем низом. И здесь хорошо. Видишь, какой прекрасный зигзаг впереди... Ах! Что это там?» И уже забыв обо всем, Б.Н. далеко: наклонился, заглядывает, повисая над краем обрыва. «Заглянуть сверху вниз» — было в нем почти страстью. Так в детстве ломал он игрушки, чтобы посмотреть, что там внутри, так потом переворачивал все «на обратную сторону».

Он искал на Кавказе сухих «изошреннейших» пиков, острых «пальцев», т.е. остатков от выветренных горных пород, жесткой щетиною покрывающих скаты. Эти «пальцы» поразили его своей дикой красотой в Альпах, в Швейцарии. В сборнике «После разлуки», в стихотворении «В горах» есть строчки: ... «Отовсюду приподнялись — О, сколько — колкие елки — Высвистом — порывистым — ввысь».²⁶ Конечно, здесь имеются в виду и «елки» — деревья. Но смысл образа шире.

И вот, на Кавказе ни «пиков», ни «пальцев» почти не встречалось. После тщетных поисков и ожиданий Б.Н. решил: — «Кавказ *моложе*: века не успели еще так поработать над ним.* Слишком много здесь зелени, слишком обильны леса. Или, может быть, это мы обреченно вращаемся на периферии, и в самые тайники не довелось нам проникнуть».

Он внимательно изучал Путеводитель, следил по большой разостланной на столе карте, и сокрушался, что самое интересное на Кавказе для нас заповедано. Из-за отсутствия горных дорог мы попадем лишь в зону «прелестного» («reizend»). А Б.Н.-на влекло к себе сурово-прекрасное «Hoch»: благородные обнаженные земли, «гололобые глы-

* Как Б.Н. был бы доволен, если бы мог прочитать заметку Н. Сергиева «Возраст кавказских гранитов» («Известия», 14. X. 1935). В ней говорится: «Нами получены новые данные о возрасте гранитов осевой части Кавказского хребта. Эти граниты, до сих пор считавшиеся принадлежащими к древнейшей эпохе Земли — докембрийской, неожиданно «молодеют» на несколько геологических периодов. По-видимому, образование их нужно отнести к мезозою».

бины», базальты, граниты и мхи.

В Тифлисе нам сильно расхваливали дорогу на Бакуриани, в горах над Боржомом. — «Что Швейцария! Вот поезжайте на Бакуриани...» И мы поехали. Разочарование полное: — «Слишком зелено, слишком уютно...»²⁷

Б.Н. снова брался за Путеводитель. — «Ведь вот, здесь сказано: снежные горы, дикий, суровый ландшафт. Мне это и надо. Смотрю: как проехать? Никак... Сперва по железной дороге. Потом от станции такой-то — в экипаже, потом верхом. Остаток пути — пешеходная тропка. Где же это мне в мои годы и со слабым здоровьем! Еще верхом я бы мог», — огорченно захлопывал он Путеводитель.

Только в Армении и в Коджорах несколько насытился его «горный голод». «Колких елок» и «диких пиков» здесь, правда, также не было, но в Армении их заменило ощущение «колыбели истории», величественный ритм Арарата, который господствует над всей страной. Пленили «золотые кони» Гехарда, — импрессия гигантских размывов золотисто-желтых пород, повиснувших над маленьким монастырем, утонувшим в глициниях, миндалях и белых акациях. Пленили и дымно-синие «стражи» Севана, — сумрачно прекрасные вершины хребтов, поднявшихся над этим чудесным озером-морем, высоко взнесенным на над-Эриванское плато. И еще многое, многое.

А в Коджорах были неотразимы «просторы высот». Единственный, как говорили нам, по широте вид с коджорской вершины. Там, над взволнованным морем «хребтов и хребетников», по краям горизонта ежедневно всплывали и таяли *новые* очертания *тех же* все горных цепей Армении, Дагестана, Кахетии, Большого Кавказа, Сурама. Намечался пролет Военно-Грузинской дороги. И тающим золоторозовым воздухом простиралась необозримая азербайджанская степь, чуть подернутая васильковым атласом Куры.

Было на что посмотреть. И Б.Н. выбрал Коджоры, как постоянное место «возврата», место, где он лучше и полнее всего «отдыхал». — «Вернуться еще раз в Коджоры...»

оставалось горячей мечтой его до конца.²⁸

И до конца сохранилась в Б.Н. любовь к непроторенным дорожкам. Летом 1933 года, когда, еще до появившейся тяжелой болезни своей, он был давно уже болен насквозь, мы по-прежнему много гуляли и по-прежнему иногда разделялись на этих прогулках. Забыв свои немощи, он забирался по склону, шел верхом, по узкому гребню холма, оставив меня внизу на параллельной дорожке. Повторялось, как прежде: он останавливался, сообщал об открывавшихся горизонтах, жалел, что от меня они скрыты, звал к себе и, наконец, «взрывался» от огорчения за меня: — «Не увидишь!»

И опять сердце во мне разрывалось: страх, что он оборвется, и счастье видеть его таким.*

Снизу казалось, что он плещется в воздухе. Тонкий и легкий, будто без всякой опоры, носился он над самым краем обрыва: белая шляпа, белая рубашка без пояса, золотистая бамбуковая палочка в руке. Охваченный солнцем, в синей прозрачности неба, весь в ветре и в воздухе, сам был, как ветер, как воздух, — без веса, без тяжести. Будто закон тяготения — не для него.

Так запечатлелась во мне одна из наших последних коктейльских прогулок.

Тема этих отрывков: «Б.Н. в природе» мной далеко не исчерпана. Еще многое здесь остается сказать. Слова Гете: — «Искусство есть зрелая природа» — звучали ему как девиз.²⁹ И все искусство свое, все свое мастерство он понимал, как продолжение и завершение «дела природы». Не выключал, а включал себя в этот великий процесс. Не только как лирик-поэт, но и как прозаик-мыслитель, он весь коренится в природе. Природой полны его книги. Она проплетает всю ткань его прозы. Как и Диккенс, в картинах природы он дает психологический лейтмотив и лиц, и событий, в значительной мере заменяя им *психологию* соб-

* Пусть простят мне этот лирический вздрог. Но это было еще так незадолго до того, как все оборвалось.

ственно.

А для него самого «встреча с природой» была всегда праздником. И звучат мне живой биографией слова его из «Весенней мелодии» в «После разлуки»:

Так —

— Исполкон

Веков — Увековечены: —

— Природы праздники, исполненные

Светами

Утраченного

Смысла —³⁰

Этим *праздничным* светом для многих навсегда «утраченного *смысла*» сияла и пела Б.Н-чу природа — с самого раннего детства и до конца его дней.

3. РАБОТА НАД «МАСКАМИ»

«Тематика» — «Мозаика».

А. Тематика.

В этой главе я хочу рассказать как работал Б.Н. Рассмотрев свои записи, я увидела, что они распадаются на две части. Первую я называю «Тематика». Непроизвольно в ней отложилось все то, что относится к зарождению образов, тем, лейтмотивов, к их изменению во времени и в процессе работы; а также те внешние поводы или случайности, от которых пробуждались порой те и эти темы. Сюда же отнесено мною и то, что Б.Н. называл своими «вспомогательными пособиями», — листья, камешки, ткани, с которых он «списывал» обстановку, костюмы и пр. И это — уже переход ко второй части — «Мозаика». В ней пытаюсь я показать, как работал Б.Н. над написанием текста своих произведений, как возникал этот текст, его материалы, его различные стадии. Порою это переходит почти в описание рукописи «Масок», хранящейся в ГЛМ,¹ порою же это — бытовой рассказ о мелочах жизни, служивших фоном рабочего дня Б.Н. Кончаю я эту главу рассказом о причинах, заставлявших Б.Н. всегда стремиться «в деревню», о Кучине, как об этой желанной «деревне» и даю несколько кучинских ландшафтов, вынутых из романов, написанных Б.Н. в Кучине.

Напомню в кратких чертах содержание этих романов:

«Московский чудак», «Москва под ударом» и «Маски», — или, как называл их Б.Н., «Москва», т. I-II. Я выделяю главным образом те моменты, которые затронуты мною в этих записях, и оставляю в стороне ряд существенных тем, например, жену и сына Коробкина, Задоятова с женой, доктора Доннера и др.

Прежде всего: главные действующие лица, характеристику которых заимствую отчасти у Б.Н., из его драматической переработки первого тома.²

Математик, профессор Коробкин — Знаменитый ученый, сделавший мировое открытие в области теоретической механики.

Фон Мандро — Предприниматель, директор компаний, крупный спекулянт, живущий широко, со славой «темного афериста». На самом деле — «кукла» в руках шайки международных шпионов. Вначале германский, потом французский агент. Несет в себе все пороки разложившейся цивилизации, вплоть до преступной страсти к 17-ти летней дочери. Вдовец. Он же — переодетый «дед Мордан» или «старчище». Он же (во втором томе) — Друа Домардэн, публицист из Парижа.

Лизаша. Его дочь, гимназистка, «странная девушка», «не то старушка, не то младенец, не то бесенок, не то ангеленок». Обожает отца. Зовет его «богушка». В «Масках» она — жена Киерко-Тителева, или мадам Тителева.

Киерко. Друг Коробкина, крупный революционный деятель, агитатор и организатор. В «Масках» он — нелегальный, живет под фамилией Тителев, в одном из глухих переулков Москвы.

Вишняков. Горбун — портной, добрый и умный. Импонирует Грибикову и спасает Кавалькаса, увлекаясь сам «Армией Спасения».

Никанор. Брат профессора, чудак-неудачник, «строптивец» — добряк. Горячо любит брата.

Серафима. Сестра милосердия в лечебнице для нервнобольных, сперва сиделка, потом «ученица» и друг Коробкина.

Пэнэш-Довлиан. Психиатр, владелец лечебницы, где оказался Коробкин. Злой циник.

Грибиков. Злобный старик, мещанин, «проживатель».

Кавалькас. Полулитовец, полунемец, карлик без носа, бывший «Лепорелло» (и жертва) молодого «дон-Жуана» — Мандро, ныне его ненавидящий, но от него зависящий. Дружит с Вишняковым, распевая вместе с ним песни «Армии Спасения».

Велес-Ненецевич, или «черный квадрат». Организатор убийства Мандро, агент русско-английской разведки, — «звено, так сказать: меж Земгором, Булдойером и Булдуковым» (Маски, 79).

Мадам Тигроватко, мадемуазель де-Лебрейль, офицеры Пшевжепанский и Сослепецкий — лица, участвующие в обличении и убийстве Мандро.

Фабула развивается приблизительно так: открытие Коробкина возбуждает интерес в зарубежных военных кругах. Германия через посредство Мандро пытается купить это открытие для военных целей. Профессор резко отказывает. Между тем в доме Мандро назревает скандал. Его порочное отношение к дочери переходит в прямое насилие. Поступок получает огласку. Мандро скомпрометирован и должен бежать. Чтобы спасти свое положение, он решает во что бы то ни стало овладеть открытием. Под видом нищего старика — «старчища», он бродит вокруг дачи Коробкина, ища случая. Случай представляется, когда профессор едет в Москву по делам. Старчище следует за ним до станции, едет вместе в вагоне, почти насильно навязывается в дом к профессору и остается с ним ночевать в пустой городской квартире Коробкина. Он требует выдачи открытия, угрожая насилием. Профессор снова решительно и с негодованием отказывает. Происходит страшная сцена мучений Коробкина, во время которой оба сходят с ума. В припадке безумия Мандро убегает от бредового зрелища своего преступления и попадает в больницу неузнанный. А Коробкина, полуживого, растерзанного и безумного, под утро уже находят встревоженные соседи во главе с порт-

ным Вишняковым и карликом Кавалькасом. Его отвозят в лечебницу. В этот же день начинается мировая война 1914 года. Этим кончается первый том.

Во втором томе показано медленное выздоровление Коробкина и осознание им перенесенных страданий, как последствия его «безответственности», позволявшей ему не задумываться над гибельными «для миллионов» результатами его теоретических и чисто научных работ.

Появляется вновь Мандро. Теперь он — француз, Друа-Домардэн, посланный с секретным поручением из Парижа в Москву. На нем скрещены нити разведок России, Америки, Англии, следящих за ним. Мадам Тигроватко поручено раскрыть в нем «Эдуарда Мандро». Она делает это, используя для обличительной сцены оскорбленную им дочь Лизашу, теперь «мадам Тителеву».

Разоблаченный Мандро подвергается сначала домашнему аресту в Пелль-Мелль отеле, под надзором Велес-Непещевича. Здесь его навещает профессор Коробкин, вышедший к тому времени из больницы и живущий в доме у Тителевых и в тесном общении с ними. Лизаша рассказывает ему о своей драме с отцом. Коробкин решает устроить их встречу и с этой целью направляется в Пелль-Мелль отель, откуда и приводит отца к дочери.

Непосредственно после свидания офицер, посланный Велес-Непещевичем, отвозит Мандро на квартиру Тигроватко, где и происходит убийство Мандро. Эти события совпадают с началом революционного переворота.

Второй том кончается рецидивом болезни профессора, вызванным напряженными переживаниями последних дней, и взрывом домика Тителевых.

Б.Н. заканчивает этот том словами: «Так все, что любило, страдало и мыслило, что восемь месяцев автор словесным сплетеньем являл, вместе с автором, — взорвано: дым в небесах!

Что осело, что — пырсьню отвеялось? Кто — уцелел, кто — разорван? Читатель, — пока: — продолжение следует».³

Помню, с каким недоумением вынес ко мне Б.Н. прочитать эти строки:

— «Вот, — не знаю, что написалось. Думал кончить совсем иначе... И вдруг...» Он оборвал себя. И все еще как-то недоумевая, прочел приведенные выше слова.

Этот роман он начал писать осенью 1924 года, по возвращении из Коктебеля, и думал сперва назвать его «Слом».

За каждую художественную вещь принимался он более, чем неохотно. Долго тянул, противился всем существом. Откладывал до последней возможности и пользовался всяким предлогом: только бы «еще» не писать. Слишком по прежнему опыту знал все последствия и пугался заранее. Ясно предвидел, какую «бездну моральных и физических сил» возьмет *такая* работа, предвидел, в каком опустошении и «разгроме сознания» останется, когда «будет поставлена последняя точка». И шел заведомо, как на неизбежно тяжелую болезнь, в «невеселые месяцы».

Так было и на этот раз. Разговоры о новом романе, который «надо писать», поднимались еще чуть ли не зимой. Но только в конце зимы, перед самым отъездом в Коктебель к М.А. Волошину, Б.Н. дал окончательное согласие издателю* (Хельминскому или Лежневу).

В Коктебеле Б.Н. собирался провести все лето, с тем именно, чтобы пожить в тишине и основательно поработать. Укладываясь в дорогу, он очень заботился взять с собою достаточное количество бумаги и для черновиков, и для чистой переписки, а также захватить побольше карандашей и чернил. Это был вечный страх Б.Н.: «остаться без капли чернил и без кусочка бумаги». И мы постоянно возили с собой во все путешествия неудобные бьющиеся пузырьки и тяжелые раздутые папки. И то и другое в сильной степени осложняло для нас всякие передвижения с места на место.

Но жизнь в Коктебеле сверх ожидания сложилась так, что ни о какой работе нельзя было думать. Близость моря,

* Договор между Б.Н. Бугаевым и Н.Э. Хельминским от 14 апреля 1924 — ИМЛ. 34/2481.⁴

возле которого Б.Н. проводил целые дни, большая, интересная и шумная компания, съехавшаяся на дачу Волошина, отсутствие уединенной комнаты, в которой можно было бы укрыться от людей, искавших общения с Б.Н., постоянные прогулки, поездки, игры, литературные чтения и беседы то в мастерской М.А. Волошина, то на нижней террасе-столовой, то на открытой вышке под небом, наконец, — даже танцы, — все в целом мало способствовало рабочему настроению.⁵ Время было заполнено так, что не оставалось «ни минуты свободной».

Кроме того Б.Н. с увлечением отдался новому тогда коктейбельскому спорту «загара». «Загар» требовал также немалых забот. Было совсем не безразлично, *как* и в какой срок загорать. Пускались на всякого рода хитрости и подтасовки. Б.Н. тотчас же изобрел свой собственный «метод». Задачей его было так загореть, чтобы на теле не оставалось нигде порочащих бледных пятен, и чтобы загар ложился ровно, приятно для глаз. Он не жалел себя. Весь день был размечен. Выбирал в определенные часы определенное место и загорал «систематически» — то в окне своей комнаты, выходявшем на крышу столовой, то на нашей террасе, когда в мертвый час она пустовала, то на пляже. Для одного оттенка загара необходимым являлось утреннее солнце, для другого — только вечернее. «Система» была тщательно разработана и продумана до мелочей. И Б.Н. добился-таки, что его загар был единогласно признан образцовым (чем он «откровенно» гордился).

Но самой главной и сильной оттяжкой от писания романа было захватившее Б.Н. увлечение коктейбельскими камешками. «Камешки», как и «листки», — это целая «глава» в жизни Б.Н. И об ней мне придется не раз говорить. Здесь затрону ее лишь попутно.

Каждому приезжающему в Коктебель, М.А. Волошин показывал свои коллекции камешков, набранные за много лет не только им, но еще его матерью. Приглядевшись к коллекции, Б.Н. их не слишком одобрил. Вскоре же с моря наносил себе «первые пробы» по своему вкусу. Призвал

Макса, ему показать. Макс рассмеялся:

— «Ну, Боря, совсем не то у тебя. Никуда не годится... Одни сплошные собаки! Ни одного фермампикса!»

«Собаки» и «фермампиксы» — были особые коктебельские термины. Первые означали простые, неинтересные камни. Вторые — прозрачные, всевозможных цветов и рисунков, иногда даже драгоценных пород: яшмы, сердолики, хризолиты, хризопрасы и пр. Б.Н. был возмущен: — «Как: собаки! Так я ж покажу, что такое собаки...»

С этого началось. Все же первое время Б.Н. пытался еще как-то бороться с охватившей его «каменной» коктебельской болезнью, и вспоминал о романе. Несколько раз собирался «взять себя в руки» и засадить за работу.

— «Через две недели начну», — отвечал нетерпеливо на чей-нибудь случайный вопрос.

А через две недели опять повторял то же самое, то с шутиливой небрежностью, а то с раздражением. Я видела, что сам он собой недоволен: отступать от того, что задумано, он не любил. В Москве же решил, что летом будет работать. И вот — эти «камешки»!

Наконец, как-то за утренним чаем, в июле уже, он заявил мне с запальчивым видом: — «Решил окончательно, что писать в Коктебеле не стану» — и поглядывал неприязненно — будто я только и делала, что приставала — пиши да пиши! Я давно уже видела, что в глубине души сам он к себе «приставал», и что теперь перед собою оправдывается (так бывало не раз). Не дожидаясь ответа, бросился бурно, с жаром доказывать:

— «Как еще нужно писать. Я же пишу... Мои коллекции — это и есть мой роман. Собираю драгоценнейший материал для себя. Орнамент оттенков, интерференция красок: это же перспективы, и — богатейшие. Весь слог мой изменится. Не могу оборвать этих опытов. Это опыты с словом. Учусь лепке словесных ходов... Вот, посмотри...» он увлекал на террасу, где на перилах расставлял коробочки, устраивал ежедневные «смотри» своих многосоставных градаций.

— «Видишь... видишь. Гляди: все целятся на красоту, на фермампикусы. По мне — хоть бы не было их. Зато из последних собак я сделал то, что все ахают... Сами не видели. Я же знаю, что делаю. И знаю, что это не все: мне еще нужно добрать, да разглядеть... Вот здесь не хватает... И здесь... Промежуточный тон не заполнен. Как же я брошу...»

Высказав это все, сразу, без передышки, вдруг успокоился, повеселел, точно свалил с души камень, отстоял свое право на «баловство». Поглядывал ласково и со вздохом закончил:

— «Ты не сердись, что кричу. Не объяснишь никому. Пристают: над чем вы работаете, Б.Н.? Будто так просто ответить, над чем... Коли скажу, то раскроют глаза, назовут чудачком, сумасшедшим... Разве втолкуешь глухим...» — голос стал повышаться. Боясь, что он опять разволнуется, я перебила, что пора уже к морю, что говорят — ночью был сильный прибой и нанесло много новых камешков. Забрав «синий мешочек»* и пеструю плетеную корзиночку, мы поспешили на пляж.

Вопрос о романе больше не поднимался.

Наконец, в Москве, поздней осенью, он засел за работу, нехотя, с ропотом. Вначале шло туго, не клеилось. «Не расписался». Приносил прочитывать первые сценки и жаловался, что скучно, бледно, бездарно.

В главных чертах план первого тома был давно уяснен. Б.Н. задолго до этого говорил не только о первой, но уже и о второй части романа. Теперь же, приступая к работе вплотную, он — по обычаю — записал своего рода программную схему, или, — как он называл это, — «план». Почему-то в таких случаях всегда любил брать самый невзрачный, случайный, «ключок», — иногда оборот другой рукописи, иногда даже просто конверт от письма, недавно по-

*«Синий мешочек» был шит в Коктебеле из особенно прочной материи, которая могла бы выдержать «трение тяжестей». Этот мешочек сопровождал Б.Н. во всех поездках... вплоть до... клиники.

лученного и лежащего под рукой на столе. На «клочке» был набросан порядок предполагаемых глав и были даны их названия, хотя бы условные. «Клочок» фигурировал потом во все время работы. И Б.Н. очень следил, чтобы он не затерялся.

Это был как бы первый кристалл, первый контур, — то зерно, или клеточка, от которой потом разрасталась вся ткань. И такой же набросочный план порядка и содержания будущих глав сохранился даже в черновике незаконченного четвертого тома Воспоминаний, — последней работы Б.Н., которой он был занят осенью 1933 года.⁶

Но, как постоянно бывало и прежде, в процессе писания «Москвы» первоначальный план отодвинулся и заменился другим. Фабула развернулась не так, как хотел того и как предполагал сперва Б.Н.

В частности, — совсем по иному вычерчивалась вначале в его представлении фигура Грибикова. Б.Н. думал, что во втором томе Грибиков займет возле профессора место Мандро. Поэтому и уделял ему столько внимания. И с первых же страниц первой части начал «загрунтовку» этого типа для будущего. Это кажется странным теперь, после того как написаны «Маски» (т.е. второй том), где Грибиков упомянут только вскользь. Но тогда и на словах Б.Н. очень много рассказывал о Грибикове, рисовал его образ в мельчайших подробностях и одно время был занят им не меньше, чем Эдуардом Мандро. Последний сперва рисовался абстрактно, был скорее насильно построенной схемой, чем подлинным образом. О Мандро Б.Н. знал изнутри только то, что он «др». Но содержание этого «др» еще не вскрывалось отчетливо. Грибиков занимал первое место. Домик его не случайно поставлен окно в окно против дома Коробкина. Он появляется тут же на третьей странице в первом же сне, неприятно смутившем профессора. В конце этого сна Коробкин видит, как:... «окно — отворилось; и Грибиков, точно стенная кукушка, просунулся, фукая на переулок; от «фука» — булыжники, домики и тротуары как пырнут, распавшись на атомы пыли, секу-

щие эти пространства; Иван же Иваныч, сам пыль, при-
вскочил, оказавшись опять у себя на диване пред мухою —
в пункте, откуда он был громко свергнут» («Московский
чудак», Круг, стр.11).

По словам Б.Н., в этом сне дан лейтмотив отношений
Коробкина с Грибиковым во втором томе. Там «фук» Гри-
бикова должен был разыгаться в настоящую тему пресле-
дований. И вот, теперь уже Грибиков всюду лезет в глаза.
Приближаясь к окну своего кабинета, профессор каждый
раз наталкивается глазами на неизменно торчащего у свое-
го окошка, подглядывающего Грибикова и бессознательно
раздражается этим негласным надзором. На квартире у
Грибикова поселяется затем уже подлинный соглядатай
профессора, агент Мандро, Кавалькас (карлик Яша). Гри-
биков — последний, кто видит (в «Москве под ударом»)
убегающую из дома Коробкина «гориллу», т.е. Мандро, и
призывает ее задержать.

Как злобный паук, расстиляет Грибиков вокруг профес-
сора свои сети. Высматривает и вынюхивает сперва «вполне
бескорыстно», из любви к искусству. А потом и со смыслом:
помучить и отомстить профессору за свое мушиное злое
ничтожество. Для Грибикова нестерпим самый факт суще-
ствования столь непохожего на него и столь богатого чем-
то ему неизвестным и потому уже взятого на подозрение
мира.

По рассказам Б.Н. (в 1924 и 25 гг.) Грибиков во втором
томе становился председателем домового комитета в том
доме, где одиноко, без семьи и близких, жил после октя-
брьского переворота Коробкин, в холоде, голоде и всячес-
ком бытовом неустройстве. Вместо преследований Манд-
ро, вынуждавшего у профессора его открытие, он попадал
в лапы Грибикова, который мучил его всевозможными
мелкими, но колючими гадостями. Грибиков притеснял и
донимал растерявшегося профессора роем анкет, предпи-
саний, повесток, в котором последний беспомощно барах-
тался, а Грибиков плавал как рыба в воде.

Этим Б.Н. хотел во втором томе романа, в сущности,

только расширить тему своего небольшого рассказа «Иог», написанного еще в 1919 году.⁷ Имя же героя — Коробкин — фигурировало еще в 1911-22 гг. в рассказах Б.Н-ча Вячеславу Иванову на «Башне» (так называлась тогда в литературных кругах квартира В. Иванова).⁸

Но за время, отделившее первый том от второго, намерения Б.Н. изменились. У него вызрели новые планы и мысли и он предполагал, оставив в стороне Грибикова, сосредоточиться главным образом на тематике войны, России, народа, Коробкина и Серафимы.

Так он и начал писать осенью 1928 г. (сентябрь-октябрь). Вскоре, однако, ему пришлось оставить «Москву» и приняться за предложенную изд-вом «Федерация» «Диалектику ритма». Из «Москвы» он успел закончить одну лишь главу (первую).⁹

За это короткое время произошло очень важное изменение, никак не предвиденное Б.Н-чем. В записях его дневника, 15 октября 1928 года отмечено: «...сдвиг фабулы».

Дело в том, что заканчивая «М. п. уд.», Б.Н. полагал, что он навсегда распрощался с Мандро, «похоронил» его, так сказать, окончательно. «Горилла (т.е. Мандро) жила трое суток еще... в тюремной больнице...вне себя, неопознанная» — это были заключительные слова о Мандро,¹⁰ которыми он уводился со сцены с тем, чтобы больше на ней уже не появляться. Но, — «вопреки воле автора», Мандро «не пожелал упраздниться» и «заявил» об этом самым решительным образом. Б.Н. был не в состоянии «угомонить притязания Мандро», и должен был придумывать объяснение, данное в «Масках»: Мандро не умер, а выкраден из больницы своими покровителями-иезуитами.

Этим, однако, дело не кончилось. И когда осенью 1929 года Б.Н. снова принудил* себя взяться за продолжение романа, его ожидал ряд «сюрпризов», еще раз «смешавших все карты». Война, фронт, народ и Россия оттеснились с

* «Мысли о символизме... грозили оттеснить „Москву“...взял себя в руки ... углубился в „Москву“, увидел... написанное в прошлом году должно быть заново переработано» (Раккурс, IX-X, 1929).¹¹

переднего плана, стали лишь фоном картины. Интрига опять сосредоточилась на Мандро, который разрастался неудержимо.

Кроме того выступил еще «непрощенный» брат Никанор, о котором прежде как-то не было речи.

Точно не помню, но мне кажется, что уже в Кучине, по возвращении с Кавказа, где Б.Н. много думал над продолжением романа, он сказал мне впервые: — «А знаешь ли, к профессору приезжает брат Никанор. Он узнал о несчастье с братом и едет его навестить».

Особенно трудна и чужда была для Б.Н. тема отношений Мандро и Лизаши. Так он всегда говорил. После «М. п. у.» он намеренно *не хотел* ее больше трогать. Потому и поспешил поскорей «похерить» Мандро. Лизаша, как тип, была ему далека и неприятна. Он ее *не любил* (русалка!). — Точно также отталкивал от себя «страшную» мысль об убийстве Мандро. Но отвертеться теперь оказалось уже невозможным.

Все это происходило у меня на глазах. Странная, совершенно особая жизнь заполнила наши комнаты. Герои романа сошли со страниц. Мы были уже не вдвоем. Никанор, профессор, Киерко, Мандро, Лизаша — двигались, говорили, выясняли свои отношения друг к другу, думали свои думы, огорчались и радовались, любили и ненавидели. Мы с Б.Н. оказались лишь «при», — мы только «присутствовали». И даже не «только» присутствовали, а сами были охвачены бурной стремниной. Мы совсем забывали, что их-то — героев — ведь *нет*, что *они* — только «выдумка» самого же Б.Н.... Какая там выдумка! Реальнее всякой реальности — не только для Б.Н., который говорил о них совсем тем же тоном и с той интонацией, как говорят о живых, действительных людях: своих знакомых, друзьях. Но и мне порою казалось, что всех их я знаю и видела в жизни. И у меня было чувство, что ты только свидетель каких-то независимо от тебя происходящих событий, в которых не можешь ничего изменить, — должен только смотреть, наблюдать. Других разговоров, других интересов у

нас в те дни не было. В первый момент, когда выяснился «поворот» фабулы на Мандро, Б.Н. был по-настоящему огорчен, огорчен до возмущения. Переживал этот «скос» как прямое насилие над собственной волей.

— «Не хочу я глядеть в эту сторону... Почему, в самом деле, должен я разбираться в невкусице — „Лизаша-Мандро“... С чего привязались... Разве не обойдутся и без меня ... Я-то хочу ведь писать о другом... Я чалю к иным берегам... Мне дела нет до их мерзи»... Потом добавлял с большой горечью: — «Вот, не знают, как пишутся вещи. Автор волит одно, а герои его с роковой неизбежностью влекут на другое. Ведь вот вижу: все идет вкривь... Ущемился профессор, оттого что раздулся Мандро. Серафима убита: будет „бледная тень на стене“, потому что надо ведь что-то сделать с Лизашей. А на всех — рук не хватит... Я и так уже болен...» И вновь бунтовал, возмущался, был действительно болен. Переключение далось нелегко: слишком сильно звучали иные мотивы, иная тональность задуманного, — тональность, в которой широкая музыкальная тема «Слова о полку Игореве» пересекалась с Шекспиром.

Так и была первоначально написана эта «первая глава второй части», получившая позднее название «Пробуд». Она начиналась словами: — «Молкнет речь, молкнет Русь, молкнет ночь в шелестениях поля несжатого».

Все это время Б.Н. «в который раз» перечитывал Шекспира, особенно «Короля Лира». Говорил, что опять и «в который раз» его понял по-новому, что Шекспир — гигант, которому не перестаешь удивляться, у которого учишься непрерывно, не зная, за что прежде всего ухватиться. В нем все поражает. Но особенно учишься у него мастерству драматического углубления образа. Так что впору все бросить и вплотную засесть за изучение Шекспира.

Шекспир нужен был Б.Н-чу для уяснения себе образа Коробкина. В Коробкине — «сумасшедший, бездомный, оставленный всеми, беспомощный внешне старик» — король Лир — сочетается с внутренней мощью грозного законодателя — «Моисея», гениально, по постоянному отзыву

Б.Н., изображенного Микель Анджело.

О Коробкине скажу коротко, прежде чем перейти к Эдуардо Мандро, изменившему так нежелательно и неожиданно для Б.Н. стиль всей книги.

Образ Коробкина — самый близкий и дорогой для Б.Н. И — самый интимный. Глубокая любовь, уважение и нежность к отцу переплетается здесь с прямыми высказываниями себя и о себе. Если в Аблеухове-сыне отразилась пламенная острота мысли молодого Б.Н., мысли, стремившейся «теоретически» разрешить и обосновать самые конкретные вопросы общественной этики и личных жизненных отношений, отразилась его бурная страсть к Л.Д. Блок (Софья Петровна), то профессор Коробкин — это Б.Н. в двух последних десятилетиях его жизни. Внешний облик, манеры, характер, профессия — взяты им у отца. Это тот же профессор Летаев «Котика» и «Крещеного китайца», тот же «папочка», что и в «На рубеже». Но внутренний мир — переживания, мысли, отношение к людям, к науке, к природе — это порой почти дневниковые записи. Материал иных сценок — простой пересказ наших кучинских дней. Например, — прогулка профессора с дочерью, разговоры о шишках (ел-шишка, ер-шишка, су-шишка, — сухая сосновая шишка), наблюдения над муравьями, лягушками, стадом, растоптанный белый грибок, самая дачная местность с кирпичным заводом, с барским домом, белеющим на высоком речном берегу — это Кучино. А описания некоторых домиков — фотографический снимок. Я могла бы их показать. Весь этот живой материал был введен потом в рамки сюжета.

Насколько интимно близок был Б.Н-чу образ Коробкина, — видно из его автобиографической заметки «Почему я стал символистом» (Кучино, 1928). В гл. 17 (127 л. маш.) он пишет: — «Мне не раз говорили: „Неужели вы не могли обойтись без ужасной сцены истязания в вашем последнем романе? Она — жестока“. Теперь, когда и роман позади, ответу на эти слова *правдивым* ответом, который мне до сих пор было стыдно произнести вслух. Сцена истязаний профессора — лишь объективация в образе, вставшем

передо мною, того, что сидело во мне, с чем я был соединен. Эти истязания *во мне* разыгрывались. Мне казалось в Берлине, что меня истязают. С переживаниями 1922 года складывались переживания вереницы лет: от детских напраслин... года тянулась, усиливаясь, меня терзающая нота. Я бегал в Цоссенских полях, переживая муки, которым не было ни образа, ни названия. А когда мука стала отделяться от меня, то образ меня самого встал передо мною. И на бумагу полились фразы: — „Висел затемненной своей головой, с запеками крови... И — мучился немо оскаленный рот. И казалось, что он перманентно давился заглотанной тряпкой — грязной и пыльной“». ¹²

Или: — «В диком безумии взгляда — безумия не было: но была твердость: отчета потребовать, на основании какого закона возникла такая вертушка миров, где... глаза выжигают».

Или: — «Этот взгляд одинокий... подмигивал мимоидущим: „Я знаю, — не можешь за мною идти: Я иду по дороге, которой еще не ходили“». Так я переживал себя в Цоссене 1922 года, когда писал книгу стихов. И на вопрос, отчего я так жестоко обошелся с профессором, я ответил бы: „Отчего так жестоко со мной обошлась жизнь?“»

Но мне думается, что и в построении самого сюжета, в его развитии, играли роль впечатления жизни, может быть даже просто прочитанная книга, случайно увиденный рисунок или что-нибудь в этом же роде. И — я не ошибусь, если скажу, что главный момент в мучениях Коробкина: Мандро *привязывает его к стулу*, готовясь пытать его, чтобы добиться признания, где тот спрятал свое открытие, т.е. листики с вычислениями, — этот стул с привязанным к нему гениальным ученым, вспыхнул в Б.Н., вероятно, от брошюры Евг. Замятина «Роберт Майер». ¹³ Отрывки из этой брошюры Б.Н. с огромным волнением мне прочитывал вслух, восклицая: — «Такова судьба гения!»

Привожу это место о «стуле»: Благодаря хитрым уговорам и настояниям жены, считавшей, что ее муж страдает тяжелой формой мании величия с буйными припадками,

Майер оказывается в санатории и водолечебнице для нервно-больных. Предупрежденные женой Майера врачи уговаривают его съездить в местечко Винненталь. Доктор фон-Целлер, заведующий Виннентальской лечебницей, немедленно посадил его в одиночную камеру, в отделение для сумасшедших... «Майеру все это представлялось странным недоразумением; он стал настаивать, чтобы к нему вызвали кого-нибудь... кто бы мог разъяснить, что он, Майер, вовсе не сумасшедший, — ну, вот, хотя бы его жену. Но — странно — жена не приезжала... Майер вызывал к себе кого-нибудь из администрации лечебницы: никто не являлся... В припадке отчаяния Майер стал колотить сапогом в дверь. Для фон-Целлера этого было довольно, чтобы решить: пациент из камеры номер такой-то — [номер семь: камера Коробкина в «Масках» в водолечебнице Пэнэш-Довлиана] — буйный сумасшедший. Надеть на номер такой-то сумасшедшую рубаху и привязать его к „смирительному стулу“. И номер такой-то скрутили и привязали. Неизвестно, сколько времени держали Майера в сумасшедшей рубашке на этом самом „смирительном стуле“. Вероятно долго, потому что сам он впоследствии рассказывал Дюрингу, что после этой процедуры у него жестоко болела спина и во многих местах на теле были ссадины и раны от веревок. Так просвещенный психиатр лечил одного из величайших ученых 19-го века от его „зablуждений“ и мании величия. Лечение это продолжалось целый год». (Евг. Замятин, *Роберт Майер*, 1922, стр. 47-49).

Здесь — и выше еще — тема «мучения Коробкина» первого тома переходит в тему «лечебницы» и «психиатра» во втором томе («Маски»). Выступает облик знающего, но внутренне грубого специалиста: — «Доктор фон-Целлер был человек образованный, он читал статью Майера „Органическое движение в связи с обменом веществ“. И потому доктор фон-Целлер начал с расспросов: настаивает ли пациент на своем нелепом утверждении, что теплоту можно измерять какими-то килограммометрами? Майер, конечно, настаивал и, конечно, продолжал горячо утверждать,

что именно он, Майер, открыл этот великий закон физики. Для фон-Целлера это было явным доказательством, что пациент страдает манией величия и что пациент — несомненно, сумасшедший: ведь то, о чем говорит Майер — „бесмысленно, как квадратура круга“, так определил это ученый психиатр» (стр. 48).

Так очерчивается будущий мучитель Коробкина, Пэнэш-Довлиан, русским образцом для которого послужил Баженов.

Ряд других признаков также сближают Коробкина с Майером. В общих чертах — те же отношения семьи, жены в особенности, и отчасти — сына. Посещение больного Майера кем-то в лечебнице, его научное одиночество, его донкихотство, любовь к народным поговоркам и шуткам, простота в обращении, непритязательность в одежде, живость движений, внезапное помолодение перед концом и, наконец, самое «выздоровление» Коробкина. Все это вызывает невольную мысль что образ Майера как-то присутствовал в сознании Б.Н. и окрасил явление Коробкина. По прочтении брошюры Замятина, общее впечатление является до странности созвучным.

В частности — о выздоровлении Коробкина. Один психиатр (Н.В. Зеленин) говорил мне, что это сразу же поразило его при чтении «Масок». — «В нашей художественной литературе есть прекрасные изображения душевных заболеваний. Но нет ни одного *выздоровления*. В этом отношении „Маски“ — единственный случай. И поразительно, как художественное чутье подсказало не-специалисту абсолютно правильный путь. В качестве специалиста я могу показать, что в тех редких случаях, когда нам, психиатрам, приходится наблюдать „выздоровление“, — оно происходит именно так. Именно так память и сознание, борясь, постепенно овладевают утраченным материалом и восстанавливают нарушенную связь временных и пространственных отношений. В своей работе о Б.Н. (художник-мыслитель-ученый) я хочу дать разбор этого процесса в терминах психиатрии».

Мне остается сказать еще несколько слов о замыслах III тома «Москвы».¹⁴ Он начинается тем, что Коробкин, потрясенный переживаниями последних дней, — встреча с Мандро, исчезновение Киерко, разрыв с Никанором, взрыв домика, в котором они все живут, — потрясенный всем этим, Коробкин снова охвачен рецидивом болезни. В состоянии крайнего возбуждения он ускользает незаметно из дома и бродит по улицам революционной Москвы. По временам останавливается и начинает произносить речи. Его окружает толпа, вместе с которой он и движется дальше. Во время одной из таких речей, произносимой с высокого подъезда какого-то дома, он привлекает внимание группы анархистов, проезжающих мимо на грузовике. Они «прихватывают» с собой профессора. И вот Коробкин водворяется в захваченном анархистами роскошном особняке (район Поварской) и живет там в полном неведении того, к кому он попал. Речи его на улицах продолжаются. И здесь-то случайно его видит и узнает проходящий мимо Киерко. Заговорив с профессором и выяснив его настоящее положение, Киерко понимает, какая опасность грозит его другу от столь близкого общения с анархистами. Продолжая свою роль покровителя и охранителя Коробкина, Киерко извлекает его из «особняка» и устраивает его отъезд (с Серафимой) на Кавказ, подальше от опасных связей.

На Кавказе последствия рецидива сглаживаются, нарушенное духовное равновесие восстанавливается. Происходит ряд встреч профессора с представителями местной интеллигенции и народа. Его устраивают на жительство в Коджорах близ Тифлиса. Там он вскоре становится центром целой группы людей, которые составляют вокруг него род своеобразной коммуны. Жизнь и судьба этой коммуны на фоне истории и местного быта, в обстании высоких горных ландшафтов, в тесном общении с природой и должны были составить содержание III тома.

Оно было навеяно посещением Кавказа, на котором Б.Н. три года подряд проводил по несколько «незабываемых» месяцев. Кавказ захватил его и поднял далекое прошлое.

Вставала «старинная» тема, волновавшая его в дни молодости: организация «коллектива», связь людей, их совместная жизнь, их общее дело. Вставала опять тема «Арго», — по-новому аргонавтизм — искание новых путей в страну будущего.¹⁵ Все это ему хотелось облечь теперь в художественную форму, «воплотить» хотя бы на страницах романа.

Но — возвращаюсь к Мандро.

«Отхватив себе» столько места, Мандро, естественно, как бы химически изменил весь состав и даже заглавие книги. Она окрасилась иначе, чем была задумана. Появившийся сам в виде «маски», Друа Домардэн заставил других также скрыть свои лица. От него пошла тема «масок», которая выступила совсем не сразу и не намечалась заранее. По крайней мере, мне не запомнилось, чтобы Б.Н. прежде о ней говорил. Он писал, никак не называя, просто продолжение: «Москва, т. II». Потом уже только заметил, что получается, в сущности, второй «Маскарад», и что герои его — только маски, — все, начиная с Мандро, — «маски чистой воды». — «Т.е. совсем *не* чистой, и *не* воды, а...» — и, обрывая себя, Б.Н. не договаривал. Ведь и Лизаша, и Киерко, и Серафима, и даже профессор, ходят не тем, что они есть. А весь Пелль-Мелль отель, бар Пэар, домик Тителевых, салоны, квартира профессора, Тигроватко, даже лечебница, — замаскированность, инсценировка во всем.

Здесь мне необходимо сделать одно отступление.

Тема «маски» появилась в произведениях Б.Н. очень давно. Уже в «Аргонавтах», одном из его ранних отрывков в прозе, напечатанном в «Золоте в лазури» с датой «1904» действуют маски и домино.¹⁶ В «Петербурге» эта тема еще углубляется. Она становится почти стержневой. Костюмированный бал, на котором являются маски, — одна из решающих сцен этого романа. Весь Николай Аполлонович — «маска». Он столько же «сенаторский сын», сколько и «красное домино», т.е. что-то нескрытое, необнаруженное. Обступившие его на балу маски только подчеркивают

ту же тональность какой-то таимой в себе «своей» жизни. «С опущенным забралом» проходит и белое домино, которое уводит со зловещего бала растерявшуюся и охваченную отчаянием Софью Петровну. Но не менее «маска» и Липпанченко, и безлицый «паршивенький господинчик», и живущий по подложному паспорту Дудкин и пр.

В те лично тяжелые и измучившие его годы сам Б.Н. одно время решил носить маску и проходил в ней несколько дней, не открывая лица. Об этом он писал в своих воспоминаниях.¹⁷

Потребность надеть маску шла из очень большой глубины, из сложного, смутного чувства, которого тогда Б.Н. еще не умел определить. Прежде всего, ему хотелось закрыться, защитить себя от любопытных непрошенных взглядов. Маской он как бы ставил барьер между собой и окружающими. Их бесцеремонное внимание было порой слишком тягостным. Дело в том, что даже своим внешним обликом, манерами, движением, жестами Б.Н. резко отличался от окружающих и его сразу же начинали наблюдать и разглядывать. В более спокойном состоянии он этого не замечал по привычке. Или шутливо отмахивался. Но когда личная жизнь обострялась в трагедию и нервы были предельно напряжены, тогда каждое прикосновение извне ранило больно. И он инстинктивно искал себе словно защиты в этом внешнем кусочке материи. С другой стороны, маска была также ответом на безнадежное чувство, которое охватило его после неоднократных, горячих попыток найти настоящих друзей, открыть им себя и их увидеть открытыми. Когда этого не случилось и, пережив первое чувство боли, он стал думать о причинах неудачи, то увидел, что случай с ним «не случаен», что в нем скрыто более общее и роковое: разобщенность людей.

Б.Н. был очень общителен. Он тянулся к людям. Мечтал о тесных связях, о коллективе. Но коллектив не слагался. Все разбивалось о взаимное непонимание, о неумение увидеть друг друга, о глухоту к чужой правде. Сам он горячо и щедро раскрывался навстречу. Нес другим все, что только

мог. И с ужасом каждый раз убеждался, что в ответ на его порыв на него опрокидывается аберрация представлений о нем, неверных и искажающих его образ. Тогда и подумалось: если так, если подлинного лица твоего все равно не увидят, если все равно исказят, перетолкуют по-своему, то проще и лучше совсем скрыть лицо и ходить в открытой личине. — Впрочем, мыслей, определенных, осознанных, тогда еще не было. И маска была просто непосредственным жестом отчаяния и наивной попыткой сказать-таки свою, невыразимую в слове правду.

Гораздо позднее, в другой, очень тяжелый для себя период, в Берлине в 1922 году, Б.Н. начал носить очки — отчасти по предписанию врача, а отчасти из той же потребности: скрыться от взглядов людей. Он говорил, что очки прекрасно заменяют маску, в них хорошо и спокойно. Надел, — и возникла дистанция: «за очками» — делай, что хочешь. Выражение «сел за очки», встречающееся в «Масках», в этом смысле — автобиографично.

К этому времени Б.Н. уже больше уяснил себе истинное значение тех смутных и неотчетливых побуждений, которые когда-то заставили его надеть маску. Как раз тогда он писал свои «Воспоминания о Блоке» и продумывал, в который раз, свои отношения с целым рядом людей.¹⁸

Но только в еще более поздние годы — 1926-31 — он окончательно осознал тему «маски», вскрыл ее глубокие, исторически социальные корни, расширил ее и связал с темой *личности и индивидуума*. Эту тему он развивал тогда в своих лекциях и в большой, незаконченной работе по истории и философии культуры: «История становления самосознания».¹⁹ Между прочим, он дает там как бы «биографию» личности с момента ее появления в истории. Он подробно рассказывает, как «личность» отделилась от «рода», как она расцвела, достигла вершины своей зрелости и затем начала перерождаться, не желая сойти со сцены и уступить свое место пришедшему ей на смену новому организму человеческого сознания, которое Б.Н. называл «индивидуум» и в котором он видел возможности роста и

развития в будущем.

Начало «личности» — это Греция. Все бывшее прежде — до-лично, без-лично или же сверх-лично. Определяющим моментом было появление «маски» — «персоны»* на сцене античной трагедии. Там она заменяла «лицо», которого в нашем, психологическом, смысле еще не было у человека. Таков первый след личности, начало того процесса, который потом протянулся в веках и составил историю развития личности. Постепенно со сцены она сошла в жизнь, утвердилась, окрепла и начала свои действия: стала активным началом истории, стала «личностью».

Высшая точка расцвета ее и вместе с тем начальная точка, — или рождение индивидуума, есть 15 век, Ренессанс, эта эпоха крупнейших и наиболее ярко и разносторонне выражающих себя личностей.

Появившийся тут же «портрет», которого в таком широком и собственном смысле до тех пор не знало искусство, есть художественное самосознание личности, знак того, что она себя «увидала».

Затем наступил перелом в пути восхождения личности. В глубоких недрах истории крылся уже «индивидуум». Во всех областях жизни, искусства и знания подготавливалась возможность его проявления. Этот процесс до сих пор не закончен. Индивидуум развивался и рос в глубине, а на поверхности жизни личность, гипертрофируясь, перерождалась. Из начала передового, ведущего, она все больше и больше делалась тормозом, препятствием к движению вперед. Она продолжала удерживать за собой те богатства духовной и материальной культуры, которые принадлежали не ей лишь одной. Она стала собственником — капиталистом, жадно хватающим свой «капитал» и ограждающим свои узкие интересы. С ненавистью относилась она ко всему, что только могло нарушить ее покой, отнять у нее ее

* Передаю в сжатой конспективной форме, на память, очень большой и сложный ход мыслей. Становление индивидуума, вскрытие природы его и его отношения к личности — есть, в сущности, содержание книги «История становления самосознания».

О «маске» — «персоне» писал также Вл. Соловьев.²⁰

собственность.

Но у истории есть своя логика. И на арену развития выдвигается новая сила, которая стала антиподом для личности — выдвигается пролетариат. В том будущем, куда он идет, нет места для собственника в тесном и ограниченном смысле. А таким собственником все еще хочет быть личность. Новый будущий коллектив не может сложиться из собственников, желающих жить для себя. Его могут образовать только люди с новым сознанием, которые преодолели в себе рамки личности и вышли из замкнутости в личном, семейном и даже народном кольце на простор горизонтов свободы и братства, с тем, чтобы слить все богатства своих разнородных способностей в одном общечеловеческом деле культуры. Эти новые люди и есть «индивидуумы».

Индивидуум сам по себе уже есть *коллектив*: коллектив многих сил и способностей, живущих в одном человеке и часто ощущаемых им, как внутренние противоречия. Осознать в себе эти противоречия, примирить их и привести к единству самосознания, расширяющего, а не сужающего — есть задача индивидуума, или — как называл его еще Б.Н. — «А» большого, овладевающего проявлениями своих малых a, b, c , — своих личных способностей и стремлений. «А» большое может строить на них различные фигуры: abc, cab, bca , и т.д. Другими словами: индивидуум может пользоваться своими силами, умело передвигая, располагая и «акцентируя»* их в известном порядке, по мере надобности. Индивидуум, по мысли Б.Н., есть волевой и динамический центр, который постоянно пульсирует в человеке и ритмически организует его. Индивидуум, коротко говоря, это и есть «организованный» человек, который встал над хаосом личных страстей, желаний, влечений и умеет владеть всем многообразием своих устремлений.

Но нельзя смешивать понятия индивидуум и индивидуалист. Они — прямо противоположны. Индивидуализм есть попытка той же все личности исказить индивидуум,

* Иногда Б.Н. говорил: «педалируя».

подменить и представить его в ущемленном, эгоистическом виде. Индивидуалист неизбежно эгоистичен, эгоцентричен. А коллектив индивидуумов не может быть собранием эгоистов. Но он не может быть и человеческой икрой, бессознательной массой.²¹ В нем лежат силы, несущие возможность для каждого к раскрытию всех его творческих сил.

Однако *личность* не уступает: она все еще тяготеет над нами и в нас: лицо человека еще покрыто плотно приросшею маской. Поскольку мы ходим в личностях, мы — маски, обман друг для друга. Индивидуальное, неповторимое в каждом из нас затянулось непроницаемым слоем, и мы посерели, обезличились в повседневном общении. В сущности же, не «обезличились» а, напротив, покрылись личиной, заслонившей *лицо*.²²

Но в сознании отдельных людей уже наступает момент, когда в силу разных причин, корни которых в истории, в жизни, в коллизии личной судьбы, в них может вспыхнуть ощущение «лица» и под «личиной». Это значит, что где-то уже появилась трещинка и «личина» начала отставать.

В своих «Масках» Б.Н. и хотел показать этот вздрог лица под личиной. С парадоксальной заостроенностью подан в этом романе один из центральных моментов: снятие «маски» с Друа-Домардэна (т.е. решение его участи) при помощи маски же — «мадам Тителевой», надетой на дочь, на Лизашу. Сцена встречи их на квартире у Тигроватко: схватка двух масок, отчаянный бой — не на жизнь, а на смерть — для Друа-Домардэна.²³ Он пойман на том, что еще в нем осталось живого, что могло еще человечески дрогнуть, сломать его «черчьи вычерчь», — сломать, но тем самым и выдать его. Это «живое» в нем: дочь, которую он «оскорбил», дочь, Лизаша. И она же, одетая в маску, выносит ему приговор свой: виновен.

С каким волнением рассказывал Б.Н. эти сцены, когда они ему самому уяснились. Перед тем упорно и напряженно искал: — «Как все это построится? Как и чем может быть оправдан Мандро перед Лизашей? Где отыскать и

как показать в нем точку живую, чтобы автор мог за нее ухватиться»... Только так и понимал слово «авторство»: найти живое в каждом из своих главных героев и тем самым найти «оправдание». Не для того, чтобы «смаковать грязи сознания», погружался в них Б.Н. со своей неугасимой, неугасающей болью за «достоинство человека», и непоколебимой верой в это достоинство, а для того, чтобы провести эти «грязи» путем страдания, через катарзис, намеченный нам еще в греческой античной трагедии. И хотя по отыскании «точки живой» предстоял еще труд, и не малый, эмпирической разработки всех сценок в их жизненной правде, но этот труд был уже легче, после того, как основной, моральный вопрос Б.Н. считал для себя разрешенным.

Помню я одну нашу прогулку с Б.Н. в Кучине, ранней весной 1925 года (начало апреля),²⁴ — прогулку, на которой он «понял», что Лизаша не та, какую увидел сперва ее: не безнадежно испорченная. В это время, после нескольких месяцев перерыва, он только что начал писать третью главу первой части.

Было тихое, солнечное, но не слишком яркое утро. В воздухе пахло нагретой землей и прошлогодними влажными листьями. Снег только что стаял, и в лесу не успело просохнуть. Набродившись порядком, присели над краем оврага на ствол вырванной бурей березы. Б.Н. замолчал, стал рассеянным. Сидел с потухшей в руке папиросой и невидящими глазами смотрел в чашу леса. Вдруг он вскочил и бурно, с размаха, ударив палкой о землю (палка описала большую дугу) вскрикнул: — «Поймал, поймал!... И Лизаша — „хорошая“. Поймал ее в солнышке...заиграла, как лучик. Она по *настоящему* любит отца. Остальное — гримаса, болезнь. Теперь знаю, что с ней делать!» После этого Лизаша не стала ближе ему в своих «больных» проявлениях, но он знал уже ее «лейтмотив» или «тему».

Линия «больных» изломов Лизаши: вся «мадам Тителева». И к «мадам Тителевой» присосалась как спрут Тигро-

ватко, избрав ее орудием злого предательства, разорвавшего сердце Лизаши живой.

Срыв маски с Друа-Домардэна дан в двух моментах (пишу, припоминая, как рассказывал это Б.Н. и как читал в первоначальных набросках).

— Сперва: в гостиной у Тигроватко, при разгляде Лизетты, пастушки «фарфорово-розовой», с отшибленной ручкой, в которой когда-то держала она флажолет, играя свои «пасторали над бездной», — в доме Мандро (в первой части). Безделушкою этой теперь пыталась его Тигроватко, притворяясь «вполне простодушной»: предлагала взглянуть на изящный фарфор.²⁵

И — «что-то случилось с Друа-Домардэном... парик, борода, стекла черные, точно кордон... защищать стал лицо: за очки, за парик, — оно село...» (Маски, 102). — Личина отстала, задергалась. Дипломат искушенный был застигнут врасплох. Сидел как затравленный зверь под перекрестными хищными взглядами. Сознавал отчетливо: — «Кончено все!» Пытался еще удержать за собой поле битвы. — Но попытка продолжалась. Наступала развязка (момент второй). — Бесшумно раскрылась портьера, и черная змейка скользнула, привставши на тоненький кончик хвоста: мадам Тителева, «маска номер второй» — маска, потому что «Лица то ведь не было». Была лишь густая вуаль, да «бледный как мел» подбородочек... «с улыбкой безглазой и злой: ртом глядел, как кусая» (Маски, 105).

Удар был без промаха. Друа-Домардэн окончательно выдал себя тем, что под «маской» узнал он Лизашу и к ней рванулся, забыв обо всем. Порыв был — мгновенье. Опомнился тотчас же. «Вновь построилась корреспонденция носа со щечною впадиной». Все стало на место. Но в маленьком слове «вновь» показана трещина в поведении «черчя и вычерчя», те две-три секунды, когда «корреспонденция»-таки потерялась. И за Друа-Домардэном достаточно зорко следили, чтобы этот короткий момент потерять.

А он, уже охваченный холодом знания об ожидающей

гибели, все еще бился, — в ударах «молоссов тяжелых»:

«дáрр
дáрр
дáрр —

— вот что есть молосс!

Греки древние шли с ним на бой» (Маски, 105).

Б.Н. особенно выразительно читал всегда эти строки. Видно было, что в «молоссы» он многое вкладывал.²⁶

Бой Друа-Домардэн проиграл. Не дочь, не Лизаша, — а пастушка Лизетта, фарфор лиловато-сиреневый, и безликая черная змейка с огненным крокусом в ручке, — его предала. Так предают нас поступки, наши же собственные, бросая нас в волны событий, и приводя нас к тому, чего не хотели бы видеть.

Сцена с мелодекламацией в Бар-Пэаре,²⁷ — для Друа-Домардэна уже отказ от борьбы: пусть будет, что будет... «Все к чортовой матери: все!» Теперь все усилия воли, вся комбинация «блан-э-нуар» — только оцепенение ужаса в ожидании смерти решенной. И остается сверлящий вопрос лишь: смерти *какой* и *когда*? С этого мига Друа-Домардэна уже нет среди живых. И мадам Тигроватко с оранжевым Ранжером дико проносится в танго над пустым, гладким местом. Маска распалась. Друа-Домардэн стал Мандро. И такой — он никому больше не нужен. Остается убраться: поскорее, без шума.

Как мучительно было Б.Н-чу довести до конца эту ноту (дать сцену убийства). Он заболел от Мандро. Велес-Непешевич вызывал содрогание, де-Лебрейль — отвращение. Тигроватко скакала в глазах, будто баба-яга. Все кривилось и «рожилось». Работал совсем через силу, — «со стоном» (как записал в дневнике).

— «Когда же я кончу... Эдак можно совсем заболеть. Они меня мучают... Зачем это нужно? Кому? Ведь я так хочу писать о прекрасном, о добром, *просто*. У меня есть эти темы. *Мне* не нужны эти ужасы. Зачем же они прилипают? Откуда?... — Не ведают люди, как пишется нечто художественное... Это мартириум...»

Было странно слушать эти слова, произносимые тоном горького негодования, протеста и ропота, и видеть тут же как Б.Н. забирал свои рукописи и усталой походкой, согнувшись, опять шел к столу: «вгрызаться» в «отвратительный, больной, и мрачный кошмар».

Склонялся к бесчисленным листикам, папкам, тетрадям: шуршала бумага, скрипело перо. Комнаты наполнялись особою, строгою тишиной. Часы начинали мелькать.

Но кроме всяческих «неприятных сюрпризов» (вроде «взрыва» Мандро и всего, что с ним связано) бывали порой и приятные неожиданности, — «добрые» или «занятные» «явления». К сожалению, таких было мало, и они вызывали столь же неподдельную радость, как неприятные — неподдельный протест. Б.Н. встречал этих «редких гостей» своими любимыми «Willkommen!» (милости просим) и с удовольствием отдавался «разгляду» их обстоятельств и дел. Таким «веселым подарком» предстала перед ним фигурка портного в «Москве под ударом». Б.Н. сразу же полюбил «синеглазого горбуна»,* писал его с увлечением, с большим интересом, очень легко и охотно, несколько не утомляясь. К Вишнякову он чувствовал «откровенную» слабость. И ревниво следил, чтобы и слушателям его новый друг также нравился, чтобы его замечали. Читая о Вишнякове, весь загорался, и вместе с тем был насторожен: достаточно ли оценили прекрасные качества его любимца? Зачастую, видя «неинтерес», сам принимался с жаром расхваливать и выдвигать горбуна. «Вишняков, Вишняков...» — так и слышалось. Вишнякова нельзя было тронуть.

Насколько помнится, Вишняков появился в середине июля (в 1925).²⁸ Мы жили в то лето в Кучине, в мезонине с балконом, обращенным в сторону леса. Б.Н. долго засиживался за работой по ночам и перед сном просил дать ему чаю и чего-нибудь закусить.

В ожидании, пока я приготовлю, выходил на балкон

* В напечатанном тексте цвет глаз не указан. Но я помню, что Б.Н. говорил о голубых или синих глазах Вишнякова.

подышать, освежиться, «взять в себя» тишины и предрасветной прохлады. Поставив чайник на керосинку, я спешила к нему. Мы усаживались на верхних ступеньках деревянной крутой лесенки, сбегавшей на дворик, — в березы и сосны; или — на перилах балкона над цветником и небольшим огородом, тесно обсаженным тополями, рябиной и ясенем.

Высокие старые ели, березы и клены соседнего сада надвинулись справа мохнатой стеной; а прямо, через дорогу, за небольшой лужайкой темнела спокойная гущина соснового леса. Было тихо кругом. На всю окрестность мы только двое не спали. Это был любимый наш час: час непередаваемого очарования полусумерок летних ночей перед зарей. Кое-где еще теплились звезды; но на востоке уже начинало бледнеть. Скоро там появлялись первые отсветы перламутра. Б.Н. сидел, прислонившись к балконному столбику, чуть подняв голову, и охватив руками колени. Мы молчали или переговаривались шопотом, осторожно, чтобы не потревожить хозяев, которые помещались под нами внизу. Б.Н. очень следил за собой, чтобы «не зашуметь».

Оставляя его, я возвращалась к керосинке и чашкам. А когда все было готово, выходила опять, чтобы тихо окликнуть.

Как-то раз на мой зов он ответил, не слушая: — «А знаешь, еще кто-то просится: стучится и беспокоится. Очень живой и осмысленный. Не разглядел только, кто... Но бурно настаивает, чтобы на него обратили внимание. Мне он решительно нравится...» Дальше Б.Н. не стал об этом рассказывать, ссылаясь на то, что образ *того*, кто желает вмешаться, ему «еще неотчетливо виден», и кроме того в этом образе есть «что-то странное», чего он, Б.Н., еще не может понять.

Несколько дней после того ходил молчаливым, рассеянным и как-то тихо взволнованным. Усиленно что-то записывал, рисовал; по временам глубоко задумывался, лежа на сеннике на балконе, и надолго замирал, неотрывно глядя

в сторону леса сквозь прорезь перил. Мне все еще ничего не показывал и не рассказывал. Даже на прогулках говорил о другом. Но видно было, что думы его устремлены все на то же, что новый «пришелец» заполняет его целиком.

Наконец, появился он с листиками, очень довольный, сияющий, с легким чуть-чуть задором: «...Прочту... Вот чудеса! И не думал... Вылупился птенец... Да какой!»

— «Знаю, будешь оспаривать», — перебивал он себя (меня огорчало всегда, что у него столько уродств и уродов). «Но послушай до конца... Сперва же взгляни, — вот он какой» — и протянул мне карандашный набросок фигуры портного, взятой в разных ракурсах и положениях (запомнился больше всего Вишняков, идущий по улице: спина сломана почти под прямым углом, клоч бородавки заодно торчит прямо в небо, в руке палка, на которую он опирается). Везде очень тщательно был вырисован горб на крестце. — «Теперь слушай...» — взял в руки страничку «предчерновика», написанного также карандашом. Лист представлял собою такое сплетение стрелок, надставок и вставок, что при одном взгляде на него рябило в глазах. Разобраться в этом запутанном лабиринте было не легче, чем в черновике любой партитуры. Чтение Б.Н. действительно походило скорее на считывание нотных знаков с листа. Но он был очень доволен и оживленно вставлял замечания: — «Ведь *хороший!* Ведь прелесть какой! Слышишь: — швец очень дельный. Грибиков шипит на него, но побаивается: спуску не даст...— А слышишь, *как* говорит егозе: „Посмотри, егоза, дворик вонький, а фролки цветут...“»²⁹ Эти «фrolки» были взяты у Даля (стр. 1154)³⁰ и давно уже записаны в «загрунтовочных рубриках» (о них ниже). Но Б.Н. никак не мог определить им место в романе. А между тем он находил, что это слово живей и ярче передает сущность цветущего растения, чем обычное слово цветок. Да и вся фраза «пришлась очень по сердцу» (и формой и содержанием). Она была одно время у нас в постоянном ходу, как излюбленный афоризм: «фrolки» и «вонькие дворики» вплетались во все разговоры и шутки.

Б.Н. полюбил Вишнякова еще и за то, что на нем отдыхал, и «играл с ним» перед тем, как «окончательно кануть», уйдя с головой в мрачные сцены «инцидента» с Мандро и мучений Коробкина.

Зная, что Б.Н. не выносит «праздных» вопросов, — а я понимала, что для него это будет именно такой праздный вопрос, — я все же как-то не удержалась и осторожно спросила: «А зачем его все-таки нужно было сделать уродом?» Ждала, что последует взрыв. Но Б.Н. не рассердился, быстро взглянул на меня и очень серьезно, с грустью ответил: — «Мне заповеданы иные приемы. Удел мой — гротеск. Таков *весь* стиль романа... А кроме того, таким он явился... Тут я не при чем», — закончил он уже другим, шутливым и чуть-чуть вызывающим тоном. И снова с любовью по нескольку раз перечитывал сценки с портным, внося небольшие поправки.

В эти же летние ночи, на том же балконе сложились и «огородные» песенки горбуна.³¹ Их вызвали к жизни «корнеплоды и злаки», произраставшие тут же внизу, в огороде. Перегнувшись через перила, Б.Н. вглядывался в «тучные пуки» свеклы, репы, капусты и огурцов. Тусклые капли росы серебрились на тугих, круглых листьях. Казалось, под ними что-то шепчет, вздыхает, роится, тихо, но настойчиво ширится. Казалось, что в эти ночные часы открываются уху неслышные днем процессы произрастания: хлопотливая, осторожная возня всех этих корешков и корней, набирающих в себя соки.

Б.Н. занимало это «природное варево». Не повертывая головы, он быстро шептал мне: — «Пойди, пойдя сюда... Слышишь: пыхтят и стараются, пучатся изо всех сил... Очень смешные и добродушные кругляшки... Никому не делают зла». Потом, помолчав, начинал так же тихо нашептывать строчки: ...жив — землей, росой — омыт...

Но далеко не всех «просителей» Б.Н. мог «удовлетворить» (как «удовлетворил» Вишнякова в «Москве под ударом», или Никанора в «Масках»). И несмотря на свой интерес, сочувствие и даже симпатию к ним, принужден был

«пока что» отказывать. Так, пришлось «оставить без всяких последствий» усиленные, «ожесточенные и даже злобные толчки, в которых заявлял о себе шведский «ученейший математик Пнорденкер» собиравшийся из Христиании приехать в Москву, чтобы лично познакомиться и завести отношения с профессором Коробкиным, которым Пнорденкер был сильно заинтересован.

Пнорденкер появился осенью 1925 года, и Б.Н. «обещал» его устроить во втором томе, так как в первом «теперь уже поздно и все места давно заняты». ³² Разговоры о Пнорденкере возобновлялись несколько раз. И одно время осенью 1927 года он был предметом интересных, как сказка, рассказов за чаем и на прогулках. Он разыгрался в большую и сложную тему с далеко уходящими вглубь европейских политик корнями. Об этом «шведском профессоре», портрет которого был, конечно же, нарисован и носил черты сходства с Коробкиным, отличаясь лишь совершенно прямой вертикалью непомерно высокого лба и свирепым весьма выражением маленьких глазок, — об этом «шведском профессоре» Б.Н. говорил, что «еще неизвестно, к добру он иль к худу, но что умница, то несомненно». Пнорденкера, вместе со многим другим, «заглушило пышное разрастание Мандро».

Кроме «просителей» и тех, кто «ломались насильно», были еще темы и образы, которые оформлялись, а иногда и возникали от какой-нибудь внешней причины. Таковы: Кавалькас, «малайская тема Мандро», «черномазенький мальчик», комнатный лабиринт и композиционное разрешение «Москвы под ударом», а также и обстановка, костюмы и прочее в «Масках».

Эту особенность своего авторства Б.Н. относил к тому, что он настойчиво называл в себе «натурализмом» и реализмом (иногда прибавлял *sui generis*), поскольку «натура» его не выдумана из головы и в основе образа лежит реальность — природного или культурного, бытового порядка, проведенная через сознание автора, и поданная приемом, выбор которого есть право художника, в данном случае —

«Андрея Белого».

Попытаюсь хотя бы вкратце сказать, как это происходило. Буду давать только факты, только «сырье», как назвал бы это Б.Н. Но сперва приведу рассказ о том же самом Б.Н. На него натолкнулась я совершенно случайно, уже гораздо позднее, после того, как были записаны эти заметки. Рассказ этот затерян в конце «Символизма», в многостраничном петите его комментариев.³³ Б.Н. говорит там о художественном переживании, о том, как возникает «лирический пафос» в художнике, как рождаются образы, и в заключение приводит рассказ о том, как «мгновенно» была им осознана фабула давно задуманной героической поэмы. Названия этой поэмы он не указывает. Но судя по всему, это «Дитя Солнце», поэма, о которой есть упоминание в одном из писем Блока, и текст которой был потерян Б.Н., если не ошибаюсь, в 1907 году.³⁴ Вот как звучит этот рассказ в «Символизме»:

...«всем лицам, имеющим прикосновение к творчеству, известен тот факт, что затронувшее нас художественное произведение (в положительном или отрицательном смысле) вызывает в нас творческий процесс совершенно индивидуальный, не имеющий отношения к воспринятому; скопленный запас творческих впечатлений, покоясь в глубине бессознательного, не имеет выхода; художественное произведение, пробивая наше сознание, дает выход и творческой энергии; и энергия эта рождает в нас образы, имеющие лишь косвенное отношение (а часто и никакого) к виденному или слышанному. Здесь опишу случай, бывший со мной: у меня был план большой героической поэмы, осознаваемый смутно, в неопределенных красочных и звуковых сочетаниях, возникший, как тональность, без мелодии и ритма под влиянием воспоминания об „Оссиане“ Макферсона; о фабуле не было времени думать; я жил в имени, где были два пса: белый пойнтер и рыжий сеттер, враждовавшие друг с другом, причем пойнтер отличался мужеством и благородством, сеттер же был хитр и ласков; однажды после дождя я вышел на террасу: освещенный

вспыхнувшим солнцем, поинтер стоял в воинственной позе перед своим противником; это было воистину эстетическое впечатление; лучи освещали красновато-розовую шерсть сеттера и белую, гладкую шерсть поинтера, стоявших среди сверкающих на солнце луж; мгновенно фабула моей поэмы была осознана: рыжебородый, бессмертный праотец человеческого рода хитростью украл с неба творчество жизни, чтобы из ряда человеческих поколений перекинуть мост от земли к небу; но последний человек, который должен победителем вступить на небо, оказался рожденным от смертной и одного из небожителей; вместо того, чтобы вступить в бой с ними, он повернулся на рыжебородого праотца человечества, отрекаясь от своего родства со смертными: боги отстояли небо — человеческий род был низринут. Я подробно описываю этот случай возникновения мифа под влиянием совершенно посторонних эстетических восприятий (ярко освещенных псов), как типичный случай для целого ряда *творчеств* в области сюжета».*

Возвращаюсь теперь к своему рассказу. В конце 1923 года или в начале 1924 Б.С. Земенков, поэт и художник, показывал Б.Н. свои рисунки.³⁵ Среди них была небольшая картина в резких буро-желтых тонах. Сюжет ее мне лишь смутно запомнился: не то бульвар, не то улица, фасады скучных домов, тощие деревца с купоросно-зелеными шапками листьев, несколько мужских фигур в черном. И в левом, если не ошибаюсь, углу — уродливый карлик в кроваво-красной куртке. Лицо — меловой гладкий блин, а вместо носа — треугольник черной заплаты.

Б.Н. сразу же обратил внимание на этот «гротеск». Долго молча разглядывал, то наклонялся, вблизи изучал детали, то отступал и, чуть сощутив глаза, внимательно глядел издали. Просмотрев остальные рисунки, опять возвратился к гротеску. Но не высказал никаких определенных суждений, не указал, что его здесь так поразило.

Только осенью 1924 года, когда по обыкновению пришел

* Другой пересказ содержания этой поэмы дан Б.Н. гораздо позднее, в «Между двух революций», стр. 19.

однажды к нам почитать мне последние, вновь написанные сценки «Москвы», и впервые в них встретился «карлик»,³⁶ он кратко напомнил: — «Это рисунок Б.С. Земенкова. Я его тогда очень заметил» — и добавил, что рисунок сильно помог ему до-оформить неясно еще рисовавшийся образ.

Вот как дан портрет этого карлика в «Московском чуде» — «Просто совсем отвратительный карлик: по росту — ребенок двенадцати лет; а по виду — протухший старик ...эдакой гнуси не сыщешь... Но она видится лишь на полотнах угрюмого Брегея. Карлик был с вялым морщавым лицом, точно жеванный желтый лимон, — без усов, ...со съеденной верхней губою, без носа, с заклеечкой коленковой, черной, на месте дыры носовой; острием треугольничка резала четко межглазье она; вовсе не было глаз: вместо них — желтоалое, гнойное, вовсе безвекое глазье, которым с циничной улыбкою карлик подмигивал... уши, большие, росли — как-то врозь; был острижен он бобриком; галстук, истертый и рваный, кроваво кричал; и кровавой казалась... домашняя куртка, кирпичного цвета, вся в пятнах...» («Московский чудак» стр. 71-72, изд. Круг. 1926).

«Вполне неожиданно» появилась на свет и «малайская тема» Мандро — малайский тигр, тростники, бамбуки, статуя негра, нож с филигранною ручкой, «пестрятина перьев», «пестрятина тканей» — «явайское что-то». («Москва под ударом» 126-127, 136-137 и др.) Я не помню, чтобы до этого Б.Н. говорил о «малайской тональности» в Эдуарде Мандро. Этот же вечер — помню отчетливо.

Это было в июле 1925 года, на той же все даче у Левандовского.³⁷ Б.Н. отдыхал после обеда, лежа на разостланном на полу сеннике. Я сидела спиной к нему у стола и читала. Мне казалось, что он задремал, так было тихо. Вдруг он порывисто приподнялся (я обернулась на шум) и тотчас же снова откинулся на подушки, как зачарованный глядя перед собой в одну какую-то точку, — в какую, я понять не могла, и молча следила за направлением его взгляда.

Прошло минут пять или шесть, — мне показалось, что

долго. Наконец, срывающимся от волнения голосом он медленно выговорил: — «Нет, что я увидел!...взгляни...!» И протянул вперед руку.

Не отводя все еще глаз, он показывал мне на освещенный солнцем круглый бамбуковый столик, стоявший тут же в ногах. Красноватый солнечный луч падал наискось из окна смежной комнаты и зажигал лучистые звезды на гладкой поверхности бамбука. Она струилась расплавленным золотом, переливаясь вспышками странных, «павлиньих» узоров.

— «Нет, погляди сюда... Это же целая тема: это — малайская комната в доме Мандро... Он — тигр, залегающий в тростниках...»

И Б.Н. снова откинулся, замолчал. — Опять стало тихо. Красноватые пятна, косо скользнувши со столика, легкими вздрагиваниями поднимались уже на дощатой стене. Сужаясь, вытягиваясь, они багровели, потом тускнели и скоро угасли совсем. В комнате все посерело: сгустились сумерки. А мы также оставались по-прежнему: Б.Н. — на сеннике, закинув за голову руки; я — у стола. Не хотелось двигаться с места, нарушать тишину. Я знала, что Б.Н. «до-думывает» и важно теперь не спугнуть этих дум: в них оформляется ряд будущих сценок.

Но вот он тихо поднялся. — «Что же идем погулять. Уже время...» Мы оделись и вышли в золотой, догорающий вечер.

Кровавое пятно на площадке перед дверью квартиры Мандро, а с ним и вся тема хмурого «итальянского» (так называл его Б.Н.) мальчика, — о котором толковали слуги в доме Мандро, что: «не нашинский», который приснился Лизаше (подал ей ножик: «Этим ножом ты...его») и которого встретил на бульваре убежавший из дома Мандро, — все это пошло от реального пятна крови.³⁸

Это пятно Б.Н. видел в Берлине, летом 1923 года в обстановке напоминающей своей тональностью то, что он описал на соответственных страницах романа. Внутренно — это тональность неблагополучия и скрытого злодеяния,

внешне — тоже площадка на устланной ковром лестнице, и на площадке у самых тяжелых, массивных дверей, ведущих в квартиру, буро коричневое, довольно большое пятно свежее запекшейся крови.

В это время, вернувшись из Гарцбурга, Б.Н. жил две-три недели в «подозрительном», по его словам, пансионе у Anhalter Bahnhof, в одной из боковых улиц налево.³⁹ С балкона комнаты Б.Н., в душевные, летние вечера мы часто слушали грохот подъезжающего поезда, свистки паровозов. И подолгу смотрели на стеклянные крыши вокзальных перронов, пылавшие «злою угрозой заката». Б.Н. томился в Берлине и мечтал о Москве. «Злою угрозой» веяла вся эта местность, неожиданно для Берлина пустынная, вызывавшая в памяти Петербург в дни убийства Настасьи Филипповны. Навстречу на улице попадались лишь разного рода «сомнительные субъекты» и личности, вид которых «сам по себе не внушал никакого доверия». Не внушал никакого доверия Б.Н-чу и его пансион, ничуть не похожий на добродушные и добропорядочные, а иногда даже просто уютные, берлинские Familienheim'ы. Против дверей его комнаты, которая выходила в темный узенький коридорчик, зиял широкий проход в огромную мрачную комнату, с окном из цветных готических стекол, с массивным столом посредине, с безвкусно роскошной люстрой и с цельной зеркальной стеной. Из этой стены всегда возникало навстречу собственное твое отражение, вызывая вздрог своим неожиданным появлением из неопределенных мутно-серых туманностей слабо освещенного зеркала. За этой комнатой, по виду — столовой (но — для кого?), шли угловатые, гулкие коридоры. Их приходилось пересекать каждый раз в бесплодных поисках недостижимой звонками прислуги. Все эти жуткие, необъяснимо-пустые пространства, без единой встречной души, хотя с двух сторон из-за плотно закрытых дверей доносились голоса, шорохи, смех, — все это, действительно, напоминало скорее недобрый притон.

Б.Н. оставался здесь против воли, лишь потому, что больше некуда было деваться (найти комнату русскому в то

время было почти невозможно — невалютность, советский паспорт). Комната для меня отыскалась на другом конце города, но я — разумеется, каждый день навещала Б.Н.

Он встречал меня возгласом: — «Куда я попал! Все в высшей степени неблагополучно»... И непроизвольно понижая голос до шопота, рассказывал о подозрительном поведении «мегеры» — хозяйки с помятым лицом, и ее молодого, очень смазливого компаньона, в модных галстуках и шелковых пестрых носках. Никого из них я ни разу не видела.

Б.Н. жаловался, что ночами не спит: с 11 часов квартира наполняется странной жизнью. Хлопают двери, что-то выносят и вносят, слышатся «тихие стуки», вскрики, шорохи, плач; кто-то куда-то бежит.

— «Пахнет грабежом и насилием, — добавлял с отвращением Б.Н. — и к тому же квартира не имеет конца». — «Как не имеет конца?» — «Так, не имеет. Я однажды нарочно исследовал. Если пойдешь по коридору, то в конце концов достигаешь до маленькой занавешенной двери. Раздвинув портьеру, без всякого перехода вступаешь в лабиринт новых коридоров и комнат... Конца не предвидится... Не выдержав бреда, я повернул... Ко всему еще из боковых каких-то щелей на меня стали с удивлением выглядывать молчаливые, неприятные лица... Бррр!»... — и Б.Н. вздрагивал.

Нужно сказать, что я уже знала о существовании этой маленькой «занавешенной» двери, превращавшей квартиру в ряд неизвестных квартир. На эту дверь я натолкнулась случайно в поисках за водой и посудой для чая — (прислуга упорно не появлялась ни на какие звонки). Я также тогда повернула обратно после того, как в одной из комнат, расположенных уже за дверью, увидела двух растрепанных, одетых во что-то темное женщин. Они мрачно взглянули на меня и оборвали при моем появлении свой разговор. Не желая тревожить Б.Н., я ничего не сказала о своем неприятном открытии. Обстановка, действительно, была не из веселых. И даже днем в ней делалось не по себе.

Однажды я зашла к Б.Н., чтобы вместе куда-то отправиться. Застала его в полном смятении. Он только что обнаружил на площадке, у самых дверей пансиона (2-й или 3-й этаж, теперь точно не помню) пятно запекшейся крови. Спросить, откуда оно, он ни у кого не решился. И торопил меня поскорей, поскорей уходить. Пересекая площадку, он с ужасом отвернулся и порывисто бросился вниз по ступеням.

После этого начал решительно искать себе новый приют, хотя Т.Г. Трапезников, бывший в то время в Берлине,⁴⁰ очень стыдил его: — «Бросьте, Б.Н.... Что вы, барышня что ли!... Нельзя же так нервничать...» Но уговоры не действовали. — «Хорошо ему, сидя на Kleiststrasse, так рассуждать. Пожил бы в трущобе! Всегда на мои нервы все валится: Б.Н.-де нервный! Преувеличивает... Не преувеличиваю! А только вижу то, чего многие другие не видят». И продолжал свои поиски более сносного помещения.

«Двусмысленная атмосфера преступного пансиона» у Anhalter Bahnhof произвела неизгладимое впечатление. И теперь, через два года, отразилась в развитии темы Мандро и Коробкина, — в переживаниях Мандро перед зеркалом («М. п. уд.», 156-157), в галопе с Лизашей «сквозь века, через тысячи комнат» («М. п. уд.» 128), в «продолбинах» странных «пещерных ходов, по которым гориллы лишь бегали»... в бреде профессора о том, что «стены квартиры... в трещинах-с, в трещинах-с! Выйдешь в столовую, а попадешь из нее — неизвестно куда, потому что квартиры ... соединились в сплошной лабиринт» и «люди свои перепутав дома, натываются в собственных комнатах на неизвестные комнаты», где уже обнаружили «пустыни гулких квартирных сплетений, где — комнаты, комнаты, комнаты, комнаты, где ты, — бежишь — бежишь: нет — никого: гулок шаг; бесконечность несется навстречу, из трещины черной, и сзади — она ж догоняет; из трещины — в трещину; лезет — навстречу, как мамонт; и вориком пойманым из-за шкафов ухо выставит.

— Кто вы?

- Да так себе я!
- Как вы здесь очутились?
- Не знаю и сам!...

— Мы, успокойтесь, — из трещины горизонтальной. А что, если вылезут из вертикальной: из центра подземного» («М. п. уд.», 215-216).

Это писалось в Кучине, в 25 году. Но когда Б.Н. прочитывал вслух эти сценки, то казалось, что мы снова в Берлине, в обстановке зловещих окрестностей Anhalter Bahnhof, что за окнами догорает берлинский закат, а за дверью тянется гулкая сеть коридоров. Так странно и живо перенеслась на страницы романа душная и насыщенная скрытой преступностью атмосфера берлинского Heim'a.

Мы об этом не говорили. Это подразумевалось как бы без слов. Память еще слишком близко хранила берлинские невеселые дни. Не хотелось их трогать. И лишь однажды Б.Н. вскользь напомнил мне о «пятне» перед дверью и сказал, что отсюда возник в нем лейтмотив «итальянского» мальчика.

Приближался срок подачи «Москвы под ударом». Подготовительный материал «вышел из всех берегов» и давно уже не вмещался в портфелях. Бумажный поток со столов перекинулся к стульям, хлынул на окна, достиг до постелей. Повсюду высились груды заботливо разобранных и рассортированных по отделам листов: черновики 4-ой главки, 9-ой, 11-ой и т.д., отработанные, полуотработанные, пред-черновики, предварительные «заметки», сделанные то карандашом, то чернилами, наконец, — «вспомогательные рисунки». Чтобы лучше уяснить себе облик героев, Б.Н. делал их зарисовки. Такие наброски сохранились и у меня, и в рукописях, сданных в Музей. Все вместе это являло вид хаоса, в котором оставалось лишь без борьбы утонуть. Но Б.Н. называл этот хаос своим «рабочим порядком», когда «войска стоят в боевой готовности». Он прекрасно ориентировался в «организованном контрапункте» папок. Знал, что куда положить, откуда что вынуть, и легко разбирал свою многоголосую бумажную фугу.

Работа шла лихорадочным темпом. Сидел, не разгибаясь, целые дни и отрывался лишь для вечерних прогулок. Число заготовленных и вчерне почти отделанных сценок быстро росло. Он торопился. — «Пора и кончать!» Но все не мог остановиться, «детализируя» чудовищный образ «старчища» и картины мучений Коробкина в «лапах гориллы». Переживал их в себе, как настоящую пытку. Писал, стиснув зубы, сквозь боль. Но, как замороженный, не в силах был отвести глаз от «разъявшейся бездны сумасшедшей жестокости», перед которой жестокость зверя — ничто, лепет невинный, младенческий. — «Зверь обдерет и оставит... А здесь...» — он содрогался.

Но, содрогаясь и протестуя, сам в то же время — не понимаю, как могло это в нем совмещаться, — он с выдержкой вивисектора безжалостно, четко и трезво «разглядывал» и, как анатом или хирург, вскрывал пласт за пластом зловещую опухоль. Листы покрывались детальнейшим описанием мельчайших, чисто анатомических подробностей странных действий Мандро над Коробкиным. И когда начинал он читать, то от этих подробностей стыла кровь, хотелось кричать, — перекричать стон Коробкина, безумные завывания и взвизги Мандро. Заткнув уши, хотелось бежать без оглядки.

— «Нет, ты дослушай...» — настаивал он — «нужно же мне доглядеть...»

До-глядеть, до-увидеть, все до конца, до последней черты: перенести на себе «непереносимое», чтобы творческой волей сковать тот «трамплин», тот железный упор, который необходим для полной силы удара. Не крик, не истерика, а итог вычислений художника, — «вычислений особого рода».

В окончательный текст вошло не более половины всех этих мучительных заготовок. Но таков был метод Б.Н.: в черновиках давать «щедрой рукой» исчерпывающий максимум, чтобы потом немилосердно «отжать» и «подвычеркнуть».

— «Только так достигается концентрация текста. Сразу

в меру никогда не напишешь. Две трети обречены тут же на вылет. Хлебом меня не корми — а дай почеркать...» Сколько раз слышала я эти слова. Они и теперь еще звучат так ясно. Помню, что в «Масках» речь Коробкина перед экспертами в лечебнице занимала в черновом виде несколько больших листов и сама по себе звучала прекрасно. Но для романа она была заведомо слишком серьезна, слишком научна. Заготавливая ее, Б.Н. говорил, что в таком виде она нужна ему «для разгона», что лишь отправляясь от «полного голоса» профессора, он может дать художественно допустимый «ракурс».

Но там это было в плане работы. Теперь же детали становились прямою помехой. Они утомляли Б.Н. Перегружали внимание и мешали сосредоточиться на неотложном.

Несколько дней уже он находился в тревожном недоумении: столько сделано, а главного нет, — нет композиционного разрешения для всей второй части.

— «Без проку дальше множить штрихи... Я ослеп от них ... Не вижу, не нахожу... Нет центрального тона. „Москва“ не будет окончена!» — «Что толку, что много» — огорченно сердился в ответ на попытки мои его успокоить.

— «Много... А самого нужного нет... Все только россыпи ... Не смыкается. Падает как по швам, потому что нечем скрепить... А я, как нарочно, впал в бездарь. Этак месяцы могут пройти...» Он раздраженно сдвигал раскрытые папки и, нахмурившись, уходил на постель. Видно было, как он томился: лежал неподвижно часами, закинув руки за голову. Или вдруг молча вскакивал, надевал быстро шляпу, брал палку и отправлялся один побродить на свою любимую просеку, в соседний лесок.

Эта прямая, широкая просека начиналась сейчас же за дачей и переходила в конце в веселую заросль молоденьких сосен и елочек, а еще дальше спускалась пологим откосом на уютный лужок с изумрудной травой и молодыми березами, который мы называли «Из царской невесты». Это было его любимое место в течение всех шести лет

нашей кучинской жизни. Там постоянно продумывал он и «вынашивал» свои мысли. Там же делал лучшие «наборы» земляничных, осиновых и других листьев. Там любил отдыхать, лежа на пледе в тени под высокой сосной или березой, изучая «попутно» игру светотени, плескание в ветре древесных ветвей, бег облаков, копошение всяких жуков и букашек и деловитую хлопотню «трудолюбивейшей пчелки». Все вызывало живой интерес, все подвергалось разгляду. Иногда сюда же приносил он работу. Устраивался, скрестив ноги, на пледе, положив на колени в виде подставки портфель или доску, на которой особого рода «защипками» укреплялась бумага, «чтобы ветер не сдул». Но на природе, «под небушком» работа не клеилась: слишком много жизни было кругом. Вскоре он уже вскакивал, отбрасывал доску и спешил «проследить», куда прыгнула «золотохвостая» белочка и отчего это фыркает там и роет лапами землю наш пес, увязавшийся с нами непрошено с дачи: — «Верно, напал на ежа».

Удостоверившись, что предметом волнения пса был не еж, а лягушка, он присел перед лягушкой и разглядывал ее, громко оповещая меня издали о своих наблюдениях до тех пор, пока лягушка не скрывалась в траве. После чего возвращался на плед с целой коллекцией по дороге захваченных шишек, и принимался весело «показывать и рассказывать» — какая из них «елинка», какая — «ершинка», какая же — просто «сушинка», т.е. — сухая сосновая шишка.

Незабываемые, золотые часы!

В один солнечный ветреный день — ветер не раздражал Б.Н., а лишь «весело взбадривал», и он любил кипучие «дни большого (летнего) ветра», когда все вперегонку летит и шумит, и, размахавшись, плещется в радостном смехе, когда и в самом тебе силы кипят с удесяттеренною живостью, а энергии и предприимчивости «хоть отбавляй», — в один такой день он надолго исчез.

С балкона я видела, как мелькала вдаль сквозь деревья его белая шляпа и чесучевая рубашка без пояса. Он выходил на опушку, останавливался и, подняв голову, следил

за быстро несущимися крепкими облачками на ярко синем васильевском (от василек) небе. Постояв, поворачивался и опять шел вглубь просеки. По временам наклонялся, что-то искал, поднимал и разглядывал. И, наконец, совсем скрылся из глаз.

Я уже начинала волноваться, почему не приходит к обеду, когда услышала на лестнице знакомые, легкие шаги, чуть ускоренные. Подойдя быстро к столу, он положил передо мною маленький осиновый листик.

До «земляники», которая так увлекла нас впоследствии, мы еще не дошли, но на «осину» уже обратили внимание. Этот же листик являл собою совсем особенный вид: одна половина его горела, как рубинно-багряное зарево где-то далеко пылавших пожаров, — то, что больше передает немецкое слово — *glühend*. Другая — резкий, наискось смело прочерченный чернейшею тушью рисунок, как бы контур тоже далеких и странных ландшафтов. Казалось, перед тобой не листик, а огромное полотно, с мрачной силой передающее трагизм большого события. Вставал в памяти Грюневальд, Лука Кранах, Рембрандт.

— «Вот, нашел-таки, что нужно. В таких тонах будет дано окончание „Москвы под ударом“. Теперь все сомкнулось. Есть спайка. Больше нечего думать. Остается писать, как с готовой модели». Голос звучал успокоенно: в нем слышалась уверенность, сила: отпали сомнения стольких мучительных дней. — Б.Н. взял в руки листик, приблизил к глазам, потом положил снова на стол, присел сбоку и, наклонившись, задумался, продолжая внимательно вглядываться в переливы пурпурных и бархатно-черных тонов, чуть продернутых золотом, как только что взятый из печки тлеющий, злой уголек.

Вот «импрессия» этого листика в передаче Б.Н.: — «О, как странно!... казалось, что кто-то набросил на желтый, густой, чуть оранжевый фон сети пятен и желтых, и брысьх, и черных, смешавшихся в желтокоричневый, просто коричневый, темнокоричневый, чернокоричневый цвет;

эти пятна...странно жарели сквозь них выступающей, темной багровостью: точно на тухнувший жар набросали потухнувший пепел; и пепел — окрашивал.

Только в одном не коричневом месте сквозь сумерок выступил темнобагровый предмет; и он жег, как жегло́» («М. п. уд.», 214-215).

Я сберегла этот листик, и позднее Б.Н. подарил его Р.В. Иванову (по просьбе последнего).⁴¹

Осиновый листик, принесший с собою «композиционное разрешение» «Москвы под ударом», нашелся случайно. Но он дал толчок в дальнейшем к совсем уже не случайному «использованию моделей» при разрисовке и раскраске словесного текста «Масок».

«Моделями» или «натурой» Б.Н. называл в данном случае свои альбомы засушенных осенних листьев и коробки с морскими камешками, «градационно» и «интонационно» разложенными.

Собиранием и *изучением* листиков Б.Н. начал усиленно заниматься с осени 1925 года.⁴² Засушивал их, подбирал по тону, по породам, по форме. А на камешки натолкнулся впервые в 1924 году в Коктебеле, о чем я рассказывала уже в самом начале этой главы. Вторичное увлечение ими он пережил в Цихис-Дзири, в 1927 году, во время своей первой кавказской поездки.

С этих «моделей» он «списывал», т.е. переносил, облекая в слова, взятые с листьев и камешков краски на одежду, особенно на женские платья, и на обстановку: ковры, драпировки, обои, мебель, посуду. — «Общий тон я, понимаю, вижу, — говорил он при этом. — Но как и куда все это разбросать, подскажут мне листики. Почему знаю я, какие там дамские шарфы, дессу, тряпочки разные... И на какой скатерти какая должна быть поставлена пепельница, лампа или ваза. Не портниха я и не драпировщик... Мне нужно лишь, чтобы тона сцепились в целое... И вот: беру камешек. И спокоен: провратиться нельзя. Природа не даст безвкусного сочетания. Пиши, хоть закрывши глаза... Почему

неведомо это дамам — одеваться осмысленно. Вместо пошлых журналов и модных фасонов, подбери из-под ног первый попавшийся листашку. Будет оригинально, красиво. А уж за вкус я ручаюсь...»

В ответ на один такой возглас, я наконец, заступилась за «дам» — платье «по листику» или «по камешку» будет недешево стоить. Б.Н. удивился, слушал рассеянно. Спорить не стал, но явно мне не поверил, выражая всем видом: — «Предрассудки сознания...»

Привожу здесь несколько цветowych сочетаний из «Масок», взятых Б.Н. прямо «с природы». Приготовляясь писать, уже взяв карандаш и бумагу, он раскладывал перед собой на столе большой альбом, сшитый из листов глянцевиной бумаги — темно-лиловой, темно-красной, темно-синей и черной. Эти листы были «фоны». От выбора «фонов» зависело многое. На удачном фоне даже «так себе» листик горел, словно сотканный из световых переливов. На неудачном — даже «красавцы» превращались в «дрянце». В заботе о фонах, в умении их подобрать, положить каждый листик на лучший ему отвечающий фон, сказывалась постоянная мысль Б.Н. о значении «целого», о значении композиционного момента в искусстве. — «В искусстве, но тем самым — и в жизни» — договаривал он неизменно, подчеркивая всей интонацией, что для него обе области принципиально неразделимы.

— «Сочетай неудачно, поставь на недолжное место хоть перлы создання, и ты убьешь их, загубишь. Напротив — из грязных, протрепанных „оборванцев“, из этих никчемных, полуподгнивших осиновых листьев я беру и делаю: переднюю мадам Тигроватко. Они на месте. Они дают то цветочное пятно, которое нужно мне здесь, как вводящий аккорд в тему гостиной, где сейчас произойдет нечто важное. Без „оборванцев“ долго ломал бы я голову. На них же прямо „увидел“ и взял...»

И Б.Н. перелистывал свой альбом.

Там, на «фонах» чаще всего черных и черно-синих, в гармонических, но почти всегда асимметрических узорах

были нашиты или наклеены осиновые листья. Для земляничных «фоны» были другие: — лимонные, палевые, бирюзовые, голубые и белые. Бумага не глянцеви́тая, а папиросная или обыкновенная писчая (большие листы). На таких же белых листах помещались боярышник, вишня, клен, виноград.

Пересмотревши страницы, Б.Н. останавливался на той, которая наиболее отвечала его намерениям в настоящий момент. И начинал быстро записывать то, что непосредственно *видел* перед собой. Он называл это: «набирать себе красок на палитру». После чего принимался «добытыми кладами» пестрить и расцвечивать стены, материю, мебель, посуду.

Вот — передняя и коридор в квартире мадам Тигроватко — страница из альбома осиновых листьев:

«...желтые стены; и — крап: черный, серый, зеленый; зеленая мебель; портьера желтеющая с теми же пятнами: черными, серыми, серозелеными...» «...коридорик, с обоями, напоминающими цветом шкуру боа: густо черные пятна на бронзовом, темном...» («Маски», 94).

Вот — гостиная (еще страница из того же альбома): «Древнее выцветом, серопрожухлое золото: цвет — леопардовый, съеденный мертвыми пятнами, точно покрытый дымящимся еле износом, как бы вызывающим вздрог...

Драпри, абажуры — под цвет леопарда, пестримого дикими пятнами, как полувскриками, тихо душимыми; фон — желтопепельный: весь в бурых пятнах...» («Маски», 95).

Вот — диванная, где ожидала Лизаша, пока позовут ее для уличения Друа-Домардэна (тот же альбом):

«...гранаты, пестримые смурими мушками, — стены; портьеры, как гарь от ковров: желтопепельных, бархатных, точно курящихся дымом; и — скатерть; и вазы оранжевой выскерк» (96); и «шторы — коричневочерную гарь» (103) и «два кресла гранатовые, как огонь, распылались на бледнозеленожелтые тускли, пятнимые еле...» (103).

И, наконец, — тоже осиновый листик — платье мадам Тигроватко «из морока, очень порочного, в серой иллюзии

пятен, подернутых розовым отсветом» (95).

Б.Н. очень ценил в себе этот «натурализм», называл его «методом Гете». Мне не раз пришлось слышать, как после чтения отрывков из «Масок» в ответ на чье-нибудь восхищенное замечание: — «Какая у Вас богатая фантазия, Б.Н., как Вы это ярко увидели», — он горячо возражал: — «Причем тут фантазия. Наткнулся под старость лет на место грибное... В годах еще должен учиться. Если бы кто-нибудь захотел, как я, посмотреть на богатства, бросаемые нам под ноги каждую осень щедрой природой, он мог бы проверить меня, точность моих зарисовок. Я только рабски копирую. Например, этот вот „съеденный мертвыми пятнами“ цвет, „дымящийся еле износом“ — есть лишь буквальная передача природы глазных впечатлений. Что вижу, о том и пишу. Подмечаю же то, что всемерно доступно для каждого. Не *во*-ображение, а *со*-ображение. Не фантазия, а *наблюдательность* и внимание — *Aufmerksamkeit*». *Всемерно* и *Aufmerksamkeit* (любимое слово) Б.Н. производил с одинаковым, очень сильным ударением на слоге *мер*, выделяя очень широкое, открытое «э» (вместо *e*) и упорно пренебрегая всеми поправками на ударение в слове *Aufmerksamkeit*.

Зато в другом, тоже излюбленном и часто употреблявшемся слове *Naturwissenschaft* Б.Н. неизменно и упорно подчеркивал голосом последний слог — *schaft*. Его немецкий язык был вообще весьма живописен. Ударения, грамматика, синтаксис — все звучало в полной свободе.

Иногда вместо листика Б.Н. брал для «модели» отдельный камешек или целый набор, т.е. коробку «интонационно» отобранных и уложенных «градаций». Верхний слой в них составлялся из «уникумов», нижние же слои — из «фоновых» камешков. Уникумы — это был целый разряд камешков, особо выделенных и отмеченных Б.Н-чем за те или иные индивидуальные качества. Свои уникамы он знал наперечет и высоко их ценил. «Фоновые» — это были камешки, сами по себе ничем не замечательные, но дававшие в общем необходимую гамму оттенков. Эти тщательно

продуманные и «выношенные отстои» укладывались чаще всего в продолговатые синие коробки от папирос «Таис»: — «Очень удобный формат», — как находил Б.Н.

При показывании коллекций существовал негласно ряд строгих правил, и прежде всего не позволялось «давать волю рукам», т.е. перебирать и трогать камешки пальцами. — «Варварство! Ведь не колушаем же мы красок в картине»... — мотивировал свое требование Б.Н. Но бывали нередкие случаи, когда не подозревающий об этих строгих правилах гость, чаще всего человек, не слишком близкий Б.Н-чу, вел себя «недостойно» и смело «выгребал» из коробки приглянувшийся ему камешек, отчего все остальные тотчас же рассыпались, сдвигались с мест и «композиция» нарушалась. Интересно было при этом наблюдать лицо Б.Н-ча. На нем проходила вся гамма чувств от неподдельного ужаса до грозного негодования. Едва сдерживая себя, он потихоньку отодвигал «Таис» подальше от предприимчивых пальцев любителя. Незаметно, будто рассеянно, закрывал крышку коробки и обыкновенно на этом прекращал свой показ, ссылаясь на то, что «утомил» и что «дальше уже неинтересно».

Вот — снятый с «модели» одного из цихис-дзирских «уникумов» чайный сервиз Тигроватко: — «севрский фарфор леопардовых колеров, — с пепельно-серыми бледными с золотоватыми блеснями». И другой уникум — чайная чашечка «...росписи: пепельносерые, красные пятна». (101)

С наборов отдельных коробочек списаны: салон Ташесю: «...мебель — синезеленая; оранжеваты — фарфоры; и бирюзоваты едва абажуры; ...и дымчатый, горный хрусталь (71), «подносики с чашками бирюзоватыми» (72). Платье одной из дам в этом салоне: «зыбь ее шелка зеленого» (71). И другой дамы: «кремовый фон; в нем — пляс палевых пятен, прохваченный дикою сизью...» (72).

В Баре-Пзаре у дамы «дессу — цвет шампанского, с искрой» (109) и шарф мадемуазель Делобобко в Пелль-Мелль отеле — «развивной медоносного цвета» (160).

Все это и еще многое, о чем уже не упомяну, — все это

отдельные камешки или наборы их. Но особенно дорог был Б.Н-чу уникам с цихис-дзирского пляжа, — камешек, по которому он писал халат Коробкина в «Масках». С того самого «счастливого дня», как «выудил его со дна моря», дрожал над ним, любовался переливами красок и хранил «пуще зеницы ока». При отправке посылкой в Москву коллекций камней из Батуми, этот уникам, в числе немногих других, был отложен отдельно и проехал с нами весь путь до Кучина в наших ручных чемоданах, не сдававшихся в багаж. Сопровождал нас в Тифлис, потом по Военно-Грузинской дороге и по Волге.

Б.Н. еще точно не знал, для чего ему понадобится этот «камнюшка». Но знал твердо одно: он таит в себе «нечто значительное». Вот как окрасился от этого уникама халат профессора: «...фон — голубосерый, с оранжевокарею, с кубовой игрой пятен (60)...где разбросалось по голубому, пожухлому полю столпление пятен — оранжевых, кубовых, вишневых и терракотовых; пятна, схватясь, уходили в налет белосерый: в износ»... («Маски», 62).

Как живо помню теперь еще все эти уникамы! И дымчато-золотистый, плоский, неправильный, но изящный по форме и окраске камешек — сервиз мадам Тигроватко. И продолговатый, с горбинкой, овально скошенный на одном конце, с бледно-красными брызгами по голубоватому фону, выступившими точно капли крови от укола иглой, — это чайная чашечка. И «халат» — довольно большой, с мягко очерченным боковым утолщением камень, покрытый сказочно-нежным и чистым по тону «столплением пятен оранжевых, кубовых»...уходящих на более тонком конце «в налет белосерый»... покрывший собой всю обратную сторону; там по краям лишь едва проступали слабые отсветы тех же тонов.

Все они — вот! Перед глазами. Будто вчера только видела их. Сколько над ними сидели, вели разговоры, сколько раз перекладывали. Как любовались и «холили». С какой любовью хранили их и берегли. — И все они — вместе с другими — потеряны.

При ликвидации Кучина, весной 1931 года одна знакомая отвезла их к себе на квартиру, в Москву. А там, в ее отсутствие... не доглядели... И дети, играя, рассыпали все.

Нужно сказать, что свои «красочные макеты» (для «Масок») Б.Н. выбирал не из коктебельских («слишком отшлифованы и зализаны, хоть в своем роде и замечательны...»), а именно из цихис-дзирских коллекций. Последние он предпочитал за «изошренное» благородство «утонченных» матовых колоритов. Рядом с «серебристой» воздушной пастелью цихис-дзирских «градаций» коктебельские «образцы» казались тяжелой олеографией со слишком большим количеством масла. Разумею при этом не «фермампикусы» и не «прозрачные». Но они совсем не подходили для целей Б.Н. Он не отрицал красоты коктебельских камешков, но в среднем относил их к тому, что называл в искусстве он «geizend» — прелестное, милое. А цихис-дзирские воспринимал в стиле hoch или erhaben — возвышенно-строгое.

Наконец, был еще один род «натуры», которую Б.Н. пользовался для «раскраски» комнаты профессора в домике Тителевых: это были уже не листья, не камешки, а куски пестрых тканей, которыми в Кучине были покрыты подушки, постели и чемоданы. Одна из этих покрывал у меня сохранилась. Другие тогда еще выгорели и потеряли свой вид. В своем описании комнаты Коробкина Б.Н. перемешал все эти куски и добавил еще от себя, так что теперь уже трудно наметить каждый отдельный рисунок. Но общий тон их передан с большой точностью.

Вот эта комната: «линии синемалиновых ситчиков» («Маски», 330). «В алых лапах, в лимонных квадратах, усыпанных белой ромашкою, кубовый, темный диван; и такая же алолимонная радость на кубовом ситчике кресел, как бы растворяемых в кубовочерных обоях», в которых «едва выступают павлиньи, златистовишневые, с искрою, перья... далеких кометных хвостов. Пестроперую тканью покрыта постель; и горит, как фонарики яркие, многоочитая, чистая ткань занавесочек» (326-327).

Как «импрессия», помнится, сюда же вошли еще «от-

стои» вишневых и виноградных «уловов». При увядании они на миг разгорались и вспыхивали лучистой прозрачностью радужных «светов». Особенно недолговечны были «ликующие лучезарные» вишневые листья. Легкое, как заря, просияние их, переливавшее из золотисто-розового в пурпурно-лиловое, держалось дня 3-4, не больше. И потом как-то сразу вдруг меркло, переходя в неприятную коричневую свинцовую «бурь». Оставалось скорее их выбросить, чтобы не видеть «трупных струпов» их мертвенного разложения, слишком быстро сменившего «ликование радужной песни».

Альбомы осинового листья, по окончании «Масок» были заложены на дальнюю полку. Перед отъездом из Кучина в Детское, весной 1931 года,⁴³ Б.Н. занялся пересмотром своих «инвентарей». Появились на свет и «альбомы». Но раскрыв их, вместо прежней экспрессии красок, мы увидели лишь «убийственно» тусклые, ничего не говорящие пятна каких-то серобурных тонов, с проступившими вдобавок кое-где меловыми разводами засохшего гуммиарабика.

— «Нечего длить этих склеенных пожарищ», — возмутился Б.Н., захлопнув листы. И «альбомы» отправились в печку.

Б. «Мозаика».

После опыта многих лет у Б.Н. сложился свой особый прием, или как он называл — метод — работы над написанием художественного текста. Так были написаны его последние романы: «Московский чудак», «Москва под ударом» (или две части первого тома романа, имевшего общее заглавие «Москва») и особенно «Маски», т.е. второй том того же романа. Б.Н. называл этот прием «мозаичной лепкой текста». И ранее никогда им не пользовался. Над «Серебряным голубем», «Петербургом», «Котиком Летаевым», даже над «Записками чудака» и «Крещеным китайцем» он работал иначе, не развертывал такой сложной

«лаборатории» или «кухни» — его постоянные выражения, которыми он обозначал свои рабочие материалы.

Отчасти тот же прием он применял при написании «Мастерства Гоголя»,⁴⁴ хотя здесь все было проще, и самый текст Б.Н. писал как обычно, подряд, лист за листом, чего не было в «Масках», ни в обеих частях первого тома «Москвы».

Эта «лаборатория-кухня» Б.Н-ча была так многосоставна, так текуча в своих очертаниях, что рассказать о ней не легко. При всякой попытке к такому рассказу подстерегает опасность, говоря языком Б.Н., — «впасть в рациональную ясность», т.е. упростить и схематизировать. Поэтому мои слова надо принимать без тех слишком очерченных контуров, которые всегда налагает статизация записи на непрерывный живой поток становления. И когда я говорю о том, как работал Б.Н., меня особенно смущают такие слишком определенные выражения, как всегда, никогда, сперва, затем, первый этап, второй и т.д. Этих выражений нельзя избежать, рассказывая о разных стадиях этой своеобразной работы. Но над ними я ясно слышу порой полный грустной иронии возглас Б.Н.: — «Так ли? Подлинно ли первый?» Иногда же в ушах раздается его громкий смех и как бы дразняще-веселое восклицание: — «Вот как!... Первый... Ну, поздравляю... Пальцем в небо!...»

В этих словах, с этим смехом и грустью отзывался Б.Н. о многих работах по вопросам художественного творчества. Или же лукаво подсмеивался над бесстрашной точностью иных литературных анкет, которые одно время были в большом ходу.

Вот почему нахожу нужным предупредить, что, рассказывая о рабочих приемах Б.Н., я даю в большинстве случаев только внешнее, почти зрительное описание и ничего не хочу закреплять или устанавливать. Один раз это могло быть так, другой — совершенно иначе. Я слишком много видела Б.Н. за работой, чтобы не знать, что порядок, последовательность и значение отдельных этапов работы могли иметь в его сознании совсем другую оценку и другой

счет. Б.Н. не раз говорил, что во внутренней хронологии творчества первым далеко не всегда бывает то, что первым записано.

Только с такой оговоркой решаюсь я рассказать о том, что я видела и, насколько могла, переживала вместе с Б.Н., когда он работал над своей «мозаичною лепкой текста».

Когда наконец, после долгих сборов и приготовлений, Б.Н. приступал вплотную к писанию романа, то он начинал не с замысла. Замысла он никогда не записывал, хотя говорил о нем прежде, иногда гораздо заранее, и развивал его даже довольно подробно, но как-то с периферии, в деталях. И мало касался ядра или зерна самого замысла. Начинать же записывать с плана. Этот план он продумывал и набрасывал сперва в самых общих чертах — по его словам — «в крупном масштабе». Такой план имел вид скорей схемы или программы будущего содержания. В нем устанавливался предполагаемый порядок глав, вернее — больших отделов, почти что частей. Эти главы получали какое-то название, хотя бы заведомо временное или даже условное, случайное. Б.Н. знал, что все это будет много раз изменяться и ничего не закреплял окончательно. Он говорил, что ему важно только представить себе контуры будущего «здания» и установить первую отправную точку, исходя из которой он мог бы расставить дальнейшие, пусть тоже условные, вехи.

Работать вслепую, или «нутром», он не мог и намечал себе всегда определенную, ясно осознанную, хотя бы и отдаленную цель. — «Должен знать, куда чалишь, а не плыть наобум» — это было его требование к себе и в искусстве и в жизни.

Его не смущало, что на пути к этой цели почти всегда выпадали крупные неожиданности и коренным образом ломали все, что было намечено. Передвигались рельефы, изменялось движение фабулы, открывался новый ряд перспектив. Тогда он терпеливо, по многу раз переделывал то, что уже было написано и не упорствовал в принятом

раньше решении. Нельзя сказать прямо, что он предвидел необходимость таких будущих изменений, но он как-то безмолвно их всегда допускал и потому готов был еще и еще раз перестроить все заново, не жалея труда и затраченных сил.

— «Пока все в голове, — говорил он постоянно, — ничего до конца не увидишь. Только когда положил на бумагу, довел до материи, можешь сказать, где, что нужно убрать или прибрать, куда отнести, с чем связать, чтобы впечатление было верным задуманному».

Кроме общего плана «в крупном масштабе» вскоре же появлялись отдельные, более мелкие планы, которые все умножались и детализировались в процессе работы. В них намечались небольшие сценки, или набрасывался порядок нескольких, следующих друг за другом отрывков. К этому присоединялись еще схематические разработки той или другой темы сюжета, «компановки сценариев» или «макетов», — как любил это называть Б.Н., увлекавшийся в то время постановками Мейерхольда и отчасти МХАТ 2.⁴⁵ В черновой рукописи «Маски», находящейся теперь в ГЛМ, следы этой работы сохранились на листах 147, 157, 165, 194, 352 (папка № 34/2677).

Но работа над этими разнородными планами представляла собой уже более поздний этап. Сперва же, установив основной большой план, Б.Н. начинал с того, что он сам называл заполнением «рубрик» или «складочных мест». Это были материалы его заготовок, которые предшествовали появлению самого первого черновика и заменяли обычные записные книжки или блокноты, которыми Б.Н. вообще мало пользовался.

Рубрики означали вот что: Б.Н. брал большие листы нелинованной шероховатой бумаги, которую он называл «карандашной» и любил за то, что карандаш на ней удобно ложился и был более отчетливо виден, не требуя особенно большого нажима. Это был важный момент, т.к. иначе рука и глаза уставали. Эти листы он разделял продольно — и очень редко горизонтально — на два-три столб-

ца. Сверху над каждым столбцом надписывал название рубрики и заносил в нее потом все, что относилось к этому названию. Если предполагалось, что рубрика будет большая, т.е. материала к ней будет много, то ей уделялся весь лист, тоже разделенный на два-три столбца. Были рубрики, занимавшие несколько целых листов, — например, в тех же черновиках «Масок», — лист 153 «Москва», лист 154 «Природа» и др.

Названия рубрик давались прежде всего по именам героев: Коробкин, Мандро, Никанор. Или по большим темам: Москва, Природа, Война. Или по специальным заданиям: Ресторан, Комната Тителева, Халат профессора, Двор, Жесты Никанора, Жесты, Профессор + Киерко, Митя с другом, Фамилии, Словечки (народные, взятые у Даля или составленные самим Б.Н.).

Но во всем этом не было никакой устойчивости. И через несколько дней картина уже изменялась. Иные из рубрик совсем отпадали, другие меняли название, третьи осложнялись под-рубриками, четвертые переходили в «полурубрики» «полу-уже-предчерновики». И, наконец, появлялись еще «вполне новые рубрики». Для постороннего глаза получалось нечто до такой степени запутанное, что невольно вырывался недоуменный вопрос: — «Неужели же это чему-нибудь помогает?» — «Не помогает, а совершенно необходимо, — горячо возражал Б.Н., — иначе пришлось бы весь контрапункт держать в голове. Например: сейчас мне никак не по дороге с Пэпэш-Довлиашем, а пришла вдруг великолепная фраза. Куда ее деть? Проще всего: сунуть в рубрику. А то: разыгрался профессор. Жарит словами, которые понадобятся может быть только где-нибудь в третьей, четвертой главе — еще точно не знаю... Спокойнейше вношу в рубрики. А придет время — они тут как тут. Удобнейшая вещь».

Когда нужные в первую очередь рубрики были намечены, Б.Н. в течение нескольких дней занимался тем, чтобы их «заполнить». Он вписывал в них без разбора и без всякого порядка решительно все, что тогда пришло в голову,

никак еще точно не зная, где и когда и зачем ему это понадобится. Иногда он привлекал на помощь Даля — Словарь и Собрание русских пословиц или загадок. Он перелистывал их и «сбрасывал» в соответствующую рубрику то, что казалось ему пригодным. Но больше всего он любил обдумывать рубрики не за столом и не в комнате. Главным источником их заполнения были особые, как он называл, — «рабочие прогулки».

Б.Н. вообще любил гулять, и прогулки всегда играли большую роль в его жизни.

О, незабвенные прогулки,

О, незабвенные мечты, —

— вспоминает он в «Первом свидании».⁴⁶

Он гулял много, даже в городе. Любил находить интересные уголки, открывать новые виды. И в каждом месте непременно отыскивал *вид на закат*. Но любил он также и старые «проторенные тракты». Они особенно располагали к раздумью. Внимание не отвлекалось новизной впечатлений, а над головой все же не было угнетающей крыши и четыре стены не замыкались душной коробкой. Мыслям Б.Н. всегда было тесно в комнате. И сам он нередко от них задыхался: — «Такого надумал опять, что хоть шапку в охапку...»

На ходу думалось легче. Мысли не громоздились в «скопление грозных облаков, не развивали опасного электричества». Они протекали свободно, в ритме с движением тела. Ширились и разливались в «без-стенном просторе». А иногда и совсем отходили и давали от себя отдохнуть. — «Ну, облегчил голову. Надышался озоном... Мысли — хоть шаром покати», — говорил тогда очень довольный Б.Н.

В комнатной обстановке он совсем не умел отдыхать. Если не писал, то читал, делал заметки, вычислял или вычерчивал что-нибудь. Если даже он чувствовал, что устал, то все равно не мог оборвать своих занятий и оказаться в бездействии. Можно было только переключить этот непрерывный поток рабочей энергии, только направ-

вить его по другому, более легкому руслу.

Но в комнате трудно было придумать что-нибудь такое, что давало бы отдых, придумать такую *игру*, которая не превращалась бы снова в работу. И когда погода или другие причины не позволяли пойти погулять, то каждая «от нечего делать» игра кончалась совсем не игрою.

Так, для игры, чтобы «время убить», в дождливые дни в Цихис-Дзири Б.Н. начал вычислять ритмические кривые пушкинских стихотворений. Потом погода исправилась, засияло солнце, а он все вычислял, покрывая листами с цифрами и чертежами стол, кровать, чемоданы и весь пол огромной комнаты. Вычисления кончились ритмической кривой «Медного всадника».⁴⁷

Очень легко, также скорей для шутки, стал он делать зарисовки Коджор: хотел отдохнуть, переключившись на краски. Но вышло другое. Он опять засел на целые дни, отказываясь выйти из дома, и вместе с тем жаловался, что у него болят глаза, что он смертельно устал от своей «мазни» и что «охота пуще неволи».

Как-то в Кучине, в промежутке между двумя большими работами, он решил «поиграть»: составить для себя библиографию по истории античной культуры и философии. И вскоре уже сидел, не разгибаясь над ворохом книг, выписок, схем. Продумывал строй, соотношение и пути философских систем древней Греции, Средневековья, Востока. Если бы не вывих плеча от удара трамваем, то неизвестно чем кончилась бы эта игра. Рукопись этой «Библиографии», с цветными схемами и пометками, хранится в ГЛМ.⁴⁸

И, действительно, Б.Н. мог отдохнуть только в отрыве от комнаты. Поэтому ему казалась такой заманчивой жизнь путешественника. Он говорил: — «По природе я странник. Люблю смену мест. Мне бы быть путешественником. Прекрасная жизнь. В оседлом быте есть всегда тяжесть. Ее не знает кочевник: сегодня в одном месте, завтра в другом... Только и счастлив, когда путешествую...»

Если же приходилось более долгое время жить на одном месте, то у Б.Н. заводились свои «постоянные тракты»,

на которые он любил возвращаться день изо дня, а то и несколько раз на дню. В Кучине таким «трактом» был железнодорожный откос вблизи нашей дачи (по направлению к Салтыковке), откуда открывался вид на закат. На этот откос ходил он года, «вынашивать» свои мысли. Летом для этих же целей служило другое любимое место: широкая просека, почти примыкавшая к задней калитке нашего дворика. Если вернувшись после каких-нибудь хозяйственных выходов — за хлебом, в кооператив, в аптеку — я не находила Б.Н. дома, то знала, где его нужно искать. И отправлялась на «просеку».

Но когда осенняя сырость и грязь надолго отрезывали нас от «вылазок» в сторону леса, то Б.Н. и утром, и вечером, и среди дня уходил на свой неизменный «откос». Откос стал простым продолжением комнаты. Значительная часть «Масок», «На рубеже», «Ветра с Кавказа» и других работ была продумана на этом откосе. Здесь же, стоя над полотном и вглядываясь в окна проходящих вагонов, Б.Н. встречал и провожал иной раз гостей. Он весело махал им палкой, приветливо кричал: — «Здравствуйте!» или — «До свиданья!» — не считаясь с тем, что грохот поезда его заглушает. Невольно он ускорял шаг и старался идти вровень с поездом.

Но перехожу опять к рабочим прогулкам и к тому, как Б.Н. собирал материал для заполнения рубрик.

Обыкновенно он выходил на эту «охоту» сразу же после утреннего чая, когда голова была еще совсем свежей. — «Пойду настреляю себе дичи», — говорил он тогда. И отправлялся шагать по дорожке, которая пересекала наш двор от передней калитки, выходящей к полотну железной дороги, до задней, обращенной в сторону леса. Уходя, он захватывал с собой маленькие тетради в восьмушку листа, которые я нарочно для этого сшила по просьбе Б.Н., из той же любимой его карандашной бумаги. В них он записывал на ходу свои мысли. Прогулка длилась час или два, смотря по настроению и по погоде.

Если Б.Н. не уходил со двора, я часто невольно следила

за ним из окна. Сперва он шел медленно, слегка опустив голову и заложив за спину руки, в которых были зажаты карандаш и бумага, и неизменная палка, без которой Б.Н. органически не мог обходиться. Потом шаги еще замедлялись. Он вешал на руку палку и, не останавливаясь, начинал быстро записывать. При этом как-то особенно распрямлялся и держал тетрадь высоко перед собой, почти на уровне глаз. Голова, слегка откинутаая назад, была как-то очень твердо поставлена на крепкой упругой шее. Через несколько шагов, незаметно для себя он совсем останавливался и продолжал писать, стоя на месте. Окончив, трогался снова, иногда энергично вращая в воздухе палкой, будто в ритм поднявшимся мыслям. Видно было, как он до конца ушел в эти мысли и не замечает ни движения руки, ни размахавшейся палки, пристально вглядываясь в какой-то виденный им, но не вполне еще ясный предмет, поглотивший все его внимание. Некоторое время шаги и вращение палки все ускорялось. Он почти что бежал, точно за кем-то спешил или догонял, чтобы поймать — скорее, скорее, скорее!

Но вот, понемногу походка опять замедлялась, голова опускалась в раздумье, руки и палка были опять за спиной. Проходя мимо бревен, сваленных тут же возле покосившегося, бездействующего колодца,* он машинально присаживался, закидывал ногу на ногу и поспешно строчил, вдруг останавливался, не отрывая карандаша от бумаги, и немного подумав, продолжал строчить дальше.

Вернувшись с прогулки, Б.Н. торопился поскорее разобраться в «добыче», т.е. присесть к столу и «разнести» записи из тетрадей по рубрикам, — сделать это еще «по горячим следам», так как через несколько дней вряд ли мог бы и сам разобраться в своих «иероглифах». Чтобы не спутаться, он перечеркивал в тетради те странички,

* Этот колодезь попал тоже в «Маски» вместе с другим кучинским инвентарем: «Колодезек, но без воды, ехал набок года, принижаясь вышкой, как часовой, задремавший с ружьем и обнюханный кошкою» (15). Около этого колодца, на припеке, грелся всегда наш черный кот Мишка.

которые уже были переписаны в рубрики. А когда вся тетрадка кончалась, он отдавал ее мне «на сожжение» или сам бросал в горящую печку, — как раз в эти часы, — между пятью и шестью — у нас кончалась топка печей.

Таким образом, эта ранняя стадия его работы не оставила за собой никаких внешних следов, кроме случайно сохранившейся у меня записи на обороте листка с зарисовкой Велес-Непещевича. В черновиках «Масок» я не нашла ни одной из этих тетрадей, а во время писания первого тома «Москвы» их вообще еще не было.

Разнося по рубрикам добытые на прогулках «уловы», Б.Н. иногда отрывался, окликал меня и, не вставая с места, прочитывал что-нибудь особенно интересное, забавное или смешное, причем сам весело смеялся своим выдумкам. А когда оканчивал всю порцию, то выходил в мою комнату, садился в свой уголок у окна и еще раз перечитывал все, что «поймалось». Это были, большей частью, короткие характеристики лиц, их отдельные жесты, мимика, позы, костюмы, привычки, словечки, куски разговоров, зачатки отрывочных сенок, ландшафты природы, картинки городской, уличной и переулочной жизни, домашнего быта и проч.

Выходя на прогулку, Б.Н. ставил себе какое-нибудь задание: — «Сегодня буду подстреливать Пжевжепанского». — Или: — «Должен во что бы то ни стало заполучить Никанора. Вечером предстоит писать сценку с ним в доме у Тителевых, а материала нужного нет».

Писание сенок было вечерней работой. Б.Н. усаживался за нее после послеобеденного отдыха и вечернего чая, часов в 10, а иногда и в 11, так как «чайные» разговоры обыкновенно затягивались. Он оживленно рассказывал что-нибудь или в связи с романом, или о прочитанном, или просто из своих неисчерпаемых воспоминаний. Иногда эта вечерняя работа останавливалась из-за отсутствия материала, который не мог быть собран по причинам, не зависевшим от Б.Н. Например, по плану он должен был писать теперь о метели. Но метели, и притом такой имен-

но, какой хотел здесь Б.Н., — такой чтобы задувала и сыпала *сверху*, а не винтила бы снизу, — такой нужной метели все не случалось. Но Б.Н. не отступал. Временно переходил на другую работу и упорно ждал появления «необходимой природы».

— «Из головы так не придумаю, как увижу глазами. Мне без метели зарез!» — возражал он горячо, когда я говорила, что он и так уже хорошо знает метель и столько раз ее описывал: — «Знаю-то знаю, — продолжал он настаивать, — но знаю не так. *В этом контексте* еще я метели *не знаю*. И пока не увижу, все равно не стану писать. Как ты не понимаешь... Вот Петров-Водкин не зря говорил, что видеть нужно умеючи. Смотрю в одном разрезе и вижу одно. В другом же разрезе увижу я нечто другое. Нет, мне без метели зарез!»

Он подробно рассказывал, что значит в его понимании *увидеть*. И в подтверждение прочитывал отрывки из своих книг, особенно из «На рубеже». Он находил необыкновенно удачным выражение Петрова-Водкина — «наука видеть».⁴⁹ И в «На рубеже» подробно говорит о том, как бессознательно учился этой «науке» всегда, начиная с самого раннего детства. В первых же играх он уже перекладывал на свой лад — видел по-своему — все окружающее, как бы стилизовал его. В 15-16 лет эти «стилизионные игры» вышли из детских пределов и приняли уже отчасти философский характер, особенно под влиянием впервые тогда прочитанного Шопенгауэра. Начались своеобразные «практические упражнения» по усвоению этой системы. Они заключались в особом созерцании картин природы, предметов быта, людей. — «Я учился, — пишет Б.Н., — в природе видеть...идеи; я созерцал дома и простые предметы быта, учась «увидеть» их вне воли, незаинтересованно; эти практические упражнения...позднее вылились просто в наблюдательность, в зарисование эскизов с природы и в подыскивание метафор, схватывающих ту или иную наблюденную особенность; я...вглядывался в закаты: скоро я стал «спецом» оттенков: туч, зорь, неба; я изучал эти

оттенки: по часам дня, по временам года; и этим изучением набил себе писательскую руку, что сказало в последствии» («На рубеже», 352).⁵⁰

В этих упражнениях-играх, целью которых было, в сущности, стремление овладеть тем, что Петров-Водкин гораздо позднее назвал «наукою видеть», Б.Н. усматривал также корни своего символизма. Там же в «На рубеже» он писал: «В годах я непрестанно символизировал; и доходил до большего и большего совершенства реализовать мои символы... и обратно: символы мои ищут себе натуралистической подкладки. И когда я, через несколько лет задумываюсь о символе, то мне ясно, что символ — триада, где символический образ — конкретный синтез, где теза — предмет природы, а антитеза — сюжетный смысл: мне нечего сочинять символизм, когда у меня многолетний опыт игры и ряд упражнений в символизации» («На рубеже», 224-225).

И вот так упорно ожидаемая метель была для Б.Н. тем необходимым предметом природы, без которого он не мог теперь двигаться дальше.

Он различал в метели три несходные вида. Если вчитаться в метельные сценки «Масок», то можно заметить эти оттенки. Для наглядности приведу три разные картинки метели, сложенные мною из отдельных строчек романа. Из них видно также, что разумел Б.Н., когда настаивал, что должен увидеть в контексте и увиденное взять как тезу, провести ее через антитезу сюжета и подать затем в конкретном синтезе художественно построенного образа.

Вот эти картинки: *Метель низовая*: «И гонит, и воет, обхватом качаясь, чтоб *взвиться* со всем, что ни есть, на земле (270). Юркий вьюнок, *возносясь*, разрываясь, — сквозной синусоидой ширится: — синие линии вьются и крутятся (203). За окошком *взвилась* шелестящая мантия нежно серебряным просверком (210). Визгливые нежити, руки *взвивая*... безглаво неслись» (255). *Метель верховая*: «Вьюга пустилась по колям забора, как стая несытых смертей (195). И громокатный удар *тарарахнул* по крыше (210).

Кто-то ударил из воздуха — воздухом — в воздух (216). И — *растоптывал* ветер железную крышу (254). И — *ухнуло с неба*. *Низринулась* снегом на снег, промелькавши... на бледном, оранжевом домике, бледная девочка... дергаясь в черч размахавшихся веток, чтоб *спинкой разбиться* об острый сугроб; и ее пропорола ворона летящая... вслед прочесала свистящими космами баба хрипящая: снегом упала, как скатерть, на снег» (210).

В эту минуту к Тителевым как раз входит мадам Тигроватко, которая по роману, кружит над Лизашей, как черная злая ворона. У Б.Н. природа всегда лейтмотив оркестровый, звук которого дополняет то, что происходит на сцене. И когда Тигроватко уходит от Тителевых, то в природе дается тема грустящей Лизаши: «Снежиночки, бледные цветики, падали, плача: все — минуло; все — прожитое» (215). *Метель круговая*: «Запырскало (248). Серебрèи *заряли* (258). Взапуски пурговичи бесятся (278). Кипнем кипит, дрожит, дышит, визжит, извивается... *высочил* карий карниз (255), крыша синего домика» (256). Сквозь «*танцующий* снег» промаячили «призраки дальних квадратов — и белых, и желтых, и кремowych (258) ... Порх, перемельк: ничего; перепырснулось все» (201).

Если в иных случаях натура заставляла себя ждать, то в других она «не терпела никаких отлагательств». Бывало так, что Б.Н. спешно глотал утренний чай, то и дело срываясь к окну, проливал, обжигаясь, и взволнованно сетовал, что вот, вовремя не разбудили. На самом же деле он встал не позже обычного, а с вечера совсем не просил себя разбудить. Но теперь, в невероятном волнении и спехе, он ни о чем уже не помнил и все рвался к окну: — «Смотри, смотри — иней... И *такой* именно! Розовый!* А я, как нарочно, проспал... Не успею, пожалуй. Погаснет... Все облетит... Вот, вот. Ветер поднялся... Так я и знал. Конечно! Жди теперь месяц... А может и за всю зиму такого не будет...»

* С этого инея, в этот именно день — он хорошо мне запомнился — списан весь розовый иней для «Масок» и списан также «снег как цвет миндалей» (279-281).

И бросив расплесканный, недопитый стакан, не слушая моих уверений, что никакого ветра нет, что деревья стоят неподвижно, Б.Н. стремительно одевался, хватал, не глядя, шапку, кашне, палку, перчатки и через минуту был уже за дверью.

Стоял сильный мороз, градусов 28-30. Записывать было невыносимо. Б.Н., взмахивая палкой, направился было к калитке. Но вдруг поднял голову и — замер. Потом опрометью кинулся назад к окнам. Принялся, что есть силы, стучать и махать мне руками, вызывая к себе: скорее, скорее, скорее!

Я боялась мороза. Но разве могла ему в чем-нибудь отказать? Когда же вышла и мы вместе отправились на откос, о морозе я больше не думала. Слишком прекрасен был бирюзово-серебряный сон деревьев и неба, слишком нежная ласка в жемчужной, опалово-розовой сказке снегов.

Вот как запечатлелась «натура» этого дня в строчках «Масок»: «Снег, как цвет миндалей... Мягкими метами бледный фонтан за фонтаном под бледное небо взлетевши, стал инеем; роща березовая появилась из света сапфирового, точно кружево: снилась... И веялись инеи в синие тени...(279). Показал ей на сон бирюзовый (281). И шарчил в черч ветвей — на прозор заревой: через розовый иней. Как шапки миндальных цветов, возникала за дальними купами купа лесная; и лес над лесочком висел, точно в небе — дымящим облаком» (283).

От мороза все как-то странно затихло. И свет розоватый разливался от солнца, небольшого и круглого, без лучей, в перламутровой дымке. — Затаили дыхание. Шли, как во сне. Но сон был сильнее всякой яви.

Вскоре я ощутила, что не вмещаю, что больше не могу воспринимать. Для меня всегда наступал предел, была какая-то точка вместимости, дальше которой уже я не шла, переставала что-нибудь видеть и должна была прервать поток впечатлений. У Б.Н. способность воспринимать была безгранична. Она не исчерпывалась, а напротив, росла. И теперь он увлекал меня дальше и дальше, показывал то

одно, то другое. И сам, казалось, смотрел сразу тысячью глаз. Отговорившись морозом — что было верно отчасти — я вернулась домой. А он еще долго, долго ходил. Свет за окнами начал алеть, когда он, наконец, появился.

Бывало нередко и так, что Б.Н. приносил «с охоты» не то, что задумывал. Тогда, входя в комнату, он громко оповещал: — «Вот, думал поймать Тигроватку, а выскочил лорд Моббз и Антанта...» Или: — «Рассчитывал, что пойдет Пэпэш-Довлиаш, а свернуло на Тер-Препопанца». Или: «Устремил все усилия на Киерко, а наперерез полетел Никанор. Так и не мог отбояриться».

Кроме этих разнообразных, но однородных «уловов», добываемых на прогулках, был еще один, о котором нужно, но трудно сказать. Он занимал совсем особое место. Б.Н. называл это кратко: «звучания».

После того, как он несколько раз употребил это слово, я спросила его, что это значит: «звучания?» Он рассказал, но при этом только описывал самое переживание, а «природы» его, т.е. сущности, не вскрывал. Он говорил лишь, что переживание это не имеет прямого касания к *мысли*, но все-таки «иррациональным путем», где-то внутри, на очень большой глубине оно пересекается с тем, что можно назвать творческой, т.е. волевой, мыслью. Однако, эта связь не прямая, а как бы преломленная в какой-то среде. Переживание это наступает обычно не сразу, а лишь в разгаре работы, когда мысли, или вернее — сознание, после долгих усилий в поисках ритма, образа и т.д., вдруг будто срывается с места и мчится расплавленным бурным потоком. Тогда уже ты не владеешь этим потоком, а он мчит тебя куда и как хочет.

В этом «расплавленном» состоянии открывается многое, неожиданное, недоступное для сознания каждого дня, которое — даже в художнике — «темперировано» всем навыком воспитания, привычек к жизни.

Тогда-то во время своих прогулок Б.Н. начинал слышать своеобразные, ритмично-напевные звуки, как будто мотивы или музыкальные темы. Они наплывали из дали рит-

мичными, легкими волнами, неслись, трепеща, близко, близко, как ласточки мимо самых ушей. И уносились вновь вдаль, там растворяясь и как бы угасая. Содержание этих звучаний было в основе своей музыкально. В момент появления оно не разрывалось в слова и пролетало лишь в быстрых изменчивых ритмах. Требовалось огромное и мгновенное усилие *воли*, чтобы успеть вслушаться, схватить смысл этих стремительных звуков и каким-то необъяснимым путем тут же перевести их на слова.

Б.Н. говорил: — «Стоит выставить ухо, и уже запеваает, поет... Звенит и лепечет: журчит и струится, словно сказку нашептывает. А о чем и к чему — не пойму». И добавлял всегда, что тут нельзя терять ни минуты. Звучания мчатся с такой быстротой, что нужно немедленно собраться, сосредоточиться. Иначе все улетит и исчезнет бесследно для памяти, не отразившись в словах.

Звучания слышались и не на прогулках. Они настигали порой в момент засыпания. Или ночью будили среди сна. Или — реже всего — раздавались при пробуждении утром. Для всех этих случаев на ночном столике Б.Н. лежал карандаш и бумага, чтобы в любую минуту он мог записать.*

Повторяю, что Б.Н. лишь отмечал в себе эту способность, как факт, как явление, которое он наблюдал, но не давал ему объяснений. Скорее всего это можно было бы назвать *мышлением в звуках*, так как ткань пролетающих ритмов — по словам Б.Н. — больше всего походила на «музыкально ожившую мысль».**⁵¹

Когда Б.Н. приносил с собой такие «уловы», то он записывал их на отдельных листках, не занося сперва ни в какую определенную рубрику. Рубрики «звучания» тоже не было. Это были прекрасные, главным образом грустно-нежные речитативы, напоминающие былинно-песенный сказ. Он и читал их особенно — почти напевая, задушевно и мягко, с какой-то сердечной теплотой. Ритм и мелодия

* О подобном же переживании рассказывает Гете в *Wahrheit und Dichtung*, 4. Teil, 16. Buch, S. 221. Berlin, 1878.

** Для Б.Н. мысль и музыка всегда были внутренне связаны.

выступали отчетливо, а слова едва намечались, как легкие, не закрепленные формы.

Может быть, так пели когда-то баяны и барды. Может быть, так нужно «пропеть» Слово о полку Игореве, которое Б.Н. так высоко ценил и которое звучало в нем, как лейтмотив глубочайший, когда он писал первую редакцию первой главы «Масок» в 1928 году.⁵²

Мне лишь смутно запомнилось то, что Б.Н. относил в своих записках к разряду звучаний. Просматривая черновик «Масок», я искала там этих записей. Но находила лишь более поздние переработки, уже измененные включением сюжетного материала. А между тем в первый раз Б.Н. прочитывал их безотносительно к тексту, к сюжету, в том именно виде, как только что сам их услышал. И «записал просто на случай: вдруг пригодятся!» И еще потому, что — «Как-никак — любопытно! Откуда такое: ни с того, ни с сего?»

Помню также, что записи эти иногда очень долго не находили себе применения. Они не были прямо связаны с тканью романа, не включались ни в одну из намеченных сценок. Сам Б.Н. не мог в ту минуту сказать, «войдут ли куда-нибудь эти напевы или так и останутся праздно пылеть среди залежей».

Когда я взяла теперь «Маски» и пыталась узнать эти строчки, то увидела, что это непросто. Они рассыпаны по всему тексту, и появляются в разных местах, как одно, два-три слова, тесно впаянные в общий план композиции, слитые со звуком и образом, уже подчиненные сюжету. Сперва мне казалось, что я узнаю: вот, вот оно! *То* звучание! Но тотчас же убеждалась, что нет, совсем не то. Там не было этой конкретности, этих деталей. Проходила лишь музыкальная тема, ряд ритмично построенных звуков; и даже почти не было образа. Я различаю их, слышу в иных местах. Но они лежат так глубоко, как основа, несущая текст. Указать ее, вынуть обратно слова — невозможно. Это мог бы сделать только сам Б.Н. Я же могу наметить отдельные строчки, в основе которых мне

слышатся эти звучания.*

Вот иные из них:

«Ночь исчезает из ночи, в которой сияет звезда» (132); «Ночь, уронивши... две черных руки и звездой переливную капнув... сжимала в объятиях [домик] как мать» (352). Казалось:** «огромная, черная женщина, павши на землю, сейчас распрямится, — и — перерезая вселенную, руки свои заломивши... чашу с сияющей ценностью, черною орбитою в дали кубовые... перенесет» (352-353). «Ночь... слепцово безóчье, — разорвана в клочья» (50). «О, переполненное, точно вогнутый невод, звездой, — несвободное, обременное небо! О, — то же звездение: праздное» (364). «Звезды, — зернистые искры, метаемые, как икра, как-то зря, — этой рыбой — вселенной» (365).

«... Вывизги рыва планеты швыряемой» (353). «Успокойся, душа моя, что тебя нет в том, чего тоже нет... что — с бесполезной жестокостью больно катаемое и усталое сердце — разрывчато бьется. Ты ищешь чего же, душа моя, и ты чего надрываешься?» (354)

«... Снежиночки, бледные цветики, падали, плача: все — минуло; все — прожитое» (215).

«Топазовый глаз, налил, как слезой, своим блеском. Слеза пролилась. И топазовый глаз —...: гас» (287-288).

Б.Н. не любил в себе этой «текучей, расплавленной стадии»: слишком трудно с ней жить. И когда она наступала, он казался почти больным. Но избежать ее, не допустить в себе — он не мог. Для определенного момента работы стадия эта была даже необходима. Все что написано или сделано до нее, не вполне еще относимо, — говорил он, —

* Во всей художественной прозе Б.Н., а иногда и в стихах я слышу теперь следы этих звучаний по какому-то неуловимому признаку. Иногда он ставит их в кавычки, выносит с красной строки, — в стихах и «Симфониях». Иногда дает в тексте — «Петербург», «Серебряный голубь» и другие романы. Но всегда они пересекают словесную ткань, точно опускаясь из какого-то «четвертого» измерения.

** Вместо «казалось» звучит в моей памяти другое какое-то слово. Может быть «ночь», а может быть еще что-нибудь. В цитатах я опускаю или даю в прямых скобках (чтобы сохранить ритм) иные слова, которые помнятся мне, как внесенные после. Расстановку я тоже не соблюдаю.

к собственной сфере творчества. Только с нее начинается то погружение в глубину, тот непостижимый процесс, который так широко и неопределенно называется творчеством. Здесь проходит как бы черта разделения между теми, кто так или иначе знает в себе эту текучую стадию, и теми, для кого она внутренне совсем неизвестна. — «Искусство есть жертва в самом прямом и реальнейшем смысле. Без всяких там „так сказать“ это — отдача собственной плоти и крови. Путь художника очень суров. Он требует всех соков жизни». Эти слова я слышала много раз, когда после безумных дней фактически непрерывной работы, Б.Н. вдруг сваливался. Разбитый жестокой мигренью, он лежал побледневший и тихий, с головой, туго стянутой смоченным в холодной воде полотенцем.

Состояние «расплавленной стадии» он называл еще «субъективно мучительным и объективно опасным» и пояснял как бы в свое оправдание: — «Вот если теперь что-нибудь сдернет с работы, то может последовать взрыв. Могу заболеть не на шутку. Теперь уже нельзя тормозить. Нельзя сказать „стой“ на полном ходу... Перекалечит. Напорище эдакий нелегко удержать... Вот почему я иду на художественное раз в пять-семь лет. И то зарекаюсь: впредь не писать».

Но возвращаюсь к работе Б.Н.

Когда в рубриках набиралось достаточно материала, Б.Н. переходил к составлению отрывка или сценки. Для этого он сперва «отрабатывал» рубрики. Отрабатывал — это значит из вороха разноформатных листов отбирал себе нужные рубрики, просматривал их, делал сбоку цветными карандашами пометки в виде букв, цифр (арабских и римских), звездочек, ромбов, квадратов и других, порою очень своеобразных значков.

Называя свою манеру писать «мозаичной», Б.Н. был прав. Иначе ее и нельзя было назвать. После его «отработки» листы рукописи порою действительно напоминали цветную мозаику, или скорей причудливый хаос пестрых осколков, приготовленных для составления мозаичной

картины. Из этих осколков, т.е. из отчеркнутых и помеченных сбоку цитат, Б.Н. начинал складывать текст. Для этого он перелистывал рубрики вперед и назад, отыскивая нужные цитаты по памяти и выписывал их на отдельном листе, так что они сливались в один общий «контекст». Для трудных, т.е. более сложных по составу отрывков он набрасывал предварительно еще контрапункт, т.е. подробный план, в значках или цифрах и буквах, иногда на отдельном листе, например, л. 216-221,* а иногда на заготовленном раньше плане отрывка или сценки, — например, л. 352. В таком случае он отыскивал цитаты не по памяти, а по этому «контрапункту».

Но переписка цитат из рубрик, разумеется, не была механическим списыванием. Многое тут же на ходу изменялось. Иногда бралась только часть фразы, — начало, конец, середина. Иногда несколько слов, иногда даже только тема или образ. Основная работа заключалась в расположении и во внутренней спайке всех этих мелких штрихов. Ее-то и называл Б.Н. «мозаикой».

Так возникал предчерновик или полурубрика, или полурубрика-полу-уже предчерновик (лл. 192, 193). Названия эти я слышала постоянно, но только сам Б.Н. мог бы указать, по каким признакам применяет он их к данному листу.

Лишь после того, как текст был таким образом составлен из мозаичинок-цитат, начиналась дальнейшая работа над стилем в собственном смысле. Новые исправления, новая переписка. Новый ворох листов. Отработанные, т.е. использованные куски в рубриках Б.Н. зачеркивал одной чертой — например, л.л.153, 154.

Когда намеченные сценки были написаны и собранный в рубриках материал «в достаточной мере исчерпан», Б.Н. опять просматривал рубрики. Одни из них он откладывал в сторону, как ненужные вовсе или как ненужные в ближайшие дни. Намечал вместо них ряды новых рубрик, необходимых для новых задач. До самого конца работы

* См. рукопись «Масок» в ГЛМ.

рубрики все умножались. Передвижение их продолжалось, усложнялись цветные пометки. «Лаборатория» неудержимо росла. «Кухня» развертывалась. И бесконечное количество раз повторялся один и тот же процесс: сперва набор материала для рубрик, потом отработка, потом написание отрывков и, наконец, неоднократные стилистические исправления. Так на всем протяжении романа: кусок за куском, от порции к порции. — «Упорный и кропотливый труд», — сетовал на себя же Б.Н.

В редких случаях для написания сценки Б.Н. или совсем не прибегал к рубрикам, или только освежал их содержание в памяти и писал потом «из головы», очень простым, даже наивным языком, — как он называл — «языком Златовратского». В таких случаях он всегда говорил: — «Иду заготавливать тесто».

Через некоторое время появлялся с листами и улыбаясь прочитывал вслух. Когда же написанное казалось ему уж слишком «бесстрашно наивным», он хохотал над собою до слез и сквозь смех едва выговаривал: — «Вот ведь, умею же просто писать. Все понятно: он сказал, она встала, профессор вошел. Послушали бы на что Андрей Белый способен!... Ха-ха-ха!... Ведь вот же — по-человечески пишет... Молодец!... Взялся за ум» — и опять, опять заливался. Вскакивал и с вызовом, подперевшись одною рукою, другою с листом бумаги помахивал в воздухе, будто дразнил «чей-то невидимый нос, который так и не понюхает соблазнительной ясности строчек».*

Передохнув, он делался сразу серьезным: — «Ну, а теперь пойду раскатывать тесто. Горбатого только могила исправит. Увидишь сама...» Вместо «раскатывать тесто» он говорил иногда «прошивать звуковые узоры» или «перекраивать цельный отрез». Себя в таком случае называл то

* Сколько я ни искала, до сих пор не могла найти в черновиках «Масок» этих кусков, написанных «языком Златовратского». Вероятно, они сожжены вместе с заготовками для рубрик. Мне кажется вообще, что черновик этот неполный. Б.Н. не только не хранил, но иногда сознательно уничтожал следы своей работы, например, черновые варианты стихов. Об этом я пишу в главе «Стихи».

закройщиком, то портным. Эта вторая редакция, в которую проплеталось теперь содержание рубрик и производились всевозможные перестановки, была уже неузнаваема. «Златовратский» исчезал без следа. Из «благодушного теста» вытарачивал будто иглистый ежик, а над ним перепрыгивал солнечный зайчик. Такое впечатление было у меня, когда я слушала теперь чтение Б.Н. Ежик и зайчик сливались в одно в ткани ритмической прозы «неисправимого Белого».

Но для Б.Н. все было мало. Для него только после третьей редакции начинало проступать «первое очертание» того, что он находил «мало-мальски пригодным» и что после четвертой, а иногда и пятой и шестой переписки признавал, наконец, «готовым к печати».

Легко представить себе, во что превращались листы за-грунтовочных рубрик после того, как было написано несколько сценок. Каждый просмотр оставлял за собою следы. Кроме разноцветных пометок прибавлялись еще надставки и вставки, приписки сбоку и поперек, переносы, дополнительные заметки на отдельных клочках, подчерки, отчерки и вычерки. Я уже говорила, что отработанные места Б.Н. перечеркивал, чтобы в будущем они не мешали. Но второпях то недочеркивал, то захватывал по еще неотработанному. Впрочем, последнее редко случалось: Б.Н. был здесь как-то инстинктивно внимателен и почти всегда вычеркивал точно. Неправильный вычерк вел к слишком серьезным последствиям и означал почти верную гибель цитаты. При дальнейших просмотрах он очень редко читал содержание и ограничивался лишь беглым оглядом быстро мелькавших листов, которые он переворачивал почти не глядя и тотчас же отбрасывал в сторону, приговаривая полушепотом: «Не тот, не тот, не тот... Ах, вот он...»

От многократных просмотров и перекладываний тонкая бумага мялась, рвалась, карандашная запись стиралась (рубрики Б.Н. почти всегда писал карандашом), страницы сливались в неразличимую «тусклую серь». Б.Н. жаловался, что слепнет над своими черновиками.

По окончании каждой большой главы (вернее, части) он устраивал еще «генеральный смотр своим командным частям», т.е. делал разбор накопившихся материалов и распределял их по новому для будущих целей. На перераскладку и сортировку уходил целый день.

Вначале, когда я еще не до конца знала рабочие навыки Б.Н., я по неопытности надеялась, что после такого просмотра количество бумаг уменьшится. Меньше бумаг — меньше потерь — была моя тайная мысль. Но в первый же раз поняла, что жестоко ошибаюсь. «Хозяйство» не только не убывало, но еще увеличивалось. Правда, две-три до конца исчерпанные рубрики убирались в далекую папку, но зато вместо них, и в гораздо большем числе, появлялись новые и вместе с остатками прежних наборов вводились в работу, или — по словам Б.Н. — «поступали на текущий счет».

Во время этих обзоров Б.Н. еще раз все продумывал, учитывал — что уже сделано, что еще остается доделать, на что обратить внимание в первую очередь, с чем можно повременить. Он действительно напоминал тогда полководца, который после проведенных боев готовится к новому бою. Развороченные папки, тетради, листы были разбросаны в комнатах, занимали столы, кушетку, постель. Заполняли каждый свободный вершок, сползали и на пол. Б.Н. шагал через них — от кушетки к столу, от стола к чемоданам, от чемоданов к круглому столику, к стульям, снова к столу. Наклонялся, ворошил, что-то разглядывал, делал отметку и отходил: ворошить и разглядывать в другом месте. Или же застывал на мгновение, — выпрямившись — среди этого хаоса. Обводил его зорким, на что-то нацеленным глазом. Постояв, неожиданно быстро протягивал руку. Уверенным, легким движением вынимал будто первый попавшийся лист и, почти не взглянув на него, относил в один из далеких портфелей с определенным набором.

После такого просмотра в «лаборатории» Б.Н. на время водворялся идеальный порядок. Обтертые от пыли, завя-

занные папки аккуратно лежали одна на другой, бумаги не сыпались веером из вздутых обложек. Карандаши и ручки вставлялись в предназначенный для них деревянный бокал. Под чернильницу была положена «подстилка», чтобы предохранить скатерть от клякс. Резинка, перочинный нож, разрезалка чинно лежали между чернильницей и бокалом.

Все это Б.Н. делал сам и теперь был очень доволен. Он чувствовал всегда «тяготение» к порядку, не любил пылей и пыльных завалей, говоря, что они «одним своим видом свергают его в неврастению». В главе «Контрапункт» я уже рассказала, что жить в пыльной, неприбранной комнате Б.Н. считал вредным не только физически, но и морально. Упоминания о паутине, грязи и затхлых запахах в книгах его не случайны.

Первые дни он заботливо помнил еще о порядке и старался его поддержать. Кончая дневную работу, старательно вкладывал рукопись в определенные папки, аккуратно сносил в специальную коробку «привходящие документы», — полученные письма, повестки и пр. Убирал со стола на книжную полку лишние тетради и книги. Говорил, что это тяготение к размеренности и системе он унаследовал от отца, что и сам он «по природе педант и в глубине души любит, чтобы все шло раз заведенным порядком». Беспорядок и беспорядочность вообще он допускал лишь как «неизбежное в рабочей сумятице зло». И «в меру сил» с этим злом он боролся. Но отвлекала работа. Такую «роскошь», как ежедневная уборка наваленных на столе материалов, он мог позволить себе только в начале работы, пока еще не дошло до «раскала». Но начинался раскал, и кончалось с порядком. Б.Н. жил тогда как во сне в отношении всего, что извне окружало, — и людей, и вещей.

Кроме очередных по работе разборов были еще так называемые праздничные перерывы, которые он объявлял, — не всегда связывая их с внешними праздниками, — чтобы дать себе отдых. Отдых начинался с того, что Б.Н. посвящал несколько часов или с утра до обеда, или после ве-

черного чая до ужина, уже не просто уборке, но «убранству» стола. Стерев пыль и отряхнув скатерть, он покрывал стол цветной бумагой, обертывал в ту же бумагу настольные книги и папки. Сочетание цветов было строго продумано. Получались гаммы оттенков: фиолетово-синее с темно-вишневым, или коричнево-золотое с оранжевым и терракотовым, или бирюзовое с серебряным, красное алое с белым и с кремовым. После многодневных сидений над чернильными и карандашными строчками он чувствовал потребность в контрасте — необходимость отдохнуть на цветном: «омыть струями красок карандашную грязь, которая слепит глаза и засоряет сознание».

М.А. Чехов, который посетил однажды Б.Н. в Кучине, обратил внимание на «изошренное цветное убранство стола». ⁵³ Б.Н. рассказал в чем дело. М.А. был сочувственно заинтересован. И вскоре же в Кучине появились «роскошные свитки» блестящей картонной бумаги — золотой, серебряной, бронзовой, зеленоватой. Это были остатки от картонных макетов «Гамлета», который как раз тогда готовили к постановке во МХАТ'е. ⁵⁴

Все это мелочи. И, может быть, о них не стоило бы говорить так подробно. Но я вспоминаю, как горячо Б.Н. переживал эти мелочи, как он страдал от «пылей», с какой тщательностью производил «очищение своих авгиевых конюшен», как радовался, когда разукрасивши стол, иногда даже стены, усталый, запыхавшийся, но очень довольный, он усаживался в свое кресло и, улыбаясь, оглядывал комнату. Любовался тем, как сразу вдруг все посветлело и «помилело» и как уютно стало водиться в такой «веселой, ласковой комнате».

Но проходил «праздник», раскладывалась опять рукопись, появлялись на свет из-под пестрых покрывшек черновики. И «убранство» слетало, как пыльца с крыльев бабочки. После слабых попыток удержать хотя бы «призрак» порядка, Б.Н., махнув рукой, отдавался течению.

Тогда наступало еще особого рода «страдание» от нескончаемых поисков, неустранимых потерь и катастрофи-

ческой путаницы. При таком методе работы, который изобрел для себя Б.Н., поиски, потери и путаница были почти неизбежны. На «текущем счету» его находилось шесть-семь переполненных черновиками и беловыми переписками папок, а рубрик не менее пятнадцати-двадцати. Под конец же их просто нельзя было бы сосчитать, так как они теряли уже всякие очертания. К ним присоединялись еще сводные, перекрестные, дополнительные, промежуточные, смежные, предположительные и т.д. Все эти названия постоянно звучали в устах Б.Н., но мне в голову не приходило спросить, какие именно записи он понимает в том или ином случае. Это была такая мелочь по сравнению с тем живым и огромным, что шло от него.

Напомню еще раз, как протекал у Б.Н. процесс его «мозаичного» построения текста. Он задумывал, например, писать отрывок десятый для сценки второй. Говорю это условно. Может быть, для себя он называл и наоборот: сценка десятая для отрывка второго. Тогда он просматривал рубрики и искал в них пометку 10/2. К этой пометке присоединялось иногда еще буквенное обозначение лица, темы, или порядка включения, например, — Н 10(2), что означало: Никанор, отрывок 10, сценка 2. Или: В 10(2), т.е. Война, отрывок 10, сценка 2. Или: А 10(2), Б 10(2). Это значило, что цитаты, помеченные буквой А, составляют особую группу, которую нужно собрать и выделить в первую очередь для отрывка 10 сценки 2. Если А было уже занято, то такую первую группу могли составлять и цитаты под буквами Д, Х и т.д., так что алфавитный порядок не имел здесь значения. Но благодаря тому, что в сценке действовало несколько лиц и сплеталось, по большей части, несколько тем, то и обозначений, т.е. букв, цифр и других значков было много, и располагались они самым различным образом. Могло быть и так, например, что цифра оказывалась впереди, а буква уходила в скобки. Тогда Б.Н. отмечал: 10 (в), 10 (с) или 10 (а) или еще как-нибудь. Что это значит — я по памяти и по догадке не всегда могу сказать.

Понятно, что при такой сложной системе и при манере Б.Н., производя набор цитат, не прочитывать, а только бегло оглядывать листы, для потерь и путаницы открывалось широкое поле возможностей. Случайного движения руки было достаточно, чтобы «навечно угробить нужную до зарезу цитату»: отбросил налево, куда летело ненужное, вместо того, чтобы положить направо или перегнул не так лист, закрывши условный значок, — и кончено. Шли долгие поиски. Неслись вскрики отчаяния. Взлетал вихрь бумаг и бумажек. Мы оба изнемогали. Б.Н. бросался туда и сюда: — «Что же мне делать! Иначе я не умею работать. Ведь не для забавы же выдумал я себе этот мозаичный прием... При такой системе мне нужно по крайней мере четыре стола. А в эдакой тесноте...» — и он с негодованием выбрасывал руки, чтобы продемонстрировать тесноту. Ударялся с размаха одною рукою о спинку кровати, другою о стол. Груда папок с грохотом рушилась на пол. Он лихорадочно кидался ее подбирать и присев на полу, ожесточенно боролся с россыпью бумажных обрывков и расхлопнутых папок. — «Вот, вот, исчез... Пиши пропало! Не тот, я же вижу — не тот...» — он вскакивал и потрясал измятым листом: «Видишь сама: тот был с оторванным боком и в левом углу зеленым карандашом было помечено: вставка икс прим...» Или: — «Не тот! Там посередине было пятно от стакана...» Из аккуратности Б.Н. никогда не ставил стакан прямо на скатерть. А так как прихлебывая чай во время работы, он не всегда мог найти блюдце, часто тонувшее в груде бумаг, то предпочитал подкладывать под стакан первый попавшийся лист. В его материалах осталось не одно такое пятно.

Сперва я думала, что Б.Н. запоминает только некоторые, чем-нибудь замечательные листы. Но потом убедилась, что это не так. Зрительная память его была феноменальна. Он действительно помнил по внешнему виду чуть ли не каждый невзрачный клочок. Помнил форму, формат, цветочные разметки. Помнил даже направление строк: прямо, наискось, «перебойными вставками» или столбцами. Все

называлось безошибочно. А между тем черновики «Масок» — это рукопись не меньше, чем в полторы тысячи страниц.

Чаще всего исчезнувшая цитата находилась где-нибудь в неожиданном «незаконном» месте, куда была сунута им второпях и забыта: в словаре Даля, в чистовых листах рукописи, или в виде закладки в книге для чтения, или еще на столе в моей комнате. Но это открывалось не сразу. А тем временем Б.Н., решивший, что «пропажа бесследна», писал заново и — «конечно же хуже, чем было задумано», как он с досадою уверял.

Роковым для всякого рода потерь были внезапные посещения, «налеты» из города людей, не предупредивших о своем приезде. Когда в неожиданный час, в разгаре работы, в дверь просовывалась голова нашей хозяйки Елизаветы Трофимовны и раздавалось произносимое ее хрипаватым баском злосчастное: — «Б.Н., вас спрашивают», — он испуганно вскрикивал: — «Ай...!» И в те две-три минуты, пока гость раздевался, спешил поскорее убрать со стола свои папки. Он не мог вести разговоров над рукописью, в которой «чернила еще не успели просохнуть». Рукопись была для него не механической строчкой черным по белому, а чем-то реально живым, куском его плоти и крови.

Другая причина, по которой Б.Н. избегал оставлять рукопись разложенной на столе, было — вполне основательное — опасение, что «все утечет в неизвестность», смахнется им же самим, когда он переключится на гостя и забудет о рукописи. Тревожно повернув голову в сторону двери, прислушиваясь к шагам и голосам в коридоре, Б.Н. поспешно рассовывал бумаги, захлопывал и убирал в сторону папки. Тут-то и совершалось непоправимое. И постоянно бывало, что едва проводив посетителя, который уходил в полном восторге от «яркого разговора», Б.Н. бросался к столу и лихорадочно торопился «уточнить, пока не поздно», что и куда он засунул. Убедившись, что: — «Так и есть... Угробил опять...» — в изнеможении бросался к постели и устало выкрикивал: — «Добились-таки! Сорвали с

работы. А как было пошлó!.. Ведь прошу, умоляю: предупреджайте, давайте условимтесь. Я подготовлюсь. Разложу все спокойно. Нельзя же с налету: я к вам!.. Эдак не выдержишь. Два раза сдернут — и кончено. Главка погибла. Тщательнейше продуманного отрывка не будет. Теперь уже не напишу как хотел... Сколько перекалечено книг из-за людской безответственности... Почему я ни к кому не влетал? Не бежал же к Толстому! Понимал, что не врываються с улицы».

В его голосе слышалось отчаяние. Он действительно страдал от того, что не умеет «толково сказать» о том, как мучительно прерывать живое движение мыслей и образов, когда они «тронулись», не умеет оградить себя от таких перерывов. Многие так до конца и не поняли, что просьба Б.Н.: «Предупреждайте» — не была причудой или капризом «избалованного Белого», что она вызывалась самой горькой необходимостью, так как на опыте слишком хорошо были известны все «бедственные последствия» таких срывов с работы.

И странно, как-то, что не берегли в Б.Н. часто культурные люди, даже близкие знакомые и друзья, горячо чувствовала и охраняла Елизавета Трофимовна, наша кучинская хозяйка. Это была простая, едва грамотная женщина, лет пятидесяти. Когда мы переезжали к ним,⁵⁵ меня беспокоило, как наладятся отношения. Я вспоминала трудности, которые возникали у Б.Н. с иными из интеллигентных хозяек и соквартирантов.

Стараюсь не думать об этом, забыть: косые взгляды, злой шопот, хлопанье двери... Сколько раз заставляла я Б.Н. в неприбранной комнате, над огромной, черной от сажи посудиною, на дне которой бурели застывшие, скользкие комья «чего-то». Б.Н. беспомощно трогал ложкой этот «осклизнувший ужас» и отставлял посудину, не прикоснувшись. Понятно теперь, чего я боялась, когда мы переезжали к новым хозяевам. И тем более удивляюсь я отношению Е.Т.: ее чуткости и доброте. И чувствую к ней нежную благодарность. Правда, к концу нашей кучинской

жизни не все было гладко. Но причины недоразумений были ясны: нервное состояние и болезнь Е.Т., особенно после смерти ее мужа. Все же в памяти отложилось только хорошее. Мы прожили с ней шесть лет. И за все шесть лет — никогда никакой воркотни, ни одной жалобы на капризы, на неудобства, причиняемые ей Б.Н.-чем. Она чему-то однажды поверила в Б.Н., что-то в нем разглядела и потом на все уже откликнулась с готовностью.

Е.Т. принадлежала к числу тех людей, простых, неученых, но с тонкой душой и отзывчивым сердцем, которые воспринимали Б.Н. не головой, не сознанием, а непосредственно, человечески просто, и говорили о нем: — «Он особенный. Не как другие», хотя не могли бы, пожалуй, сказать, в чем эта особенность. В Е.Т. кроме того был какой-то своеобразный размах. Она относилась к Б.Н. как к родному, а одно время, со свойственной ей способностью горячо увлекаться, просто обожала его и с ласковой шуткой, за глаза, в разговорах со мной называла его «наше светило». Кто-то сказал ей, что у нее живет «светило», и это слово ей очень понравилось, хотя она понимала его как-то по-своему, вроде того, как сам Б.Н. понимал в детстве слово «маститость».

«Как узнала Б.Н.-ча, мне жить стало не страшно... Почему это, К.Н.» — шептала она мне, прикрывая рот рукой, чтобы Б.Н. не слышал. — «Всю жизнь все боялась чего-то. А как стали вы у нас жить — не боюсь. Посмотрю на него, и светло, светло в комнате станет. Отчего это? А?... Вот и дедушка мой (муж Е.Т.) его любит. Так и твердит: Б.Н. да Б.Н. А он у меня, сами знаете, с норовом. Другому разве позволил бы снег к карнизу наваливать... А тут ничего: ходит, косится, — молчит...» Это был жгучий вопрос кучинских дней. Б.Н. для утепления делал высокие снежные насыпи по фундаменту до самых окон. А «старик» Николай Емельянович переживал трагедию, что под снегом фундамент в оттепель отсыревает и деревянные стены гниют. И со стороны своих комнат демонстративно отгребал снег от дома. Но насыпей Б.Н. не трогал, хотя, действительно,

проходя мимо них из калитки, каждый раз неодобрительно и косо поглядывал.

Когда мы сжились, Е.Т. доверила нам свою невеселую повесть о том, сколько ей пришлось испытать из-за того, что «старик», который был неверующим, ни за что не хотел венчаться, и она, любя его, пошла на то, чтобы жить с ним необвенчанной. Это был подвиг тогда, в дореволюционное время и в их мешанской среде. Кроме того она рассказывала о некоторых своих восприятиях, странно не отвечавших ее культурному уровню: она удивительно тонко ощущала цвета, ритмы и образы. Тогда мы больше поняли, почему она так привязалась к нам, особенно к Б.Н. Он отвечал ей также полным доверием и открытостью. Вел с нею долгие разговоры, показывал и объяснял свои рисунки и схемы, призывал любоваться на коктейльские и цихис-дзирские камешки, на альбомы с осенними листьями. Она как-то по своему все это понимала. Слушала с жаром, с волнением и восклицала баском: — «А-а...хорошо-о...А мы-то!.. Ничего мы не видим...»

У Б.Н. была удивительная способность делать понятным для людей то, что было выше их понимания. Так, моя мама, знавшая Канта только по «Кругу чтения», не пропускала ни одной лекции из трудного курса Б.Н. по истории философии и говорила, что пока он читает, она — это время — очень хорошо понимает Канта.⁵⁶

Так и Е.Т. Весь стиль нашей жизни, которая протекала у нее на глазах, наши разговоры и интересы, — все это было так далеко от того, к чему она привыкла, что знала и видела до сих пор. И у нее могли бы быть подчас поводы к неудовольствию. В периоды напряженной работы Б.Н.-ча, например, дни и ночи у нас смещались. А от «стариков» (как мы их называли) нас отделяла только тонкая дощатая перегородка, не доходившая до потолка. Слышно было каждое слово, сказанное даже шопотом, каждый шорох и шаг. Мы же часто, — правда, с их разрешения, — вели себя ночью, как днем: говорили, смеялись, Б.Н. читал вслух или рассказывал. Часа в два я подогревала для него ужин,

ходила то в кухню, то из кухни, за одним, за другим. Никогда никаких замечаний.

Иной раз после работы Б.Н. так и не засыпал. Он раздевался, ложился в постель. Тушил даже свет. Но сна не было. Я слышала, как он в темноте беспрестанно ворочается, нащупывает коробочку со спичками, зажигает папироску. Надеюсь, что он все же уснет, я молчала. Но часов в шесть, когда Е.Т. начинала вставать и за стеною раздавался ее топот и неистовые утренние зевки, я окликнула Б.Н. Мне отвечал измученный голос: — «Да, не сплю. Нельзя ли чайку? Глаз не сомкнул...» — Я шла в кухню: «Е.Т., можно самовар? Б.Н. не спал. Просит чайку». — В ответ раздавалось с сочувствием несколько хриплое: — «Ааа! Не спал! Сичас вздую. Мигом поспеет. Как же без чаю, не спавши-то».

Но бывало и по-другому: утренний чай отодвигался часов до двух дня. Это значило, что Б.Н. часов в 6-7 заснул. Часам к 10-ти Е.Т., как обычно, приносила мне самовар и отправлялась в утренние походы: за молоком, керосином, хлебом и просто за разговорами и новостями. Часам к двум возвращалась. Я опять шла к ней. — «Е.Т., Б.Н. еще спит. Очень поздно заснул. Думаю, что скоро проснется. Самовар надо бы подогреть». — «Што ж, подогрею», — миролюбиво соглашалась она. — «Долго ли мне. Нагребу жару из печки. В момент зашумит. Вы только скажите. Что же это он? Голова штоль? Али работал опять?»

Первое время, еще не зная Е.Т., я говорила ей, что у Б.Н. часто болит голова и что от этого он просыпает. Но когда мы привыкли друг к другу, я ей прямо сказала, что у Б.Н. такая работа, при которой никак нельзя вставать всегда в одно время и в одно время ложиться. Она поняла. В этом отношении мы, действительно, жили текуче. И при другом характере хозяйки с нею могли бы быть постоянные осложнения.

Впрочем, такие полные «перекувырки», как чай в 7-8 утра или в 2 часа дня, случались нечасто. Б.Н. все же стремился «удержать себя в берегах». Он рассчитывал днев-

ную рабочую порцию и распределял ее так, чтобы окончить к двум, самое позднее к трем часам ночи. Потом ужинал и выходил «на простор: уgomонить свою голову».

Сколько разных ночных часов провели мы на кучинском дворике (он же был сад): туманную осень, душистой весной, в зимних снегах и метелях и в мягкой влажности подмосковного лета. Сколько тихих незабываемых разговоров. Нет... мне не под силу еще говорить об этих навсегда отлетевших часах. Я все еще слышу рядом с собой легкую поступь. Рука моя лежит в милой горячей руке. Из-под полей шляпы четко рисуется профиль. И не видя, я вижу сияние глаз, свет улыбки, озарившей лицо.

Тихий дворик, березы, ели, рябины. Свет из маленьких окон соседнего домика, где болен ребенок (об этом рассказала Е.Т., когда мы удивлялись, кто это так долго не спит), темные дачки, где все уже спят, сарай, заборики, погребок, бочка, лопата, топор, кладка дров, куча сваленных бревен. И небо и ночь — надо всем.

Нет... Возьму лучше «Маски». И словами Б.Н. попробую рассказать об одной такой ночи.

Иногда за дверями встречала метель: прядали «белые ворохи... двери шарахая (193). Винт снеговой, развизжась, полетел из-под ног (201). Моргала... метель тeneвыми, домовыми окнами (259). И — ...никого; только на леднике... на целый аршин — снеговина, как белая митра, надета. И кто-то — встает от нее и рукой снеговою и строгою в снег — подымит (195). Ясная пляска алмазных стрекоз и серебряных листьев... пырснула в веко: кипела под веком (234). Снежные гущи посыпались пуше (236). В белом кружении светы прорезались (276-277). На стеклах алмазится молния (278). Серебёрни струят по стене... кисея с кисеи под ногами снимается... Веер открылся из кружев над домиком. Нет его. Нет и метели; и месяц упал: синероды открытые» (278).

Иногда синероды открытые сразу являлись за дверью: «Вогнутая глубина кособоко спускалась над крышами; синяя вся, — издрожалась она самоцветными звёздами (310).

Провел мимо дров, вдоль забора гвоздистого ... инеями обвисали деревья (310). Сугроб за сугробом с соседних пустующих дворигов встал за забором» (195). Влеплена бочка в сугроб. «Вон — колун стоит в снеге; песок для усыпа в ведре; и лопата... в снег воткнута, перекрестясь с метлой» (203).

Выходил за калитку: «Сплошным самоцветом дышала вселенная (310). Пал Млечный Путь (310). Крупные звезды ... в черных пустотах, как в бархатах (311). От мрака и выблисков в ухе, как взвизгнет: стрижи над крестом колоколенным так пролетают, как над головой эти дико визжащие звезды; — казалось ему, что за звезды пророс: головой ... И глаза опустил» (312).

Один из читателей «Масок» отметил эту «неправдоподобную» фразу: «Где ж это видано, чтобы звезды визжали!.. Хоть и художник, а правды держаться все-таки должен».

Для таких любителей правды убедительны факты. Вот один такой факт. В «Известиях» появилась заметка: «Поющие звезды». В ней говорится: «Сегодня, в 18 часов 25 минут, через станцию РЦЗ редакция „Последних известий“ проводит передачу из Пулковской обсерватории. Будут включены залы обсерватории, чтобы произвести опыт превращения световой энергии в звуковую. Если будет хорошая погода, и опыт удастся, радиолюбители услышат так называемый „голос“ луны и звезд. Опыты трансформации световой энергии небесных тел уже проводились. Во второй половине прошлого года Пражская обсерватория провела специальную радиопередачу под названием „Поющие звезды“».⁵⁷

А вот и другой: в статье «Типы высшей нервной деятельности» (Известия, 30 июля 1935 г, № 177) И.П. Павлов пишет: «Уже две тысячи лет тому назад величайший — именно художественный, а, конечно, не научный — гений древней Греции среди необъятного разнообразия вариаций человеческого поведения мог уловить его основные черты в виде четырех темпераментов. И только теперь изучение

высшей нервной деятельности...в состоянии подвести под эту систематизацию физиологический фундамент».⁵⁸

Таким образом, Павлов утверждает, что художественное восприятие может опережать научное объяснение. И при современном ускорении темпов жизни, вероятно, не придется ждать «две тысячи лет», пока наука подведет свой фундамент под то, что — говоря словами Павлова — «могло уже уловить» ухо художника.

Отдаваясь ночной тишине и «головой прорастая за звезды», Б.Н. отдыхал. Кипение мыслей, перебой расстучавшихся ритмов стихали. Он с наслаждением ходил взад и вперед по дорожке. И все никак не мог оторваться от благодатной прохлады.

Возвращался домой освеженный. Делал еще легкую гимнастику, чтобы окончательно разогнать застой крови и ослабить напряжение мышц в груди, в позвонках шеи, в пальцах, в кистях. Особенно любил то движение, которое он называл «страхиванием» и весело уверял, что этим он сбрасывает с себя последние сгустки усилий рабочего дня.

На ночь в постели читал что-нибудь легкое: путешествия, мемуары, роман с занимательной фабулой. Изредка брал с собой рукопись: посмотреть и подумать. И тогда неизбежно кончалось бессонницей. Но бывало и так, что после прогулки он уже ничего не читал. И тушил свет, не желая спугнуть «многодумной» ночной тишины и ночной красоты, переполнившей сердце.

За эту возможность в любую минуту шагнуть за порог и прикоснуться к природе Б.Н. так любил и ценил свой «кучинский угол». Для него «мечтой всей жизни было забраться куда-нибудь в глуши и оказаться поближе к природе, в нормальных условиях жизни». Городские условия были трудны для него. Город его разбивал. Своей «аритмией», своей неугомной толчеей возбуждал и утомлял его нервы. Б.Н. слишком горячо на все откликался, не умел отказываться, не умел изолировать себя от городских злободневностей и постоянно вовлекался «в рой забот и хлопот». Эти рои прежде всего прямо мешали работать. А

неуверенность, что рабочий день пройдет без зацепок, держала в постоянном напряжении и мешала свободно отдаться настроению работы.

С другой стороны, те развлечения, которые мог бы дать город, тоже не снимали усталости. При темпераменте Б.Н. встречи с людьми, театры, музеи, даже концерты, не были отдыхом. От всего этого он только больше еще уставал, и каждое восприятие этого рода вело к новому напряжению, тем более сильному, чем ярче было полученное впечатление. — «Никто не знает, — роптал Б.Н., — какой я тихий, размеренный человек, как для меня важен ритм. Не могу я по щучьему зову лететь и метаться туда и сюда, от одного важного дела к другому, не менее важному. Эдак ноги протянешь. Все важно. Везде поспевай. А твое кровное дело стоит. Рукопись праздно пылится. Вот уже два дня не притронулся к ней: работать нельзя», — и кончал постоянным припевом: «Нет, надо в деревню бежать».

Когда в конце лета 1925 года решилось, что на зиму удастся-таки устроиться в Кучине и что этот приют может быть долговременным, Б.Н. был счастлив. Он почти не верил, что это действительность, а не простые предположения и разговоры, которые и прежде не раз у нас с ним поднимались, но из которых до сих пор ничего не вышло.

В Кухино влекло Б.Н. вовсе не желание уединения. Он любил людей и в общении с ними нуждался. Но ему было дорого здесь, что он может в любой момент «окунуться в природу»: встать от рукописи и с расстучавшейся головой выйти прямо под небо, под звезды, под солнышко, в шопот берез, в ароматные травы, присесть на пенек и задуматься «так себе» ни о чем. Или вовсе бездумно понаблюдать на лужке, как уставились лбами друг в друга две молодые козы, как скачет теленок, как носится среди кустов, закрутив хвост кольцом, разыгравшийся песик. Во всем этом был отдых, успокоительное отвлечение, живое переключение внимания.

— «Больная собака ищет травы, которая ее исцеляет, —

говорил Б.Н., будто оправдываясь. — Во время работы я — такая больная собака. И я знаю, что может меня исцелить».

4. СТИХИ.

Есть бытие... Но именем каким
Его назвать...

По счастливой случайности у меня сохранилась одна любительская карточка Б.Н. Он сидит за столом в домашней любимой суконной толстовке и в бархатной шапочке. Глаза опущены в рукопись, над которой он наклонился. В руке, положенной на листы, — папироска. Плечи устало опущены. Но лицо спокойное, сосредоточенно-строгое. А в сдвинутых крепко бровях и в морщинке, прорезавшей лоб, проступает что-то незримое, что превращает видимый, внешний покой в углубленную напряженность работы.

Мне особенно дорога эта карточка. В ней для меня запечатлено очень многое. Привычный, знакомый образ. Как часто видала я его таким именно. Затихший, весь ушедший в себя, далекий, далекий от всего, что его окружает. И очень спокойный.

Он любил говорить, что во время писания стихов «приформатывает». Вероятно, так это и было внутри. Вероятно, так явственно слышал он то, что тогда в нем звучало. Может быть, про себя он что-нибудь и произносил. Но внешне это не проявлялось. Напротив, — он сидел совершенно спокойно, почти неподвижно. По временам только что-нибудь быстро записывал и опять застывал. Я ни разу не видала, чтобы он откинулся в кресле, ища нужное слово,

или отбивал ритм ногой, отстукивал карандашом или пальцами, или раскачивался в такт слагавшимся строчкам.

Никаких посторонних движений. Побледневший, весь стянутый в точку внимания, он, казалось, о теле забыл.

И только особенная, нараставшая вокруг тишина показывала, что он далеко, далеко от нашего домика. И там, в каких-то ему лишь открытых мирах развивает теперь энергию своих действий, от которых тишина углубляется и непрерывно и странно растет. Да, тишина... Но какая? Как передать ее качество? То необычное, что ее насыщает, что разливается в комнатах и вызывает в душе волнение до трепета, а сердце заставляет ускоренно и напряженно стучать. Так бывает во время горной грозы, где стихии подходят вплотную, где заряженный электричеством воздух отнимает дыхание. Безмолвие комнаты колыхалось гулом взволнованных ритмов. В сквозной немоте звучно гремели раскаты каких-то нездешних органов. Разгорались и гасли вспышки нездешних зарниц.

А Б.Н. становился все тише. Сидел, как изваянный. Но казалось, что он теперь центр огромной сверлящей воронки, втянувшей в себя весь огонь его жизни, весь жар его слов, и бросающей от себя вихревые спирали.

Он затихал. А спирали летели все шире, все выше. Неслись и неслись и неслись. Уносились к пределам вселенной, к «стародавним огням Зодиака».¹ Там, в безмерной дали все кружилось, роилось и реяло. Заплеталось в певучие хороводы анапестов, ямбов, хореев. Шло в торжественном строе молоссов. Ассонансы сверкали причудливой нитью, как сквозящий узор драгоценной парчи, и нежно горели жемчужные отсветы «светов» — бирюзовых, сиреневых, розовых, — будто далекое солнце играло на снежных, далеких венцах.

Все это готовилось хлынуть, залить своим звоном и радугой белый бумажный листок.

Мне не хватало дыхания. А Б.Н. был все так же спокоен и сосредоточенно строг. Только тени вокруг глаз углубились, и еще побледнело лицо.

Я не могла ни читать, ни даже думать. Садилась с ногами на постель против двери в комнату Б.Н., откуда видела его склонившийся над столом профиль. Не хотелось ни шевелиться, ни двигаться. Самой замереть и притихнуть, чтобы не помешать, не спугнуть. Смотрела и слушала. Что?

Припоминались слова: «Ток высокого напряжения. Не подходите. Смертельно». Эти слова Б.Н. прочел на одной из дверей в помещении ЗАГЭС, где вдоль стен залегали, как молчаливые змеи, огромные сероватые кабели.² Б.Н. был поражен «адекватностью» этого выражения: он знал, что ток высокого напряжения существует не только в машине. Он действует и в человеке. И я видела его в человеке. Во мне твердилось невольно: «...Не подходите... Смертельно...» Но почему?

Ведь *перед глазами* был тот же склоненный, задумчивый профиль, отсвет лампы на бархате шапочки, легкий очерк плеча и руки с папироской. Изредка он вдруг вставал, точно поднятый внутренним вихрем. Делал из кресла крутой поворот и шел по комнате волевым, решительным шагом, глядя прямо перед собой, но не видя. Шел с непередаваемым выражением лица, весь натянутый, как стрела, распрямившись и крепко сжав крест-накрест ладони несколько выдвинутых вперед рук, точно в них поставил упор против охватившей его внутренней бури. Делал два-три шага и, так же произвольно рванувшись на повороте, под острым углом бросался к столу. Еще на ходу наклонялся к бумаге, пристально вглядывался и так застывал, не разжимая рук. Потом, все еще стоя, начинал торопливо записывать. И только через некоторое время автоматически, как сквозь сон, опускался на кресло.

Иногда я спрашивала его после — зачем он вставал и куда так решительно шел? Он удивлялся: — «Разве вставал? Да нет же! Совершенно не помню».

Черновые наброски стихов начинались очень часто на полях или между строк книги и шли вкривь и вкось. А если и на отдельном листе, то — все равно — как попало, слу-

чайно, как ляжет бумага. Лишь бы скорее, лишь бы не упустить. Не буквы, а какие-то неопределенные знаки, петли, крючки. Слова не кончались, строки — тем более. Если под лист попадала резинка или коробка со спичками и бумага вздувалась горбом, то так и писал, ломая карандаши, разбрызгивая чернила. Догадаться, в чем дело, — не было времени. Только сердился на «досаднейший горб». При новой кляксе громко вскрикивал: — «Ай!» и продолжал спешно записывать в самой неудобной позе, отчаянно вывернув руку. То же было, если книга попала под локоть или папка закрыла угол листа. Писал на весу, кое-как при-ткнувшись, весь поглощенный процессом сложения строк. Я подходила, чтобы убрать помешавший предмет. Тихонько расправляла бумагу. Обычно он этого не замечал, даже не поднимал головы, лишь машинально передвигал поудобнее руку. Иногда произносил рассеянно, точно издали: «Спасибо». Иногда даже этого не было.*

По временам Б.Н. отрывался от листа, схватывал первый попавшийся клочок, конверт, повестку, даже папиросную коробку, спешно набрасывал несколько строк и возвращался к листку.

Черновики представляли собой переплетение тонких линий и стрелок, на которых, как крупные виноградины, повисали островки словесного текста. Островки были разбросаны вправо и влево, шли наискось восходящею лесенкой и кривыми уступами вниз из угла в угол, заполняя все свободные места. Расшифровать такую страничку действительно мог только тот, кто ее записал.

Он показывал мне перечерченный листик: — «Взгляни!

* Я была очень удивлена, когда в «Wahrheit und Dichtung» прочла почти то же самое. Гете рассказывает о себе: иной раз ночью, чтобы успеть записать зазвучавшие строчки, «я бежал к пульту и, не давая себе времени поправить косо лежащий лист, так и писал, не трогаясь с места, все стихотворение с начала до конца наискось, по диагонали. По той же причине я охотнее схватывал карандаш, который мягче ложился на бумагу. Я уже знал по опыту, что царапанье и брызги пера могли разбудить меня от моего поэтического сна, рассеять, и тогда маленькое произведение оказывалось убитым при самом своем зарождении».

Видишь, почему я утверждаю, что мои черновики бесполезны. Я ставлю лишь вехи... Они условны. Они вняты лишь мне. Другой не распознает, что здесь к чему, как он ни ломай головы. Вот почему беру их и уничтожаю со спокойной совестью...»

Он улыбался лукаво, чуть-чуть задорно. Приносил пачку листиков и сам бросал в горящую печку. — «Вот, — концы в воду...» Смеялись глаза. А облачко грусти вдруг набегало на лоб и легкая горечь сквозила в улыбке.

Он опускался на корточки — его любимая «уютная» поза, и молча следил, как задрожавшие листики, ярко вспыхнув, рассыпались ворохом черной золы, а золотисто-красная змейка, капризно изгибаясь, перебегала по загибавшимся уголкам. Когда все сгорало, он поднимался и легким движением головы, как бы отогнав от себя невеселые мысли,* возвращался к столу.

Когда стихотворение было окончено, он прочитывал его мне, выходя в мою комнату. Он не любил читать что-нибудь новое сразу же там, где оно написано. Этот облик Б.Н. я потом хорошо уже знала, но *привыкнуть* к нему не могла. Каждый раз он поражал меня заново. Это был Б.Н., и — я *не узнавала* его. Словно в нем проступал какой-то другой его облик, в обычной жизни невидимый. А может быть, это во мне на мгновение открывались другие глаза. Вот фигура его появляется на освещенном квадрате дверей. Он стал точно выше и шире в плечах. И мягкие складки толстовки напоминают другое какое-то одеяние. В руках он держит листы... Но нет, не листы... Он несет дар, который хочет отдать. В лице его строгость, сила и тишина. Он весь еще точно за гранью обычного мира.

«Есть бытие, но именем каким его назвать...»

Это длится мгновенье. Вот он уже сел и читает. Такой же открытый, простой, как всегда. А я все еще сижу потрясенная, хотя вижу: теперь он вернулся, он здесь.

В своих воспоминаниях Б.Н. сказал о Гершензоне: «ода-

* О «никчемности» большинства литературных работ.

рял своею мудростью»³. О Б.Н. мне хочется сказать: ода-
рял своим светом и жизнью.

В 1936 г. при обработке архива Б.Н. в ГЛМ мне пришлось ближе прикоснуться к «Зовам времен» и я попыталась установить связь между отдельными стихотворениями этого его последнего сборника и их первоначальной редакцией в «Золоте в лазури». Работа Б.Н. проходила у меня на глазах, и я попробую о ней рассказать.

Прежде всего: отыскивая «золотолазурную» основу «Зовов времен», я не противоречу ему, а напротив, хочу подтвердить и показать на примерах то, на чем он так настаивал: «Зовы времен» — это не новая книга, созданная в 1929-31 гг., а то же «Золото в лазури», но претворенное, переплавленное все целиком, начиная с заглавия. Изменялись и исправлялись не отдельные погрешности, не слова или рифмы. Переплавлялась вся ткань, все построение книги. И сохранялась лишь тема, которая возникала в своем первоначальном звучании очищенной после «искоренения ужасов первой редакции» (Из предисловия к «Зовам времен»).⁴

Отдельные, печатно закрепленные строчки «Золота в лазури» были только предлогом, отправною точкой. Работа же шла целиком, над всем поэтическим материалом, как бы растворенным и заново оживающим в памяти.

В этом «моральном усилии» воскрешения прошлого и была, по словам Б.Н., главная трудность задуманной им работы.⁵ Нужно было переключиться, закрыть в себе настоящее и, опустив занавес, не примешать ничего от «сегодня» в то, далеко отошедшее. Нужно было войти в атмосферу 900-ых годов, в переживания 20-тилетнего юноши и только выявить «набившею опыт рукою» мир тех звуков и образов, которыми он был переполнен, но по неопытности и слишком большой непосредственности не сумел тогда их отразить и сказать о них внятно. Это возвращение в минувшее было возможно лишь при той особой культуре памяти, которой Б.Н. так необыкновенно вла-

дел. Он пишет об этом: «Допускаю: не всякому присуща способность живо нырять в прошлое с тем, чтобы приобщать его к настоящему; мне — присуща». («Зовы времен». Предисловие).⁶

Я видела его в такие минуты. Он, действительно, жил тогда не в одном настоящем. От него веяло эпохой Зари. Прошлое словно вернулось и зазвучало опять. И я видела, как редакции 29-31 гг. и даже новые, написанные в это время стихи органически вырастали из общего фона ожившего времени, из которого впервые, почти 30 лет тому назад, рождалось «Золото в лазури».

И было бы совершенно неправильно, было бы по словам Б.Н. «грубейшей ошибкой» понимать иначе то, что им сделано в «Зовах времен». — «Если бы он [автор] писал, исходя из современности, он не вписал бы ни одной строчки, подобной вписанным в новой редакции» (Предисловие к «З.в.»).

Этим словам нужно поверить. Нужно в них вслушаться. С ними считаться. Б.Н. писал о том же еще раньше, — в 1920-21 гг. в плане издания своих сочинений. Тогда он тоже начинал переделывать «Золото в лазури». И эта работа окончилась тем, что из нее вылилась поэма «Первое свидание».⁷

Так же почти было теперь. Потому что «Зовы времен» это, в сущности, тоже поэма или «единый цикл», как и определил его сам Б.Н. — Иначе еще он называл «Зовы времен» — биографией лирического поэта.

День за днем совершался у меня на глазах удивительный процесс претворения одной книги в другую. Происходило то, что я про себя называла «золотой перелив», «золотой перезвон». Потому что в те дни вокруг Б.Н. все действительно переливалось, лучилось, звенело и пело.

Над расплавленным морем музыкально ожившей стихии возникали десятки мгновенных редакций, как всплески, как гребешки разбегавшихся волн, и тут же опять распадались, чтобы тотчас же снова сложиться в узоры чудесных, неузнаваемых форм, как бесконечная цепь исчез-

новений, рождений и смен. То, что казалось уже успокоенным в книге, застывшим в формах отдельных стихов, теперь вновь закипело, задвигалось, будучи брошено в творческий горн его памяти. Не только Б.Н., но и я будто видела это движение, слышала звон золотых волн в лазури, шум светом бьющей стремнины, гуденье далеких рогов. Я будто слышала, как в его мысли нераздельно и цельно, всей своей массой, всей силой своего мятежа, своей молододозревающей бурей «Золото в лазури» с пением, звоном и блеском перетекало в прозрачные, легкие и строго скорбные формы «Зовов времен».

«Золото в лазури» — это хаос непосредственно брошенных на читателя переживаний, в которых сам автор никак еще не разобрался. «Зовы времен» — продуманный и углубленный *показ* содержания и смысла этих переживаний.

И я видела, как эмоциональный душевный надрыв углублялся в трагически грозную тему страдания, как случайно разбросанные и хаотично мутнящие светлую ткань лазури и золота клочья туманов и темные пятна сомнений и сумраков стягивались и отводились в отделы: «Трепетень», «Белые стихи», «Черч теней», после чего светотень распределялась закономерно и стройно и лишь подчеркивала воздушную легкость «Летних блесков» и вспышки летучих лучей, и снопы света, высекаемого над «Молниями лет» (первый и седьмой отделы).

Или еще мне казалось, что он разбирает перепутанные цветные шелка и сплетает из них по теням и оттенкам новую ткань, где в живых сочетаниях и переходах тонов выступает неуловимый прежде рисунок.

«Зовы времен» — это только «высвобождение потенции», только раскрытие того, что было уже вложено в «Золото в лазури». Но там, по наивной неумелости юного лирика, было тогда или *недосказано* или *пересказано*.

И Б.Н. беспокоили и требовали исправления не отдельные строфы или слова, а вся композиция — звучание, тон, краски целого. Для него «Золото в лазури» было безнадежно испорчено не в частях, не в деталях, а в своем ос-

новном, в своей теме. Ему «было мучительно несоответствие между ритмами в становлении и ставшими строками» («Зовы времен». Предисловие).⁸

Вот почему он не ограничился тем, чтобы изменить или убрать ряд мелких штрихов, а заново, *композиционно* перестроил всю книгу. И насколько мог, «освободил бабочку» от скрывавшего ее тяжеловатого кокона.⁹

Чтобы это было яснее я перечислю порядок отделов обеих книг. «Золото в лазури»: 1. Золото в лазури. 2. Прежде и теперь. 3. Образы. 4. Лирические отрывки в прозе. 5. Багряница в терниях.

«Зовы времен»: 1. Летние блески. 2. Трепетень. 3. Возврат. 4. Белые стихи. 5. Черч теней. 6. Исход. 7. Молнии лет. 8. Христос Воскресе.

Сам Б.Н. так раскрывает содержание «Зовов времен»: «В этом издании я особенно продумал отделы, понятия как единый цикл; стихотворение вытекает из стихотворения; выхваченное из цикла, оно теряет; отдел — этап настроения в целом книги; это целое — лирически переживаемый некий строй отношения к жизни юного лирика 1903 года; более поздние стихи лишь дописывают то, что было вписано некогда в лирика; «Христос воскрес» коренилось в Белом еще в 1903 году; оно лишь подчеркивает отдел «Молнии лет» (из 1918 года).

«Летние блески» — еще не омраченная ничем легкость, юность в восприятии природы и жизни; «Трепетень» вносит первые тени разъяда, разочарования и бегства к иллюзиям вымысла; «Возврат» — вымысел, которым, как плащом, закрывается уязвленный жизнью; «Белые стихи» — разъяд самого вымысла; жизнь — носорог, втыкающий рог в мудреца; «Черч теней» — страх, упадок, разочарование, тема смерти; «Исход» — исход из смертного к природе, к зову духа; «Молнии лет» — осознание зова, ведущее к теме «Христос воскрес».

Это — лейтмотив, звучавший и в «Золоте в лазури», но там он заляпан кляксами технической беспомощности, задымлен туманом неосознанности; в 1931 году старик ин-

терпретирует юношу, как бы говоря: «Вот в чем было дело в 1903 году».¹⁰

Дальше он темпераментно заявляет, что его «приводит в бешенство» безвкусица иных рифм и образов, раздражает «чахоточное хныканье сутулого интеллигента» с его золотой бородкою, — все эти больные души и думы, смертельные муки и скуки, долины скорби, потоки слез и рыданий, плюс инвентарь ненужных и к тому же еще неумело расставленных пышностей, вроде: скипетры, тоги, мировинные зелья, волшеббно-пламенные вина, роскошные приюты, обитатели волшебств, пенно-золотые каскады, изысканные ткани, ярко-огненные банты, и пр. и пр.

Список грехов «Золота в лазури» — удлинился. Б.Н. не знал к себе жалости.

После этих слов ясно, в каком направлении, в общем, шла работа. Но передвижение разволнованных строчек и ритмов закреплялось в новые формы стихотворных единств самым сложным и трудно уловимым путем. Вернее здесь говорить не о «переработках», а только о *связях*, о *напоминаниях* и *намехах*, которые позволяют в «Зовах времен» различить звучания, угадать образы «былого» «Золота в лазури».

Итак, — только намек, только напоминание. Не говоря уже о том, что почти нескрываемы корни* стихотворений, помеченных датой 1929 или 1931 гг., но даже и те, что подписаны двойной датой, означающей год написания и год переработки, трудно сводимы к своим первоисточкам. От каждого почти простираются нити к ряду страниц «Золота в лазури» — к двум, трем, пяти и скольким еще разным стихотворениям. И наоборот: настроение, образы, рифмы какого-нибудь одного отрывка «Золота в лазури» проплетают и входят в образование двух, трех и скольких еще новых стихотворений или даже отделов и циклов в «Зовах времен».

И чем более вглядываешься в состав этой книги, тем яснее становится, почему под «Золотом в лазури» Б.Н. пони-

* Эти «корни» — вся в целом эпоха Зари, 900-е годы, начало века.

мал не этот, вышедший в 1904 году сборник, а *тему* — круг тем, лейтмотивов, взятых в определенной тональности, которую он называл «золото-лазурной», в отличие от другой, тоже большой, но позднее раскрывшейся темы «Звезда над урной», в которой объединилась главная масса стихотворений из «Пепла», «Урны», «Звезды», часть «После разлуки», отдел «Прежде и теперь» (из «Золота в лазури») и поэма «Первое свидание».

«Звезда над урной» — стала названием предполагаемого II-го тома стихов, которого Б.Н. не успел переработать.¹¹

Вот почему в «Зовы времен» — I-ый том — он включил ряд стихотворений, написанных после 1904 года, и помещенных в других сборниках, но внутренне относимых им к кругу тем «Золота в лазури».

Самое название «Зовы времен» приобретает особый смысл и значение, если вспомнить, что заглавие первого цикла стихов, с которым Б.Н. выступил как поэт в 1903 году в альманахе «Северные цветы», — было «Призывы».

В названии «Зовы времен» можно расслышать развернутое повторение, своего рода конкретизацию или осознание того, что было услышано в 1903 году, как «Призывы».

Я не буду здесь останавливаться на этом подробнее и только скажу, что «голос», «звук», «зов», «призыв» — пронизывает собой не только поэзию, но и прозу Б.Н. и появляется в особенно важных и глубоких местах. Мне кажется, что это и было «лица необщим выражением» музыки Андрея Белого, — жестом ее индивидуального стиля.¹²

Перехожу к характеристике отдельных приемов и способов работы, произведенной Б.Н. при образовании текстов «Зовов времен».

Чтобы избежать слишком сухих и жестких формулировок и слишком узкой определенности, которая заключается в слове «переработка», я чаще всего пользуюсь музыкальным термином «вариация на тему». Оно лучше передает ту неуловимо легкую, и вместе с тем из глубины идущую, связь, которая здесь проступает.

В тех случаях, когда эта связь, так сказать, более «оче-

видна», где она ближе к поверхности, так что ее можно проследить в заглавии, в строчках, в размере, — там я беру пока временно, за неимением лучшего: «переработано из»... Но понимаю это выражение опять-таки лишь как «намек», как направление в поисках или, как любил говорить Б.Н. — «протягиваю указательный палец»: вот откуда можно начать поиски. И только. Ссылка на связь с данным стихотворением не должна ограничивать и исключать другие возможные и несомненно существующие в его замысле связи. Например: Овес. Грозное облако. Старое вино. Ананас.¹³

В тех же случаях, где «концы глубоко спрятаны в воду» — по выражению Б.Н., т.е. в некоторых стихотворениях с двойной датой, а иногда и в тех, где поставлен поздний год написания (1929 или 1931), — я все-таки порой указываю на первоисточники и отмечаю тогда: «развито из строк» или «развито из строфы» и привожу эту строфу или строчки. Например: Над рекою (ЗЛ. 171. Осень, IV). Брюсов. 5. (ЗЛ. стр. 26, 39).¹⁴ Делаю это чаще всего на основании черновых записей, набросков вариантов, сохранившихся на полях и между строчками в личных экземплярах Б.Н., или на вложенных в эти книги и случайно уцелевших листках, иногда же просто по памяти.

Когда я вскрываю текстовую переплетенность «Золота в лазури» и «Зовов времен», то делаю это не как литературную работу, а как *воспоминание*, — прежде всего для себя и для любивших Б.Н. друзей. Я знаю, что им, как и мне, будет дорого узнавать в новом облике хорошо знакомые «угловатые строчки» (Брюсов), припоминать наивность и даже гротескность иных выражений, и снова встречать «грустно задумчивый зов» его нежности.

В свое время я ничего не записывала. Этого не вернешь. Но, очевидно, многое помимо воли запомнилось, отложилось во мне бессознательно. И хотя сперва я не всегда могу ясно сказать, почему ставлю в связь два какие-нибудь стихотворения, но внутренне знаю, что это именно так. Я долго вчитываюсь в строчки «Зовов времен» и вдруг начи-

наю, — за ними, или как бы сквозь них, слышать встающие строчки «Золота в лазури». Нахожу их и проверяю себя: — «Да, то!» Или: — «Нет, не то!» И продолжаю читать, еще вслушиваться. Может быть, это действует глухое воспоминание, отзвук того, что я когда-то слышала от Б.Н. и о чем позабыла в своей сознательной памяти. И вот теперь оно возникает.

Ведь так часто бывало: прочитав мне последнюю и окончательную редакцию, Б.Н. приносил «старое» «Золото в лазури» и прочитывая оттуда параллельные отрывки, со смехом демонстрировал особенно «чудовищные гротески».

— «Видишь сама, до чего доходило... Так и рубил наотмашь, сплеча... Простая душа... Каков вид, такова суть... Брюсов недаром в ужас пришел. Я и сам всю жизнь ужаюсь и ахаю: вот так «Золото в лазури»!.. Нет, пока оно оставалось нетронутым, я не мог быть спокоен, нет, нет!...»

Его слова глубоко запали мне в душу. Я их запомнила. Но еще глубже, вероятно, запали «демонстрируемые» им мне цитаты, и помогли мне теперь отыскать верный след «на слух». Там, где у меня нет этой внутренней уверенности, где память моя молчит, я не даю никаких указаний. Например, первое стихотворение «Зовов времен»: «Сердце». О нем до сих пор ничего не умею сказать.¹⁵

Отношение Б.Н. к «Золоту в лазури» было таким острым, непримиримым, что он не удовольствовался самым резким его отрицанием в конце предисловия к «Зовам времен»: «Со всею силой убеждения прошу не перепечатывать дрянь первой редакции,... Отбросам из утиль-сырья место — помойка, а не печатный лист».¹⁶ Даже этих уничтожающих слов ему было мало, и в экземпляре, который давала ему для работы Е.В.Н.¹⁷ (своего тогда не было) яростно крест накрест перечеркнул заглавие книги, а внизу написал: «Сожжено!» — с большим восклицательным знаком.

Да, в трудное положение поставил Б.Н. нас и его будущих далеких издателей.

Б.Н. никогда не читал мне неоконченных черновиков,

проектов намечаемой переработки. Он ждал, пока стихотворение сложится в целом и определится хотя бы вчерне. Но после чтения этого начиналась усиленная правка и переписка. Я не могу даже сказать, сколько раз Б.Н. переделывал и переписывал одно и то же: пять, семь, десять. Я не преувеличиваю. Он был очень требователен к себе. И не жалел отбросить «пуды словесной руды» (так Б.Н. перефразировал Маяковского),¹⁸ чтобы добыть одно *нужное* слово.

При переписке одно стихотворение неожиданно развивалось в два или — напротив — сжималось в строфу, чуть ли не в строчку, причем эту строчку он помещал в самом неожиданном месте, и она вспыхивала новым значением. Я удивлялась, что раньше этого не замечала. А он только смеялся: — «То ли еще тут запечатано... Да всего не раскроешь...»

Иногда же из двух или трех стихотворений появлялось четвертое, неизнаваемо новое. Когда я протестовала: что же тут общего — и слова, и образы, и даже ритм — все другое, он казался довольным: — «Это-то мне и нужно. А то какая же переработка... Так только — легкая ретушь... А ты *послушай* — тогда найдешь, что общее — *очень* есть...» — и перечитывал мне еще и еще раз.

Но бывало, что я все-таки ужасалась, видя, как он безжалостно разрушает совершенно готовое прекрасное стихотворение, умоляла не трогать, оставить, как есть и уверяла, что новыми перестановками можно только испортить. Но он или молчал, как будто не слышал, или с неохотой коротко отговаривался: — «Разве не видишь: не включается в целое. Ведет не туда!» Иногда добавлял также коротко: — «Подожди! Что забегаешь вперед... Я же знаю, что делаю...» Брал рассеянно листик и уходил за свой стол.*

Я не помню случая, чтобы он уступил, хотя уверял, что принимает в расчет мои замечания. Признаться, я этого

* Особенно запомнились мне наши «бои» из-за сюиты «Брюсов». ¹⁹ Над нею Б.Н. работал бесконечно много.

не видела.

Но вот, наконец, он прочитывает мне окончательную редакцию. И я должна согласиться: да, целое выиграло. Б.Н. искренно радуется и торжествует. И только теперь, смягчившись, признает, что: — «Правда, вылетели недурные куски».

Сличая варианты, введенные в «Зовы времен», можно заметить, как тщательно и продуманно Б.Н. производил эту работу. Например, в стихотворении «Пророк» (взятом из «После разлуки»), которое состоит из девяти строф, изменена, кроме заглавия, всего *одна* строчка, заключающая в себе грамматическую неточность, что сказывается и на образе. Вместо:

И волоса, как василиски,
Взовьет горящая глава.

в «Зовах времен» стоит:

И волоса, — как василиски;
Как куст горящий — голова.²⁰

Самое заглавие «Месяц» вместо бывшего «Пророк» делает образ легче, чище и тоньше тем, что снимает с него внешнюю, подсказанную автором символику и дает его как непосредственное переживание природы.

Так же дорисованы образы в стихотворении «Кроткий отдых» («Пепел», 209) — в «Зовах времен» — «Солнечный дождь».²¹ Например: вместо —

Только лен
Провеваает атласом.

— в «Зовах времен»:

Только лен —
У ног провеваает
Атласом.

Вместо:

Только бледно сияющий круг
В безответности синей.

— в «Зовах времен»:

Да месяц, — белеющий
Друг, —

Опалом очерчен

Из сини.

То же в стихотворении «Поединок» («Золото в лазури», 115),²² сохранившем свое заглавие, вместо:

Трубит печально над провалами

Загнутым рогом

— в «Зовах времен»:

Трубит печально над провалами

Он длинным рогом.

Других вариантов нет, кроме того, что выброшены две строфы с ненавистными для Б.Н. рифмами: гири я — валькирия.²³

Ряд стихотворений дан в облегченном ритме более коротких строк. Например: «Кентавр». «Старинный друг». «Возврат» и др.

«Кентавр» — «Золото в лазури», 124:

Был страшен и холоден сумрак ночной,

Когда тебя встретил я, брат дорогой.

— в «Зовах времен»:

Серебряно плещет

Струя ручейка,

Два розовых блещут

Над ней мотылька...²⁴

«Старинный друг» — «Золото в лазури», 138:

Старинный друг, к тебе я возвращался,

Весь поседев от вековых скитаний.

— в «Зовах времен»:

И прах, и тлен...

Ощерились пещеры —

В гребнистый рой

Пустых великолепий...

И — сырость стен;

И — полусумрак серый;

И — та же вязь

На выщербленном склепе.²⁵

Возврат — «Золото в лазури», 145:

Я вознесен, судьбе своей покорный.
Над головой полет столетий быстрый.
Привольно мне в моей пещере горной.
Лазурь, темнея, рассыпает искры.

— в «Зовах времен»:

Над головой — огромные высоты.
И там внизу — окаменели скаты;
Мерцают вспыхом каменные гроты;
Играют светлой пеной водопады.²⁶

В последние годы Б.Н-ча особенно интересовал вопрос интонации, и в частности, вопрос интонационной архитектуры в лирике. Он много работал и думал над этим, и искал способов музыкально, песенно динамизировать стих, снять с него каркас метрики и «провоздушить» строку. Перед ним вставали задачи интонационной мелодики взамен правил канонического сложения стиха из его элементов: стоп, строк и строф. Он подолгу взволнованно рассказывал мне, что нужно сделать для того, чтобы немое, печатное слово *звучало*, чтобы в нем отразился хотя бы намек на выразительность и живое движение песенной речи. Ведь лирическое стихотворение — это песня. И мелодия в нем важнее образа. «Все-таки стихотворение поэту поется всегда» — писал он в предисловии к «После разлуки».²⁴

Но отводя «казенный порядок» метрического канона, Б.Н. хотел не хаотического беспорядка произвольно разорванных строчек и строф, а закономерного распределения стиховых элементов, исходя из соотношения их со звучащей основой целого. Другими словами — исходя из пересечения ритма со смыслом. Это пересечение — инстинктивное или полуинстинктивное в самом процессе работы и только потом раскрываемое для сознания, — он и называл интонационным или ритмическим жестом.²⁸

О своих исканиях он говорил: «Все, что я делаю — только проба пера. Здесь я — Тредьяковский. Но я знаю, что время движется к снятию антитезы: поэзия — проза.²⁹ Снятие это — в интонации, в ритме. Но я не говорю, что на-

шел. *Я ищу*».

В думах о том, как донести до читателя то, что так явно слышится внутренним ухом, он говорил, что поэт лишен тех выразительных знаков, которыми так богато снабжен композитор. Поэт, — хотя и слышит, — не может поставить аллегро, кресчендо, фермата или указать педаль, трель и т.д. Ему остаются знаки *препинания*, — не многим больше.³⁰ Они бледны и немы. С ними много не сделаешь. Ведь восклицание восклицанию рознь. И много-точие его не спасает. Лучше других — тире. Оно — взрез глубины, и все-таки шаг на пути к интонации. Оно — знак: обратите внимание, остановитесь: что-то здесь происходит. Зато точка — вполне инкогнито, нераскрытое «икс». Как показать, что она четверть, восьмая или целая нота, и притом не одна, а, может быть, несколько. Автор все это слышит и внутренне знает. А читатель?

Передавать интонации знаками препинания это все равно, что килограммами взвешивать на аптечных весах или метрами мерить камюю.

В классических строфах, — как их ни изошряй, — тоже не отразишь волну голоса. Их монотонность сковывает глаз и звуковое дыхание. В них мало движения и совсем нет пространства. Глаз равномерно скользит по строчкам и передает уху однообразие своего движения «направо-налево, направо-налево». (Физиология знает, что слух и зрение в нас органически связаны.) И уснувшее ухо перестает слышать биение пульса в стихе. Перестает отмечать взлет и падение голоса, «взмах размаха интонационной волны», обрыв в разъятие паузы или в бисер речитатива. Не различает острых изломов мелодической линии, напора ее восхождения, когда, нарастая, она поднимается к своей кульминанте и ее разнапряжения, когда, спадая, она начинает затем медленно или «немедленно» угасать. Несущественно, что одаренный чтец-исполнитель в лучшем случае кое-что угадает из намерений автора. Но читатели — все, все читатели, — как до них донести и как им всем передать эти живые оттенки? Пока что — только путем

расстановки строк — *строчным расставом*.

Когда-то ровный строфический расстав был достижением. Над ним много работали. Он отвечал еще ритму недавнего времени. Оно текло медленно и спокойно, большими объемами.

Теперь пульс его бешено бьется, дыхание прерывисто. Об этом говорит Маяковский.³¹ Явление его не случайно. Попробуйте уложить его в прежние строфы. Он прав. Он хочет свободно дышать, живо двигаться. Это возможно лишь во внутренне найденном — «индивидуальном» — строчном рисунке. Что же — это не стих? Не поэзия? Нет, это стих и это поэзия. Строчный расстав Маяковского — не каприз, не выверт, не произвол. Это необходимость живого стиха, идущего вровень с ускоренным временем и стремящегося отразить *свою интонацию*.

В поисках интонационной расстановки, выявляющей ритмически смысловую акцент, Б.Н. исписывал не один лист. Он говорил, что пока стихотворение не записано и глаз не пройдет по строчкам, как по своего рода нотным знакам, ничего еще нельзя сказать. Сперва их нужно *увидеть* и потом уже проверить по слуху, как в них уляжется голос. Он терпеливо записывал разными строчками одно и то же стихотворение, приносил *показать*. И сперва не читал, а раскладывал передо мной на столе и говорил: — «*Взгляни! Какое лучше звучит...?*»

Он молча ждал, пока я все просмотрю. И только тогда брал тот лист, где ему самому расположение строк казалось наиболее удачным. После этого он прочитывал также и другие строчные редакции, соответственно изменявшие интонацию. Он хотел еще раз удостовериться в правильности своего выбора и уже «со спокойной совестью» отложить то, что не так прозвучало.

Бывали очень редкие случаи, когда в «Зовах времен» он не рассыпал, а собирал строки или писал простыми строфами. Например, стихотворение «Шут», имеющее подзаголовок «баллада», он свел к ровным четверостишиям, в чем и состояла вся переработка.³²

Правильное строфическое строение встречается в ряде стихотворений, датированных «1931». Например, восьмистишиями написаны «Старый бард», «Пародия». Пятистишиями — «Лес», «Рождество». Четырехстишиями — «День», «Андрон». ³³

Чтобы показать значение расстановки строк для интонации, Б.Н. приводит в Предисловии к «Зовам времен» две расстановки стихотворения «Жизнь» и подробно мотивирует, что побудило его изменить первоначальную форму ткани. В заключение он пишет: — «В таночном расставе смысловая интонация смазана; в ней подчеркнута порхающая легкость; во втором расставе сорван покров с этой легкости; в первом расставе зрю быстрый порх мотылька, во втором зрю философическую углубленность порха; первый расстав — аллегретто, второй — анданте. Перед расставом я задумался над тем, что мне важнее подчеркнуть, и увидел — важнее подчеркнуть мысль, а не образ (иногда — наоборот — важнее мысль утопить в образе); в расстановке слов поэт — композитор ритма; он сочиняет мелодию, вернее ищет внешним ухом отразить свой внутренний слух». ³⁴

Вот эти две расстановки:

Жизнь (в сборнике «Звезда»)

Над травой мотылек —
Самолетный цветок...
Так и я: в ветер — смерть —
Над собой, стебельком,
Пролечу мотыльком.

Мотылек («Зовы времен»)

Над травой
Мотылек —

Самолетный
Цветок... —

— Так
И я: —

В ветер —
Смерть —

Над собой
Стебельком, —

Пролечу
Мотыльком.

5. Б.Н. В ЖИЗНИ

Когда я перебирала ряд маленьких сценок из жизни Б.Н. и задумалась над тем общим, что их объединяет, во мне вдруг неожиданно вспыхнуло — гуманизм. Сперва это большое слово очень удивило, почти смутило меня, и я хотела тут же отбросить его, как случайно набежавшую мысль. Но потом, взглядевшись поближе и дав себе более ясный отчет в том, что невольно бросалось в глаза и останавливало мое внимание в ряде проявлений Б.Н., я увидела, что это слово прозвучало во мне не случайно. В нем как бы оформилось для сознания то, что давно уже жило во мне бессознательно и действовало, как отбор впечатлений, отлагавшихся на протяжении лет. При жизни Б.Н. этому, конечно, не было места в душе. Но теперь, когда его нет и память выносит пережитое и невольно сопоставляет все мелочи, подводя итог и делая выводы, я вижу то, чего не видела прежде, что отступало перед богатством его живого воздействия. Вижу шире, и больше, — и глубже. Мне открывается новый и неожиданный смысл многих его слов, поступков и действий, пусть самых маленьких и как будто случайных.

Я начинаю понимать, например, что мое внимание привлекала не только простота в обращении Б.Н. со всеми и

не только его особая деликатность и мягкость по отношению к так называемым простым людям, и даже не его человечность, а какой-то неуловимый оттенок, сквозивший во всем этом. И теперь, в воспоминании, за всем этим встает для меня живой и единый, прежде несознаваемый фон, или звук, — или веяние, — все равно как это назвать.

Мне ясно теперь, что меня поражало в Б.Н. не *что* его действий, а *как*. В этом *как* и слышу я явственно непосредственное, произвольное веянье той великой эпохи, которая утверждала достоинство человека и боролась за его освобождение. Живое дыхание этой эпохи и волновало меня. Я чувствовала и воспринимала ее в Б.Н. всегда, а в иные минуты — с потрясающей силой.

Это и был тот высокий фон, который сквозил за всеми движениями души Б.Н., обращенной к людям. В каждом он прежде всего предполагал и уважал — *человека*.

В этом не было ничего преднамеренного или надуманного. Это было так же естественно, как все в Б.Н. В «уважении к человеку» его природная мягкость сочеталась с основами его мировоззрения, где гуманизм, в самом широком значении, был решающей доминантой.

Начать с того, что Б.Н. ко всем решительно обращался на «вы» и нисколько не считался с тем, что порой это «вы» звучит очень странно и, может быть, даже не нужно. Но в этом отношении ему было решительно все равно, кто перед ним: деревенская женщина, принесшая молоко, сезонник, коловший дрова, мальчик-разносчик с корзиной «выборгских хлебов», сторож, извозчик, наконец — даже нищий. Я ни разу не слышала, чтобы Б.Н. сказал «ты» незнакомому — как он говорил — человеку. Тем более не было у него никаких «братец», «любезный», и других выражений в том же снисходительно небрежном тоне.

Напротив — он становился каким-то особенно мягко вежливым, когда имел дело с теми, «чье человеческое достоинство не ограждено никакими внешними знаками» и где общественное положение дает одним видимое преимущество перед другими. — «Я еще должен посмотреть, кто заслужи-

вает бóльшего уважения: *этот* профессор, или *этот* извозчик», — говорил он убежденно, иногда почти с вызовом.

Он старался быть «бережным» к людям. Конечно, при его темпераменте, при постоянной занятости своими мыслями, которые отвлекали его и делали произвольно рассеянным, при переполнявшем его и требовавшем себе исхода душевном богатстве, это далеко не всегда удавалось.

С другой стороны, он порой пересаливал в своем обращении, предполагавшем ту степень сознательности, которой тут не могло быть. Но часто ему было не до того, чтобы различать и вдумываться. Он знал об этом и поэтому раз и навсегда усвоил себе такую манеру, при которой было бы возможно меньше шансов ушибить или обидеть другого. И он ко всем подходил одинаково. В этом сказывался еще его глубокий непосредственный демократизм. Для него, действительно, самое главное был человек, независимо от всех условностей и форм нашей жизни.

Помню, как в клинике, где Б.Н. провел свой последний месяц, он глубоко поразил приглашенного к нему парикмахера. В это время он был уже настолько слаб, что сам не мог бриться, а отраставшие волосы сильно его беспокоили, и он с нетерпением ожидал «избавителя». Когда тот вошел и, поклонившись издали, хотел раскрывать свой чемоданчик, Б.Н. вдруг с ласковой улыбкой протянул ему руку и едва слышно сказал: — «Здравствуйте...спасибо сердечное...что пришли...» (он с трудом говорил). Лицо парикмахера, молодого еще человека, покраснело и дрогнуло. Он почти растерялся. Эти слова, улыбка, жест руки, исхудавшей и слабой, едва отделившейся от одеяла, взгляд синих, внимательных глаз, серьезно и прямо к нему обращенных, — все это было так неожиданно, так непривычно.

Когда процедура бритья окончилась и молодой человек вышел, порывисто и как-то бурно пожав снова поднявшуюся к нему руку, Б.Н. взглянул на меня и, как бы извиняясь, — врачи запретили ему все лишние движения, — тихо, но твердо сказал: — «Нельзя... Ведь — человек...»

Невольно в душе прошла сценка из «Масок»: видный

1. Belyj's favorite photograph of Klavdija Nikolaevna.

2-3. K.N. Bugaeva.

4. Belyj and K.N. Bugaeva in the Caucasus, late 1920s.

5. Belyj on his bier, 1934.

политический деятель, «князь», приезжает в лечебницу навестить больного профессора Коробкина, открытием которого он заинтересовался. При входе он «спотыкается», как об стул, о стоящую тут же сестру милосердия, «снисходительно» приветствует ее, — «головой, улыбкой, склонением корпуса в это же время» — с преувеличенной почтительностью устремляется к профессору. Для «князя» — «стулоподобные люди, — как то — фельдшерицы, — вполне не предмет демонстрации; они — претык, ... — Хладно потыкавши пальцем претык, — князь с порывом: к профессору!»¹

Как-то осенью в Кучине пришел к нам маляр замазывать окна. Мы с Б.Н. как раз собирались гулять. Хозяйка ввела в наши комнаты тихого, очень бедно одетого человека. Он тут же завозился у подоконника со своей замазкой. Я быстро оделась и вышла, а Б.Н. задержался, разыскивая по обыкновению затерявшуюся палку, перчатки, кашне. Через несколько минут он появился, и мы отправились. Прогулка длилась часа два. О маляре как-то не было речи. Когда вернулись домой, он уже ушел, окончив работу. Хозяйка остановила меня в кухне и спросила таинственным шопотом: — «О чем это *он* говорил с мужиком? Как вы ушли, мужик-то ведь, плакал. Сам мажет, а слезы-то: во... в кулак. И приговаривает: Ну и человек... Это вот человек... Я его: Чего ты?.. А он замолчал... Головой только крутит...»

Не передавая слов хозяйки, я спросила Б.Н., о чем у него был разговор с маляром. — «Да ни о чем. Я поздоровался. Предложил папирос (в это время с табаком было трудно) и спросил, где он работает... Больше, кажется, ничего... А зачем тебе это?» И когда я рассказала, он сперва удивился. Потом задумался и тихо, почти с болью, сказал: — «Как же мы слепы, рассеянны, замкнуты глухо в себе и небрежно небрежны».

В «Масках» Б.Н. рассказывает, как Никанор, брат Коробкина, приласкал ненавидимого матерью полуторогодовалого «шиша» — Владиславика. Угрюмый, заброшен-

ный «шишонок, свой носик задрал, кулачечком трясся доверчиво под животом Никанора: — и зверь любит ласку!»² «И зверь любит ласку» — в эти слова Б.Н. вложил очень многое.

Он был глубоко убежден, что при нормальных условиях не только ласка, но простая приветливость имеют большое значение для совместной жизни людей и представляют собой уже мощный социальный рычаг, а не одно выявление личного прекраснодушия, не заслуживающего особого внимания.

Но он был очень вспыльчив и мог взорваться в любую минуту. Особенно же не выносил он несправедливости, и тогда вступался, несмотря ни на что.

Делаю выписку из воспоминаний Г.

«Помню: ночь в Коктебеле. У Макса на вышке чтение стихов. Поэт Шенгели читает стихотворение, незаслуженно оскорбляющее Горького. Кончил. Все молчат. Молчит и Макс — все принимающий. Взвизывает Б.Н.: „Макс, я уйду... У меня лампа неверное, коптит...“ — „Что ты, Боря, она и не горит вовсе“. — „Ну, я уйду, все равно... Я не могу здесь оставаться. Я не позволю оскорблять русских писателей...“ — „Ну, Боря...“ — „Нет, я не могу... Это нельзя...“»

Я не присутствовала при чтении и сидела у себя в комнате, когда бурей влетел Б.Н., за ним Мария Степановна, за ней, кажется, Шкапская и кто-то еще.

Г. продолжает: «Б.Н. всегда выражал свое негодование прямо, но всегда старался не говорить лишних слов, обидных тому, кто их заслуживал. Всегда протестовал горячо и в настоящем смысле — по существу. И я знала: если Б.Н. сердится, значит — кого-то или что-то важное принизили, незаслуженно оскорбили. И если внешнего ответа сразу не имела, не понимала, в чем суть именно, то ждала — и ответ приходил. Со временем всегда понимала подлинную причину его протеста».³

Другой подобный же случай произошел опять в Коктебеле, но через девять лет в 1933 году. Мы жили тогда в

доме отдыха Ленинградского Литфонда.

Как-то вывесили стенгазету, где в очень резкой форме задели администрацию и некоторых из отдыхающих. Газета вызвала общее неудовольствие. Читали, качали головой, ахали. Но говорить не хотели: еще попадешь в «историю». Статья была неприятная.

Б.Н. прочел ее, когда мы возвращались к себе после завтрака, и тут же взорвался. Случайно никого кругом не было. Весь день я уговаривала его не вмешиваться. Я очень боялась за него, т.к. знала, чем кончаются подобные вспышки. Просила его беречь себя и подумать о своем здоровье. Он мрачно молчал. За обедом едва прикасался к еде и быстро ушел. Я видела, что его не удержишь. И все-таки умоляла: — «Обещай, что не будешь... Обещай...» Это было незадолго до 15 июля, когда с ним случился удар, и я пугалась его день ото дня растущей нервности и учащавшейся головной боли.⁴ — «Да, да» — отвечал он рассеянно. Но я видела, что он думает о своем и поступит по своему, потому что иначе не может.

За ужином, когда все собрались, он громко выразил свое возмущение по поводу «недостойной статьи». Сперва соседи старались замять, перевести на шутку. Тогда он стал возвышать голос. И кончил громовыми раскатами, которых укрыть уже было нельзя. Около собралась кучка, ему жали руку, сочувствовали. Кто-то захотел успокоить: — «Чего вы волнуетесь, ведь вас-то не тронули!»

В ответ грянула просто гроза: — «Вот именно потому, что меня не задели, я и могу говорить. И *должен* говорить. А вы этого не понимаете? Обидели людей, которые для нас трудятся, обидели Н.Н., которую мы все знаем... Но меня не задели. И я благополучно молчу... Так, что ли?» И долго еще негодовал. Вернулся домой измученный, с головной болью, но удовлетворенный. Дело было сделано. Второго номера стенгазеты не появилось.

Но с такою же силой он мог вспыхнуть и из-за пустяков, когда сталкивался с тем, что он называл бесцеремонностью, праздным любопытством или навязчивыми при-

ставаниями. Тут он мог яростно раскричаться на незнакомую даму, если она «бесцеремонно согнала» его с любимого места на пляже. Мог стремительно выгнать от себя самоуверенного молодого поэта. С раздражением отмахнуться от приставаний неугомонной поклонницы.

Привожу запись К.В.Б.: — «20-ые годы. Политехнический Музей. Лекция Андрея Белого об Александре Блоке. Движимый мальчишеским любопытством я проник „за кулисы“ задолго до начала лекции. Сквозь занавес сюда смутно доносятся голоса слушателей, заполняющих постепенно огромную аудиторию. Андрей Белый возбужденно прохаживается по коридору, готовясь к выступлению. То небрежно и рассеянно, то с преувеличенно радостной улыбкой он здоровается со знакомыми, тотчас же отходит от них, старается уединиться, шепчет что-то про себя, жестикулирует, не замечая окружающих, временами останавливается, припоминает что-то, снова принимается ходить. Мимо него снуют устроители вечера. Раздаются звонки, предвещающие скорое начало лекции.

Поглощенный своими мыслями, А. Белый садится на стул у стены, близко к выходу на сцену. Тотчас же рядом с ним усаживается пышная женщина с яркими губами. Это — жена поэта Р. Сначала она силится молча обратить на себя внимание Белого. Она глядит на него восторженно, пьяно, влюбленно... Он не видит или, может быть, старается не видеть ее. Тогда она неожиданно обращается к нему почти с мольбой: — „Борис Николаевич, позвольте мне только посмотреть в ваши луннолепестковые глаза...“ Лицо Белого искажается вдруг страдальческой гримасой. — „Ах, оставьте меня, — отстраняясь, громко и раздраженно говорит он ей, — оставьте меня, дайте мне приготовиться, уйдите от меня!“ Кажется он сказал: „Уйдите от меня к чорту...“ — во всяком случае именно это слышалось в тоне его голоса. На лице его неподдельная ярость на пошлости поклонницы. Она обижена и смущена. Последние звонки. Белого зовут на сцену. Не обращая больше никакого внимания на Р., он устремляется к выходу на сцену».⁵

Так безжалостно, не думая о последствиях, реагировал Б.Н. на то, что он называл несправедливым, бесцеремонным и праздным.

И совсем по-другому относился он к простым, неприятельным людям, особенно же к тем, кто работает — *трудится*, как он говорил. Он уважал и ценил *труд* в любой форме и области. И даже чем скромнее была область труда, — тем «бережней» он подходил к *человеку*, его исполнявшему. В этом смысле он не делал различия между женщиной рассыльной, принесшей ему из издательства корректурные гранки, и знаменитым врачом, приглашенным к нему во время болезни.

Зиму 1931 года мы жили в «Детском Селе», а по продовольственным карточкам получали для нас в Ленинграде. Обычно продукты нам привозил П., который регулярно бывал в Детском Селе для работы над Блоком с Р.И., иногда жена П., изредка — Спасские.⁶ На этот раз все они были заняты, и с мешком появилась домашняя работница П., молодая девушка Лида. Б.Н. встретил ее, как обычно встречал он людей, которые оказывали ему какую-нибудь жизненную услугу. Приветливо улыбаясь, он пожал Лиде руку, пригласил сесть, отдохнуть хорошенько, «выпить чайку». Благодарил, что она «утруждает себя» и извинялся, что сам не приехал, занятый спешной работой (сидел в это время над Гоголем, и Лида застала нас как раз за диктовкой).⁷ Стал показывать свои рукописи и объяснять, что он пишет, сколько еще ему нужно прочесть, о чем написать.

Нам говорили, что это посещение произвело неизгладимое впечатление на Лиду. Ее мечтой сделалось жить у нас и помогать по хозяйству. Когда мы уехали в Москву,⁸ она очень жалела, что не будет видеть Б.Н., и просила передать: «Если им будет нужна домработница, пусть только напишут. Я непременно приеду».

О Б.Н. она отзывалась: — «При нем чувствуешь себя лучше. При нем хочется быть лучше. Он какой-то особенный человек. Хорошо бы пожить с ними. От него можно

многому научиться». Лида была независимая, очень неглупая и по-своему тонкая девушка. Работу свою она считала временной и стремилась учиться. Когда Б.Н. непременно хотел чем-нибудь отблагодарить ее за услуги и спрашивал через П., чего бы она хотела, она сперва решительно и даже резко отказывалась. И наконец согласилась: — «Если уж хочет, пусть даст какую-нибудь свою книгу». Б.Н. подарил ей с надписью Никитинское издание «Петербург». ⁹

В Кучине не только хозяйева, но и соседи любили Б.Н. и, когда привыкли, то обращались с ним запросто, как со своим. Он, в свою очередь, интересовался их жизнью, при встречах охотно беседовал и был в курсе всех дел.

Главным докладчиком, так сказать — «премьер-министром», была наша хозяйка, женщина с фантазией и пылким воображением. На протяжении шести кучинских лет она была для Б.Н. своего рода нянюшкой Ариной Родионовной, и очень развлекала его своими яркими рассказами. От нее-то и узнавал Б.Н. все последние новости, которыми «переполненная» Е.Т. не могла не поделиться, внося самовар или подавая обед. Отойдя к двери, она сообщала взволнованно: — «Левандовский нынче надстройку сделал шикарную (любимый эпитет Е.Т., выражавший предельный восторг), а сад весь засадил кустами смородины. И зачем ему эта смородина?» Или: — «Косая Дарьюшка добыла-таки себе печку железную, а то мерзла старуха прошлую зиму, как в проруби». — «У Лазаревых этим летом цветник будет не то, что в прошлом году: снег чуть сошел, а уж копают. Навозу понавели, песку понасыпали: мешают с землей. Продавать, видно, будут — цветы-то». — «А Шилкин опять в Турцию укатил за хлопком. То-то Любви Васильевне шелковых чулок понавезет», — добавлялось с восторженным и добродушно завистливым вздохом, хотя шелковые чулки были ей так же нужны, как и Б.Н. Эта Любовь Васильевна, немолодая уже, маленькая женщина, с умильно пронирыливым видом и тихим голосом, временами появлялась у Е.Т. по несколько раз в день и кружила

ей голову баснословными экспромптами о турецких шелках, которыми заваливал ее муж. Рассказ о нарядах Л.В. и о том, какой она живет барыней, длился годами. Б.Н., смеясь, называл ее «Стирфорсом» Елизаветы Трофимовны. Он уверял, что у каждого человека есть и непременно должен быть свой «Стирфорс». Если же видеть, каков здесь был «Давид Копперфильд», то картина получалась яркая.¹⁰

Впрочем, при широкой натуре Е.Т., у нее был еще один «Стирфорс», как Б.Н. говорил — «по части съедобной» — «Елизаветушка», ее дальняя родственница. О гомерических аппетитах Елизаветушки рассказывалось с таким же упованием, как о шелках Шилкиной, но без зависти, скорее в тонах почтительного удивления и ужаса: — «И куда это она столько ест... В момент батон белый глотает».

Перед рабочим столом Б.Н. было окно, выходившее на калитку. Иногда он влетал с пером в руке в мою комнату и шептал, задыхаясь от смеха: — «Елизаветушка. Стирфорс съедобный». Я взглядывала в окно и видела, как мимо величественно плыла на крыльцо необъятных размеров фигура, обмахивающаяся от жары белым платочком. Нужно сказать, что обоим «Стирфорсам» Б.Н. при встречах целовал руку. Те невероятно конфузились и рдели как розы, но принимали этот почтительный привет с каким-то невыразимым достоинством и видимо вырастали в своих собственных глазах.

В разговорах наших хозяев между собой большую роль играли еще какие-то таинственные «Епишка» и «Ксенофонтов». Их мы в глаза не видели. Но перегородка в нашем домике не доходила до потолка и мы постоянно слышали: — «Епишка опять к поезду опоздал, так и остался дураком на платформе». Или: — «Ксенофонтов-то нынче, видно, не служит... С поезда все уж прошли, а его не видать».

«Епишка» и «Ксенофонтов» возбуждали фантазию Б.Н. Он строил из них целые мифы, описывал их предполагаемую наружность, нравы, быт жизни. Вместе со «Стирфорсами», косой Дарьюшкой, вечно пьяным Никандрычем, Антонихой, Журавлихой, и другими кучинскими оби-

тателями, в переплетении со словарем Даля, они были вдохновителями многих «переулочных» сенок из романа «Москва».

Кроме Е.Т., чаще других Б.Н. разговаривал с Борей. Это был сын соседей, мальчик лет 12-14, которого Е.Т. приговорила носить нам воду. Когда Боря появлялся с ведрами, Б.Н. часто бывал на дворе: возился со снегом, разметал дорожки, сгребал в кучи осенние листья. Он неизменно приветливо окликал: — «Здравствуйте, Боря». И тогда сам собой возникал разговор: о школе, о товарищах, о событиях дня — у Поповых украли корову, на шоссе дача сгорела, «мы с братом» провели радио. Бывало, Боря поставит ведра на землю и забыв о них, оживленно болтает. А Б.Н. стоит, опершись на лопату или грабли, и ласково смотрит.

Если Е.Т. начинала ворчать или жаловаться: — «Опять воды не принес... Ветер у него в голове», — то Б.Н. заступался: — «Нет, Боря славный: очень живой и смысленный. Что же, что он легкомысленный... В его годы это понятно». Боря помогал нам и «выручал» в разных случаях. Он исполнял иногда поручения Б.Н. в городе, при отъезде завязывал и нес чемоданы до станции. Делал все как-то легко, охотно и весело. Когда осенью мы возвращались с поездки на юг, то на столе Б.Н. ждал огромный букет: — «Это Борька принес, — поясняла Е.Т., — забегал, спрашивал, когда вы приедете».

В Москве, на Плющихе, председатель домкома рабочий Аксенов, который хорошо знал всех обитателей нашей квартиры, скоро отметил Б.Н. и удивил кого-то из наших домашних, спросив неожиданно и очень серьезно: — «Что это он — от напряжения мысли такой?» *Какой* — этого Аксенов не пояснял, но при встрече как-то особенно внимательно раскланивался с Б.Н.

Вскоре случилось, что в контору за справками вместе с Б.Н. зашел один из наших друзей. Чтобы поднять в глазах Аксенова престиж Б.Н., он начал говорить о значении Андрея Белого, как писателя, которого знают не только

у нас, но и за рубежом. Б.Н. рассказывал, что Аксенов все это сдержанно выслушал, опустив глаза, а потом «твердо взглянул и ответил с достоинством: — „Я тоже знаю его три года“. В интонации прозвучало: — „Нечего объяснять. Сам понимаю“. — Мне стало неловко, — добавлял Б.Н., — и я поспешил увлечь Н. из конторы».

Летом 1932 года мы с Б.Н. гостили у моей сестры в Лебедяни.¹¹ В одном домике с нами, в самом близком соседстве — смежные комнаты и общая кухня — жила семья молодых татар: Миша, рабочий с кирпичного завода, сестра его Рая, тоже работница, и ее муж Сергей, демобилизованный красноармеец.

Сначала они очень дичились, «робели», по их выражению. Но скоро Б.Н. покори́л их сердца. Им нравилось, что он такой простой и всегда «веселый». — «Не гордый и все смеется», — отзывались они одобрительно.

Как-то вечером он с увлечением рассказывал вышедшим посидеть на закате обитателям домика, — кроме татар, — еще две старушки, хозяйка и дачница с сыном, — о Москве, о строительстве (интересовавшая его тогда тема),¹² о своих путешествиях. Сестра спросила потом у татарки: — «Что же, Рая, понравилось тебе, что говорил Б.Н.?» — «Очень понравилось, хорошо говорит: точно песни поет». — «А что говорил, ты поняла?» — «Нет... Ничего не поняла. Только — хорошо говорил, еще бы послушала...» и Рая перешла на татарский язык, так как русских слов для выражения своих чувств ей не хватало.

Когда мы уехали, то долгое время воспоминания о Б.Н. были предметом всех разговоров. А в письмах сестры передавались приветы и приглашения снова приехать.

Б.Н. никогда не подделывался под слушателей или собеседников. Он говорил почти со всеми своим обычным языком, который менялся только от темы, характера затронутых вопросов и встречных реплик. Он был очень общителен, и самые оживленные разговоры возникали у него на каждом шагу. Своим конкретным вниманием, ин-

тересом и неподдельной искренностью он заставлял разговаривать даже молчаливых людей. Сам же он особенно любил расспрашивать всяких специалистов, профессионалов и мастеров своего дела. И после говорил с удовольствием: — «Узнал много нового, такого, о чем только специалист может поведать. Вот: век живи, век учись». Познавательный момент всегда в нем присутствовал.

Выходило как-то само собой, что даже случайный разговор приобретал в конце концов определенное содержание. В таких случаях просто болтать Б.Н. не умел и вообще не любил пустословия.

Сколько разнообразных бесед завязывалось у него, например, на Девичьем Поле, где одно время мы постоянно гуляли. То присядет рядом возвращающийся домой рабочий-литейщик. И через две минуты уже Б.Н. с интересом погружается в тонкости литейного дела. То монтер объясняет детали различных проводов. То колхозник обстоятельно и неторопливо повествует о своих урожаях.

Еще больше в вагоне, при дальних поездках. Тут он часами мог слушать о производстве боржомских бутылок и задавать свои «углубляющие тему» вопросы. Или так же внимательно прослеживал все стадии процесса шлифовки зеркал, задачи преподавания химии в авиатехникуме, с ужасами ипритов. Или вдохновлялся яркими картинами рыбных промыслов на Севане, сообщениями о том, как нужно рыть артезианский колодец, и что значит — хорошо сшить и почистить ботинки. С чистильщиком сапог у нас на углу на Плющихе он был в оживленных сношениях, что, конечно, обязывало к покупке совершенно ненужных шнурков, стелек, набоек. Узнал его имя, всю биографию, — кажется, бывший огнепоклонник из-под Баку, и проходя, неизменно раскланивался: — «Здравствуйте, Ассур» (теперь уже имени точно не помню), на что тот отвечал с широчайшей улыбкой: — «Здравствуй, здравствуй, давай сапога чистить...» И призывно взмахивал щеткой.

Я не стала бы перечислять эти мелочи, если бы они не были связаны с тем, что в ином преломлении окрашивало

собой творчество Б.Н. и сделало его реалистом в символизме. Это было стремление к познанию жизни из уст живых людей, произвольное наблюдение, собирание материалов для возможных будущих работ. Так, в 1905-6 гг. разговоры в городских и деревенских трактирах и чайных составили фольклорную основу романа «Серебряный Голубь», написанного только в 1910 году.¹³ Очень часто именно эти люди, не подозревавшие о существовании «Андрея Белого», говорили с ним очень открыто, сразу тянулись к нему и проникались безотчетной симпатией. Иные из них отзывались: — «Особенный... Не такой, как другие...» А если спросить — чем он «не такой» и почему им нравится, что он «не такой», — то объяснить не могли.

Но в силу диалектики жизни то, что необъяснимо привлекало одних, также необъяснимо, стихийно и непреодолимо отталкивало, раздражало или просто пугало других. И возникали, тоже на каждом шагу, конфликты, которых он сам не умел разрешить.

В 1919 году мы проводили часть лета в Карачеве — маленький городок близ Орла.¹⁴ Вышло так, что мы разместились в разных квартирах. Б.Н-чу прислуживала работница, крестьянская девушка, Аннушка, существо на редкость примитивное и дикое. Они никак не могли договориться. Приходя к Б.Н., я постоянно наталкивалась на сцену. Начиналось с того, что Аннушку нужно было «выстукивать» снизу, т.е. стучать ей в пол, чтобы она поднялась из кухни. Б.Н. не решался постучать достаточно сильно, боясь помешать хозяевам. А между тем у них за стеной был всегда такой шум, смех, громкие разговоры, даже ссоры и чуть ли не драки. Но Б.Н-ча все равно нельзя было уговорить, и он еле прикасался к полу ногой. Аннушка, конечно, не шла. Тогда он начинал выходить из себя: — «Вот, не идет! Всегда так! Стучу ей, стучу!» Я брала палку и «выстукивала». Аннушка появлялась. Сперва я, в качестве гостыи, не решалась сразу же вмешиваться. И начиналось второе мучение. Подыскивая слова, с длинными, напряженными паузами, робко, будто в чем-то виноватый,

Б.Н. рвался к ней издали: — «Аннушка, ...если вы можете ...если не заняты...нельзя ли...пожалуйста...» Аннушка шарахалась, тарасила дико глаза и в смертельном испуге пятилась к двери. Видно было, что она ничего не понимает и хочет лишь одного — поскорее уйти. Приходилось улаживать: — «Аннушка, поставь самовар». Лицо ее прояснялось. На нем выступало отчетливо: — «Только-то! Самовар! А как напугал. Даже дух захватило». И вздохнув облегченно и громко, она удалялась.

Я спрашивала Б.Н., зачем он так все усложняет, зачем столько «пожалуйста». Разве он не видит, что Аннушке надо просто сказать: Поставь самовар, или: Принеси молоко. Вместо ответа, махнув рукой, Б.Н. бросался на постель, лицом в подушки, — его жест в минуты душевных расстройств и всяческих огорчений, — и приподымая голову, искоса жалобно поглядывая, вскрикивал: — «Не могу, не умею. Не знаю, *как* говорить...»

А через полчаса, прихлебывая крепкий чай, прочитывал мне блестящие страницы из «Путевых заметок», которые он тогда переделывал:¹⁵ о ярко «поющих витражах» готики, об «искролетах» итальянской мозаики, преобразующей камешки в «бурю света», о странно двоящейся «усмешке» в действиях Фридриха II Гогенштауфена, об «изразцовом смехе» Туниса, об арабах и берберях, о туарегах, «как ливень заливших черный пламень древней негрской культуры» с ее центрами: Диэннеею, и особенно Тимбукту, где «ключом били» науки, искусства, где процветал университет и собирались ценнейшие библиотеки.

Понятно, что Аннушка была от него больше, чем за тысячу верст. Теоретически он допускал и соглашался, что излишняя деликатность в жизни только мешает, но практически все оставалось по-прежнему.

Сколько раз, бывало: подъезжаем к гостинице. Б.Н. идет справиться, есть ли свободные номера. Через минуту бежит негодующий, возмущенный. — «Нет, нет, едем скорей отсюда...» — «Да почему? Разве все занято?» — «Нет, нет. Я не хочу... Грубияны... Невежи... Едем, едем скорей!...»

Потом выясняется: не сумел договориться, не поняли, стали грубиянить и смеяться.

Этому трудно поверить. Ведь Б.Н. мог в любую минуту сделать доклад, прочесть лекцию, написать статью. Но сказать в двух словах, что ему нужен номер в гостинице он не умел. Роковым образом он вызывал глухой отпор или явную злобу во всех окошечках касс, за всеми конторскими столами или магазинными прилавками. Он раздражал, его не понимали. В его непривычной вежливости начинали видеть скрытый подвох и старались сделать какую-нибудь неприятность. Тогда он от «пожалуйста» и «извините» стремительно переходил в нападающий тон. И — готово! Никто не хотел исполнять его просьбы.

Странно, что в такие минуты он казался мне иногда красным платком, которым машут перед начинающими приходить в ярость животными. Тут сталкивались два слишком разные мира, не имевшие общих точек соприкосновения, две действительности, одинаково правомерные, но взаимно исключают друг друга.

Он не сливался с толпой, как-то сразу бросался в глаза и вызывал внимание и интерес. За ним начинали следить, оглядываться, — далеко не всегда дружелюбно. Точно своим появлением он колебал привычные нормы, нарушал равновесие жизни. Точно он не укладывался в рамки общего быта, который неизбежно и жестоко мстил за себя.

С этим он ничего не мог сделать: начиная от мелочей и до самого крупного. Вопреки всем усилиям, всем принятым решениям «не зацепиться», пройти незамеченным, он как раз «зацеплялся» и — раздражался «скандал», поднималась ожесточенная перепалка, где пострадавшим оказывался обычно Б.Н.

Хуже всего было в этом отношении в поездках. Попробую рассказать один характерный эпизод из нашего кавказского путешествия. Мне трудно об этом писать, как трудно было переживать это вместе с ним. Мы подъезжали к Риону.¹⁶ Предстояла пересадка на Кутаис. За окнами — черная ночь и гроза, которая началась еще с вечера, едва

мы отъехали от Батуми. Было страшно взглянуть в этот мрак. Зеленоватые молнии вздрагивали поминутно и призрачным, мертвенным светом озаряли сплошную завесу дождя. Казалось, что мы пересекаем не лесистую местность Мингрелии, а дно какого-то гигантского древнего моря, тяжелые воды которого поглотили и навсегда отрезали нас своею зеленовато-свинцовой массой от света и солнца. На остановках тишина за окном разрывалась, и в уши бросался свист ураганного ветра. Он дико бил в стекла и в стенки вагона, а над головой рушились молоты гулких раскатов.

Б.Н. всегда очень нервно реагировал на грозу, с трудом переносил «скопление электричества в воздухе». Теперь же он был утомлен двухдневным уже переездом из Красной Поляны, простужен и сильно кашлял. Его ужасало, как мы высадимся в этот «бред разъяренных стихий». И он ежеминутно вскакивал, бросался к окнам. — «Потоп! Настоящий потоп!... Как мы выйдем в Рионе? Как отыщем носильщика?...»

Тщетно старалась я его успокоить, т.к. видела, что он уже раздражает наших спутников по купе. Это были здоровые, рослые люди, чисто выбритые, в длинных белоснежных рубашках, перехваченных узкими поясами. Бесцеремонно вытянув ноги, они развалились на мягких диванах, побросав на верхнюю полку свои щегольские портфели. Из их громких разговоров можно было понять, что они направляются куда-то на съезд. Своим волнением и вскриками Б.Н. им явно мешал. Они косились в его сторону, вздергивали брови и, пожимая плечами, насмешливо улыбались. Всем своим видом они говорили: — «Есть из-за чего волноваться. Подумаешь: пересадка, носильщики... У нас вот дела... А тут: пересадка...»

Наконец-то Рион. Остановка. Наш вагон в конце поезда. Платформа где-то очень вдали намечалась огнями. Выглянули в окно: темнота, пустота, лужи внизу, ливень сверху. Стали вытаскиваться прямо в грязь. Б.Н. — в полном отчаянии. Где же носильщики?

Соседи прервали свой разговор и с веселым любопытством следили, что будет дальше. — «Носильщик!» — крикнул Б.Н. Носильщика не было. Только сверху, из ярко освещенного окна вагона — взрыв хохота. Люди в белых рубашках, засунув руки в карманы, веселились над нами.

Б.Н. разрывался, как лучше сделать: бросить меня одну в темноте и самому пойти за носильщиком? Или остаться с вещами и отпустить меня одну «в неизвестность» далеких платформ? Наконец, он решил и, не оглядываясь, кинулся к станции. Некоторое время я видела, как он метался там, точно большая черная бабочка, то попадая в свет фонаря, то исчезая. И, наконец, скрылся совсем. Я продолжала стоять в растущей тревоге: где он? Вот и поезд ушел. Стало еще темней и пустынной. Время тянулось томительно. Я не знала, что предпринять.

Вдруг издали возглас: — «Где же она!..» И уже совсем отчаянное: — «Нет, да где же она!...» Я откликнулась. Откуда-то сбоку вынырнули две фигуры: Б.Н. с носильщиком. — «Вот и хорошо!» — вырвалось у меня. Но тут же голос мой оборвался. Б.Н. схватил меня за руку. Он был как в лихорадке: дрожал, точно в сильном ознобе и задыхался: — «Сейчас расскажу... Увидишь сама... Они все хохотали... Устроили зрелище...» Я повернулась к носильщику. Он был мрачен и тупился. Нехотя взял вещи и, не глядя на нас, пошел на огни. Мы за ним. Б.Н. крепче сжал мою руку. Вот и платформа. Нас ждала уже кучка народа и, окружив, двинулась вместе в вокзальную комнату. Взгляды всех приковались к Б.Н. с тупым любопытством. Зал был переполнен, скамейки все заняты. Кое-как примостились на чемоданах. Поезд на Кутаис отходил через час. Толпа продолжала стоять и разглядывать, переговариваясь на незнакомом для нас языке. «Видишь, видишь, — зашептал Б.Н., — так они встретили меня с самого же начала. Я искал носильщика, спрашивал. Никто не хотел ничего объяснить. Только смеялись. Тогда я стал кричать, что по Кавказу нельзя путешествовать, везде беспорядок, о пассажирах никто не заботится и нет элементарных

удобств. Тут уж понесся не смех, а ропот, угрозы. Я вызвал зверя... И он зарычал...»

Не помню уж, как рядом с нами возникла фигура. Какой-то человек в форменной фуражке обратился к нам по-русски и стал успокаивать Б.Н. Начался разговор. Оказалось, что нам по дороге, что и он в Кутаис. Мы проболтали до самого поезда, вместе уселись в вагон, и всю дорогу слушали интересные рассказы о природе и нравах Кавказа. Б.Н. совсем отошел, почти развеселился, по обыкновению стал спрашивать, развивать свои мысли.

В Кутаисе наш добрый гений также нас выручил. Когда мы вышли на перрон, извозчиков уже не было. И мы в недоумении стояли одни на площадке перед вокзалом, опять в темноте, под тем же все ливнем. Компаньон наш куда-то исчез. Через несколько минут он вдруг появился в сопровождении маленького, невероятно худого и слабого старичка-еврея. — «Что это?...» — удивился Б.Н. — «А вот он понесет вещи. А мы пойдем за ним. Больше ведь нечего делать». — «Как он понесет... — ужаснулся Б.Н., — Его самого надо нести... Я не могу допустить... Не могу... Так же нельзя...» Старичок еврей, не понимая настоящей причины взволнованных криков Б.Н., испугался, что его отвергают за малосилие. Кое-как, коверкая слова, он стал уверять, что донесет, что он привык носить очень большие тяжести, а наши чемоданы совсем легкие и что, главное: «Хлеба... хлеба кушать надо».

Вместе со спутником мы с трудом уговорили Б.Н. согласиться. Но он отвернулся, нервно постукивая палкой по ступенькам, когда старик взвалил на спину наш чемодан и брал в руки портплед. Когда же тронулись и впереди нас, прихрамывая, заковыляла хилая фигурка носильщика, Б.Н. снова заволновался. Пришлось обогнать и пойти впереди, чтобы он успокоился и не рвался помочь.

Не изгладился из памяти этот путь от кутаисского вокзала до гостиницы. Черное небо, вспышки молний, гром. Гул ливня, клекотанье где-то рядом вздутых потоков, неровная дорога, едва освещаемая тусклыми пятнами редко

мерцающих фонарей. Лабиринт незнакомых садов, переулков и улиц. И — ни души. На одном из перекрестков наш добрый помощник простился: — «Мне сюда. А вы тоже скоро дойдете. Гостиница рядом».

Минут через десять мы дошли. Оказались свободные номера. Поднялись среди пальм и зеркал, по коврам белой лестницы. Все это как-то особенно бросилось в глаза после нашего странствия. Прошли по пустынному, очень светлому коридору в высокую, тихую комнату. Старичок поставил вещи на пол и присел тут же на корточки, тяжело дыша. — «Сколько вам за вашу помощь?» — обратился к нему Б.Н. — «Рубль» — раздалось нерешительно. — «Как рубль! За такую дорогу... За такой труд... Это же невозможно... Что он говорит!...» — бросался Б.Н. то ко мне, то к старику. Голос его обрывался, на глазах были слезы. Старичок, опять не понявший криков Б.Н., испуганно залепетал: — «Сколько дашь, сколько дашь...» И окончательно растерялся, когда Б.Н., не глядя, захватил пачку бумажек, поймал его руку и крепко пожал, едва выговаривая: «Спасибо, спасибо сердечное... Идите скорей. Отдохните. Сырость такая. Вы промокли насквозь». Я видела, что теперь старик плакал, прислонившись к стене, и своими бездонными, древними глазами глядел то на зажатые в его руке бумажки, то на Б.Н., который все еще продолжал что-то взволнованно и горячо говорить. — «Идите, идите, — вмешалась я, чтобы прервать эту сцену, — нам тоже нужно отдохнуть».

В 20-21 гг. Б.Н. писал в своих афоризмах о «Правде»: — «...Жалость. Слово то для меня есть слияние, символ: Любви, Света, Истины; В „жалости“ — корень конкретной, доступной нам правды.... Начало любви к человечеству в любви-жалости к имя рек, к одному, к единственному, к обывателю, к малому. Без этого начала любви все — сон пустой. Недаром народ называет одним общим словом: сострадание, и любовь: „я жалею“ — вот главное. „Я люблю несказанно“ без жалости — сон: сон пустой! Жалею есть: одновременно и плачу, и смеюсь от...любви.

Оправдываю тебя, ближний мой, малый, как я, — в твоём малом, которое больше „великого“; и обнимаю тебя целиком: ты — страдаешь. Примем „вести“ друг друга — друг в друге; и „со-весть“ меж нами возникает» («Так говорит правда», Зап. мечт. № 5, 124-125).¹⁷

Здесь корень повышенной и, как может иным показаться, чрезмерной впечатлительности Б.Н. Конечно, он был впечатлителен. Но кроме того, за каждым почти непосредственным впечатлением в нём поднимался мгновенно вихрь обобщающих мыслей и вызывал с удесятёренной силой реакцию, не всегда понятную для других. Он переживал *симптоматически* и во многих случаях — не отдельный пустяк, на который не стоит обращать внимания, а *симптом*, показатель, признак чего-то, что требует к себе другого уже отношения. «Рубль» старичка-еврея так особенно поразил его ещё и потому, что как раз перед тем, утром в Батуме, произошла совсем обратная сцена. Б.Н. был готов щедро вознаградить за самую небольшую услугу, которую, кстати сказать, он неизменно называл помощью. Но зато он приходил в невероятный гнев и проявлял страстное возмущение, когда замечал желание «урвать», «запросить» больше, чем следует.

Мы подъезжали к Батуму. Едва пароход успел причалить и были спущены сходни, как «орава» галдящих носильщиков кинулась на палубу. Переругиваясь между собой, здоровенные парни стали нагло рвать наши вещи, требуя по пяти рублей, чтобы донести до извозчика. Возмущённый этим грубым натиском, Б.Н. в одну минуту растолкал их всех и с восклицанием, заглушившим сразу же все голоса: — «Бездельники, грабители... Вам бы на большой дороге грабить...» — бросился к пристани, захватив наши ручные вещи. Через мгновение несётся обратно сияющий и без вещей: — «Скорее... портплед, подушки... Ждёт извозчик...» — «Где?» — «Там» — довольный кивок головы куда-то вниз, в сторону. — «А номерок?» — «Какой номерок?» — «Да извозчик-то как же? Как мы его найдём?» Не отвечая, Б.Н. уже мчался обратно. Номерок,

разумеется, не был взят. Но все обошлось благополучно, извозчик нас ждал.

А едва мы доехали до гостиницы, как Б.Н. свалился в припадке тяжелого гриппа, который он схватил еще на пароходе. Пролежал весь день и вечером едва имел силы чтобы доехать до вокзала и сесть в вагон.

Да, Б.Н. был очень горяч, очень страстен. Но в крупном, он умел сдерживать свой порыв и довести до конца задуманное. Помню такой случай. С каким волнением, тоскуя по родине, он рассказал мне об этом в Берлине.

В 21 году, провожая его за границу, А.Д. сунула ему на дорогу небольшой сверток.¹⁸ Он положил его в свой ручной чемодан и забыл. Уже в Ковно, где он задержался в ожидании визы и где «все ломилось едой», этот сверток попал ему в руки. Он раскрыл. Выпали черные, сухие кусочки «чего-то». Пригляделся, и — сердце сжалось, к горлу поднялся комок: «Ведь это лепешки! Мама дала как гостинец в дорогу. Милая... *Это* — гостинец!... И все они там — так. У них это — лакомство... Здесь же...». И рванулось: «Куда же я еду от них? Мое место с ними, — делить этот черный кусочек...» — Только усилием воли порыв поборол: все бросить, вернуться обратно. Стиснул зубы. И стал дальше ждать визу в Германию.

У Б.Н. был жизненный идеал человека, заветный и тайно хранимый. Он открыл его мне не сразу, а только после нескольких лет близости, в одну из тихих минут. И назвал его греческим словом *Kalos k'agathos* (*kalos kai agathos*) — прекрасный и добрый или *Kalokagathos* — прекрасно-добрый (благой), в одно слово, как оно звучало для греков.

Этот утерянный ныне эпитет показывает, что они умели еще не отделять красоту от добра и воспринимать их синтетически, одновременно, как внешнюю и внутреннюю сторону явлений.

В нашем сознании эти понятия разделились. И разделение произошло так давно и утвердилось так прочно, что теперь уже трудно представить себе их конкретную связанность. Их синтез утрачен. И как бы нет уже органа для

восприятия того невыразимого *качества*, которое возникает от живого, жизненного соединения этих двух принципов. Прекрасное стало самодовлеющим. И никому не придет в голову примешивать к нему мысль о добре. Слишком хорошо известно, что одно относится к области эстетики, другое же — к области этики. А что общего между эстетикой и этикой? Для нас — ничего, кроме непрекращающихся споров о значении содержания и формы в искусстве.

А между тем в греческом языке прилагательные *kalos* и *agathos* не только сливались, но и мыслились как единство, образуя существительное: *Kalokagathia*, означавшее совершенство — в словарях прибавлено: нравственное.

Но Б.Н. слышал в нем большее. Споры филологов и эстетов показали ему, что подлинный смысл *Kalokagathos* утерян именно потому, что оно стало разломанным на две половины. И эти половины воспринимаются, как простая и даже случайная сумма двух разных качеств. На самом деле это не сумма, а произведение, предполагающее действие бессознательного умножения. Это подобие умножения происходит в нашей душе, когда в ней пересекаются два рода воздействий, скрыто присутствующих в каждом восприятии: воздействие внешнего и внутреннего. На пересечении их и возникает *Kalokagathos*, в котором прекрасное и доброе взаимно проникают, как бы химически окрашивают друг друга и являют собой совсем новое качество: прекрасно-доброе.

Это значение скрыто звучит в настойчивых утверждениях Б.Н. принципа единства формы и содержания (как неразложимого формосодержания), — принципа, который лежит в основе его понимания символизма. Еще в 1906 году он писал: — «Когда мы говорим о формах в искусстве, мы не разумеем чего-то, отличного от содержания». (Символизм, 175)¹⁹

А в 1932 году, уже подводя итоги прошлого, он пишет, что символизм есть «самосознание творчества, как критицизм», и что «он противопоставляет себя „школам“ там,

где эти школы нарушают основной лозунг единства формы и содержания» («Между двух революций», 216).²⁰

И в «Symballo» и в «Kalokagathia» и в учении о ритме в Б.Н. совершенно неожиданно и неузнанная никем проговорила — Греция.

В искусстве слова к безусловно прекрасно-доброму он относил прежде всего: Пушкина, Толстого, Диккенса (особенно Давид Копперфильд), Шекспира — творца Гамлета и Короля Лира.

В жизни он с глубокой благодарностью пронес через все свои годы память о тех, кто прозвучал для него в ноте Kalokagathos: Л.И. Поливанов, Жорес, М.С. Соловьев, В.А. Серов.²¹ А ряд его жизненных драм происходил от того, что эта нота раздваивалась и из прекрасного выходило *не* доброе.

Я закончу эту главу отрывком из статьи-некролога, посвященного Б.Н-чем памяти художника В.А. Серова, чтобы показать, как понимал он Kalokagathos в конкретном его проявлении.

... В комнату он входил как-то тихо, неловко, угрюмо и... крадучись; в комнату с ним входила невидимо атмосфера любви и суда над всем ложным, фальшивым... Он присутствовал среди нас, как учитель, как *мастер* искусства, — искусства быть честным; к разговору, к событию, к человеку относился он с той же серьезною строгостью, как к картинам своим.... Я Серова не видел бичующим: не был он *моралистом* в провозглашение абстракций морали и добродетели... Его мнение лишь художественно рисовало карикатуры и подлинные красоты; тем сильнее одушевлялось сознание наше при созерцании этих *жестов* Серова — красотой и добром. Красота и добро сочетались в единство им: он имел скрытый пафос морального творчества, моральной фантазии: был прекраснейшим человеком...в себе сочетающим гармонически красоту и добро; точно был он весь создан осуществлять Платоново выражение Kalokagathos²² о котором написано множество абстрактнейших комментариев... Его творчество было скромным весенним дыханием *новых форм* или печалью о недостигнутых формах правдивой гармонии. Это создавало вокруг личности В.А. атмосферу ответственной

строгости, силы, людей не давящей...сила Серова не угнетала и не ломала его окружение, потому что была она *силой любви* к зерну света, произрастающему в каждом из нас. То же все зарисовано на холстах, им завещанных нам... Разоблачая все ложное, эта серовская линия обличала прекрасное; и оттого-то портреты Серова всегда — Страшный Суд, выполненный с огромной любовью и силой; личность, стоявшая перед Серовым, преображалась двойко: становилось многое в ней карикатурно, убого; но сквозь ветхое одеяние кажущейся былой пышности выступал подлинный человеческий лик, облеченный божественной жизнью.

... В.А. Серов эстетически бичевал; и бичующе выявлял красоту души человеческой. ... Почему же этот огромный художник мог казаться иным, *скуповатым* в своем выявлении? Потому, что мы чувствовали, что его прекрасная личность затаила в себе — о, насколько большее, нежели все им написанное! В.А. не досказался пред нами, потому что имел он сказать некую великую правду о *жизни и творчестве*, потому что жизнь и творчество гармонически сочетались в исканиях им *пути жизни*.... В нем жил эпохальный художник, не смогший сказать во всем своем блеске и молчаливо унесший от нас свое высшее устремление, присущее гениям лишь: сочетать искусство и жизнь, красоту и добро, высоту эстетики с этикой.... И ему, отошедшему, можем мы, поклонившись, сказать, — все, все, все...: «Ты — нам *подлинно мастер!*» (*Русские Ведомости*, 1916, 24 ноября, № 271. Памяти художника-моралиста).

6. МЫСЛЬ.

Но зелены в отечестве Омира
Холмы, леса, брега лазурных рек...

Такой рисовалась Б.Н. страна живой мысли, ее далекое отечество... Забытый, утраченный мир, где познание еще было «музыкой», науки — прекрасными «музами», а философия — Любимой-Мудростью. И Б.Н. отдал жизнь исканию путей к этой «далекой отчизне» (Баратынский)¹ давно уже скрытой от нас непроницаемостью философских систем, научных теорий и пустотою философских абстракций.

То, что я хочу рассказать, будет совсем неожиданно. Совсем непохоже на мысль, или на то, что и как говорится о мысли, что привыкли представлять себе и понимать, как мысль.

И все-таки... это будет о мысли. О том, что я видела и воспринимала, как мысль в Б.Н., что будил он во мне, чем питал и дарил мою душу. Через него я узнала о высоком трагизме познания, о том, какие грозные силы стерегут доступ к разгадке основ бытия. И какой борьбой достигается здесь каждый шаг. В нем я видела мысль во всей ее созидающей власти и во всей ее разрушающей беспощадности.

Это был Прометеев огонь. И он опалил похитителя.

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.

Думой века измерил...²

Да, «измерил века» и вобрал в себя все, чем они наделили сознание.

Он мыслил стихийно, как мудрецы древней Греции, парадоксально, как Ницше, интуитивно, как Гете. Но жест его мысли был отработан на Канте. Аристотель, Сократ, Вл. Соловьев, Лев Толстой — вошли в нее как фермент.

Вот он начинал говорить. Лились волны света. И казалось, гигантское солнце всходило, озаря ландшафты времен: «декалионы» мировых километров — народы, века, культуры и вселенные — вплоть до начала начал, или *атома*, где предел снова стал беспредельностью, и где — так учит химия — солнце протона с электронами лунных планет открылось в несуществующе-малой, глазу невидимой точке.

Он говорил. И вставляли картины эпох. Оживали фигуры борцов и строителей знания. Звучали их голоса: «Сделано то-то, тогда-то». Раскрывали, несли свои «вклады». И вновь отступали, скрывались в тенях убежавшего времени. А на смену им уже выходили другие: еще и еще — от Гераклита, Фалеса, Роджера Бэкона, Абеяра, и далее, далее, к нам приближаясь.

Вот уже Возрождение. Вот 17-ый век... 19-ый. Все ясней и отчетливей виделся мир человеку. Все больше рассеивались «поэзии ребяческие сны»,³ все трезвей становилось сознание, высвобождаясь из облачной яркости мифов, где «мир размышлял и *мирилось* знание» (Кризис мысли, 25).⁴ Отрываясь от утонченной клавиатуры средневековых споров о *potinialia* и *realia*, переходя к опытной точной науке, чтобы... в результате всех опытов атом *невидимый* был научно объявлен центром солнечной новой вселенной, смыкая конец с началом, или размыкая его в бесконечность: «Материя — глубочайшая суть бытия» (Жезл Аарона, 176).⁵

Б.Н. продумывал становление культуры. Единой и цельной рождалась она из веков в огне этой мысли. И слагалась в живой биографии растущего человечества, как своеобраз-

ный «ритмический жест», неповторимый на каждом отдельном отрезке, но повторявшийся в новом облике на огромных — многовековых размахах исторического процесса, который Б.Н. называл «спиралью истории».⁶

Над «спиралью истории» Б.Н. особенно много думал в последние годы и противопоставлял в ней органическую связь и динамическую преемственность отдельных культур и эпох биологически замкнутым кругам или «кольцам» культур у Шпенглера.

Б.Н. не был и не хотел быть профессиональным философом. Он был и в мысли — художник. «У поэзии с философией — одна общая муза: премудрость, София» (Жезл Аарона, 162), — писал он, как бы невольно видя перед собой образ Вл. Соловьева.

Но он был художник, который стремился к точному знанию, и всегда с удовлетворением отмечал, что он «естественник».⁷ В «Первом свидании» он горячо вспоминает:

... И строгой физикой мой ум
Переполнял: профессор Умов.
Над мглой космической он пел,
Развив власы и выгнув выю,
Что парадоксами Максвелл
Уничтожает энтропию,
Что взрывы, полные игры,
Таят томсоновы вихри,
И что огромные миры
В атомных силах не утихли.⁸

Б.Н. не боялся, что «холод» точного знания ослабит в нем силу образа. Он слишком хорошо знал, что этот холод — не в знании, а в рассудочной голове познающего, что по природе своей: «Всякое знание непосредственно; оно — факт» (О смысле познания, 15).⁹ Кроме того в своей глубине или на своих вершинах само точное знание не отделимо от образов «точной фантазии» (Гете), и «быстрый холод вдохновенья» (Пушкин) есть дар высоких и чистых минут для художника.¹⁰ Этот «быстрый холод» свидетельствует о той собранности и особой сознательной трезвости,

которая свойственна и вдохновению, так же, как мысли. И не бояться мысли должен художник, а ею владеть. И, овладев, вырвать ее из оков пусто-чистых понятий. В эти понятия замкнута мысль — а с ней и познание — усилиями всех очищавших, т.е. опустошавших ее философов, — главным же образом — Канта.

Отстаивая живую природу познания и мысли, Б.Н. писал, что «подобие жизни его [познания] внутри нас — органический, растительный мир» (О смысле познания, 26), что «познание есть культура воистину прорастающей жизни из мертвых кристаллов рассудочных форм» (О смысле познания, 27), и что «метаморфозы идей уподобляемы метаморфозе растительных организмов» (Кризис жизни, 21).¹¹

Процесс мысли начался в Б.Н. очень рано и страстно. Он был тогда почти еще мальчик, и это была его настоящая первая страсть. С пламенной яростью, не жалея себя, он отдавал лучшие летние месяцы на изучение философии, с конспектами, схемами и своими ответными размышлениями.

Точно дело шло о спасении «любимой», он бросался на сухие каркасы философских систем, «стараясь осилить железный узор, переплет из понятий» (Начало века, 256). Он и тогда уже бессознательно знал, что мысль — живая, Прекрасная Дама. И хотел овладеть тем оружием, которое так отточили противники, взять у них логику, пройти через стальной ход их гносеологии. И все — лишь для того, чтобы узнать врага, развить в себе силу и иметь право на ответный удар, — иметь право позднее со всей определенностью парадоксально сказать: «Гносеология есть особое искусство изламывать живой смысл» (Жезл Аарона, 165). Никакие трудности здесь не могли удержать. И чем «круче была суть системы», тем упорнее он на нее наступал.

Главным врагом его всегда был Кант. Но это был враг, достойный борьбы. Совершенной законченностью этой мертвой системы Б.Н., страстно ее ненавидя впоследствии, эстетически любовался. Кроме того он уважал в Канте

творца теории знания и критической философии и одно время был под сильным влиянием этого познавательного критицизма, что отразилось, между прочим, на некоторых стихотворениях «Урны».¹²

В «Начале века» Б.Н. указывает 1913-15 гг., как время своего окончательного освобождения, когда он мог «уже спокойно увидеть, в чем Кантова сила и слабость» (257). За 18 веков философии никто не поставил вопроса, выдвинутого Кантом: «Как возможно...» — Как возможно суждение а priori? Как возможно образование научных законов, — т.е. естествознание? Как возможны открытия — Ньютоновы и Кеплеры? И вся математика и вся метафизика? Кант поставил этот вопрос, дал свои объяснения, выдвинул «трансцендентальную логику», чем перевернул вверх ногами прочие логики и стал Коперником в мысли.

Но тут произошла неожиданность: объяснив, как все это возможно, Кант «наповал убил все возможности» тем, что представил нам познавательный акт лишь как «приложение механической мысли [категорий] к материалу чувств, данному нам» (О смысле познания, 18), и утвердил границу познания в виде непререкаемой «вещи в себе»,¹³ навсегда запечатанной для познающего.

А между тем: «Познание — беспредельно: границ не имеет» (О смысле познания, 25). Оно: «1) текучее, 2) беспредельное, и 3) имманентное правде. Подобие жизни его внутри нас — органический, растительный мир» (О смысле познания, 26).

Сам — «симптом смерти мысли» (О смысле познания, 15), «гениальный мертвец» (Арабески, 47), «немота в маске из слов» (Арабески, 216), «восьмой шкаф» среди прочих семи шкафов своей библиотеки (Арабески, 215),¹⁴ — Кант умертвил все живое в познании и все живое в сознании: «ограбил нам мир; и похитил нам мысль... Яркий мир заменен отвратительным миром» (О смысле познания, 21).

Совершив такой «подвиг», Кант воссел в этом, им обесмысленном мире повелителем дум и...сердец, являя собой парадокс самый жуткий и грозный: Кашея, или бес-

смертного мертвеца.*

Кант был еще и «Пиковой Дамой» для Б.Н., — предметом жгучей ненависти и странного восхищения. Какое-то «поперечивающее себе чувство» (Вий)¹⁵ звучало в словах его, когда он говорил на своих лекциях: «В Канта нужно влюбиться... Нужно увидеть *дикую* красоту его мира идей...»

И он отдал Канту едва ли не свои лучшие годы. И не отступал до тех пор, пока напряженным усилием своего добела раскаленного интеллекта не заставил-таки «мертвеца» выговорить свои тайны. Когда же это случилось, когда «тайна» Канта открылась ему, перестала быть тайной, тогда Б.Н. заговорил о Канте так, как никто до него не говорил. Необычайное — я могу это сказать — потрясающее впечатление производили его лекции о Канте. Казалось, что здесь идет бой не на жизнь, а на смерть за «творящее истину знание» (О смысле познания, 11). В нападающем огне слов Б.Н. «Кашей» оживал, скелет зажигался смутно мерцающей жизнью. Волна неслышных движений пробегала над чудовищным миром порождений «этого костяного уродства» (История становления самосознания, Кант, 70). Они шевелились, они точно пробуждались от долгого сна. Сказочными существами, Ягами и лешими протягивались и вставляли: синтетические а priori, трансцендентальное единство апперцепции, двенадцатизубие категорий, формы, нормы, ноумен, феномен, объект и субъект, пространство и время, и наконец, выплывала «не прекрасная дама» — сама «вещь в себе».

Это был рой фантастических, призрачных, но по-своему ярких созданий. Словно срывались печати с тяжелых дверей и фосфорический свет проливался на замок уснувшей красавицы. Б.Н. входил в этот замок, поднимая свой факел. Он шел разбудить «философию». Он знал, что есть сила, которая может вернуть ее к жизни. Эта сила — в

* Здесь и дальше я передаю то, что слышала на лекциях Б.Н., прочла в его книгах и запомнила из его разговоров. Это — записи как бы «на слух». Сама я философии Канта не знаю настолько, чтобы говорить о ней самостоятельно.

вопросе, которого не поставил и сам Кант: Что есть мысль? Что есть мышление? И возможны ли сами a priori?

На этот вопрос необходимо ответить прежде, чем начать мыслить. Философу нужно знать свое орудие, которым он оперирует, которое он применяет для своих размышлений, — его специальное орудие, его микроскоп, телескоп, его колбы, реторты, плавильная печь и т.д.

Об этом Б.Н. твердил настойчиво. Примеров можно было бы привести сколько угодно. Беру лишь случайно отметившийся в памяти строчки. — «Мы мысли не знаем. Что делаем мы, когда мыслим? Смутнейший процесс, возникающий в нас, не есть мысль: — чувство мысли; но мысль не есть чувство» (Кризис мысли, 5). Или: «Неосознанность процесса становления мысли есть дефект всей философии» (Мысль и мышление, лекции 1920 года, беседа 2-ая).¹⁶ — Или: «Мы не мыслим: мы — помним; и мы называем какой-нибудь термин; за термином — мрак, пустота, Ding an sich, или ges (все почтенности онтологии, о которой мы путного слова сказать не умеем). Так *вспомним* же? И память о памяти спит; память у нас коротка: вспомним термин; и — только» (Глоссолалия, 128).¹⁷

И подводя слушателей к пробуждению памяти, к восприятию «процесса становления» в нас мысли, Б.Н. начинал рассказывать ее «биографию»: как впервые рождалась она в стихии расплавленной мифов, как стверждалась и крепла, овладевая проблемой познания, и как созрела в конце концов для того, чтобы познать — осознать — и себя самое. Он говорил, что это самосознание стоит теперь как задача перед мыслящим.

Но разрешить эту задачу при помощи философских абстракций, хотя бы и утонченных до последних пределов, нельзя. Абстрактная мысль анемична, бессильна. Здесь нужны мускулы волевой мысли, или мыслящей воли. И Б.Н. звал к «волемыслию», которое он понимал, как присущее мысли, но не раскрытое в ней волевое начало. «Мысль — стихия активности, динамизма, усилий» (Кризис мысли, 49). И, осознавши в себе волю, она есть уже —

интеллект, т.е. действенная, разумно конкретная сила мышления. Об этом, может быть, говорил Гете, когда указывал: «Я могу мыслить, только действуя». Эта мысль способна организовать действительность. Она проникает в действительность, и ее перестраивает, а не отвлекается, не уходит от нее в сферу чистых, но «отвлеченных» понятий.

Повторяю, что я не могу говорить языком философии. Но я люблю мысль, как свободную силу сознания. И она захватила меня в Б.Н. Часто она была трудна своей глубиной, своей специальной терминологией, афористически сжато насыщенностью огромного и необычного знания. Но вместе с тем в ней было столько наглядности, живости, силы и блеска. Того, что Пушкин назвал «восторгом пламенным и ясным».¹⁸ И о чем, вероятно, писал Вольтер: «Восторг ума (*L'enthousiasme raisonnable*) дан в удел только великим поэтам».¹⁹

И неповторимой, яркой романтикой звучали слова Б.Н., когда, например, он говорил о своих философских исканиях. В юности, под влиянием музыки Вагнера, одно время Брунгильда стала для Б.Н. образом жизни и мысли. Ее сон на скале в огнях Локи, под охраной дракона, злобные хитрости Миме, подвиги Зигфрида, — все это он воспринимал (в одном разрезе), как — в сказочной форме — рассказ о путях к овладению мыслью — молодой, живой и прекрасной, но спящей. И бесстрашно заносил он меч — свою мысль — над кольчатым телом дракона абстракции.

Та же тема проходит в поэме «Руслан и Людмила», если представить себе, — как, например, это было сделано в постановке Большого театра в 1930-31 гг., что Черномор есть владыка далекого севера, или — что то же — Кант, «вещь в себе», пребывающая в своем замороженном царстве. А голова великана — философия Канта, под громадой которой он упрятал меч мысли.

В борьбе за свое освобождение мысль Б.Н. не знала отдыха. К тому же он не мог мыслить, спокойно сплетая тонкие сети понятий. Его понятие всегда разрывалось в

образ. Образы закипали. Их уже нельзя было остановить. В процесс мышления он вносил живую яркость метафор. Делал это сперва потому, что иначе не мог. Делал это позднее — сознательно.

«*Понятие* — неотделимо от ореола из образов», — писал он в «Глоссолалии» (26). Или — там же — «Зависимость мысли понятий от образов речи есть факт жизни мысли» (Глосс, 31). Или: «Абстракция — злая мысль: ее порождение — злой мир: мир абстракций; он сперва нам является, как эмблема; *вибрация, атом, молекула* суть эмблемы научных понятий; но эмблемы суть призраки; мир абстрактный есть призрак» (О смысле познания, 7).

В мысли Б.Н. образность художественной мысли сочеталась с конкретностью мысли научной и с точностью мысли исследовательской. Он любил факты, опыт и точное знание. Физика, химия, их достижения интересовали его до конца. Он говорил о Боре и Резерфорде, когда о них знали еще только узкие специалисты. И упоминал об атомной энергии уже в «Первом свидании»:

Мир — рвался в опытах Кюри

Атомной, лопнувшей бомбой...²⁰

«Я естественник», — подчеркивал он неоднократно, и стремился к конкретности, к содержательности всех представлений. «Понятие непонятно в понятии», — писал он в «Глоссолалии» (30). И утверждал что необходимо брать его не отдельно, а в пересечении с другими, — в круге понятий, чтобы вернуть ему *жизнь* — содержание, от которого так усиленно очищали понятие философы. Для Б.Н. чистое понятие равносильно было: *пустое*. В многочисленных схемах наглядно показывал он на лекциях этот процесс опустошения понятий и одновременного роста абстракции философской терминологии. «Пересыпать песок» этих терминов в наше время, когда перед мыслью стоят другие, насущные задачи, он называл «бесполезнейшим делом», «раздражением мозговой периферии». — «Философия есть живая страна, преисполненная невыразимых ландшафтов», — писал он в «Кризисе культуры» (15).²¹

Вступая в область философии науки, он также не оставался пассивным. Его не удовлетворяла картина наглухо разделенных научных методов, дробящих единую сферу познания на замкнутые ряды дисциплин, в результате чего возникает «раскромсанный мир» мертво лежащих деталей. Исходя из принципов гносеологии, он продумывал методики отдельных наук и — в культуре мысли — искал пересечения методов, «градации, конфигурации, ритмы» в развитии точных наук. В своей незаконченной работе по философии истории и культуры («История становления самосознания») он дал захватывающий обзор достижений последних столетий, взяв эти достижения, как единое в основе своей устремление научных и философских дисциплин в их взаимной обусловленности и связи на общем фоне культуры.

Кратко скажу, что он проводил резкую грань между понятием культуры и цивилизации, как понятием становления и ставшего, органического и механического. Кроме «Кризисов», прямо на эту тему написана статья 1932 года: «Культура краеведческого очерка»²²

И, наконец, свою «профессиональную»* область — искусство слова, он также хотел связать со сферой научного познания и опыта, углубленного в той же теме культуры мысли. Этим вопросам посвящен ряд книг и статей: «Символизм», «Жезл Аарона», «Поэзия слова», «Диалектика ритма», «Мастерство Гоголя» и др. Вот выдержка из одной из его ранних статей в «Символизме», где Б.Н. устанавливает возможный параллелизм между принципами эстетики и энергетики, — в законе эквивалентов. Рассматривая отношение между напряжением и количеством энергии творчества, — он пишет [см. «Принцип формы в эстетике», *Символизм*, 188-190]:

Интересно созвучное с этим стремлением Б.Н. заявление Флобера попавшее мне под руку как раз когда я писала эти строки: «Чем дальше, тем Искусство становится более на-

* Б.Н. никогда не считал себя «профессионалом» писателем, не раз заявлял об этом в печати.²³ Поэтому я беру это слово в кавычки.

учным, а наука — более художественной; расставшись у основания, они встретятся когда-нибудь на вершине». (Письма 1831-51. М. 1933, стр. 241)²⁴

Подробно развивает и обосновывает эту мысль философия цельного знания Вл. Соловьева, оказавшего в свое время влияние на Б.Н.

Говорил ли Б.Н. о философии, или о науке, или об искусстве — всегда казалось, что он сам и есть «живой процесс их становления», и прежде всего — процесс становления мысли. Казалось, что он и есть «автобиография» мысли, ее рассказ о себе, о пройденных ею путях, об ее «страданиях и действиях».* В необыкновенной способности дать конкретно и жизненно драматично самые отвлеченные вещи Б.Н., действительно, представлял собою редкое явление философской культуры. От его слов становилась понятной по-новому вся жизнь, а в ней — мысль и познание. Становилось ясно, что уметь мыслить нужно затем, чтобы уметь жить, что начало к творчеству жизни в умении творчески мыслить.

Философия в нем как бы вставала, принимала характер художественно-научного построения. Она точно снималась с плоскости двумерной написанной строчки и росла в высоту, в глубину, вширь. Она как бы переходила в трехмерность фигурной формы и ритмически двигалась в четвертом измерении музыкально-живых композиций, строящих свою изменчивую форму во времени. Живое подвижное здание переливалось воздушной радугой красочных смыслов, выбрасывало все новые формы, звучало модуляцией строгих ходов и аккордов. Это была — иначе не скажешь — своеобразная, фигурно-пространственная варьяционность организующейся во времени мысли, — подлинная стереохимия, стереометрия мысли.

В последние годы, наряду с аритмологией** и с постоянной физикой и химией, — эти науки особенно интересо-

* Думаю, что могу здесь употребить эти слова, которые Гете сказал о свете.

** Аритмология (греч.) — учение о числе.

вали Б.Н., как имеющие, по его словам, основное и решающее значение в области современных мировоззрений, и еще шире: в будущих судьбах всего человечества. Эти судьбы будут в дальнейшем определяться не философией, а развитием науки, — тем, к чему придут и что скажут эти и другие точные знания.

Б.Н. читал все, что удавалось достать по данным вопросам, вглядывался в фигурные формы приложенных чертежей и рисунков, сам очень много чертил, устроил целую чертежную лабораторию: делал всевозможные построения, вращал, складывал, пересекал фигуры, «вынимал» их одну из другой, «обходил» их по граням, по внутренним путям, ставил то в один, то в другой фокус зрения, отчего смысл всей фигуры менялся. Часами не мог оторваться от строго закономерной и в то же время свободной игры бесконечных «переложений и сочетаний». Его мысль была здесь точно в своей природной стихии, в «*perpetuum mobile*» его излюбленных «*abc, cab, bca*». Этими «*abc*» полны его книги. Он прибегал к ним в самых разных случаях, как к единственному способу передать свою мысль, в которой логика стала музыкой, движением и сочетанием смыслов по законам числа. Эти «*abc*» можно встретить не только в теоретических и философских статьях, но и в «Воспоминаниях» и даже в романах.

Он наполнял их стремительным смыслом и различал оттенки непрерывно меняющихся содержаний, за которыми было почти невозможно следить. Он же играл с ними, как виртуоз играет со звуками. Для него «*abcd*» также явственно отличалось от «*cabd*», как аккорды, вернее — арпеджии разных тональностей различаются для музыкального слуха, или как смешения тончайших красочных тонов отмечаются изощренным глазом мастера живописи.

Для примера приведу страничку из статьи «О смысле познания» (27-28), где Б.Н. говорит об «органике мышления» [см. этот текст].

Когда Б.Н. оживленно произносил все эти головоломные формулы, то было видно, как мысль его наслаждалась

быстротой смысловых переливов. Он будто купался в солнечных светлых струях, и из уст его неслись неудержимым потоком плюсы, минусы, скобки круглые, квадратные, ломаные, знаки умножения, деления, извлечение корней, возведения в степень, в которых вращались, каскадом переливаясь, как капли в радуге: abcd, bcad, cdba...

— «Довольно, довольно», — затыкала я уши, совсем оглушенная, и перестающая что-либо понимать в этой алгебраической фуге. Он же беспечно смеялся, и наклоняясь мне в уши продолжал в возрастающем темпе выкрикивать: bacd, dcab... Пока я, вскочив, не бросалась закрыть ему рот рукой. Но и тогда, из-под рук, хохоча и вырываясь, он бросал торопливо: bcda... acdb...

Да, мысль не знала усталости. Но мозг уставал. Не выдерживал бури метаморфоз этого всеохватного синтеза, в котором Б.Н. стремился вновь сочетать, реконструировать и осмыслить «в архитектонике целого» далеко разошедшиеся сферы культуры: философию, науку, искусство, найти и показать текучую пересеченность всего и во всем.

И тогда утомленный мозг жестоко мстил за себя. Начался «пожар головы»: приливы, бессонницы, многодневная боль «винтящей» мигрени. «Стучали» виски, «стучало» в затылке. А мозг продолжал раскаленно и сухо работать, как крутящийся в воздухе бешенный винт, — против желания, против воли самого Б.Н. Он терял сон, аппетит, но, как в лихорадке, то читал, глотал книгу за книгой, то списывал десятки страниц. Ничто уже теперь не могло погасить этот страшный огонь познания. Пожар разгорался, требуя новых жертв: новых книг, новых страниц рукописи, а главное — новых дум. Обычно так шло, нарастая, пока не обрывалось какой-нибудь внешней причиной, чаще всего — поездкой.

Очутившись на Батумском побережье, после напряженной кучинской зимы, в первый же день приезда, Б.Н. начинает свои кавказские впечатления словами:

«Нет, — каков перескок: в красках, в жизни сознания, во всех устремлениях. Передо мной еще — кучинский стол; на

нем горка из книг: вот и лекции Иоффе, Томсон, мир корпускул, система атомных весов Менделеева и ряд попыток увидеть таблицу его по спирали; мысль старая (в бытность студентом — тому назад 25 лет* — передумывал я) получила-таки подтверждение: в теориях Бора; передо мной спираль Бора и ряд моих собственных схем: — ряд спиралей; весь март ломал голову над примиреньем меж „экстра“ и „интра“ атомною схемой механик**; согласовать мир Лоренца, Максвелля с моделью, показанной Бором. Мне кажется, — что-то нащупал я тут (для себя — разумеется); странно: в Батуме — остатки еще моих кучинских студий; прыжки электронов от орбиты (номер такой-то) на орбиту (номер такой-то) в сознание живут вспышкой спектров. Кругом: какой спектр!... Свет слишком ярок, его выносить трудно, глаза утрудивши над рябями формулок». «Переутомляюсь я в год раза три...» (Ветер с Кавказа, 9-11).

Во время этих переутомлений особенно страшны были бессонницы. В тишине ночных комнат, лишённое отвлекающих впечатлений, сознание болезненно обострялось. И начиналось его «зимнее странствие». Вставала одинокая, бледная тень «Агасфера» и беззвучно скользила в незаренной дали пустыни веков, над бездонными провалами времени, где все было мертво и где призрачно оживали лишь, взвиваясь холодным винтом, вихри вдруг закружившейся мировой пыли.

Таким «Агасфером», бесприютным, гонимым без срока, без отдыха — ощущало себя в эти минуты сознание Б.Н. «Агасфер» — называл он свое состояние в часы этих страшных бессонниц. И как я боялась его «Агасфера».

Бессонница длилась. Ночь проходила. А мозг все стучал. «Стучит... Стучит в висках... в затылке» — остро вздрагивал он, морщась от боли. И не было средств успокоить, —

* В рукописных материалах Б.Н., хранящихся в Ленинской Библиотеке, есть афористические записи (1901) этих мыслей о спирали (папка I, № 2, лл. 66-69).

** Подробные записи этих мыслей и часть чертежей находятся в кучинских дневниках Б.Н.

прервать эту боль.

Впрочем — было одно. Он просил положить свою голову мне на плечо. — «Дай унять стукотню», — доносился ко мне его шопот. Я подходила. Голова его бессильно склонялась ко мне. И — обжигала. Делалось жутко. Я касалась рукой его лба. Прижимала к себе его голову. Тысячи мелких биений мне отвечали. Пульсировала вся голова... Будто кипящее море сухих колющих искр.

Начинался необъяснимый процесс... Постепенно биения пульсов стихали, напряжение ослабевало. Жар уходил. Минут через сорок, глубоко, облегченно вздохнув, он засыпал у меня на плече, как ребенок, — с детской, счастливой улыбкой...

Да, он платил дорогою ценой. И те, что удивлялись и радовались, говоря: — «От Ваших слов все оживает, Б.Н.» — не знали, чего это стоило. Не знали, что ценой жизни было заплачено за те «воды живые», которые черпали от него.

Так и было: что внутри горело «пожаром», — то проливалось во вне цветущей радугой жизни. Как живоносный источник, его мысль вызывала цветенье и рост во всем, к чему он прикасался. Груды разрозненных фактов, несводимые параллели научных методик, сушь философских абстракций — все озарялось прежде невидимым смыслом. Это был редкий дар воссоздания органически цельной картины — из деталей, штрихов, мелочей, неожиданно столкнутых, со-отнесенных и со-осознанных.

И тогда говорили: — «Б.Н. все оживляет». Он точно вводил в новый мир. И то был мир интеллектуальной свободы, где все законы иные, где параллели могут встречаться, где $3 + 4$ может быть равно 5 (в фигурах $\hat{6} = \hat{6}$), а сумма углов в треугольнике может быть больше или меньше двух прямых. Ветром свободы были охвачены все построения. И до реальности ощутимо освобождал он дыхание слушателей. Вот почему так стремились на его доклады и лекции. Вот почему его зал был всегда переполнен.

Он учил быть свободным. Прежде всего свободным в

мысли. Он говорил о том, как снимать с нее вековые «каркасы» не замечаемых нами предвзятостей, которыми переполнено наше сознание, а вместе с ним и познание, как работать над мыслью, как ее оживить.

Но он не хотел в слушателях нарушать их свободы. И никогда не доказывал. — «Доказательство принуждает. Слабые подчиняются. Сильные протестуют. Атмосфера познания нарушена», — слышала я не раз. Или: «Доказать — стало значить: кромсать на мельчайшие части» (О смысле познания, 17). Он — не «кромсал». Его доказательством была сила «показа». Он просто вел за собой и «показывал» — рассказывал: что видит, как видит, и объяснял, почему именно видит так, а не иначе. Кто не хотел видеть с ним вместе, тот и не видел.

В беседах, на лекциях он не давал формулировок, определений, почти не делал выводов. Их заменяли подробные характеристики, живые примеры, иногда стихотворные строчки, показывающие множества красочных схем. Все это, и кроме того еще постоянные отступления, расширения темы, дополнительные экскурсы в попутную область, делали то, что за ним было трудно, почти невозможно записывать.

Стенограммы его выступлений — это почти всегда бессмысленное нагромождение слов. Стенографист не справлялся: терял или вовсе не схватывал нить его мысли (а она шла непрерывно в нужном ей направлении) и закреплял механически лишь какие-то бессвязные клочки с огромным количеством вводных слов, неизвестно к чему относящихся. Только путем основательной правки можно было восстановить иные из таких записей. Обыкновенно Б.Н. заново писал весь текст, с раздражением отбрасывая перечеркнутую стенограмму с начатыми исправлениями.

Если кто-либо из слушателей ставил ему вопрос, то Б.Н. не давал прямого утвердительного или отрицательного ответа. Он развивал длинный мыслительный ход, разворачивал целую перспективу. Иногда казалось даже, что он уходит далеко в сторону. Но на самом деле этим именно он

пробуждал активность, заставлял вместе с собой проделать работу искания ответа. И слушатель должен был сам вывести заключение, найти этот ответ, а не получить его в готовом разжеванном виде.

Это был обычный метод Б.Н.: щедро давать материалы (иногда, может быть, слишком щедро и полно) и выводы предоставлять на свободу. Он часто говорил о себе: — «Опять я показывал и рассказывал». Или: — «Хлебом меня не корми, а дай показать», — т.е., объяснить, довести до понимания.

Сам он в обиходе почти никогда не говорил: не понимаю, не представляю себе, а чаще всего заменял это словами: — «Не вижу, зачем это...» Или: — «Должен еще увидеть... до-разглядеть...»

В 20-х годах Б.Н. ближе познакомился с художником К.С. Петровым-Водкиным, и очень любил беседовать с ним и слушать его всегда интересные доклады. От Петрова-Водкина он и взял то выражение, которое с тех пор прочно вошло в его обиход: «наука видеть». Он пользовался этим выражением постоянно; на лекциях, в разговорах, в письмах, развивал и углублял его в книгах: в «На рубеже», в «Мастерстве Гоголя» и др.²⁵ Он говорил, как необходимо отчетливо осознать, до какой степени эта «наука» нужна каждому человеку, а не только профессионалу-художнику. Дело в том, что «видеть», или «увидеть» вовсе не просто, а нужно *уметь* видеть. Пусть каждый проверит себя, как он смотрит, что видит и всегда ли в своей жизни он видел или смотрел одинаково. Тогда, может быть, станет ясно, что это — «наука», которая требует умения, и что этому умению нужно сперва обучиться, причем обучение может длиться всю жизнь, так как поле для наблюдения и опыта здесь необозримо. А от умения или неумения увидеть зависит больше, чем думают.

Еще раньше, в 1914-15 гг., в связи с лекциями д-ра Р. Штейнера, Б.Н. много занимался естественно-научными произведениями Гете, особенно его цветовой теорией.²⁶

Весь склад мышления Гете — наглядность его представ-

лений, значение, которое Гете придавал чувству зрения как самому «умному» из чувств, наконец, его общеизвестное заявление: «Мне может быть только приятно, что свои идеи я вижу глазами», — или: «Я хотел бы иметь больше глаз, чтобы все вбирать в себя».* Или: «Мое мышление есть созерцание» — все это было близко Б.Н. и он всячески развивал эти темы.

Нужно вспомнить, что чувство зрения дано нам не сразу. Появляясь на свет, человек только постепенно учится видеть. Прежде всего — строить вокруг себя «ландшафты расстояний». Младенец тянется ручкой, чтобы схватить звезду или огонь фонаря за окном. Для него еще нет расстояний, мир является «плоским».

Также учится видеть и человечество. Целая эпоха ушла на то, чтобы создать классическую перспективу в живописи. Это — способность текучая, постоянно меняющаяся и разная в разных возрастах, у разных людей и народов.

Касаясь вопросов рельефа и перспективы, Б.Н. говорит в «Мастерстве Гоголя», что чувство пространства есть «итог гимнастики глазных мускулов (иначе видели б «плоскости»); условность пересечения глазных осей в детском возрасте — факт; и дети умеют изменять зрительные рельефы;** классическая перспектива построена на одном способе пересечения осей; японская перспектива построена на ином принципе; Петров-Водкин многообразие перспектив сводит к учению о сферической перспективе; и дает в принципах ее ряд шедевров» (116).

Но умение видеть нужно не для одних только внешних вещей и явлений. Оно необходимо также и в области познания и мысли, где есть свои перспективы. И здесь дело обстоит еще сложнее. Об этом свидетельствует язык, в котором нас встречают такие слова, как «умозрение», «умозрительный», «мировоззрение» и т.д., — то, что рас-

* Б.Н. восклицал: «Почему наш глаз не может вращаться и охватывать весь круг горизонта, и высоту и глубину». Об этом он говорит в «Мастерстве Гоголя» в главке «Звуковая метафора и цвет», особенно на стр. 118-119.

** Об этом в «Котике Летаеве»: «Я умею скашивать глазки».²⁷

сматривается теперь лишь как языковой пережиток, мимо которого мы автоматически скользим, не зацепляя.

А между тем, если остановиться, задуматься и попробовать их сознать, то прежде всего поражает, что в этих словах язык связал в одно силу ума с силой зрения (умозрение — зрение ума) и назвал связь суждений о мире мировоззрением — иначе: «мировидением». Случайность ли это?... Возможны ли такие случайности? И о чем они говорят?

Отвечая на эти вопросы, Б.Н. приходил к временам зарождения мысли, к истокам самой философии — к родине мировоззрений. И вставали картины «живомыслия» в Греции. Там еще не было мировоззрения в нашем понятийном смысле и не было наших отвлеченных теорий. Там человек *видел* то, что он познавал. И это видение он называл «феорией». Слово «феория» Б.Н. парадоксально для нас производил от «theos» — бог и «огао» — вижу,* что означало тогда живую способность лицезрения богов. Богов, а не мира, потому именно, что самый мир отражался сперва в сознании человека, как деяния богов, полубогов и, наконец, — героев. Это «вижу» угасало в столетиях, вместе с ростом отвлеченных понятий и философской терминологии. В 19 веке оно стало забытой сказкой, о которой философ вспоминает только затем, чтобы с удовлетворением отметить, как далеко он ее перерос. «Феория», как старомодное, манерно звучащее слово, — отброшено. Вместо него утвердился незаметный, не вызывающий никаких сомнений успокоительный термин: теория. И теоретическим — отвлеченным — стало отношение мысли к жизни и к миру. А между тем — «философия есть живая страна, преисполненная невыразимых ландшафтов» («Кризис культуры», 15).

Но Б.Н. вовсе не звал к возрождению греческой мысли, не предлагал «по прямому проводу» сделаться греками и

* «...в нас теория (соединение THEOS и OPAO) — не видение божества, а лишь нить непроявленных мыслей, туманных и бледных» («Жезл Аарона», 164).

увидеть мир таким, каким они его видели. Простое возвращение на этот пройденный путь невозможно, как историческая бессмыслица. А реставрация и стилизация (Вячеслав Иванов — отчасти)²⁸ дали бы лишь нежизнеспособный гротеск. В наши дни нельзя мыслить как мыслили в Греции. Нельзя отбросить весь опыт истории, все достижения естествознания, техники, все богатство расцветших за это время искусств, — все наше сознание, над которым работало больше двадцати столетий, включая сюда ту же Грецию. Но можно и должно покончить с автоматизмом абстракций, можно сбросить «каркасы» теоретических предпосылок, овладев «ясным мышлением», снять «катакты» рассудочности, делающие мысли близорукой, едва ли не слепой. Огнем волевой мысли растопить, наконец, ледяную черту «границы познания», проведенную в нас тем же Кантом.

Обо всем этом забыли философы, гордые безжизненной пустотой своих чистых понятий.

Но и в поэзии сохранился еще след живой мысли. У Баратынского, например, мы находим чудесный образ мысли — цветка. Он цветет и привлекает к себе все живое. Когда же отцвел и кажется больше ненужным, то зерно его падает в землю. И начинается новая жизнь.

Вот это стихотворение, последние строчки которого отчеркнуты в экземпляре Б.Н.:

О мысль! тебе удел цветка:
Он свежий манит мотылька,
Прельщает пчелку золотую,
К нему с любовью мошка льнет,
И стрекоза его поет;
Утратил прелесть молодую
И чередой своей поблек —
Где пчелка, мошка, мотылек?
Забыт он роем их летучим,
И никому в нем нужды нет;
А тут зерном своим падучим
Он зарождает новый цвет.

Светлая, элегическая тональность этого стихотворения может быть переведена на мажорную. Для этого достаточно сделать акцент на «А тут...», с которого начинается решающий перелом в настроении поэта. Б.Н. выделял его в своем чтении резкой сменой интонации и едва заметной паузой. В его устах конец звучал торжествующим мажором. Он как бы говорил: «Да, „рой летучий“ жизни оставил увядший цветок — мысль.²⁹ Но она возродится, она воспрянет вновь, когда коснется „своей земли“, вберет в себя ее силу — силу образа».

Об этом говорит Баратынский в других сильных строчках:

Блестит зима дряхлеющего мира,
..... Суров и бледен человек;
Но зелены в отечестве Омира
Холмы, леса, брега лазурных рек...³⁰

Этот брошенный Баратынским призыв, его напоминающее «А тут...», «Но зелены...» — поднял Б.Н. Остановился на них. Прислушался. И не случайно..

Как тоже поэт, он хорошо знал полные жизни «падучие зерна», был своим среди «холмов, лесов и на берегах лазурных рек» поэзии. А проследив до конца пути философии, он знал, что там же, в той же стране было и отечество мысли, когда она еще не увядала под дыханием «дряхлой зимы» человечества.

И он стал говорить о том, как отогреть мысль, замороженную в страшной формуле Кантова тождества: $A = A$; с этой формулой жить и двигаться в мысли — нельзя. И призыв Б.Н. — с формулой этой покончить, — после его многолетнего «скрупулезного», как он говорил, изучения Канта, — это не только лирический пафос, не «поэзии ребяческие сны». В свою борьбу с Кантом он внес уверенное, прошедшее через опыт и критику, — знание. Но он умел облечь это знание в живое, горячее слово поэта. Его философские лекции, в высоком «тонусе» своего напряжения, — это запевшие красотой и музыкой дифирамбы. Из самых глубин философии, в недра которой Б.Н. с такой

силой проник, он призывал к возрождению мысли, к ее новому цветению, к ее возможной весне. Звал к тому, чтобы мысль вспомнила свою родину, вернулась к «лазурным берегам» *живомыслия*, соединилась с поэзией — в живом «образе мысли». И тогда, в самом процессе воспоминания, который требует большой воли и упорных усилий, она разовьет в себе крепкие мускулы, станет — воистину — действенной, волевой и свободной.

Неустанно, из лекции в лекцию, в книгах, статьях, всю свою жизнь Б.Н. напоминал о том, что мысль родилась в одном мире с поэзией — в мире образов, звуков и мифов, что было время, когда светлой дриадой цвела она в сказке юной природы, Афиной Палладой, возносящей свое золотое копьё, вставала в раскатах жизненных зевсовых гроз, и музой, любимой, — склонялась к философам. Может быть, Баратынский слышал уже этот зов, когда писал:

Нежданный сын последних сил природы —
Возник Поэт, — идет он и поет.³¹

Он шел и пел. Его философия была этой песней...вдохновенно взволнованный, он рассказывал нам про «немеркнущий свет *Эмпирея*» («О смысле познания», 72) — эмпирики новой, где вскрывается «световая природа — природа природы, нам данной» («О смысле познания», 68), и мысли, нам данной в природе познания нового.

«Философия есть живая страна, преисполненная невыразимых ландшафтов».

А он сам, его мысль — во мне и в тех, кто услышал его: Извечно блещущая высь! Извечно блещущие песни!³²

ПРИЛОЖЕНИЯ

Е. Н. Кезельман

ЖИЗНЬ В ЛЕБЕДЯНИ ЛЕТОМ 32-ГО ГОДА

ВОСПОМИНАНИЯ

«Klares Denken — в голове, келейка св. Серафима — в сердце», — так ответил однажды Б.Н. на вопрос: что самое важное для современного человека.

Как «klares Denken», так и «келейка св. Серафима» моему складу мышления, развитию, темпераменту — чужды. Но их соединение, живым носителем которого был сам Б.Н., влекли меня безотчетно с момента начала внутренней сознательной жизни.

Все лекции Б.Н., все слова его в интимном кругу на тему познания и сознания, все это — линии «klares Denken». И эту линию его выявления знают многие. Другая же, скрытая очень глубоко — линия «келейки св. Серафима», или «тихого сердца» («О, сердце тихое мое...» — «Урна»)¹ — известна очень и очень немногим. Б.Н. был целомудренен в выявлении ее. И о ней-то, собственно, мне и хотелось вспомнить.

Зная Б.Н., как писателя, и будучи знакома лично с ним с 1913 года, я лишь в 1932 году столкнулась с этой стороной жизни его «тихого сердца», когда он с моей сестрой проводил конец лета у меня в Лебедяни.

Должна сказать, что «приняла» я Б.Н., или он «завоевал» меня, так сказать, (вовсе не думая об этом) очень, очень нескоро.

Я принадлежала к числу тех людей, которым книги Б.Н. казались малопонятными, странными, чуждыми. Выявления его на эстраде лектора, в интимном кругу, — также не вызывали во мне особого отклика. Кроме того, мне казалось, что он *разделил* меня с сестрой, и я просто устраивала ей откровенные сцены ревности, когда в 21-ом году мне стало ясно, что они любят друг друга.

И действительно, по линии родственной, кровной, привычной близости он как бы *разделил* нас. Мы реже видались, мало говорили, а один — очень тяжелый период — жили каждая в своем и

молчали друг с другом, даже внешне общаясь. Постепенно все же под этим разделением начинало брезжить новое, уже не только родственное соединение. И лето в 32-ом году окончательно вернуло мне не сестру только по родству и привычке, но *сестру-друга*. И это — дело Б.Н.

Я сильно волновалась, ожидая Клодю с Б.Н. к себе в Лебедянь. Поводов к волнению было много: трудности с керосином, едой, водой. Более чем примитивная квартира, а главное — боязнь, что Б.Н. затомится здесь без людей и прогулок в лес, которые он так любил в Кучине. В ближайших окрестностях Лебедяни леса не было. Но сам городок расположен прекрасно: на высоком берегу верховья Дона и весь во фруктовых садах.

Кроме того — я никогда не жила долгое время вплотную, так сказать, с Б.Н.-чем. В Кучине проводила у них по нескольку дней летом 25-го и 27-го годов. Но там всегда были еще люди. Все это волновало — и очень — меня.

Приехали они утром 10 августа, с нашим всегдашним извозчиком Никитой Никифоровичем Дедерко, который по моим описаниям узнал их на станции и всю дорогу (от вокзала до города — 3 версты) у него с Б.Н. шел самый оживленный разговор.*

Клодя, уставши с дороги, скоро уснула. Мы же с Б.Н., покуривая привезенные из Москвы папиросы «Дели», — «заливались как чижи», — по выражению проснувшейся под это «заливанье» сестры.

Я вспомнила, что мне надо сходить на почту за посылкой, и Б.Н. тотчас же вызвался сопровождать.

Был жаркий день, с сильным юго-восточным ветром, вздымавшим клубы пыли. Я уговаривала Б.Н. не ходить, но он рвался поскорее увидеть Лебедянь.

Идти было недалеко, почти все время по широкой улице с большими фруктовыми садами с двух сторон. Я негодовала на ветер, а Б.Н. купался в нем как птица, выбросив поднятые руки, и с восторгом говорил, что это его «родной» воздух, что под старость, — так странно — судьба привела его в «родные» края, что Лебедянь — недалеко от Ефремова, вблизи от которого находилось когда-то имение его матери «Серебряный Колодезь», где и писалось «Золото в лазури».³ Мои опасения начинали рассеиваться:

* С этим самым Дедерко я ехала в январе 34-го года на захоронение урны Б.Н. Никита Никифорович говорил, что прочел некролог в «Известиях»² и дивился, что «вот человек-то: 41 том написал (так он воспринял перечень книг), а такой простой в обращении, что всякий обидеть может». И все вспоминал взволнованно, что «руку большому русскому писателю жал».

Лебедаень «приходилась сродни».

Одним из волнений моих было и то, что ограниченное количество отпускаемого керосина заставит Б.Н. перестроить весь привычный ритм работы: работать днем, а не ночью. Вставать приходилось в 6 часов, а укладываться спать часов в 9–9½.

Квартира моя состояла из двух небольших комнат. В большой поселились они, в маленькой — проходной — я. Обстановка — «от хозяйки» — была очень ограничена: топчаны с сениками, четыре мягких кресла, шкаф, стулья и прочая мелочь. Но гордостью моей и хозяйской был действительно прекрасный, большой раскладной стол. На одном конце его — у стены — расположился Б.Н. со своими бумагами, чернилами, книгами. Другой — был предоставлен в мое «полное распоряжение для принятий пищи».

Б.Н. был неприхотлив в жизни, но одного не любил: чтобы еда и работа были в одной комнате. Здесь он был рад и тому, что можно было поставить хотя бы «условный барьер». И Б.Н. строго следил за тем, чтобы границы не нарушались ни одной из сторон.

Вставали мы почти одновременно, я немного лишь раньше. Пока шло умыванье, одеванье, бритье в соседней комнате, — я ставила самовар. Эти моменты, — пока у меня не попевал самовар, ставившийся прямо в печку и плохими углями, а Б.Н. брился, торопясь, чтобы не остыла вода, жалуясь, что не мылится мыло и бритва не бреет, — были довольно напряженны, и мы оба — я у печки, а Б.Н. у зеркала — являли собой заряженные лейденские банки, между которыми умело лавировала «малютка», иль «невеличка», — как называл Клодю Б.Н.

Но вот — самовар готов, бритье кончено и мы все мирно за столом. После кофе и чая, — если день был базарный, — Клодя с Б.Н. шли на базар, где покупался всегда «творожок», который Б.Н. кушал каждый день все полтора месяца жизни в Лебедаени и каждый день с одинаковой радостью. В еде был так же неприхотлив, как и в жизни. Каждый день был неизменный «супец» с помидорами и «творожок» со сметаной. Иногда мы с Клодей соблазняли Б.Н. нашими блюдами (мы ели другое), но он равнодушно отворачивался от наших «яств», оставаясь верным своему «пиршеству». Характерный штрих: во время еды Б.Н. не любил и не умел вести «умные» разговоры. Когда у нас два дня прожил мой бывший муж и во время обедов интервьюировал Б.Н. на разные темы, — сам превосходно поедая и похваливая в это время все кушанья, — Б.Н. выглядел растерянным, ел, не замечая — что и как, — и встал из-за стола так, что «впору опять пообедать».

Во время еды велись обычно простые, шуточные разговоры.

После возвращения с базара Б.Н. садился за работу до обеда — в час, половину второго. После обеда мы с Клодей пили кофе, а Б.Н. лежал на своем топчане с папироской и мы предавались всевозможным воспоминаниям, говорили о прочитанном или читали газету. Иногда, если было уж очень жарко, — все мы спали, закрыв от жары и мух окна. Или Б.Н. шел в мою комнатку, где в это время не было солнца и, сидя на креслице у окна, исправлял написанное утром.

Часов в пять пили чай и потом отправлялись гулять. Вернувшись с прогулки, закусывали чем-нибудь, зажигая 7-милиметровую лампу. После трапезы Б.Н. полулежал, тихо покуривая, Клодя читала вслух военные рассказы Эркмана-Шатриана,⁴ или что-нибудь Диккенса, а я работала крючком или иглой. В девять, половину десятого мирно отходили ко сну.

И такой непривычный Б.Н-чу ритм дня и работы не вызвал с его стороны за все время ни одного слова ропота. Работать, собственно, т.е. писать третий том воспоминаний («Между двух революций») — он начал только с 1-го сентября.⁵ Первые недели «дал себе отдых», во время которого написал для «Нового мира» статью о поэме Г.А. Санникова «В гостях у египтян».⁶ Отдых — в понимании Б.Н. — был очень своеобразен. Он «отдыхал», например, за составлением словаря рифм (сделано только начало, рифмы на *ар*), к которому привлек и меня, и даже моих соседей татар, с которыми вместе, я, коротая длинные зимние вечера, выискивала слова на *ар*.⁷

Эти татары — Сергей и Рая — молодая, очень примитивная пара — были моими друзьями. С ними делилась всем. И они — особенно муж — в меру своего понимания высказывали интерес к той жизни и людям, которых раньше не знали. Так, — когда вышли «Маски» Б.Н-ча, я понесла книгу им, показывала рисунки и вкратце рассказала содержание.⁸ Сергей очень правильно разбирался в рисунках, сказав, например, о Лизаше (там, где она в черной шляпе и «с крокусом в ручке») — «да она, смотри, прямо змея!»⁹ Удивлялся и долго не понимал, что такое писатель и как это Б.Н. пишет: — «Нет, у него в голове, должно, по-иному все лежит и сготовлено. Нет, нет, — мы так не умеем — хоть учись, хоть не учись». И, жалостно покачивая головой и прищелкивая языком (то же повторяла и Рая), заявлял: — «А худой, от книг, от мыслей худой. Очень, очень худой. Кумыс, кумыс больше надо пить».

Когда я ждала приезда сестры с Б.Н., татары мои побаивались: «москвичи» приедут, «гордые», да еще писатель — «книжки пи-

шет», а кухня проходная, уборная общая, ходить нам надо в нее через кухню татар, — как бы чего не вышло, каких-нибудь неприятностей. Но первые же дни совместной жизни с моими гостями успокоили их. И относились они к Б.Н. отчасти как к существу высшему («вроде муллы», как выразилась однажды Рая), считая, что «хоть умен, ох, как умен», а в жизни проще ребенка: обмануть и обидеть всякий может.

Началось с того, что Б.Н., проходя через кухню в уборную и заставая в кухне Раю, — останавливался, здоровался, пожимая руку, расспрашивал о здоровье, о муже, о курах, о котенке. Не дойдя до цели, возвращался обратно и зывал к Клоде, чтобы она «спасала его из такого нелепейшего положения». Клодя — спасала. Наконец, мы догадались сказать Рае, чтобы она, как только услышит, что к нам открывается дверь, исчезала бы к себе. И она это строго выполняла, тем более, что «сама знаю, куда ему надо идти, а он со мной по три раза в день здоровается да разговаривает. Уж очень не смелый». Сама же догадаться никак не могла — как избежать таких встреч.

Вероятно, ее впечатление «как мулла» отложилось вот по какому поводу. Как-то мы, возвращаясь с прогулки, застали во дворе большое общество, наслаждавшееся прекрасным вечером: хозяйка, ее дачники со своими гостями, квартирантки из отдельной кухонки, татары — все сидели на лавочке, беседуя на свои темы. Б.Н. был уже с дачниками знаком. Клодя же — нет. И здесь я увидела, как дорого было ему то, что Клодя была его *женой* и *Бугаевой*. Знакомя ее с дачниками, он (отступая от обычных правил) представлял ее мужчинам, заявляя с сияющим лицом: — «Моя жена, Бугаева». (Ася, его первая жена, носила в замужестве свою девичью фамилию.)¹⁰

Дачники тотчас же впились в Б.Н. с расспросами (они знали его как автора «Петербург»), а он, остановясь среди них, заораторствовал. Я пошла к себе готовить ужин и не слышала, о чем он говорил. Говорил он долго, как всегда не умел сам прекратить такие импровизированные выступления, так что я уже «извлекала» их к ужину. Вместе с ними вернулась и Рая. На мой вопрос — понравилось ли ей то, что говорил Б. Н., она ответила, что очень. На вопрос же — о чем он говорил, отвечала, что «ни-и-и-чего не поняла», но что «о-о-ох, хорошо говорил, будто песни пел».

Сергей же удивил меня как-то вопросом: разве у Б.Н. два имени, как у татар? На мое недоумение, почему он так думает, получила ответ: — «А ты его то Борисом Николаевичем, то Мишенькой кличешь». Разъяснила ему, что это имя шутливо ласкатель-

ное, что взрослые люди, и даже писатели, любят шутки, прозвища всякие, чтобы отдохнуть от серьезной работы, от мыслей, от напряжения во время писания.

У Б.Н. было много таких шуточных имен; в пору Лебедянской жизни он назывался, главным образом, Мишенькой, — от «Мишка» — медведь, повадкам которого так прекрасно подражал, умудряясь передать своими глазами «медвежьи глазки», а рукой — «крохотный хвостик». В передаче зверей и животных Б.Н. был совершенно неподражаем, хотя сам считал, что не может в этом сравниться с «гениальностью» Эллиса.¹¹ Об этом вспоминает сестра в своих Записках, говоря о «Кучинских играх». Я же хочу здесь рассказать только об одном его «номере» — гримаса мартышки, — которую он часто достаивал специально меня, когда скрыто сердился на какое-нибудь мое хозяйственное приставание, а говорить было некогда. Тогда он на одно мгновение поворачивал в мою сторону голову, что-то делая с нижней частью лица такое, что оно превращалось в совершенное подобие мартышки, — и злобно помаргивал глазками. Я понимала эту сигнализацию и с хохотом оставляла его в покое. Мы с сестрой неоднократно просили «сделать мартышку», чтобы разглядеть — в чем же дело? С двух строн неотрывно смотрели на его лицо, но так и не уловили «тайну мартышки».

Для Клоди у Б.Н. имелся также целый ряд имен: «невеличка» — от небольшого роста и тихой уютности. «Больших» женщин, Б.Н. — по его собственному признанию, «побаивался». С моим ростом его примиряло то, что я — «карамора преуютнейшая». С этой «караморой» чуть было не вышло обиды с моей стороны. Как-то я возилась у окна (мыла его), он же писал письма. Вдруг поднимает голову и ласково, ласково улыбаясь, говорит: — «Наконец-то я понял, кого мне напоминает Елена Николаевна — карамору!» Я, также улыбаясь, но довольно напряженно, спросила: — «Почему же кикимору» (мне так послышалось, так как слово карамора было незнакомо). Про себя же подумала — ведь, вот — в глаза называет кикиморой, да еще радуется, будто это очень приятное наименование. В ответ раздалось: — «Какая кикимора? Голубушка, что Вы?! Карамора, а не кикимора! Карамора — такой огромный комар, с длинными, длинными ногами, бьется всегда у стекла. Преую-ю-ютнейшая». И долго потом развивал тему — какая карамора и все ее прекрасные повадки. Вот это-то «преуютнейшая» и примирила Б.Н. с моим ростом.

Кроме «невелички», Клодя звалась еще «Любочкой» — от Люба моя, т.е. «милая сердцу». Звалась еще «Маша, Машенька» — как

что-то истинно русское. Причем Б.Н. произносил эту «Машу» совершенно особенно: «будто манную кашку уписывал», — как он говорит в «Масках» о профессоре Коробкине, разговаривающем с Лизашей.¹²

В обычной жизни чаще всего являлась на сцену «невеличка». «Любочка» же и «Машенька» — только в экстренных случаях.

Кроме имен был еще у них бесконечный ряд игр — в бобров, котов, звёрку (даже рисунки Б.Н. на эти темы сохранились в архиве сестры и в ГЛМ).

Была и «пляска». «Пляска» являлась очень редко, как показатель «ликующего» настроения. Видела ее и знала о ней только я одна. И то только в Лебедяни была введена в эту тайную радость. — Клодя часто мне повторяла в Лебедяни, чтобы я была осторожна и не спугнула бы Б.Н. в его открытой доверчивости. Он в интимном с трудом открывался, касалось ли это «игр» или более глубоких вещей. «Пляска» по технике была очень проста, и длилась минуты 2-3, не более. Но излучалась от них обоих, особенно от Б.Н., такая действительно лучезарная радость, что и у меня, глядя на них, рот до ушей раскрывался.

Становились они, положив руки на плечи друг другу, откидывались корпусом и головой назад и начинали медленно, но легко, переступать ногами, наподобие нарочито неуклюжего вальса. Лицо Б.Н. буквально сияло блаженством, которое излучалось из улыбки, из глаз, даже — казалось — из волос, выбивавшихся как-то весело-лихо из-под его всегдашней шапочки. Какая-то совершенная, бездумная, чистая радость делала это смешное потапывание действительно ярким показателем того, что настроение было «ликующим». Эти «пляски» даже в Лебедяни бывали не очень-то часто.

Погода со времени приезда моих гостей стояла очень хорошая, теплая, и дни, положенные Б.Н.-чем «отдыхать», он проводил в знакомстве с Лебедяню. Кроме наших общих вечерних прогулок и путешествий по утрам на базар, он — иногда в самую жару — после обеда отправлялся один «побродить». И возвращался всегда какой-то тихо-задумчивый, молчаливый, сосредоточенный, будто принесший что-то и боящийся это принесенное спугнуть. Это неуловимое «что-то» была подготавливающаяся внутри работа к писанию «Между двух революций». К этой-то работе, наконец, в начале сентября он и приступил.

С утра — часов в 10, — я удалялась к себе и занималась готовкой обеда, а Б.Н. диктовал Клоде воспоминания.

Он тихо ходил по комнате, потирая руки, то опускал голову,

то внезапно поднимал ее вверх, и очень сдержанным, но взволнованным голосом, стараясь не спешить, ронял как-то фразу за фразой. Но очень скоро забывал о намерении не торопиться и, увлекаясь, говорил быстрее, чем можно было записывать, так что Клодя прерывала его мольбами — «Я же не успеваю, помедленней». Вначале он слушал ее просьбу, снова начинал диктовать медленно, но по мере разгорания внутреннего процесса работы, говорил все быстрее, быстрее. Мольбы, а под конец довольно сердитые реплики сестры (уставала рука и она сама от напряжения) вызывали с его стороны тоже не тихие ответы. Все чаще и чаще раздавались возгласы Б.Н.: — «Сейчас, сейчас, сейчас кончу». И наконец, после неоднократных «сейчас» наступал настоящий конец.

Клодя издавала сердито-облегченное «у-у-фф», а Б.Н., мгновенно преображаясь в «провинившегося пса», — подходил к ней, легко опускался на корточки, клал одну руку — «лапу» — на ее колено, другой «навливал» как хвостом, «извинения», что замучил свою «невеличку». Клодя, махая затекшей правой рукой, левой гладила «провинившегося и принесшего извинения пса», и все становилось опять на свои места.

Диктовка длилась обычно часа полтора-два. При «извинениях» присутствовала и я, а потом Б.Н. прочитывал нам обеим написанное — «наноса легкую ретушь».

После обеда и отдыха снова диктовалась такая же порция.

ПРОГУЛКИ

Лебедянские прогулки встают в моей памяти как тихие сны золотые. Во время них я училась у Б.Н. «науке видеть» (термин Петрова-Водкина, очень нравившийся Б.Н.)¹³ и *Aufmerksamkeit*, училась слушать — что и как говорит расстилающийся перед глазами пейзаж. Он не поучал во время прогулок, он — больше молчал. Но то, как он молчал, говорило громче и явственней слов.

Лебедянские пейзажи не богаты разнообразием. Нет там ни ручейков, ни полянок, ни перелесков, ни лугов заливных. Но чем-то древнерусским, строгим, вольным и очень насыщенным веет от дальних холмов, от ветвистых оврагов, от плоскостей сжатых полей, ярких озимей, черных полос вспаханной зяби и редких куп одевшихся в осеннее яркое убранство деревьев. С высокого берега Дона горизонт вольно широк, прекрасен и пронизан весь какой-то песней без слов. Здесь звучало мне и «Слово о полку Игореве» и «Битва на поле Куликовом». Таких нот от природы в других рус-

ских пейзажах я не слышала. Может быть, здесь бессознательно сказалось посещение местного краеведческого музея, где я узнала, что Лебедянь была крепостью, защищавшей Москву от татар. В поле — на запад от Дона — сохранились кое-где и курганы, и остатки поросших травой валов.

Сам городок очень невелик, шесть улиц вдоль и шесть поперек. Каждая из них из конца в конец — от 10 до 20 минут ходьбы. Но со всех сторон к городу подступают вплотную слободы. На востоке к городу — Казаки и Пушкари (там вокзал); на юге — Покровская — излюбленная дачниками за прекрасный пляж для купания, на западе — Кузнецы, на севере — Монастырская — с довольно древним монастырем и огромной ярмарочной площадью. В свое время Лебедянь славилась конскими и хлебными ярмарками, что и описано Тургеневым в его рассказе «Лебедянь».¹⁴ На северо-востоке лежит очень живописная слобода Стрельцы.

Эти то Стрельцы мы и избрали вначале местом своих прогулок. Слобода начиналась в 10 минут ходьбы от нашего домика и с высокого берега Дона живописно сползала вниз, вплотную к реке. Домики — все в садах, а по самому берегу — широкая полоса молодого ивняка, которую Б.Н. прозвал «бамбуковой рощей».

Обычно мы начинали прогулку с того, что окидывали взглядом «необозримые равнины» (Пепел)¹⁵ задонской стороны — еще светлевшие в блеске дня. Потом спускались по тропинке вниз, проходили «бамбуковой рощей», задами усадеб и по проселочной узкой дороге, заросшей травой, донником, тмином, — выходили на низкий берег Дона, где вода плескалась у ног, пахло мокрым песком, ракушками, чаканом. Тишина обступала кругом. Но здесь не было дали и солнца, хотелось поскорее наверх. Взобравшись снова на гору, садились «курнуть» и молча смотрели как весь восток вспыхивал отблеском заходящего солнца. Этот «Abglühn» над широкими далями, веющими «вольною волей», расстилавшимися перед глазами, расцветенными и красками осени и вспышками уходящего солнца, — вливал в душу все ту же ноту строгости, чуть-чуть грусти и полноты завершенной гармонической красоты осенней природы. Это было прекрасно. Но Б.Н. все рвался пройти на закат.

Как-то мы пытались пройти по дороге на запад, но вела она вдоль пыльной улицы, каким-то полуразрушенным мостом, через мрачный овраг, мимо пустынного кладбища и выходила, правда, в поле, но это было не поле, а вытоптаный скотом выгон. Кроме неуютности самой дороги, нам постоянно угрожала встреча с возвращающимся как раз в это время стадом, от которого надо

было спастись, чтобы не наглотаться пыли и не подвергнуться нападению какой-нибудь резвой коровы.

Однажды Б.Н. вернулся из своих одиночных «пробегов» взволнованный, сияющий, с возгласом: — «После чая идем новой дорожкой. Нашел! Есть такая! Близехонько, прямо на закат и очень уютно».

Торопясь, пили чай. Б.Н. не обратил даже внимания на свое любимое яство — олады с яблочной тюрькой — весь охваченный нетерпением: не пропустить бы закат и одобрим ли мы им выисканную новую «дорожку на закат».

Дорожка оказалась, поистине, самой удачной и живописной. Шла она сплошными садами крохотного переулка и околицы Лебедяни, сбегала в веселый овражек и зигзагами, среди осенних ярких яблонь, выползала на противоположную сторону. Здесь, усевшись на упавшее старое дерево, мы с сестрой вполне оценили открытую Б.Н.-чем дорожку, которая с той поры и стала называться «Мишенькиной дорожкой».

Перед глазами, уходя в необъятную даль и как бы смыкаясь с шатром небосвода, — простирались пространства кое-где розовевшие еще несжатой гречой, переливавшие серебристо-золотыми овсами, темным золотом «сжатых полей», черными жирными пашнями и ярко-зелеными бархатами озимых. Поле лежало на высоком плато, шедшем от Дона на запад, и в обе стороны открывались широкие равнины с синею лентой Дона, с холмами, с деревнями, с бронзовым золотом дубовых рощ, золотисто-розовых кленов и струистых, легких плакучих берез, начинавших едва-едва золотеть.

Часть этого поля — по квадрату — мы и обходили, иногда присаживаясь на один из уцелевших валов, иногда доходя до «нашего дерева», с которого начиналась дорога по полю на запад. Там садились и ждали когда угаснут все краски. В задумчивой тишине сходящего на землю осеннего вечера — возвращались домой.

Во время прогулки Б.Н. шел обычно несколько впереди нас. Привычка, оставшаяся с детства: убежать вперед от матери и гувернантки. Вижу ясно его легкую, стремительную фигуру в черном широком пальто, черной же шляпе, с выбивающимися из-под полей легкими вьющимися волосами. Шел легко, но не быстро, весь погруженный в созерцание расстилавшейся вокруг красоты. Казалось — будто они говорили друг с другом. И небо, и дали рассказывали ему свои «тайны».

Я понять тебя хочу:

Темный твой язык учу.¹⁶

Эти пушкинские, любимые Б.Н-чем строки веяли вокруг него.

И, — странно, — во время этих прогулок я как-то вдруг поймала в Б.Н. сходство с Пушкиным: легкая стремительность всей фигуры, выющиеся из-под шляпы волосы, черное пальто и шляпа, казавшиеся старинными, и эта наполненность немym разговором с природой.

Даже во взгляде было что-то общее: какая то светлая зоркость (Пушкин у моря на картине Айвазовского).¹⁷

Когда солнце начинало садиться, и по небу струями, вспышками света играли закатные краски, Б.Н. как-то больше еще затихал, наполняясь этим немym разговором с природой. Что-то тихое, строгое, очень, очень сосредоточенное и глубокое шло от него в такие минуты.

Сознание —

Все строже, все то же —

Все то же — сознание мое.

(Самосознание. Зовы времен)¹⁸

Часто, когда я видела эту одинокую, легкую фигуру среди широких просторов земли, под куполом неба, певшего переливами красок, — вставляли в памяти его же слова из «Глоссолалии»:

«Аэрия, страна моя».

(Аэр — воздух на старорус. языке)¹⁹

Эта страна воздуха, страна световых переливов, казалась его отчизной, откуда он пришел и в которой продолжал жить, черпая из нее свои творческие силы. Во время этих прогулок мне уяснились постепенно многие, многие его стихотворные строчки, уяснилась его (непонятная мне раньше) ритмическая проза и то, как он неразрывно связан с русским пейзажем.

Страна моя, страна моя родная!

Я — твой, я — твой.

(Пепел)²⁰

Порою он останавливался и голосом, полным глубокой благодарности, любви и строгого благоговения произносил — как бы обращаясь к кому-то живому: «Природушка. Природушка-матушка».

«ПОСИДЫ» у ОКНА.

В те дни, когда из-за сырости нельзя было идти в поле, мы заменяли прогулки «посидами» у окна. Клодя с Б.Н. усаживались на низеньких креслицах у одного окна, я — у другого. Вели, покуривая, разговоры, больше предаваясь воспоминаниям далекого

детства, путешествий, пережитого опыта жизни. Б.Н. почти каждый раз касался Блока и говорил о нем в эти тихие минуты всегда с огромной любовью и горечью, что не вышли отношения такими, какими могли бы и должны были быть. Любовь к Блоку, несмотря ни на что, Б.Н. пронес через всю свою жизнь.

Касался и Блоковской темы «Радость — страданье — одно» («Роза и крест»),²¹ но углублял ее и переводил в другой план: самосознания, а не романтики только.

Страдание — для Б.Н. являлось одной из движущих сил внутренней жизни, роста ее.

Перегорающим страданием века
Омолнится голова каждого человека.
(Христос Воскрес)²²

В этом «перегорающем» страдании Б.Н. находил творческий импульс, а не меланхолическое пассивное уныние. И в тяжелые биографические полосы своей жизни Б.Н. всегда особенно интенсивно работал.

Между тем жизнь за окном замирала. В комнатах становилось все тише и тише. Разговоры наши также постепенно затихали и мы погружались в целящую тишину жизни «светозарной материи», совершавшейся за окном. Как лейтмотив этих вечерних настроений, когда вспыхивали, струились и искрились первые краски заката — мне звучали строчки:

Эфир!
В эфир —
— Эфирная
Дорога...

Гори,
Зари —
— Порфирная
Стезя!

(Пустыня. Зовы времен)²³

«Порфирная стезя» вводила каждого из нас, в соответствии с его внутренней жизнью, в чудесное царство полугрез, полуснов, в царство таинственной смены дня ночью.

Над полосой необранного
Хлеба —
— Стоит
Звезда.
И как слезой алмазной плачет
Небо —
— Идем —
Туда.

Дохнет в лицо волною пряной
Мяты,
И
Ковылей.

Спорхнет забота, как покров
Измятый —
— Как пыль
Полей.

(Туда. Зовы времен)²⁴

«Туда» звучало все громче и громче. Разговоры наши совсем прекращались. Б.Н. бросал папироску, обеими руками обвивал шею сестры и, с чисто детской лаской и недетской грустью, — прижимался к плечу ее головой. Глаза неотрывно глядели на закат, где уже подготавливалась послезакатная многоголосая fuga. И, когда небо запевало свою световую песню, «горний зов заката» (Пепел),²⁵ у нас в комнате начиналась своя песня, песня светлой тишины и глубокой сосредоточенности. Этой песней было лицо Б.Н. И эта песня — его «Зовы времен», как они мне звучат теперь, раскрывая все новые и новые смыслы почти в каждой строчке. В эти минуты мне и открывалась жизнь его «тихого сердца», его «святая святых» — его глубокий, светлый, полный примиренности, строго-скорбный покой.

Он — молчал. «Но тем громче говорило его лицо» (Пастернак — «Охранная грамота»)²⁶

И лицо его, и глаза — «как волна», — по выражению нянюшки Соловьевых, — говорили то, что теперь, — когда его нет с нами, — говорит мне из «Зовов времен».

Бесконечно тихая печаль наполняла выражение глаз и лица. Будто звучало в них:

Из светочей, блесков и молний
Сотканная плачет душа.

(Архангел. Зовы времен)²⁷

Слышались мне в нем и ноты жизни, «которая могла бы быть, да не вышла» («Маски»),²⁸ и скорбные ноты о «так беспроко прожитой жизни» (из письма ко мне в 1933 г.).²⁹

Тихая, тихая скорбь чисто лирической ноты лилася из глаз:

Душа о желанном просила,
Но сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет неволью.

(Бальмонт)³⁰

Постепенно это выражение сменялось другим: отрешенностью
вне-личной скорби и ожидания:

Жду:
В ослепленный мир
Христос —
Откроет огненные
Двери.

(Зовы времен)³¹

Исчезало и это выражение, сменяясь тихой, ясной просветлен-
ностью, любовью и утверждающей силой:

Мы — вот:
Мы — верим вере.
Пути —
Неисповедимы.

Иди:
Открыты двери!
Зовет —
Эфир родимый.³²

Когда на небе гасли последние отсветы и загорался

..... со светлого

Темени звездочки

Летней —

— Алмаз, —³³

Борис Николаевич окидывал невыразимо наполненным, благо-
дарным светлым взглядом и небо и отходящую на покой землю
— тихо, тихо вздыхал и, еще неся только что увиденное и пере-
житое, ходил по наполнявшимся вечерним сумраком комнаткам.

В такие дни, когда зажигалась лампа, мы не читали Диккенса,
а Б.Н. брал машинопись еще неизвестного мне «Мастерства Гого-
ля» и читал главки оттуда.³⁴

Вечера эти оставляли в душе чувство глубокой уверенности в
победе «прекрасно-доброе Kalokagathos» — одна из тем, кото-
рые любил развивать Б.Н. «Kalokagathos», которое знала дале-
кая Греция и которое утеряно современным человеком, разорван-
ным между абстрактным и чувственным восприятием красоты
и добра.³⁵

Для Б.Н. они сливались в живое единство, возрождения кото-
рого он ждал и в победу которого он твердо верил.

В заключение этих воспоминаний хотелось бы мне прибавить хотя бы вкратце о том, чем был для меня Б.Н.

Я писала уже, что мое первоначальное отношение к нему было на грани почти полного неприятия: слишком он *беспокоил*. И как писатель, и как человек. Я часто повторяла сестре: «Нет, нет, я бы не могла! Все время — ощущение, что из-под тебя выдергивают стул и ты повисаешь в пространстве. А я хочу сидеть на своем стуле, он прочен, привычен, удобен, и я не хочу беспокойства».

Однако, несмотря на мое нехотенье, стул был выдернут из-под меня самой жизнью и выдернут довольно жестоко: крах в семейной жизни, внезапный отъезд в провинцию, оторвавший от всего привычного, близкого, родного. Эти жизненные перипетии раздавили и исковеркали бы меня, если бы не помощь, данная Б.Н.-чем.

Еще в Москве, оставшись без мужа, я черпала силы в общении с сестрой, Б.Н.-чем и его книгами. Когда же судьба закинула меня в Лебедянь, в полное одиночество, я неоднократно стала возвращаться к его строчкам:

Перегорающим страданием века
Омолнится голова каждого человека.

Пыталась понять смысл «перегорающего страдания». Как, перегорая, не потухнуть, а излучать что-то живое? Как, потеряв, приобрести? И здесь, прежде всего уяснилось: прочность стула — тормоз для движения. В беспокойстве, в повисании в пространстве без всякой внешней опоры — толчок к внутренней жизни, к расширению «границ познания и сознания» (Б.Н.). Нельзя «кабыкать» (Б.Н.), а надо жить. Теряя в одном, обретать в другом. Не сваливать все жизненные крахи, тупики, сложности на судьбу, обстоятельства, людей. Во всем — две стороны: ты и — обстоятельства, ты и — люди. Стечение обстоятельств, поступки людей часто ты изменить не можешь, но твое отношение к ним — в твоей доброй воле. Воли терять нельзя. «Перегорая» в страдании — сохранить волю, волю к жизни. А воля к жизни — всегда и творчество жизни. Если и разрушаются порой все привычные формы твоей жизни, не теряйся: посмотри глубже вокруг и внутрь себя и найдешь возможность творчества жизни там, где виделась лишь смерть, пустота.

Приблизительно такие мысли проплывали в моем сознании 29 сентября 1932 года, когда я сидела у окна своей Лебедянской комнаты, проводив накануне сестру с Б.Н. в Москву. Полтора месяца

ца совместной жизни с ними были так полны, что Лебедянское одиночество в этот вечер ощущалось неизмеримо острее, чем до их приезда.

— «Опять, — у разбитого корыта... А золотая рыбка — в море синем»³⁶... И вдруг, — из этого синего моря — неба, затрепетавшего переливами закатного света, которыми мы втроем любовались третьего дня лишь, — как бы зазвучало настойчиво: — «Попробуй, нарисуй — ведь Б.Н. так любил закаты. В городе он таких не увидит, а ты отвлекись от себя, лови эти говорящие краски, лови на бумагу с любовью и благодарностью всю полноту и богатство окружающей жизни. *Переключись*, выйди из своей эгоистической коробочки, заживи в этих переливных, говорящих красках, посмотри, что получишь от них». «Золотая рыбка» затрепетала в груди, тоска одиночества разорвалась — в сияющее, греющее солнце, солнце любви.

Тоска моя, восторгом разорвись!...

Освободи.

(Зовы времен)³⁷

И — как Grundton звучали строчки:

Ihr, die hellen Aetherweltenwesen...³⁸

Наши тихие «посиды» у окна, наши беседы — зажили с наполненной силой. Сверкающий свиток воспоминаний о брошенных Б.Н.-чем мыслях, указания — развернулись веером многогранных и углубленных значений. Тоска «разорвалась» и дала искру для творчества, независимого от внешних обстоятельств. Желание неожиданное — рисовать — было так настойчиво, что я схватила маленький клочочек бумаги, цветные карандаши и быстро, быстро набросала на нем и брызги, и стрелы, и волны заката.

Раньше я не рисовала с натуры, и рисунок мой был более чем примитивен. Но — он не был единственным: в течение года я рисовала закаты и почти в каждом письме посылала их в Москву. Постепенно осмелела до того, что рисовала не только кусочек неба из окна, но целые улицы, а под конец — даже виды Лебедяни с Доном, поле, где мы гуляли, «Мишенькину дорожку». Рисовала и карандашом и акварелью. Б.Н. радовался на эти «видики», как мы их называли, и говорил что они дали ему целую «гамму закатов», так что казалось, будто «и не уезжал из Лебедяни».³⁹

Последний рисунок был сделан в декабре 1933 года, а в январе 1934 года — я ездила в Москву на захоронение урны Б.Н. Проститься с ним — не успела.

Дни, проведенные в Москве, прожила в каком-то тумане. Уход Б.Н. реально еще не воспринимался. Сознание еще не охватило

всей тяжести утраты. Казалось, что он «вот, вот войдет». Входил не он, а строчки его стихов, за которые мы с сестрой и А.С. Петровским засели для предполагавшегося однотомника стихов в издании Academia.⁴⁰ Работа была спешная и занимала все время.

Когда я вернулась в Лебедевь, утрата Б.Н. встала во всей своей силе. Тосковала я без меры. Рисовать не могла: казалось, что не для кого теперь. Помню, как ходила постоянно в закатные часы в снеговые просторы наших летних прогулок и там живо вставляли в памяти все богатство прожитой вместе с ним жизни. «Видики» мои ушли, не могла сделать ни одного мазка. Но пришли неожиданно сначала стихи, которое краткое время писала, толкаемая настойчивыми ритмами, а потом появился подбор слов для «Словаря рифм». Еще при жизни Б.Н. меня, кроме рисования, наполнила и подборка слов для задуманного им в то время «Словаря рифм». Он просил подобрать ему слов, оканчивающихся на -ов и -овь. Эта работа втянула меня так, что ни одно, самое беглое чтение не обходилось без листка, униженного словами. А рифма на -овь доводила до какого-то ожесточения: хотелось найти еще что-нибудь кроме убогих — кровь, любовь, свекровь, морковь, бровь, новь, уготовь. Такая, казалось бы, чисто механическая и пустяковая работа дала в результате особый слух к слову. Постепенно начала понимать красоту отдельных звукосочетаний, из которых слагались слова. Такая подготовка уха помогла мне впоследствии, когда сестра привлекла меня к ее работе над «Материалами к поэтическому словарю Андрея Белого», который она начала уже после смерти Б.Н. в 1935 году.⁴¹ Но эта работа началась только в Москве, а в Лебедеви последнее время было занято — по просьбе сестры же — выпиской неологизмов А. Белого, в обилии которых многие так убеждены. Эта черновая работа (сейчас, в 43 году, сестра начала «Словарь прозы А. Белого» и неологизмы пройдут строгий отсев) дала познавательно неожиданно много.⁴² Не говоря уже о том, что когда строка за строкой, «с карандашиком в руках» (Б.Н.), идешь по страницам, то страницы эти, как цветы, расцветают разнообразием и богатством языковых особенностей. Кроме того, даже при таком дилетантском просмотре оказалось: 1) Неологизмов, как таковых, не так уж много и часто кажущиеся неологизмами слова оказывались или в словаре Даля, или у других писателей (слово «брызнь» вместо «жизнь» — у Льва Толстого, например). 2) Странность и особенность письма Б.Н., помимо ритмичности прозы, — в столкновении слов, обычно несоединимых. Например: «Электричество бесится». — «Усы у профессора сделали: ась».⁴³ Всего этого утверждать не берусь, т.к. и

не специалист я, да и работа была сделана только над «Масками».

Работа сестры над «Материалами к поэтическому словарю А. Белого» началась в 1935 году. В эту работу была включена и я — сначала на выписку, подсчеты, даже просто графленье бумаги, и лишь после этого «стажа на вниманье» — по выражению сестры — мне даны были «Королевна и рыцари», «Звезда», «После разлуки» и «Зовы времен».

Пришлось вспомнить и грамматику и синтаксис, всегда ненавистные раньше, чтобы разобраться в разнообразии управления слов, употребления предлогов и проч. И ненавистные абстрактные «части речи», «части предложения» получили живую осмысленность, наполнились переливами значений, будто раньше сложенный веер вдруг развернулся и заиграл богатейшими переливами скрытых в нем красок.

Вначале меня так захватывала вскрывавшаяся жизнь стиха, что волнение это сильно отражалось на плохом качестве сделанного: пропускала слова, путала счет строчек и строф, нумерацию страниц и проч. Но постепенно мешавшие эмоции улеглись и мне удавалось, наслаждаясь красотой лежавших передо мной строчек, технически точно делать подсчеты, сводки, алфавитные указатели и даже разбираться в вариантах.

Работа над «Словарем» продолжается и сейчас, несмотря на трудности грозного военного времени, и дает большое удовлетворение тем, что хоть пассивно и минимально делаешь и свой скромный вклад в сокровищницу русского языка и культуры, которые так любил и за которые боролся Б.Н.

Так, в ряде лет развертывался во мне смысл призыва Б.Н. к «науке видеть», к «Aufmerksamkeit», к «расширению границ познания и сознания».

Заканчивая эти краткие записи, должна сказать: зерно, брошенное Б.Н.-чем в весьма бесплодную почву, все же проросло. Он обогатил мои только родственные отношения с сестрой, и он же раскрыл мне меня самое, раскрыл неожиданные возможности, — пусть весьма робкие и небольшие, — но дающие силы жить, любить жизнь, веря твердо в осуществление того «прекрасно-доброе», «Kalokagathos» — к которому звал и в торжество которого верил Б.Н., — а с ним вместе верю и я.

Андрей Белый

КАК МЫ ПИШЕМ

(Изд. Писателей в Ленинграде [1930], 9-33)

Как мы пишем — на протяжении тридцати лет этот вопрос меня волновал не столько как художника слова, сколько как исследователя формы, критика и человека, интересовавшегося проблемой психологии творчества. Трудность ответа — в его краткости; не раз я собирался посвятить отдельное исследование вопросу, поднятому анкетой сборника.

Отдельные заявления художников слова о том, как они пишут, носят почти всегда случайный характер; у большинства критиков — дичайшие представления о процессах творчества; ряд недоумений возникает и у меня; например: в усилии установить точку начала процесса; казалось бы: нет тут вопроса. Вот я не пишу, живу общей жизнью; потом — вот я сел за письменный стол, заказав себе тему; отстрочил, поставил точку; на столе — написанный текст; работал столько-то часов, столько-то часов перемарывал, потом переписывал; и — вновь вернулся к кругу общечеловеческих обязанностей.

Я склонен думать, что я не писатель, потому что я так никогда художественно не работал; процесс записания для меня ничтожен в сравнении с процессами оформления до записания и с переработкой после записания, сколько бы часов он ни отнял у меня. Записание, или скрипение пером, играет столь же служебную роль, как качество пера или форма губ у оратора в отношении к смыслу произносимого; говоря о том, как я «пишу», приходится хотя бы в двух словах коснуться процессов, совершаемых сложными орудиями производства; синтезом этих процессов является так-то оформленный текст. Я понимаю «художественное» творчество. И я отделяю в себе, как писателя, художника от — критика, мыслителя, мемуариста, очеркиста и т.д. Я утверждаю: художник во мне работает не так, как, например, мемуарист.

Поясню на примерах.

В прошлом году я написал в два месяца 26 печатных листов мемуаров, теперь изданных «ЗИФ»'ом под заглавием «На рубеже двух столетий». Иные хвалят меня за живость письма вопреки небрежности формы. Эти мемуары я «писал» в точном смысле слова, т.е. строчил их и утром и вечером; работа над ними совпадает с временем написания; мысль о художественном оформлении ни разу не подымалась; лишь мысль о правдивости воспоминаний меня волновала. Два года назад я использовал свой личный дневник, переделав его в книгу «Ветер с Кавказа»; процесс работы опять-таки совпадает с временем написания; я переписывал свой дневник, наводя на него легкий литературный лоск и используя прежние достижения «Белого»; работа, учитываемая почтенным количеством часов, проведенных за скрипением пера, но — пустяковая в сравнении с художественной; ведь писал публицист; в итоге — очерки, подобные открыткам с видами.

Обе книги я пи-са-л; и потому обе — продукт допустимой «халтуры»: надо же и художнику зарабатывать хлеб насущный; пишу это, чтобы было видно, что главные усилия художника вне работы записания; и они — не учитываемы, не оплачиваемы.

Чтобы стало ясно, как я пишу те книги, которые хочу видеть художественно оформленными, я попытаюсь в двух словах описать, как я пишу третью часть романа «Москва», работа над которым пять месяцев до такой степени съедает без остатка все время, что три недели искал свободного вечера, чтобы отчитаться перед читателем «Как мы пишем». И «Москву» я «пишу»: процесс записания фраз, слов, ситуаций, характеристик, увиденного извне и подслушанного в себе, невозможен без карандаша; но запись — момент; а выборматывание порой одной непокорной фразы до стука в висках на часовых прогулках, подобное построению стихотворной строки, — адекватно ли оно записи? Я бормочу днями и ночами, на прогулках, во время обеда, во время периодической бессонницы всю долгую ночь напролет; в итоге — выбормотанный отрывок короче куриного носа, время записания которого — четверть часа.

Но работа над «Москвой» мной начата за ряд лет до пятидесятилетнего ада с постоянным бормотанием и напряжением внимания; именно: это период от октября 1925 года до сентября 1929-го; главная ответственная работа по собиранию сюжетного материала и его увиденному в оформлении — мои броды по горам Кавказа (в горах легче художественно мыслить); или же я «писал», лежа в постели, в бессоннице, и нечто (от бессонницы к бессон-

нице) постепенно откладывалось, как решение. Так я работал художественно, в то же время «*строча*» другие книги за письменным столом; те я «писал» в буквальном смысле слова. Вопрос же о художественной работе связан для меня с вопросом, как я жил, пока не писал, т.е. не застрчивал медленно слагаемого в теме, в ритме, в слове, в краске.

Так же я писал свои романы «Серебряный голубь» и «Петербург»; эпоха вынашивания обоих романов — 1905-1906 годы; эпоха «написания» «Голубя» — 1909 год; «Петербурга» — 1911-1913 годы.

В 1905-1906 годах я застаю себя за рядом действий, мне ставших ясными позднее; как-то: особые разговоры с крестьянами Московской и Тульской губерний, темы этих разговоров (политические, моральные, религиозные), особая зоркость к словам, жестам, любопытство, не имеющее видимых целей, посещение ночных чайных, харчевен Петербурга, разговоры с почтальонами, солдатами, кучерами, мелкими чиновниками и т.д.; встретив меня поразившую черту, я начинаю гоняться за носителем этой черты, чтобы доразглядеть ее; для чего мне нужно доразглядеть то, а не это, — на это я не умел ответить, как не умел ответить, зачем я бреду в чайную, избу, минуя тогдашний мне заказ читателями «Весов» говорить о Верлэне и Бодлере; как «писатель», я отстою за тридевять земель от тем моих наблюдений, ибо я пишу 4-ую Симфонию, наиболее «*декадентское*» из своих произведений. У меня скапливается коллекция сырья, по-видимому не имеющая прямого отношения к моему «писательству» в узком смысле слова; я трачу время и силы мимо явно выраженного мне «заказа» редакциями, в которых я работаю.

Смысл собирания «*досье*» стал мне понятен лишь в 1909 году и еще более понятен в 1913 (эпоха написания «Голубя» и «Петербурга»); но дораскрылся он вполне лишь в 1916 году, когда я пожалел, что поторопился с написанием «Петербурга» и особенно с написанием «Голубя», ибо «Голубь» и «Петербург» — один роман, место действия которого царский Петербург, а время — не 1905 год, а 1914-1915 годы. Задание же — показать разложение темных кулацких масс деревни и бюрократических верхов столицы, т.е. гибель царской России.

«Распутина» я унюхал еще в 1905 году, когда жизнь не сажала его на трон и когда умпостижаемое местожительство его была — кулацкая деревня, а не столица, и этим «недоноском» Распутина, Распутиным без натуралистической модели, но Распутиным, мною конструированным, как вывод из собранного мной в 1905-

1906 годах досье — столяр Кудеяров; он — не трафаретный хлыст, а хлыст «суи генерис»; оттого я и не взял хлыстов из быта, а «сочинил» секту; она осуществилась впоследствии; не в деревне, а в столице: среди придворных кругов; вот почему я и жалею, что поторопился с «Голубем».

Так ряд поступков, связанных с усилиями, в 1905 году мне неясными, оказался вписанной в меня тенденцией; но когда в 1909 и в 1911 годах я сел «писать», материал лежал готовым и, так сказать, отсортированным.

Но синтез материала переживал я не рефлексией, а звуком музыкальной темы, программу к которой, т.е. сюжет, я должен найти; что же мне было ясно? Было ясно то впечатление, которое должно было подниматься в душе читателя по прочтении сюжета; и я искал сюжета к переживаемому мной звуку темы, который, в свою очередь, был синтезом материала, запротоколированного памятью.

Так бесцельное времяпрепровождение мое (т.е. казавшееся мне бесцельным из 1905 года) оказалось в 1909 году плановой работой.

Так же дело обстоит и с 3-ей частью «Москвы», которую я писал в сознании в то именно пятилетие, когда «писал» (в буквальном смысле) не чисто художественные книги.

Так же дело обстояло и с юношескими моими формами, с так называемыми «Симфониями»; они — оформление в 1900-1907 годах некой работы, произведенной в период 1896-1900 годов.

В процессе писания я не могу точно разграничить работу начала оформления в сознании от работы начала записывания; так, мой рассказ «Куст» есть жалкий этюдик приема, который я использовал позднее в романной форме; в нем — лаборатория к растягиванию, так сказать, красок, мне нужных в будущем, уже функционирует в 1906 году.

О герое романа «Москва», Иване Иваныче Коробкине, рассказывал я Вячеславу Иванову в 1909 году (когда писал «Голубя»); последний просил меня написать повесть о фигуре, живо волновавшей мое воображение; летом 1924 года, живя в Коктебеле, я не знал, что буду через два месяца писать роман «Москва», думая, что буду писать некий роман под заглавием «Слом». Что я знал точно? Тональность и некую музыкальную мелодию, поднимавшиеся, как туман, над каким-то собранным и систематизированным материалом; мне, говоря попросту, пелось: я ходил заряженный художественно; моему настроению соответствовал отбор коктебельских камушков, которые я складывал в орнамент оттенков; звук *темы* искал связаться с краской и со звуком слов; при-

ходили отдельные фразы, которые я записывал; эти фразы легли образчиками приема, которым построен текст, а коллекции камушков оказались макетиками красочной инсценировки «Москвы». К коллекции психологических и сюжетных зарисовок на тему «старая, рассыпающаяся Москва» (о ней я вспоминал и в «*Воспоминаниях о Блоке*») присоединились: синтез воспоминаний, пережитый как звук музыкальной мелодии; и он же, собранный в красочных транскрипциях (коллекция моих камушков, которую одобрил художник Богаевский). Фон фабулы стоял готовым; надо было из фона, так сказать, выветвить фабулу; и она вынырнула неожиданно, ибо камушки, как мозаика, сложили мне давнишний образ 1909 года, профессора Коробкина; это был сюрприз для меня; из темы, звука, как яйца, вылупился цыпленок, Коробкин, абстрактно пережитый давно, а теперь получивший плоть: из красок, слов, образов, жестов. Когда я говорю о синтезе материала, пережитом как звук, из которого рождается образ, я надеюсь, что меня поймут: речь идет не о бессмысленном верещании телеграфного провода, а о внутреннем вслушивании некой звучащей симфонии, подобной симфонии Бетховена; эта ясность звука и определяет выбор программы; я в этом периоде работы уподобляю себя композитору, ищущему текст для превращения музыкальной темы в литературно-сюжетную.

На основании 30-летней писательской практики, на основании не менее 30 написанных книг, и стихотворных, и романых, и мемуарных, и критических, и исследовательских, я утверждаю: шесть или семь книг, в которых я сознательно выступаю как художник слова, а не как публицист, написаны так; другие — совсем иначе: к этим 6-7 книгам я отношу: «Драматическую симфонию», «Серебряный голубь», «Петербург», «Крещеный китаец», «Москва», «Котик Летаев»; и совсем иначе писаны другие мои книги, в которых я вижу себя критиком, мемуаристом, очеркистом, теоретиком, исследователем. Книги, подобные «Кубку метелей», «Запискам чудака», я считаю скорей лабораторными экспериментами, неудачи с которыми ложились в основу будущих достижений. Публицистику я «строчил» (более живо, менее живо), т. е. писал в обычном смысле слова, а произведения художественные в процессе эмбрионального вынашивания, собирания материала, синтеза его в звуке, выветвления из него образа, из образа сюжета, — произведения подобного рода писались мной, каждое, в веренице лет. Так что я могу говорить о писании в широком смысле: это — года; и о писании в узком смысле, которое начиналось опять-таки до писания за письменном столом скорее в брожении, в бегании,

в лазании по горам, в искании ландшафтов, вызывающих чисто музыкальный звук темы, приводящий мою мысль и даже мускулы в движение, так что темп мысли в образах удесятерился, а организм начинал вытопатывать какие-то ритмы, к которым присоединялось бормотание в отыскании нужной мне связи слов; в этом периоде и проза и стихи одинаково выпевались мною, и лишь в позднейших стадиях вторые метризировались как размеры, а первая осаждалась скорее, как своего рода свободный напевный лад или речитатив; поэтому: свою художественную прозу я не мыслю без произносимого голоса и всячески стараюсь расстановкой и всеми бренными способами печатного искусства вложить интонацию некоего сказателя, рассказывающего читателям текст. В чтении глазами, которое считаю я варварством, ибо художественное чтение есть внутреннее произношение и прежде всего *интонация*, в чтении глазами я — бессмысленен; но и читатель, летящий глазом по строке, не по дороге мне.

Поэтому-то интонация, звук темы, рожденный тенденцией собирания материала и рождающий первый образ, зерно внешнего сюжета, — и есть для меня момент начала оформления в узком смысле; и этот звук предшествует, иногда задолго, работе моей за письменным столом.

Синтез в звуковой теме более всего сближаем мною с малоговорящими разглагольствованиями о вдохновении, которого или вовсе нет или которое изживаемо в десятках разного рода рабочих пафосах, координированных сознанием в целое оформления.

В звуке будущая тема сюжета подана издали; она обозрима в моменте; я сразу вижу и ее начало и ее конец; позднее это целое утонет в энного рода работах; тогда из-за деревьев я не увижу леса; в звуке подано мне будущее целое; и я взволнован им, ибо я его переживаю сполна; «вдохновение», по-моему, есть удесятеренность зоркости художественной мысли, силлогизмы которой текут с быстротой музыкальных рулад. В звуке мне подана тема целого; и краски, и образы, и сюжет уже предрешены в звуке; в нем переживается не форма, не содержание, а формо-содержание; из него первым содержанием вылупляется основной образ, как зерно: таким зерном, рожденным звуком, были мне: Распутин до Распутина (Кудеяров), сенатор Аблеухов, профессор Коробкин.

Из основного образа вылезает обстание: быт, ближние; разглядев первообраз, начинаешь видеть его не в стволе, а в ветвях; эти ветви суть окружающие; сперва они как бы сросшены с основным образом, потом отрываются, начиная жить собственной

жизнью; так, например, в романе «Москва» Задонятов, увиденный как друг детства Коробкина, неожиданно для меня зажил в собственной квартире, обремененный женой, которую... надо же... доразглядеть и т.д. Постепенно слагается какая-то, а не иная ситуация между стволом (перво-образом) и ветвями (его обстоятельствами); она-то диктует точку отправления для фабулы.

Мои юношеские «Симфонии» начались за роялью в сложении мелодиек; образы пришли как иллюстрации к звукам. Из музыки Грига вылупилась «Северная симфония»; из «Крейслерьяны» Шумана мне сложился «Крещеный китаец» в том смысле, что «Крейслерьяна» помогала художественному живомыслию; и в этот же период Скрябин его разлагал; я и бормотал на прогулках отрывки из «Крейслерьяны», чтоб видеть красочное и слышать словесное оформление «Китайца».

Как-то раз в печати сослался я на заявление Маяковского о том, что и он бормочет и вытопатывает ритмы до слов; какой-то шуточка меня высмеял: я-де свожу идейное содержание к гудению телеграфного столба; но тогда и Девятая симфония Бетховена для него — верещание проволоки, и Гёте — кретин в своем заявлении, что солнце ему звучит; и Пушкин идиот, уподобляя поэта «эху»; ну да: он «эхо» внутренней мелодии, которая, в свою очередь, звуковой синтез огромной работы предшествующих лет по сборанию сюжетного материала; и Блок, и Маяковский, и Баратынский должны быть осмеяны; *все подлинники художники слова подлежат осмеянию*. И первый подвергшийся осмеянию из русских художников слова — великий ученый Ломоносов; осмеял его за звуковую бессмыслицу Сумароков — и не поэт и не ученый.

То, что утверждали Гёте, Ломоносов, Блок, Баратынский, Тютчев, Лермонтов, Маяковский, при всем различии эпох, есть для меня опыт 30 лет писательской деятельности; и я предпочитаю «верещать» по глупому, не убоившись безграмотных смешков; ум не только в том, чтобы пыжиться «вумными» словечками, а ум в такте знать: где нужно мыслить в абстракциях, а где — в звуках и в красках. Ломоносов именно потому, что он предварил открытие закона постоянства материи, умел «бабацать» и «бряцать» звуками слов; и не ограниченным Сумароковым его осмеивать.

То, что я утверждаю о примате «звука», — мой выношенный 30-летний опыт.

Звук темы «Голубя», материал к которому собирался в 1905-1906 годах и который писался в 1909 году, я услышал летом 1908 года; и он мне связан с определенной местностью (ставшей селом

Целебеевым) и с определенным закатом (появившимся в «Голубе»); услышав «звук», я сказал другу: «Напишу повесть под заглавием *«Золотой леопард»*. А написал «Серебряного голубя». Что разумел я под темой *«Леопард»*? Нечто хищное, жестокое и злое; разгляд этого родил образ хлыста Кудеярова; он — *«Леопард»*; увидена фигура симптоматическая: с 1908 года мой *«столляр»*, перекочевав в столицу, оказался вершителем судеб царской России. Был увиден Распутин *«ин стату насценди»*: вот тебе и «верещание»; «верещание» имело смысл.

То же с «Петербургом».

То, что я называю рождением цыпленка (образа) из зерна-яйца (звука), есть результат химического синтеза, выбрасывающий *новое*, а priori не предвиденное, *качество*; из а priori свойств яда хлора и яда натрия не додумаешься до свойств соли.

Кажется, ясно? Мистики никакой тут нет.

Явление новых, непредвиденных *качественностей* и составляет основу так называемого «мышления образами»; оно — качественно, а механически-абстрактное мышление — количественно; в нем сумма двух ядов — яд; в действительности — не яд, а соль. И в этой соли — «соль» отличия художественной прозы от прозы только публициста; как публицист, я мыслю количественно, как художник, — качественно. В чем разница? В том, что образы, рожденные звуком темы, не подчиняются моим априорным намерениям подчинить их таким-то абстрактным приемам; я полагаю: герою быть таким-то, а он опрокидывает мои намерения, заставляя меня гоняться за ним; и сюжет летит вверх тормашками; и это значит: задается темой автор-публицист, мыслящий количественно, а выполняет автор-художник, мыслящий образами. Первоначальное задание — леса, быстро убираемые, когда внутри них реально отстроено здание; леса говорят лишь о количестве этажей, но не о качестве композиции; я обещаю редактору одно, а приношу другое. Обещает публицист, а качество приносит художник. Так было со мной в 1911 году, когда я обещал редактору «Русской мысли», Струве, II-й том «голубя», а принес «Петербург». Струве, пришедший в ярость от неожиданной пародии на тогдашнюю государственность, отвергнул роман, а я остался без гроша денег.

Иначе обстоит дело с моей публицистикой; в ней я приношу то, что обещаю; обещал, настроил, исполнил. Там *качественно* иная работа; и я, как публицист, *качественно* иной; пишучи роман, я органически не могу написать ничего абстрактного; пишучи статью, исследование, я для «звуков», «ритмов» и «художественных

образов» бездарен, как... пробка.

Второе затруднение с качественным мышлением: мои образы растут как овощи в огороде; одни готовы, другие не желают дозреть; сиди у моря и жди погоды иногда месяцами; редактор же рвет и мечет; контракт грозит бедами; если хочешь быть правдивым художником, себе на-голову нарушь контракт; большинство в сем деликатном пункте отдается халтуре: кто, в самом деле, проверит?

Между художником слова и редактором была, есть и будет неувязка, пока не поймут, что все, что я пишу здесь, — истинная правда.

А этого пока еще не поймут.

Последний вопрос — о писании в узком смысле, или о кухне сложения текста, записания, «написания» по записям, правке и переписке.

В сем пункте я хотел разразиться исследовательским томом; и потому-то здесь буду особенно краток.

Главное задание в написании — чтобы звук, краска, образ, сюжет, тенденция сюжета пронизали друг друга до полной имманентности, чтобы звук и краска вскричали смыслом, чтобы тенденция была звучна и красочна.

В процессе писания я открываю ряд лабораторий в одной папке настуканное, набормотанное, как ритмы (на прогулках, за обедом, в постели); тут — нет отдыха; 24 часа я должен быть при «лаборатории»; а вдруг «вскипит» нужное слово; не закрепшишь, оно — улетит; другая лаборатория — растирание красок, образы, этюды с натуры — дерева, носа, стола, обой, жеста; опять-таки тут нет никакого письменного стола; и вагон, и случайный камень, и сидение в учреждении может во мгновение ока стать «письменным» столом; третья лаборатория — зарисовка образа мыслей, движений души действующих лиц; ведешь их дневники; я прочел четыре истории математики, чтобы понять психологию Коробкина в третьей части романа; сидел над Томсоном, Резерфордом и другими учеными, чтобы лучше узнать стиль открытия профессора; а читатель не встретит ни цитат, ни «вумных» рассуждений; все это убрано внутрь жеста, с которым Коробкин разрезает цыпленка.

Четвертая папка — поиски «словечек»; пятая — перемарки редакции фраз; шестая... довольно!.. Рассказ обо всем, что я над собой проделываю, как иногда ломаю себя, свое здоровье для *подгляда*, который может и не отразиться в романе, — том, а не статья. Словом: процесс писания в узком смысле есть коорди-

нация 10-12 отдельных работ; для каждой нужна своя, особая динамизация сознания, в просторечии именуемая «вдохновением», нужным и в математике. Особенность художественной работы — в своеобразии координации сих «вдохновений», качественно разнородных: звукового, красочного, психологического, публицистического, правочного, расположения отрывков и их последовательности и т.д. Здесь автор — режиссер-постановщик, макетист, костюмер, бутафор, исполнитель и т.д.

Открывая свои лаборатории, я ни на минуту не могу от них отлучиться; менее всего провожу я время за письменным столом; ведь процесс *записания и переписывания*, занимая десятки часов, — все же малая часть времени по сравнению со всем тем, что мне нужно: мне нужно и переть из Кучина в Москву, чтобы доразглядеть архитектуру такой-то улицы, и лупить к закату; и ограбить сегодняшний лес, ибо выпавший иней мне нужен для такого-то отрывка; и если я не зарисую его в нескольких звуковых фразах, я его безвозвратно теряю; дома ждут и письменный стол, и переписка, и нужные справки в словаре Даля, и справки в истории греческой математики Кэджори. Я пишу день и ночь; переутомляясь, я в полусне, в полубреду выборматываю лучшие страницы и, проснувшись, вижу, что заспал их.

Три недели собираюсь ответить на анкету сборника; нет — ни минутки свободной; не то, так другое.

Так работаю я пять месяцев без пятидневки; пульс усилен; температура всегда «37,2», т.е. выше нормы; мигрени, приливы, бессонницы облепили меня, как стая врагов; написано 2/3 текста, а я не знаю, допишу ли: допишу, если не стащат в лечебницу.

Так я пишу в узком смысле слова, в период «записывания», после услышания темы и видения образов. Но так мною написано лишь 6-7 книг из мной написанных 30.

Так работать накладисто, ибо я получаю тот же гонорар и за печатный лист «полу-халтуры», и за печатный лист художественной прозы, равный 15 печатным листам мемуарного текста.

Вывод: я пишу художественную прозу редко; раз в 6-7 лет, ибо фининспектор не станет считаться с моими мотовствами вроде: 1) сожженного здоровья, 2) траты времени на прочтение 4 историй математики, 3) трех дорого стоивших поездок в горы (для оживления сюжета в себе) и т.д., и вычтет из нищенского гонорара; так я буду лучше «халтурить»; писать, как большинство; кто там разберет, кто писал: художник слова или «стрекун»? Знаю, что мои «халтурные» произведения более понравятся, ибо они приспособлены для чтения глазами, и языковой проблемы в

них нет. А то Белый, художник, дотошно пристаёт: нет, — ты, читая, внутренне произноси; прочтя, — перечти: еще и еще. Читатель зол, критик зол: «Непонятно пишет писатель Белый».

Не понимают, что навык к художественному чтению необходим, как необходима перекоординация слуховых центров от трепака к Девятой симфонии. Непонятно не то, что трудно (трудное сегодня, завтра — легко); непонятно то, что в итоге усилий научиться художественно читать остается непонятным.

А кто будет различать понятие о необходимой затрудненности ради будущей легкости от понятия неудобоваримости по существу?

И потому-то Андрей Белый, будучи еще и публицистом, существует главным образом публицистикой, питающей и обувающей его; и раз в 6-7 лет, «настрочив» для хлеба, проедает этот хлеб в мотовстве ужасных терзаний работы над художественным оформлением.

И это потому, что он надеется, что в 2000-м году, в будущем социалистическом государстве, его усилия будут исторически оправданы потомками тех, кто его осмеивает как глупо и пусто верещащий телеграфный столб.

1930

Андрей Белый

О СЕБЕ КАК ПИСАТЕЛЕ

(впервые, в переводе на польский, в газете «Wiadomości literackie», 29 октября, № 47 [518], 1933. Впервые по-русски, в сокращенном виде, в газете «Неделя», 19-25 марта, № 13 (369), 1967. Впервые полностью в сб. *День поэзии 1972* [Москва], откуда мы печатаем текст.)

Говорить о себе как писателе мне неловко и трудно. Я не профессионал; я просто ищущий человек; я мог бы стать и ученым, и плотником. Менее всего думал я о писательстве; а между тем: мне много приходилось думать над деталями моего ремесла; стань я резчиком, вероятно, с тем же пафосом я отдался бы деталям искусства резьбы: вдохновение ведь сопутствует человеку; все есть предмет творчества.

Будучи сыном профессора математики, в отрочестве я более всего увлекся проблемами точного знания, кончил физико-математический факультет; с увлечением работал одно время в химической лаборатории; естествознание во мне как бы сплелось с интересами к проблемам методологии; и отсюда несколько лет переживал я себя и философом; увлечение музыкой и попытка стать композитором впервые приблизила мне искусство, которое и перевесило во мне интерес к точной науке; увлечение Достоевским, Ибсенем, символистами ввели в поле моего сознания поэзию и художественную литературу еще с конца века; но я себя чувствовал скорей композитором, чем поэтом; так долгое время музыка заслоняла мне писательский путь; на последний попал я случайно; я не стремился печататься; первое произведение было написано в полушутку для чтения друзьям: за чайным столом; рукопись попала к Валерию Брюсову; друзья открыли во мне талант; книга вышла в печати почти вопреки моему желанию; и я оказался вовлеченным в круг молодых символистов, ратовавших за новое искусство; обстоятельства открыли дорогу писателя; сложись иначе они, был бы я композитором или ученым; до самозабвения в иные моменты отдавался я своему ремеслу; в другие ж моменты я забывал о писательстве, уже имея за плечами ряд книг; так было со мной в 1912 году, когда я дописывал роман «Петербург»; проблемы гёттизма и опыт работы над резною скульп-

птурой вместе с другими интересами заслонили от меня на два года литературу; и я забыл себя как писателя; в 15-м году я вернулся к литературе.

Вторично: с 1918 и до 21 года — я увлекался культурно-просветительной и отчасти педагогической работой, отдавая все время публичным лекциям, чтению курсов, ведению семинариев и научно-исследовательской работе в области стиховедения; не оставалось времени на писание. Лишь с 24 года я вернулся к литературе вполне; и с той поры много и упорно работаю как писатель.

Первые произведения возникли, как попытки иллюстрировать юношеские музыкальные композиции; я мечтал о программной музыке; сюжеты первых четырех книг, мною вынутых из музыкальных лейтмотивов, названы мной не повестями или романами, а Симфониями (первая, вторая и т.д.). Отсюда их интонационный, музыкальный смысл, отсюда и особенности их формы, и экспозиция сюжета, и язык.

Одна из особенностей моих, как писателя, коренится в привычке, усвоенной с юности; я более слагал свои тексты, чем их писал за столом, подбирая слово к слову, я записывал так сложенные фразы в полях на ходу, и произносил так сложенное себе самому вслух; слагал я свои отрывки часто верхом на лошади; главенствующая особенность моих произведений есть интонация, ритм, пауза дыхания, передающие жест говорящего; я или распевал в полях свои стихотворные строчки, или их бросал невидимым аудиториям: в ветер; все это не могло не влиять на особенности моего языка; он труден для перевода; он взывает не к чтению глазами, а к медленному, внутреннему произношению; я стал скорей композитором языка, ищущим личного исполнения своих произведений, чем писателем-беллетристом в обычном смысле этого слова.

Отсюда трудность для читателей воспринимать меня; она проходит через тридцатилетие литературной деятельности; мои книги вызвали резкие разногласия: одни из читателей явно переоценили меня, другие силились меня смешать с грязью; разделение в оценке проходило не по возрастам и классам, а по способности воспринимать текст внутренним ухом; меня понимали, когда внутренним голосом воспроизводили текст; кто мелькал по строкам глазами, тому я был непонятен; ибо я взывал не к отдыху, а к напряжению внимания; я встречал ценителей и среди независимой молодежи, и среди старцев, воспитанных на балладах Жуковского; стихи мои воспринимались сердечно и иными крестьянами, когда я их читал вслух; но часто квалифицированные интеллиген-

ты реагировали насмешкой на мои опыты.

Прошло тридцать лет; а я остаюсь в той же позе спорного писателя, которого одни принимают с жаром, в то время как другие повторяют те же суждения, что и тридцать лет назад: «Непонятно». Тематика моих произведений меняется; «Симфонии» я уже не пишу: пишу — «романы»; но принцип сложения их остается тем же (не письменный стол, а запись на ходу сложенного); и то же разделение мнений (не по классам и поколениям, а по отбору читателей) сопровождает явление моих книг; меня одинаково отвергают и принимают и старцы, и юноши, и комсомол, и высококвалифицированные эстеты, и рабочие, и интеллигенты; месяца два назад вышел мой роман «Маски»; и я слышу то же, что выслушивал тридцать лет назад, при выходе первой книги («Симфония»); наперерез этим мнениям я получаю свидетельства того, что я нахожу себе отклик и в массах; как пример, приведу несколько фраз из письма колхозницы, пересланного мне недавно «Лит. газетой»: «Я вспомнила... когда я читаю Белого. Например, несколько дней загружены до отказа: бегаем по деревне, ... бегаем в поля, заполняем сводки о семенах, о навозе, о пашне. Наконец, ...осенняя посевная закончена. Тогда в эти дни... нам хочется музыки (так, как хочется хлеба)... И вот тогда-то берешь с полки Белого... и Белого-то я читала (читаю всегда) только „Москва“ „Серебряный Голубь“, да „Пепел“... У Вас, Борис Николаевич* ...вовсе не „узкий круг читателей“. И круг этот становится шире и шире... Ваши книги читают товарищи мои — это ребята с производства, рабочие, колхозники и бойцы Красной Армии... Хотелось... благодарить, много благодарить Вас за то, что даете Вы своей работой» (из письма комсомолки-колхозницы Е. Касимовой из деревни Молзино, Ногинского района, Моск. области).

Когда получаешь такие письма, то рассеиваются сомнения: нужен или не нужен ты? Ты видишь эффект культурной революции; передовой авангард масс, протянутых к культуре слова, в социалистическом будущем станет ведь большинством; и ты, принятый в сердце представителей этого авангарда, имеешь право отдаваться вопросам, смысл которых не всегда виден людям переходной культуры; переданный тебе от сердца в сердце привет становится стимулом к самопознанию. Так: я осознал стремления, сложившие своеобразие моего языка; они — усилия к выходу писателя из литературы в узком смысле; в первичную фазу культуры, ритм, жест, соединенные с трудовым действием, себя из-

* Мои гражданские имя и отчество.

живали цельно; искусство до «искусства», замкнутого в формы, продолжало и позднее себя изживать, как призыв к действию высвобождения из сложенных темниц слова; распад первичных форм творчества во второй период культуры (антитезис) обусловлен распадом первичных хозяйств, фетишизмом товарного производства и той формой технической дифференциации (технизации), которая явилась последствием ненормального развития жизни в условиях буржуазной культуры. Мне всю жизнь грезилась какие-то новые формы искусства, в которых художник мог бы пережить себя слиянным со всеми видами творчества; в этом слиянии — путь к творчеству жизни: в себе и в других. Книга всегда теснила меня; мне в ней не хватало и звуков, и красок; я хотел вырыва из тусклого слова к яркому; отсюда и опыты с языком, взятым, как становление новых знаков общения (слов); отсюда и интерес к народному языку, еще сохранившему целину жизни, отсюда и обилие неологизмов в моем лексиконе, и переживание ритма, как начала, соединяющего поэзию с «прозой»; писатель увиделся мне организатором языковых стремлений народа: он — и живой рассказчик, и певец-исполнитель, действующий тембром голоса и жестикующий.

Искание тембра и жеста выбили из писательского кабинета меня — в поля, в лес, на площадь, где я слагаю отрывки своих произведений, как песни, записываемые на клочках.

В стихотворениях моих отпечатались сложные ритмы, ведущие поэзию через вольный размер к речитативной прозе; в итоге ж работы над прозой она приняла характер напевного лада; последний роман мой «Маски» — собственно не роман, а лирико-эпическая поэма. Мне тесно в книге; и, заключенный в нее, невольно шатаю я ее устои; и это не потому, что я думаю, будто в культуре грядущего книга исчезнет; все виды литературы в ней сохранятся, конечно; но над ними подымется новая сфера творчества, к которой будет выход из только музыки и из только литературы; новый человек эпохи синтеза скажется в ней.

Позыв к «новому» человеку деформировал мне «нормальный» путь литератора; и я стал для многих — экспериментатором стиля, производящим рискованные лабораторные опыты над языком, мои языковые стремления частью отрезали меня от заграничной аудитории; роман мой «Серебряный Голубь», имевший успех за границей, еще кое-как переводим; перевод же романа «Петербург» на немецкий язык вышел из рук вон плохим, несмотря на культурность переводчицы; и это потому, что ритмы сложнее в нем, языковые особенности более выпуклы; о романе «Мо-

сква» в немецкой прессе писали: этот роман неперево­дим; на предложения о переводе на английский язык симфонической по­вести «Котик Летаев» я ответил молчанием; передо мной встала картина искажения ритмов и деформации слов; повесть «Креще­ный китаец» сложилась из звуков шумановской «Крейслерианы»; она вышептана так, как вышептывается стихотворение; то же должен я сказать и о романе «Маски».

Я, увы, неперево­дим; и потому-то так я держусь за признанья читателей, подобные письму колхозницы, заявляющей мне, что книги мои заменяют ей музыку.

Как читатель, я тянусь к простым формам: боготворю Пуш­кина, Гёте, люблю Шумана, Баха, Моцарта; пугаюсь психологизма Пруста и выкрутасов Меринга; а как писатель появляюсь в рядах тех, кто ломает простоту форм; и это неспроста.

То же стремление отразилось и на тематике произведений моих; она — стремление к новому человеку; в первый период творче­ства это стремление романтично; осознание, что путь к новому человеку прегражден, пока не изменятся социальные условия жизни, отразилось ярким пессимизмом и разбитием во мне мо­лодых утопий; этот пессимизм сказался в мрачном тоне сборни­ков стихов «Урна» и «Пепел» и романах «Серебряный Голубь» и «Петербург». Решительным моментом в перемене всей тональ­ности творчества оказалась мировая война, пережитая мною в Швейцарии; здесь я постиг ужас империалистической прессы всех стран и внутренне отряс прах старого мира; в повести «Записки Чудака», написанной позднее, рисую я смятенность сознания, стоящего перед мировым авантюризмом; война раз навсегда определила мой лозунг: долой войну, долой условия культуры, ее вызывающие! С ужасом возвращался в Россию я в 1916 году; с радостью встретил я Октябрьскую революцию; с тех пор сфера моей работы — внутри СССР; последние пятнадцать лет оказа­лись продуктивными для моего творчества; за это время мною написаны: повести «Записки Чудака», «Крещеный китаец», два тома задуманной тетралогии («Москва», «Маски»); в первом томе рисуется тяжесть довоенной жизни в России; во втором — пока­зана Москва на фоне фронта, перед революцией; в третьем томе я хочу показать октябрьский переворот и эпоху военного ком­мунизма; в четвертом — новый, реконструктивный период; за это время мною написано много стихов, две поэмы, серия книг, рисующих кризисы буржуазной жизни («Кризис мысли», «Кри­зис жизни», «Кризис культуры» и т.д.), два тома «Путевых за­меток», книга «Ветер с Кавказа», исследование о ритме («Ритм

как диалектика», книга, посвященная творчеству Гоголя («Мастерство Гоголя»), и три тома, рисующих культурную жизнь до-революционной России («На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций»); последние две книги, как и «Мастерство Гоголя», выйдут в ближайшем будущем; также мною задуман роман, под названием «Германия»; в связи с замыслом последнего придется сказать еще несколько слов об особенностях моей тематики, весьма усложнявшей восприятие меня как писателя.

Мое несчастье в том, что в процессе творчества передо мною не раз вставали образы, осуществлявшиеся в действительности лишь через несколько лет по написанию книги; отсюда: смутность в передаче их за отсутствием натуры; первая книга, «Симфония», рисовала тип религиозного философствующего чудака из теряющей под ногами почву интеллигенции; герой моего романа «Серебряный Голубь» — столяр Кудеяров, полуэротик, полуфанатик, — не отображает точно секту хлыстов; он был сфантазирован; в нем отразился пока еще не видный Распутин, еще не появившийся в Петербурге. Роман «Петербург», отражающий революцию 1905 года, пропитан темой гибели царского Петербурга; роман с отвращением был мне возвращен редактором «Русской мысли» П. Струве, увидевшим в нем злую насмешку над его представлением о России. Осенью 31 года я давал конспект мной задуманного романа «Германия» Издательству Писателей в Ленинграде; фабула его рисовала фашистский заговор и преследования фашистами революционно настроенного интеллигента; с фашистами я никогда не встречался; фабула — смутный лейтмотив, вставший мне из воздуха берлинской жизни в 1922 году; напиши я роман в прошлом году, читатели бы воскликнули: «Это — пародия на Германию, оклеветывающая действительность!» Увы, — ужасные события последних недель показали *правду* моей фантастики. Налет подобной фантастики в ряде романов не раз оказывался смутным переживанием фактов близкого будущего, созревающих под покровом поверхностной злободневности; отсюда — налет символизма на моем творчестве; в нем образы подчас забегают вперед, рисуя натуру не в «ставшем», а в становлении; отсюда вечный конфликт между натуралистической статикой и стремлением к динамизму, отделяющему правду от ходячих абстрактных формул, ходячих «сегодняшних» истин; но эмбрион завтрашнего дня в дне сегодняшнем переживался мной порой смутно, ибо видимость не давала еще созреваемых фактов действительности; напиши я роман «Петербург» лишь

двумя годами поздней, воздержись я от написания романа «Серебряный Голубь», мой мифический столяр появился бы в «Петербурге» в качестве Распутина; в «Серебряном Голубе» он, увы, еще не доехал до царского дворца.

Таковы трудности моего пути как писателя: они — в разрыве между «сегодня» и «завтра», между книжным искусством и искусством жизни, между кабинетом и аудиторией, меж беззвучным пером и живым человеческим голосом; я артист-исполнитель, ставший писателем, или писатель, пишущий для эстрадного исполнителя; думаю: трудностей моего амплуа мне не изжить, но уповаю: мои искания найдут отклик в будущем.

1933

A NOTE ON THE TEXT AND ANNOTATIONS

The original typescript of the Bugaeva memoir, signed "K. Bugaeva," is now part of the large Belyj archive in the Manuscript Division of Moscow's Lenin Library, where the brief memoir by her only sister, Elena Nikolaevna Kezel'man, can also be found. In 1967 I received typed copies of both works from Klavdija Nikolaevna. She hoped that her own work would soon appear in the Soviet Union. Therefore, while granting me permission to cite the memoir in my work, she requested me not to publish it myself. She made clear, however, that if the memoir had not appeared by the time of her death and seemed unlikely to do so, I was free to see it into print. After her death in 1970 I kept hearing rumors of "imminent" publication in the Soviet Union. Nothing came of them. In the meantime, several portions surfaced in print in the West (see annotations). But the entire memoir is now published for the first time, as is that of Kezel'man.

There was no question of the authenticity of either of the memoirs which I received from Klavdija Nikolaevna (hereafter KNB for conciseness). My typescript did contain some obvious errors and one page was missing. Fortunately, Georges Nivat of the University of Geneva made his microfilm of the original manuscript available for comparison. I was able to fill in the missing page, as well as incorporate several other brief passages dropped, no doubt by accident, from my copy. I also corrected a few other minor errors.

Both the original and the copy contain an astonishing number of mistakes in the numerous citations from Belyj's published works and in those from other writers. Punctuation invariably differs, cuts are often unindicated, words have been scrambled, and almost always page references are incorrect. The large number of such errors indicates that KNB probably wrote much of the work from memory and very likely followed another common Soviet practice: dictating the memoir directly to a typist, who misheard or dropped words, ignored punctuation, etc. I have compared *all* such citations with the originals and have silently "normalized" them to conform with the published

texts and have corrected all page references. In a few cases (such as quotations from “classical” nineteenth-century Russian poetry), I have left the errors in the text and have instead commented on them in a note, because they may well reflect Belyj’s own misremembering of a poem.

I have been able to track down all the citations, with the exception of one from Schlegel, one from Vladimir Solov’ev, and those from Goethe. KNB, as an anthroposophist, knew Goethe’s writings very well and assumed that others did too. Several Goethe specialists to whom I gave the passages pronounced them “familiar,” but could not pinpoint them. I hope I will be excused for making little effort to locate them in Goethe’s voluminous output. I was also unable to obtain the edition of his *Dichtung und Wahrheit* (always called here “Wahrheit und Dichtung”) used by KNB, and thus could not verify these citations.

With the exception of two cuts (indicated in the annotations), I have otherwise printed KNB’s text exactly as she wrote it, with her own sometimes bizarre punctuation (she picked up Belyj’s fondness for the dash).

I have used the annotations to comment on the people and places mentioned in the text, and to compare events described by KNB with accounts in other published and unpublished sources. I have been particularly careful to verify all the dates given. Gratifyingly, KNB’s memory rarely failed her here. I have also tried precisely to date other events about whose time KNB is silent.

I have included two autobiographical works by Belyj himself as appendices. Both have long been out of print, and both closely relate to the period described by KNB, and especially to Belyj’s work on the “Moscow” novels.

A list of the works (and editions) of Belyj most often cited in the annotations and in KNB’s text follows:

Арабески. Книга статей. (М., 1911)

«Армения», *Красная новь*, № 8, 1928

Ветер с Кавказа. Впечатления (М., 1928)

Глоссолалия. Поэма о звуке (Берлин, 1922)

Звезда. Новые стихи (Пб., 1922)

Зовы времен. Первый том собрания стихов, отредактированный Белым для собрания стихотворений. Впервые опубликован в моем издании полного соб. стих. Белого (in press, Fink Verlag)

- Золото в лазури* (М., 1904)
Котик Летаев (Пб., 1922)
Королевна и рыцари. Сказки (Пб., 1919)
Маски (М., 1932)
Мастерство Гоголя. Исследования (М.-Л., 1934)
Между двух революций (Л., 1934)
Москва под ударом. Вторая часть романа «Москва» (М., 1926)
Московский чудак. Первая часть романа «Москва» (М., 1926)
На перевале. I. Кризис жизни. (Пб., 1918)
На перевале. II. Кризис мысли. (Пб., 1918)
На перевале. III. Кризис культуры (Пб., 1920)
На рубеже двух столетий (М.-Л., 1930)
Начало века (М., 1933)
О смысле познания (Пб., 1922)
Пепел (СПб., 1909; второе издание: М., 1929)
Петербург (Bradda reprint, 1967, of 1916 edition)
После разлуки. Берлинский песенник (Пб-Берлин, 1922)
Ритм как диалектика и «Медный всадник». Исследование.
 (М., 1929)
Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности.
 Ответ Эмилию Метнеру на его первый том «Размышлений
 о Гёте» (М., 1917)
Символизм. Книга статей (М., 1910)
Стихотворения и поэмы («Библиотека поэта», большая се-
 рия; М.-Л., 1966)
Урна. Стихотворения (М., 1909)

I have made extensive use of one unpublished document, the “Letopis’ žizni i tvorčestva A. Belogo” (called simply “Letopis’” in the annotations). It was compiled by KNB and is part of the Belyj archive in the Leningrad Public Library (fond 60, ed. xr. 107). In the “Letopis’” KNB often cites a primary document made by Belyj himself near the end of his life, the “Rakkurs dnevnika” (1899-1930; Belyj preferred the “double-k” spelling). I have also often quoted Belyj’s unpublished “Počemu ja stal simbolistom” (1928; see note 12 to Chapter Three). Two other published sources to which frequent reference is made should also be mentioned: the first “Symbolist volume” (No. 27-28, 1937) of *Literaturnoe nasledstvo*, and Belyj’s “autobiographical letter” of March 1-2, 1927 to Ivanov-Razumnik (*Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1-2, vol. XV, Janvier-Juin, 1974).

(My copies of the KNB and Kezel'man memoirs are now in the Bakhmeteff Archive of Columbia University, where they may be examined without restriction by any qualified scholar.)

VSTUPLENIE

The "Vstuplenie" and "Kontrapunkt" first appeared, without annotations and without corrections of several typographical errors in the ms., in *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1-2, Volume XV, Janvier-Juin 1974, 105-146.

I was unable to locate the source of the epigraph.

1. "Kalokagatheia" (or "Kalokagathia"): "For the Greeks, what the ideal of the 'gentleman' is for the British, though the two terms are far from identical in meaning. The noun combines the adjectives *kalos* and *agathos*, which express external and internal excellence, respectively. In other words, the term, translated as *goodness* and *nobility*, combines qualities of good appearance, good bearing, good manners and the like with moral qualities such as honesty, courage, self-control, etc." (*Nicomachean Ethics*, Aristotle, Translated, with introduction and notes, by Martin Ostwald, Library of Liberal Arts, Bobbs-Merrill, 1978, 309). The term appears frequently in Aristotle ("Nicomachean Ethics," Book 4, 1124a) and Plato. Klavdija Nikolaevna's definition can be found in the conclusion of the fifth chapter of the memoir.

2. The first line of Belyj's "Antroposofii," March, 1918, Moscow (*Zvezda*).

KONTRAPUNKT

1. One could cite many examples to support the validity of this statement, but the following—which probably suggested the title for this chapter—will suffice: «Самое мое мировоззрение—проблема контрапункта,... догматов у меня не было, ибо я символист, а не догматик, то-есть учившийся у музыки ритмическим жестам пляски мысли...» (*Na rubeže dvux stoletij*, 187).

2. The poem cycle "Prizyv" first appeared in *Severnye cvety*. Tretij al'manax knigoizdatel'stva "Skorpion," M., 1903. Belyj worked on his final verse collection *Zovy vremeni* between 1929-1931; it will be published for the first time in its entirety in my edition of the complete poetry (Fink Verlag, Munich).

3. II, 4-5 of “V tumane utrennem nevernymi šagami” (1884). Both mss. erroneously give “*gornij*” instead of the correct “*gornyj*.”

4. Belyj first met Maksimilian Aleksandrovič Vološin (1877-1932) in February, 1903 at Brjusov's. The two writers came into frequent contact with each other from then on. In March, 1924 Vološin, who had stopped over in Moscow, invited Belyj and KNB to visit him at Koktebel'. Two months later, on June first, Belyj and KNB arrived and settled in Vološin's house, a gathering place for the most varied group of artists, writers, musicians and theater people. Belyj later (1933) wrote, “...uvidel ego [Vološina] v diapazone vsex darov liš' v Koktebele, v 24-m godu, gde ja prožil u nego tri s polovinoj mesjaca” (Andrej Belyj, “Dom-muzej M.A. Vološina,” *Zvezda*, No. 5, 1977, 189; see further “Neizdannij očerk Andreja Belogo o Maksimiliane Vološine,” S. Grečiškin and A. Lavrov, *ibid.*, 191-193).

5. For an amusing parallel, compare Apollon Apollonovič in *Peterburg*: “Pyl', znaete, soderžit mikroorganizmy boleznej... Tak ja ee—trjapkoj...!” (Bradda edition of the 1916 text, 401).

6. Fragment 52 of Heraclitus' treatise [for the Greek see *Die Fragmente der Vorsokratiker*, Hermann Diels, Weidmannsche Verlags Buchhandlung, 1961, 162]: “Time is a child playing a game of draughts; the kingship is in the hands of a child,” provided the title for the twelfth section of the Fourth Chapter of *Maski*, 174-177.

7. Belyj spent much of May-August, 1905 and May-July, 1906 at Dedovo, the “podmoskovnoe imenie” of A.G. Kovalenskaja, the grandmother of Sergej Solov'ev (1885-1942), his closest friend at the time. See also *Meždu dvux revoljucij*, 10-32, especially “Dedovo,” “Aleksandra Grigor'evna Kovalenskaja,” and 83-92. Judging by Belyj's account of Solov'ev's intense interest in “Greco-Roman ties” in the summer of 1906 (“[on] videl v cvetnyx sarafanax, v prisjadke pod zvuki garmoniki—pljas na poljax Elisejskix,” 86) this incident occurred then.

8. The critic and translator (under the pseudonym “M. Sedlov”) Mi-xail Ivanovič Sizov (1884-1956). See also *Načalo veka*, 356-357. His sister Magdalina Ivanovna (1899-1969), a writer, theater teacher and director, was an anthroposophist and attended Steiner's lectures in Germany. She would, of course, have been only six years old in 1905, and is therefore probably not the sister referred to here.

9. Mixail Andreevič Velikanov (1879-1964), one of the founders of Soviet hydrological study, professor at several Moscow institutes, member of the Academy of Sciences from 1939. Belyj met Velikanov in March, 1925 at Kučino, and many years of “lively discussions on scientific themes (chemistry, physics, higher mathematics)” followed (“Leto-

pis’’’).

10. For information on Kučino, where Belyj and KNB lived for most of 1925 - April, 1931, see Introduction.

11. Sergej Sergeevič Anisimov (born 1876) published several guide books to the Caucasus between 1924-1929; in a footnote to his article “Armenija” (*Krasnaja nov*’, No. 8, 1928, 219) Belyj states that he used Anisimov’s 1924 guide.

12. Sudak, a coastal town on the SE shore of the Crimea, some fifty miles from Feodosija. The “Letopis’’ contains the following entries for this period of 1930:

Июня 12. Отъезд в Судак.

Июня 18. «...не могу опомниться от радости ничего не делать... но хорошо будет... и заработать нормально, т.е. полегоньку» [Письма к П.Н. Зайцеву].

Июня 30. «...Думаю скоро приступить к „Началу века“» [Письма к Зайцеву].

Июля 11. «...начал... „Начало века“» [Сведения, сообщенные П.Н. Зайцевым].

Август. Работа над «Началом века». — «Навещали нас Алексей Толстой и Вячеслав Шишков» — Чтение им отрывков из «Масок» [Письма к Зайцеву].

Сентябрь 8. «...раскал работы, атрофирующей все волевые органы и вытягивающей один — строчить и править» [Письма к Зайцеву].

Сентября 9-11. Поездка в Коктебель: последняя встреча с М.А. Волошиным.

Сентября 20. Отъезд в Москву.

Сентября 25. Возвращение в Кучино.

13. People like the poets Tician Tabidze and Paolo Jašvili who became good friends during Belyj’s long stays in Georgia in 1927, 1928, and 1929. See note 45 to this chapter.

14. Belyj and KNB left Moscow for Erevan on April 26, 1929. They left for Tiflis on May 21. The “Letopis’’ does not paint quite so bleak and sedentary a picture of their stay there:

Мая 2. Поездка в Канакер (под Эриванью).

Мая 7. Поездка в Аштарак.

Мая 10. Поездка в Дара-Чичаг.

Мая 11. «...дни наполнены, — прогулки, общение с людьми... чтение обильного материала по Армении...» Встречи с М.С. Сарьяном [Письма к Зайцеву].

Мая 15-16. Поездка в Гехарт-Гарни на фэртоне, «через Норк-Джерваж-Вахачаберт».

The following remark in a letter of Belyj to Ivanov-Razumnik of August 30, 1929, however, confirms the general truth of KNB's comments about Belyj's dislike of "moving about" too much on a trip: «В этом году 16 человек из наших друзей беспрепятственно бродило по Кавказу; а мы лишь отсиживались; как усядемся прочно, — прекрасно; как сдвинемся с места, — беда» (*Дружба народов*, № 2, 1966, 237).

Like Mandel'stam, Belyj was fascinated by the ancient culture and history of Armenia which he first visited in May, 1928. He apparently planned some kind of large work about it, but other projects prevented his ever starting it. He did publish a long article, "Armenija," in 1928 in *Krasnaja nov'*, No. 8. See also "Andrej Belyj ob Armenii" (*Literaturnaja Armenija*, No. 1, 1967).

15. Puškin, "Poët" (1827), II, 1.

16. Baratynskij, "Poslednjaja smert'" (1827), 1. 9. Lines 6-10 read:

А между тем, как волны, на него,
Одни других мятежней, своенравней,
Видения бегут со всех сторон,
Как будто бы своей отчизны давней
Стихийному смятенью отдан он;

Both ms. here and elsewhere have the incorrect "dal'nej" instead of "davnej."

17. Belyj died in Moscow at 12:30 p.m. on January 8, 1934 "ot paraliča dyxatel'nyx putej (serdce ešče rabotalo)" ("Letopis'") after a long illness brought on by a cerebral hemorrhage on July 15, 1933 at Koktebel'. After a "graždanskaja panixida" on January 9 at the headquarters of the Writer's Union, an autopsy was performed by Aleksej Ivanovič Abrikosov (1875-1955), a renowned professor of pathological anatomy at Moscow University and the First Moscow Medical Institute (later, 1939, member of the Academy of Sciences and, from 1944, of the Academy of Medical Sciences). The body was cremated on January 10. On January 18 the urn bearing the ashes was interred in the new cemetery of the Moscow Novodevičij monastery'. (Belyj's father is buried in the old section.)

18. See pages 59-62 of this chapter.

19. Belyj left Saarow, near Berlin, where he had been visiting Gor'kij, for Harzburg at the end of May, 1923. It was at that fashionable summer resort in the Harz mountains, in June, that he reached his decision

to return to Soviet Russia (“Rešenje vernut’sja v Rossiju” — “Letopis”). He returned to Berlin at the end of June.

20. Puškin, “Poèt” (1827), I, 7-8.

21. In 1926 Kornej Čukovskij published his questionnaire “Sovremennye poèty o Nekrasove” in *Nekrasov. Stat’i i materialy*, Leningrad, “Kubuč,” 388-394. Among the poets answering (Brjusov is nowhere mentioned) were Axmatova, Blok, Vološin, Gorodeckij, Vjačeslav Ivanov, Majakovskij, Gumilev, Kuzmin, and Belyj. No answer of Belyj is given to the ninth (not the tenth) question: “Kak vy odnosites’ k rasprostranennomu mneniju, budto Nekrasov byl beznравstvennyj čelovek?” Only two of Belyj’s answers are given; neither can be called “podbnye”:

I. Любите ли вы стихотворения Некрасова? Белый: Да.

IV. Не было ли в вашей жизни периода, когда его поэзия была для вас дороже поэзии Пушкина и Лермонтова? Белый: Нет.

The 1979 printing of *Rukopisnyj al’manax Korneja Čukovskogo Čukokkala* reproduces the answers of Majakovskij (265), Vjačeslav Ivanov (251-252), Blok (213-214) and Axmatova (272-274) to the questionnaire. There the question about Nekrasov’s “morality” is number ten. The 1926 publication must, therefore, have been heavily edited and the questions renumbered.

22. Again Puškin’s “Poèt” is quoted, I, 1-2 and II, 1-3, 9-11.

23. KNB everywhere gives “Wahrheit and Dichtung” instead of the accepted *Dichtung und Wahrheit* (1811-1831).

24. The first line of the 1908 essay “Iskusstvo,” first published (in the section “Simvolizm i sovremennost’”) in *Arabeski*, 211.

25. From the 1907 article “Budušee iskusstvo,” first published in *Simvolizm*, 450, where the line actually reads “Xudožnik prežde vsego čelovek.”

26. The ninth “glavka” of the Third Chapter, “Korol’ Lir,” of *Maski*, 127-129.

27. *Russkij sintaksis v naučnom osveščennii* of Aleksandr Matvevič Peškovskij (1878-1933), first published in 1914. Until well into the 1950s it went through several printings. KNB may have the fifth edition of 1935 in mind (I have not located an edition of 1934).

28. Tjutčev, “O čem ty voeš’, vetr nočnoj?,” II, 1. As late as the 1920s, Russian readers knew the final two lines of Puškin’s “Stixi, sočinennye noč’ju vo vremja bessonnicy” (1830) as quoted here. In the 1920s Puškin scholars established that Žukovskij had supplied the “temnyj tvoj

jazyk uču.” The poem’s final line now reads “Smysla ja v tebe išču.” Belyj, like others of his generation, knew only Žukovskij’s “variant.” Belyj had made the juxtaposition of the two poets earlier, in his 1916 essay “Puškin, Tjutčev i Baratynskij v zritel’nom vosprijat’i prirody” (*Poëzija slova*, Petersburg, 1922): «темные языки природы не изучены Тютчевым; и когда они бегают произвольно по образам поэзии Тютчева, то—эти образы рвутся, а Тютчев—пугается там („страшных песен... не пой“) где *учится* Пушкин: „Я понять тебя хочу / Темный твой язык учу“.» References to the two poems continue three paragraphs below.

29. (note not used.)

30. For an earlier expression of similar notions see the description of Lippančenko’s back in *Peterburg*, especially the section “Ne хороšo” in the Sixth Chapter. See also Belyj’s discussion of “spinnoj čelovek” in *Veter s Kavkaza*, 30-32.

31. Belyj spent most of 1914 to July, 1916 in and around Dornach, at the anthroposophical colony. The incident described here must have occurred in September, 1915: «Первые мысли об эпопее „Моя жизнь“. Поездка во Флюэллен. „Десять дней бегаю в горах“: темы предисловия к „Котику Летаеву“. Возвращение в Дорнах» («Летопись»).

32. Cf., e.g., “v gorax legče xudožestvenno myslit” (*Kak my pišem*, Leningrad, 1930, 11).

33. The complete sentence in the Introduction to *Kotik Letaev* (10) reads: «Я стою здесь, в горах: так же я стоял, среди гор, убежав от людей; от далеких, от близких; и оставил в долине—себя самого, протянувшего руки... к далеким вершинам...».

34. Aleksej Sergeevič Petrovskij (1881-1958), “moj večnyj sputnik po žizni” (Belyj’s “autobiographical letter” to Ivanov-Razumnik of March 1-2, 1927, *Cahiers du Monde russe et soviétique* op. cit., 71). He was among Belyj’s oldest and closest friends from 1899, when both were studying science at Moscow University (“a uže s 1899 goda Ty stal igrat’ bol’šuju rol’ v moej žizni”—letter of December, 1931 to Petrovskij, *Novyj žurnal*, No. 122, 157), until Belyj’s death. This “prekrasnyj ximik,” as Belyj called him (*Na rubeže*, 436), is consistently pictured by Belyj as one of the few people who really understood him. He became one of the most active members of Belyj’s “Argonaut” circle at the beginning of the century (1901-1904, see *Načalo veka*, esp. 21-27), and later (1910) a member of the “Musaget” group. He had early grown disenchanted with religion, but around 1901 his faith in materialism wavered too: «в то время он [Петровский] пережил очень мучитель-

ный кризис от материализма и скептицизма к „мистическому“ сознанию, которое в нем в то время двоилось: и он то становился „подозревающим церковником“, а то чистым и просветленным мистиком...» (from Belyj's letter to Ivanov-Razumnik of November 20, 1915; see *Novyj žurnal*, No. 122, 156). Around 1910-1911 he became an anthroposophist. From then on, his total devotion to anthroposophy brought Belyj and him even closer. (In 1914 they worked side by side building the Goetheanumbau in Dornach.) Petrovskij helped organize the Moscow Library of the Russian Anthroposophical Society and played a key role in the Moscow branch of the Society until it was closed by the Bolsheviks in 1923 (throughout this period he supported himself by working in various museums). Shortly after, he was arrested by the G.P.U., but his loyalty to the movement never wavered. In 1931 he was arrested again, with other Moscow anthroposophists. Despite all of Belyj's efforts to secure his release, he was exiled for two years. Upon his return, he worked as a translator, and after Belyj's death he became KNB's tireless assistant in cataloguing and systematizing Belyj's enormous archive. (On September 10, 1928 Belyj had named him as one of his literary executors.) Their detailed description of Belyj's publishing career and archive was published in 1937 in *Literaturnoe nasledstvo*, No. 27-28, 575-638. Two of Belyj's letters to him, written in 1931 and 1932, testify to Belyj's great affection for him (see *Novyj žurnal*, No. 122, 151-166, where the letters are published by Roger Keys with an excellent introduction and notes, from which much of the above information is drawn).

35. «Архитектоника ритмов осмыслилась и отряхнула былые мне смыслы, как мертвые листья; смысл есть жизнь: *МОЯ ЖИЗНЬ*» (*Котик Летаев*, Предисловие, 13).

36. See “Vospominanija” (“Drevnij Kair”), the continuation of *Meždu dvux revoljucij*, in *Literaturnoe nasledstvo*, 27-28, 433-434. Also, from the “Letopis’,” Cairo, March 2, 1911: «Первая поездка к пирамидам: „безумие и ужас... Мы стали карабкаться по ступеням и сели у входа во внутрь пирамиды Хеопса... кругом мертвенно белое море песку, сбоку над гигантским, черным ребром пирамиды ослепительная луна на голубом небе; тени ступеней, пустыня — и никого; ...окрестность являла собой сплошное закрытое, слепое око; откройся оно — весь Каир, вся история рассеялись бы песчинками вдаль; ...осталось впечатление невыносимое, значительное до омертвения“ [Письма к Петровскому]. Марта 3-5. Восхождение на пирамиду с проводниками».

37. The Moscow publishing house (“Izd-stvo arteli pisatelej”) “Krug” issued *Moskovskij čudak* and *Moskva pod udarom* in 1926 and *Veter* s

Kavkaza in 1928. In 1929, after merging with “Federacija,” it published *Ritm kak dialektika i “Mednyj vsadnik.”*”

38. In *Na rubeže dvux stoletij* (see 168-169, 225) Belyj himself places these frequent childhood illnesses in October, not August, and writes that he almost died from diphtheria (“difterit”), not dysentery (“dizenterija”). Curiously enough, KNB makes the *reverse* error later in the memoir where, in a citation from *Maski*, she gives “difterija,” while the novel has “dizenterija.”

39. Five letters of Belyj to KNB’s only sister, Elena Nikolaevna Kezel’man, were published by Roger Keys in 1976 in *Novyj žurnal*, No. 124. Her own memoirs of Belyj are published for the first time in this volume.

40. KNB’s family was then (and later) living in the Moscow apartment (Pljuščixa, d. 53, kv. 1) of her husband, Doctor Petr Nikolaevič Vasil’ev. «Этот „подвал на Плющихе“ описывается Н.И. Гаген-Торн в ее неопубликованных воспоминаниях о писателе: „Там, в Долгом переулке, он жил с женой, Клавдией Николаевной и ее родными. В восемнадцатиметровой комнате. Там стояли: рояль К.Н., его письменный стол, за шкафами — кровати. Окна — у самого потолка“». (Roger Key’s note to his publication of Belyj’s letters to A.S. Petrovskij, *Novyj žurnal*, No. 122, 164; Gagen-Torn describes the apartment as it was in 1932 when Belyj and KNB lived their briefly.)

41. Petja, i.e., Petr Nikolaevič Vasil’ev (see previous note). Ivan Gur’evič Rufanov (born 1884), one of the most distinguished Soviet surgeons of the time. He was then teaching at Moscow University. He wrote several textbooks and was elected to the Academy of Medical Sciences in 1944.

42. Anna Alekseevna Alekseeva — see *Novyj žurnal*, No. 122, 163-164.

43. *Veter s Kavkaza*. Vpečatlenija, Moscow, Izdatel’stvo “Federacija” — Artel’ pisatelej “Krug,” 1928. See pages 210-212. The incident described occurred on July 3, 1927.

Important supplementary information about Belyj’s visits to the Caucasus in 1927, 1928 and 1929 can be found in “Andrej Belyj v Gruzii” (*Družba narodov*, No. 2, 1966; the unnamed addressee of the letters cited is Ivanov-Razumnik) and “Andrej Belyj ob Armenii” (op. cit. — note 14 to this chapter; one year later, the addressee of the Belyj letters cited could be identified as Ivanov-Razumnik). More of Belyj’s reactions to these visits can be found in K.N. Grigor’jan’s publication of excerpts from Belyj’s letters to Ivanov-Razumnik in “Iz neizdannoj perepiski Andreja Belogo” (*Russkaja literatura*, No. 3, 1979), in which the incident with the bear is described in a letter of August 12, 1927 (207).

44. See *Na rubeže dvux stoletij*, 26-27; *Veter s Kavkaza*, 203ff.; and *Družba narodov*, No. 2, 1966, 233.

45. Nina Aleksandrovna Tabidze, wife of the Georgian poet Tician Tabidze (1895-1937), a prominent victim of the Stalinist terror. Belyj met him and his wife in Tiflis in May, 1927, and became a great admirer of his poetry. Among the other poets who accompanied them were Paolo Jašvili (1895-1937, Tabidze's "Siamese twin," according to his own expression, at this time), Georgij Leonidze (1899-1966), and Kolau Nadiradze (born 1895). The 1964 "Biblioteka poëta" edition of Tabidze's selected verse contains a photograph (btw. pp. 160-161), taken in Georgia in 1928, of Tabidze and Belyj and their wives, as well as other Georgian literary figures.

Belyj, as a Symbolist, felt a particular kinship with these poets of the "Cisperi kancebi" ("Golubye rogi") group: «...В Тифлисе сошелся с группой грузинских поэтов: люди милые, интересные, культурные; меня очень тронули 1) жаркой любовью к Пушкину, Лермонтову и др. нашим классикам, 2) ощущением своей преемственности и связью с символизмом... Брюсова, Блока, меня здесь знают, часто трогательно любят; словом: в Тифлисе мы с К.Н. неожиданно попали совсем в свою среду» (letter to Ivanov-Razumnik of August 12, 1927—*Russkaja literatura*, No. 3, 1979, 205). The Georgian poets felt a similar closeness to this "ambassador" of Russian literature: see Tabidze's letter to Belyj of June 16, 1929 in Tician Tabidze, *Stat'i, očerki, perepiska* (Tbilisi, 1964), 238-240. The volume also contains two letters from Belyj to Tabidze.

46. *Na rubeže dvux stoletij*, "Izbavitel'nica," 214ff., where throughout her name is spelled "Bella," not "Bëlla." In the citation which follows KNB makes two bizarre cuts (indicated by the dots) which can only be explained by fear of censorship. In the first "po voskresen'jam" is removed; in the second, "nemeckoe" is excised.

47. KNB paraphrases (and at times quotes literally) the following passage from *Na rubeže*, 335:

Увлечения танцами были летучи: вспыхнувши, отгорели, сменясь увлечением фокусами, которые я проделывал с таким совершенством, что ужаснул свою суеверную бабушку; за фокусами вынырнула страсть к акробатике, в которой я был тоже горазд; пойдя я по этому пути, я очутился бы в цирке; я потрясал ту же бабушку тем, что мог, поставив друг на друга четыре стула, на них взобраться; и, стоя под потолком, держать горящую лампу на голове, что мне запретили; я проделывал курбеты и на трапеции; помню, что в Кисловодске я прельщал барышень, раскачиваясь и не держась руками за

веревки;

48. Ahlbeck, a fishing village about a kilometer from Herringsdorf (where Belyj had visited Gor'kij in 1922), much frequented as a sea-bathing resort (Baedeker). The "Letopis'" contains these relevant entries for 1923:

Июля 14-17: Поездка в Альбек.

Июля 23: «...еду провожать» К.Н. Васильеву «в Штеттин, оттуда... в Альбек... Жду разрешения вернуться в Россию» [Раккурс дневника].

See also two letters of Belyj, written from Ahlbeck, to Baxrax in which Belyj complained of his miserable living conditions there and wrote of his plans for returning to Russia (Baxrax, "Po pamjati, po zapisjam. Andrej Belyj," *Kontinent*, No. 3, 1975, 315-316).

49. On December 8, 1924 Belyj wrote to Ivanov-Razumnik about his "activities" during his 1924 summer stay at Koktebel' (see also note number 4 to this chapter): «В общем жизнь была—напряженная, хотя и было нечто, на чем все отдыхали: купанье, игра в мяч и всякие дурачества (танцевали фокстрот, устраивали джазбанд)—вплоть... до...: коллективного кинематографа (в день рождения Макса)» (Grečiskin and Lavrov, "Neizdannij očerk Andreja Belogo o Maksimiliane Vološine," *Zvezda*, No. 5, 1977, 193).

Vološin died in 1932. Belyj saw him for the last time during a visit to Koktebel' in 1930, from September 9-11. On May 17, 1933 Belyj and KNB left Moscow for what was to be their last visit to Koktebel'. Among the very few literary people there were Boris Tomaševskij and his wife. Far more significant for Belyj was his meeting with Mandel'stam, which developed into a real friendship and "intellectual encounter" (see Nadežda Mandel'stam, *Vospominanija*, 1970, "Dva golosa," 162-164). Belyj, in fact, may be the "sobesednik" of the *Razgovor o Dante*, which Mandel'stam was writing at the time. Clarence Brown's *Mandelstam* (Cambridge, 1973) contains a photograph (8a) of the two men and their wives (and others) taken at this time. (Klavdija Nikolaevna is seated immediately behind Belyj; Nadežda Jakovlevna is to Mandel'stam's immediate right.) Belyj fell seriously ill in July, and on July 29 he and KNB returned to Moscow.

50. September 6, 1922: "Vozvraščenie v Berlin (Victoria-Luisen Platz, pension Krampè)" — "Letopis'." For a description of the pension itself, where Ходасевич, Geršenzon, Nikolai Nikitin and other Russians were staying, and an account of Belyj himself in this Berlin period see Nina Berberova, *Kursiv moj* (Munich, 1977), 173ff., and Aleksandr

Vaxrax, "Po pamjati, po zapisjam. Andrej Belyj," *Kontinent*, No. 3 (1975), 301ff.

51. From "Pesn' žizni," *Arabeski*, 43-59; the essay is dated "1908" in *Arabeski*, but this was corrected by Belyj to "1907" in his own copy of the volume. In the citation from "Svjataja noč' na nebosklon vozšla" KNB gave "kak zolotoj kover" instead of the correct "pokrov."

52. Koktebel', July 16, 1933: «Консилиум трех врачей: солнечное перегревание, сильный склероз». July 20: «Д-р Славолюбов подтвердил результат консилиума и нашел еще крайнее нервное истощение. „Ваша болезнь в том, что Вы слишком молоды для своих лет“» («Летопись»).

53. KNB paraphrases (in quotation marks!) a long paragraph from *Na rubeže dvux stoletij*, 217.

54. Boris Bugaev used a wide variety of pseudonyms other than "Andrej Belyj": Alfa, A., Gamma, Del'ta, V. Bykov, Janovskij, Spiritus, Taciturno, Zigmund (all in *Vesy*), Cunctator, etc. He used "Alter ego" but once, for "Utopija" in *Zapiski mečtatelej*, No. 2-3, 1921.

55. "Pervoe svidanie," 1, 206-207. The lines actually read "V moi strofičeskie dni / I v simfoničeskie igri."

56. All memoirists recalling Belyj in this Berlin period (1922-1923) remark on his "neistovye tancy" (Ходасевич, *Nekropol'*, 90). Vaxrax, for example, notes that his «двойное пристрастие к алкоголю и танцу (можно ли, строго говоря, называть танцами его плясовые упражнения?) стало общеизвестным» (*Континент*, № 3, 301-302). Rejected by Asja Turgeneva (for Aleksandr Kusikov), Belyj's proposal to be anthroposophy's "ambassador" to Russia had also been coolly received by Rudolf Steiner, who must have recognized the fragile mental state of his agitated disciple. Belyj was likewise tormented by indecision about whether to remain in emigration, where he felt out of place, or whether to return to Soviet Russia, where he doubted his future. The "Letopis'" contains entry after entry such as "Toska vse glubže gryzet... užas otčajanija." Belyj poured these feelings not only into the wild rhythms of the dance, but into several of the poems of *Posle razluki*.

In his "autobiographical letter" to Ivanov-Razumnik, Belyj wrote «от „глоссолалии“ к лекционной „пляске“ слов и от нее к... „фокстроту“! От медитаций 1916 года к вину и пиву (1922)» (*Cahiers du Monde russe et soviétique*, op. cit., 79). In the seventeenth chapter of the unpublished "Počemu ja stal simvolistom" Belyj wrote: «[Вскоре я стал плясать фокстрот:] Невропатолог мне прописал максимум движений, а учительниц эвритмии... при мне не было; [где они были со своей „Хайль Эвритмия“?] Вылечила и аритмия

движений; [рук и ног помогли] невропатолог был прав» (the square-bracketed portions are crossed out in the ms.).

57. KNB has in mind pictures like Somov's "Bosket" (1898-1899) — see N. Lapšina, *Mir iskusstva*, Moscow, 1977, 103.

58. Vladimir Ottonovič Nilender (1883-1965), a poet and specialist in classical literature from which he did many translations (e.g., Sophocles, Aeschylus). He was among Belyj's oldest friends ("vernij dobrym tradicijam družby" — *Načalo veka*, 352; see also 86 and 265), one of the "argonavty" and active in the "Musaget" circle. Belyj initially stayed with him upon his return to Soviet Russia on October 26, 1923, and thereafter he often spent the night in Nilender's apartment in "staryj Arbat" when he had to be in Moscow on business and could not return to Kučino. The lecture KNB mentions may be "Pamjati Bloka" which Belyj read on March 15, 1924 to a group of railroad engineers.

59. See the opening paragraphs of *Krizis kul'tury (Na perevale. III. Petersburg, 1920)*. Belyj spent the first part of September, 1912 in Basel where he had come to hear fifteen lectures on theosophy, thirteen of which Steiner himself gave. The third of Belyj's "Crisis" cycle, *Krizis kul'tury*, is dated "Basel-Dornach-Moscow. 1912-16-18." The other two published parts of the cycle (collectively entitled *Na perevale*) are *Krizis žizni* (1918) and *Krizis mysli* (1918). For more about the cycles see *Literaturnoe nasledstvo*, 27-28, 620-623.

60. Bely and his old friend Ėmilij Karlovič Metner (1872-1936) played the leading roles in the founding of the Symbolist publishing house "Musaget" in 1909 ("Letopis'"):

Май: Поездка в Изумрудный поселок к Метнеру; беседы об организации изд-ва «Мусагет».

Август: «Начало „Мусагета“» [Раккурс дневника] — Организационные хлопоты и заседания.

Сентябрь: Москва. «Выработка платформы „Мусагет-Орфей-Логос“». [Раккурс дневника]

Октябрь: Ежедневная служба в «Мусагете».

Among the other participants in the publishing house, whose "official" opening took place only in March, 1910 ("Letopis'"), were V. Ivanov, Blok, Nilender, Petrovskij, Stepun, Ėllis, and Sizov. For more details about its activities see *Načalo veka*, 85-87 and *Meždu dvux revolucij*, 376ff. Many of Belyj's articles appeared in its main journal, *Trudy i dni*, in 1912, and the house issued his *Simvolizm* (1910), *Arabeski* (1911) and *Tragedija tvorčestva* (1911). Belyj also organized two circles—the "Ritmičeskij kružok" and a philosophical study

group—around the publishing house in 1910.

Belyj ended all contact with it and its activities in October, 1913: «Окончательный раскол внутри „Мусагета“. Расхождение с рядом прежних друзей: Н.П. Киселевым, Э.К. Метнером, Г.А. Рачинским, Эллисом» («Летопись»). Belyj's final break with Metner occurred in April, 1915 (“Letopis”).

61. The “Letopis” mentions a B[oris] P[avlovič] Grigorov as one of the members of the “Molodoj Musaget” circle with which Belyj worked in October-November, 1910 at the studio of the sculptor K.F. Kraxt. Grigorov (1883-1945), an economist by profession, served as the chairman of the Moscow branch of the Russian Anthroposophical Society and was one of Belyj's and KNB's closest friends in the immediate post-Revolutionary period. A document in the Belyj archive at the Lenin Library entitled “Распределение занятий в Русском Антропософическом обществе в 1918-1919 году (fond 25, папка 31, item 31) lists the following: “Vstupitel'nyj kružok B.P. Grigorova po subbotam” and “Kružok B.P. Grigorova po puti posvjaščeniya po četvergam” in the section “I. Eženedel'no.” The same schedule lists lectures by Belyj himself once a month. The “Letopis” also mentions ““О ритмической кривой,” доклад у В.П. и N.A. Grigorovyx” for May 14, 1917.

Belyj's “autobiographical letter” to Ivanov-Razumnik also mentions him prominently: «[и даже глубочайше] возникает Б.П. Григоров, возникает Московская группа, дорнахский антропософский Коллектив, вынашиваются „зерна“ в душе будущей „антропософской молодежи“ (2-ая и 3-ья волна антропософии)» (*Cahiers du Monde russe et soviétique*, op. cit., 70).

Another member of the “Molodoj Musaget” circle was Grigorov's wife, Nadežda Afanas'evna, to whom Belyj dedicated the poem “Karma” in *Zvezda* (dated “1917 g. Ijul'. Povorovka”). The description of the Grigorov family archive in *Zapiski otdela rukopisej GBL*, No.34 (1973) p. 166 gives her dates as 1885-1964, and identifies her only as a Moscow doctor. Povorovka, or more commonly in Belyj's diary entries “Povorovo,” was the Grigorovs' dacha.

Nadežda Afanas'evna was, as I discovered quite by chance, the sister of Pavel Buryškin, author of the well-known *Moskva kupečeskaja* (New York, 1954) who wrote of her there (throughout the citation I have corrected his “Grigořev” to “Grigorov”): «женщина-врач, очень хороший хирург, была известна с несколько иной точки зрения. Еще гимназисткой, она бывала в теософском кружке Христофоровой, которая была близка к Е.П. Блаватской, даже, кажется, состояла с ней в родстве. Потом, вместе с рядом других

лиц, в частности с Андреем Белым, она перешла к Рудольфу Штейнеру и стала антропософкой. Она вышла замуж за моего университетского товарища Бориса Павловича Григорова, который тоже был штейнерианцем. Они постоянно ездили к Штейнеру, в особенности, когда он читал свои циклы лекций. Григоров был назначен главным „гарантом“ русской антропософской группы. В квартире моей сестры происходили их собрания, где читались лекции и бывали собеседования. Все это, в некоторой степени, описано Андреем Белым. Первая версия Гетеанума, еще в Мюнхене, была выстроена за счет моей сестры, точнее говоря, за счет нашей фирмы» (226-227). Buryškin gives his sister's birthdate as June, 1885. He also writes: «Лето мы проводили в нашем подмосковном имении *Поварове*, по Николаевской железной дороге, в 46-ти верстах от Москвы» (217).

62. Around May 5, 1922 Belyj moved from Berlin to Zossen, 20½ miles from Berlin (“Letopis’”). The “Letopis’” continues: «Май, конец. ...овладевает лирическое настроение: начинаю писать стихи цикла „После разлуки“ [Раккурс дневника]. Июнь. ...Единым махом пишу цикл „После разлуки“ [Раккурс дневника].— Подпись под предисловием к книге стихов „После разлуки“». Ten of the fifteen poems of *Posle razluki* (1922) are signed “Zossen.”

Rarely had Belyj's mood been as anguished. Asja Turgeneva had left Berlin early in April after a “final explanation.” In the seventeenth chapter of “*По чему ja stal simvolistom*” Belyj wrote that the mood of the terrible scene of the torture of Korobkin in “Moskva” had been inspired by his mood of April-May, 1922: «сцена истязаний профессора, — лишь объективный в образе, вставшем передо мною того, что сидело во мне, с чем я был соединен; эти *истязания* во мне разыгрывались; мне казалось в Берлине, что меня *истязают*; ...[и в 1922 году воскликнулось: за что *терзают меня*?] Я бегал в цоссенских полях, переживая муки, которым не было ни образа, ни названия; [и которые тщетно силился я угасить в вине;] ... Так я себя переживал в Цоссене, 1922 года, когда писал книгу стихов. И на вопрос, отчего так жестоко я обошелся с профессором, я ответил бы: „*Отчего так жестоко со мной обошлась жизнь?*“» (the square-bracketed portions are crossed out in the ms.). See also Svetaeva's memoir “*Plennyj dux (Moja vstreča s Andreem Belym)*” and Vaxrah's memoir in *Kontinent*, No. 3, 300-301.

63. “*Pervoe svidanie*,” 4, 50-51.

64. «Мая 23, 1932. Начало переговоров с В.Д. Бонч-Бруевичем о передаче архива в Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики. Июля 9-10, 1932. Сдача „Архива“

в Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики» («Летопись»). [Bonč-Bruevič described these “novye postuplenija v central’nyj literaturnyj muzej” in *Literaturnoe nasledstvo* 7-8 (1933), pp. 459-460.] This enormous collection (some 10,000 pages) were later (1941) transferred from the archives of the Literary Museum to the newly-founded Central’nyj gosud. literaturnyj arxiv (renamed Central’nyj gosud. arxiv literatury i iskusstva—CGALI—in 1954), where it remains to this day. The archives of the Literary Museum now possess only a small number of Belyj papers given to it in the 1960s by Asja Turgeneva.

Mixail Osorgin rather fancifully suggested the reasons for the transaction in his memoir of Belyj (“Vstreči. 1. Andrej Belyj”), published in the Paris daily *Poslednie novosti* on January 18, 1934: «он даже поторопился, год тому назад, сдать в пушкинский музей [sic!] свой личный архив—письма, рукописи, рисунки. Предусмотрительность для него необычайная, может быть, вызванная предчувствием, а то—сознанием, что архив уже полон, больше собирать и хранить нечего». The real reasons were good deal more prosaic: Belyj had no room to store the material and badly needed money.

65. Vladimir Solov’ev, “Znamenie” (1898), I,1: “Oдно, navek одно! Puskaj v usnuvšem xrame...” This line is cited twice in “Pervoe svidanie” (2,69 and 2,411). The Glinka is the fourth line of the second verse from his well-known song “Kak sladko s toboju mne byt’” (1840), set to a text by Peter Petrovič Ryndin (1820-с. 1882).

66. *Pepel. Stixi*. Izdanie vtoroje, pererabotannoe (Moscow, 1929), 7. The preface is dated “Kučino. 28 goda. Nojabr’.”

67. “Timpan” (1931) was first published in 1940 in the Biblioteka poëta (“malaja serija”) edition of Belyj’s selected verse, 232-233. The editors of the “bol’šaja serija” edition (1966) republished this text, page 480. The poem—in the “Trepeten’” section of *Zovyj vremen*—is published for the first time in the correct stanzaic form in the Fink Verlag edition of Belyj’s complete collected verse, where it is No. 629.

68. “Xristos voskres” (1918), 24, 1 and 5-9.

69. The *Zapiski otdela rukopisej GBL*, No. 40 (1979), p. 167 mentions one letter to KNB of 1940 (not 1941) from V.P. Ditinenko among papers added to the archive’s Belyj holding (the papers were presumably transferred to the archive by KNB’s longtime companion E.V. Nevejnova). I have been unable to learn anything about him.

70. *Moskva pod udarom*. Vtoraja čast’ romana “Moskva” (“Krug,” 1926). No page reference is given in the ms., but on page 244 of the novel we find: «...на основанье какого закона возникла такая вер-

тучка миров, где добрейшим, умнейшим глаза выжигают».

71. On January 19, 1761, Lomonosov wrote to his patron Ivan Ivanovič Šuvalov: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дурак[ом] быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет» (Письмо № 71, М.В. Ломоносов, *Полное собрание сочинений*, том 10, М.-Л., 1957, 546). Belyj very likely derived his “version” from Puškin’s comment to his wife, in a letter of June 8, 1834: «Я, как Ломоносов, не хочу быть шутком ниже у Господа Бога».

72. The passage from *Maski* is not identified in the text. It can be found on page 350, in the scene where Titelev begs Korobkin to reveal his great secret. Titelev replies to Korobkin’s remark with “Pustoj paradoks!”

73. The passage from Book III, I, 1 of St. Augustine’s *Confessions* reads: “Nondum amabam et amare amabam et secretiore indigentia oderam me minus indigentem. Quaerebam quid amarem, amans amare, ...” R.S. Pine-Coffin (Penguin Classics, 55) renders it “I had not yet fallen in love, but I was in love with the idea of it, and this feeling that something was missing made me despise myself for not being more anxious to satisfy the need. I began to look around for some object for my love, since I badly wanted to love something....”

74. Presumably Glinka’s “Razuverenie,” set to a text by Baratynskij. Both song and poem were among Belyj’s favorites, and he cited them often in his poetry (*Urna*) and prose (*Petersburg*).

75. “Gordo glyba...”: *Zovy vremena*, “V gorax, 2”, 11. 1-5, in the section “Čerč tenej.” The poem, first published in *Posle razluki*, is No. 731 in my edition of Belyj’s collected verse.

76. “Nepobedimye malinovyje melodii” appears in “Marine Cvetaevoj,” *Zovy vremena*, in the section “Letnie bleski.” The poem, first published in a slightly different version in *Posle razluki*, is No. 603 in my edition.

“Zov birjuzovyj / Vremeni:” I, 1-2 of “Zov,” *Zovy vremena*, in the section “Molnii let.” Poem No. 792 of my edition, where it appears for the first time.

“Blednolimonnaja blesn’”: *Zovy vremena*, “Ty,” VIII, 1-2, in the section “Letnie bleski.” “Biblioteka poëta,” 502; No. 606 in my edition.

“S ljutni sryvajuščej...”: *Zovy vremena*, “Tixaja smert’,” VII, 1-2, in the section “Trepeten’.” No. 632 in my edition, where the text is published for the first time.

77. The poem “Svoemu dvojniku (Leonidu Ledjanomu),” dated “Moskva, 1917,” can be found in the manuscript text (now in CGALI) of *Zvezda* prepared for “Al’ciona.” It was excluded from the final text

of the collection issued by “Gosizdat” in 1922. The poem was published for the first time in the 1966 “Biblioteka poëta” edition, 473. As the note to the poem there states, Leonid Ledjanov is the hero of Belyj’s autobiographical *Zapiski čudaka*, a “satira na samogo sebja, na perežitoe lično” (*Zapiski čudaka*, volume 2, Moscow-Berlin, 1922, 236).

78. “May 13-16, 1928 [in Georgia]. Poezdka v Imeretiju s P. Jašvili i T. Tabidze. — *Sxvitori*, dom poëta Akakija Cereteli [Rakkurs dnevnika]” (“Letopis’”). On May 30 Belyj and KNB left Tiflis for *Sxvitori*, where they remained until June 28 (“Letopis’”) while Belyj worked on his “Armenija.” They had visited Erevan’ and other parts of Armenia from May 17 to May 24, 1928. They visited Armenia again in 1929 (end of April—end of May). See citations from Belyj’ letters to Ivanov-Razumnik of May 16 and June 2, 1928 in “Andrej Belyj v Gruzii”) *Družba narodov*, No. 2, 1966, 235).

79. Belyj made his first visit to Kodžory (or Kadžory) in the company of Tician Tibidze (the “T.” of this passage) and Paolo Jašvili, on June 29, 1927. He was so enchanted by it (see *Veter s Kavkaza*, 178) that he twice made extended visits. He spent July 6 to August 10, 1928 there. On July 9 he wrote to his friend Petr Nikanorovič Zajcev: «...ландшафт невыразимой красоты... сращенье хребтов и хребетиков — под нами... на нашем уровне; ...грандиозные горы с... четырех сторон горизонта» («Летопись»). On July 23 he wrote the following to Boris Pasternak: «...горы зарисовываемы не в словесных образах, а в мыслях, которые они навевают; ...описываю ландшафты в возникающих во мне филозофемах... В мыслях о перспективе, о колоритах, колористических остраниниях рельефа — я уже точно... Коджоры зарисовал» («Летопись»). The second visit took place in 1929. On July 11, 1929 Belyj noted in the “Rakkurs dnevnik’”: «*взлетаем в Коджоры*», (my italics), and on the same day he wrote to Zajcev «... попали в ту же гостиницу, в те же комнаты; ...все пошло, как в прошлом году» («Летопись»). See also a letter to Ivanov-Razumnik of July 19, 1929 in *Russkaja literatura*, No. 3, 1979. Once again they stayed about a month and returned to Tiflis on August 12.

80. April 8-12, 1927: “Pereezd v Cixis-Dziri, pod Batumom. Dača Rostovcevyx [Rakkurs dnevnika]” (“Letopis’”). Belyj and KNB left for Tiflis on May 19. They left for Cixis-Dziri on May 28 and stayed until June 26, when they again moved to Tiflis. During their second stay at Cixis-Dziri they were visited by Paolo Jašvili (“Ijunja 10. Priezd Paolo Jašvili, znakomstvo s nim” [Rakkurs dnevnika] — “Letopis’”). On June 9 Belyj wrote to Zajcev: «...места древнего Руна; мне, ста-

рому аргонавту,...пришлось ступить на этот берег... Собираение камешков,...отбор, сложение по орнаменту... десятки рассортированных коробочек» («Летопись»). For details of their stay, see *Veter s Kavkaza*, 9-56 and 131-160; and letter to Ivanov-Razumnik of June 7, 1927 in *Družba narodov*, No. 2, 1966, 232-233. The poem “V strane Zolotogo Runa” was written there (*Zovy vremen*, in the section “Belye stixi,” No. 642 in my edition, where it appears for the first time).

81. The “Letopis” contains the following relevant entries:

Декабрь, конец [1920]: Боли в спине усиливаются. Встает вопрос о специальном лечении. «... попадаю в лечебницу...» (Диагностический институт, б. лечебница Слетова на Триумфальной Садовой) [Раккурс дневника]

Январь [1921]: «Грустное время...; Диагностический институт... лежа на постели, процарапываю из 1-й главы „Моей жизни“ отрывки, вошедшие... в „Крешеного китайца“» [Раккурс дневника]

Январь, конец: «лечебница Майкова (Тверская, Благовещенский пер.)» [РД].

Март: «Лечебница Майкова... грязь; меня заражают экземой; лечат светом; Нилендер... перетаскивает к себе... Подготовляю отъезд в Ленинград;» [РД].

While in the hospital, Belyj wrote two of the gloomiest poems of *Posle razluki*: “Bessonnica” and “Bol’nica.”

82. Lito, i.e., Literaturno-izdatel’skij otdel Narkomprosa. Belyj participated in the discussions about its founding in October (“peregovory ob organizacii Lito” — “Letopis’”) and in November (“Sostavlenie proektov dlja Lito i Teo”; “Beseda v gruppe pisatelej s A.V. Lunačarskim ob organizacii Lito” — “Letopis’”) of 1918. Most of his work with it occurred between September and December, 1920 when he conducted a course in versification at the Moscow branch and delivered several public lectures.

83. “Na čto vy, dni!...” (1840), I, 3-4.

84. The lines from Baratynskij lead effortlessly to those from the “drevnjaja kniga,” i.e., the Bible, the book of Ecclesiastes, with which the poems of Baratynskij’s “Sumerki” cycle have much in common. KNB cites (not exactly) Chapter One, 6, 8, 9, 13, 18.

85. Ecclesiastes, Chapter One, 14: «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все — суета и томление духа!»

86. Belyj’s quoted speech distantly echoes Ecclesiastes, Chapter Four, 8: «Человек одинокий, и другого нет; ни сына, ни брата нет у него; а всем трудам его нет конца, и глаз его не насыщается богат-

ством. „Для кого же я тружусь, и лишаю душу мою блага?“ И это — суета и недоброе дело!»

87. Schubert's *Winterreise*, op. 89, XX “Der Wegweiser.” Text by Wilhelm Müller.

88. *Krizis kul'tury* (III. *Na perevale*), 37, 38 and 39, where it is given as “Eine Strasse muss ich gehen, / Die noch keiner kommt zurück.” After quoting the lines (as cited by KNB) in *Meždu dvux revolucij*, 116 (in the section “Pinakoteka kak drožži mysli”), Belyj adds: “Pesnja ‘Zimnego stranstvija’ — lejtmotif ‘stranstvija’ i moego!”

89. KNB cites stanzas II-IV. I have not in this case normalized punctuation to conform with the standard version, nor have I corrected the slight misquotation in II, 3. See also pp. 219-220 of Belyj's *Rudolf Šteiner i Gëte* for Belyj's highly personal interpretation of this portion of the Baratynskij poem. In a letter of December 3, 1929 to Tabidze, Belyj called Baratynskij “moj ljubimyj poët” (Tician Tabidze, *Stat'i, očerki, perepiska*, Tbilisi, 1964, 241).

90. KNB is describing the years 1919-1920 when Belyj, like his fellow intellectuals, experienced the full effects of the “dislocations” and chaos which followed the October Revolution. During this period Belyj had no real “home.” He wandered from friend to friend and between Moscow and Petersburg, at times living in abandoned apartments as well as in havens like the “Dvorec iskusstv” in Moscow (“Komnata moja — zaxožij dvor” — “Rakkurs dnevnika” in “Letopis'”) and the “Dom iskusstv” in Petersburg. Belyj was plagued by ill health and overwork. Incredibly enough, he managed to write a great deal. KNB only names a few of the works produced in this period. In the first fragment of his “Dnevnik pisatelja,” dated January 9, 1919 (and published in *Zapiski mečtatelej*, No. 1, 1919, 119-132—KNB's “Dnevnik mečtatelej” confuses the title of the piece with its place of publication), Belyj wrote: «...форма общения моего есть „дневник“; разговаривая в минуты досуга с собой, — не собой говорю (119)... Буду описывать все, что ни есть... говорить о случайном событии дня, о погоде, о книге» (131). Belyj continued publication in *Zapiski mečtatelej*, No. 2-3, 1921, 113-131 (“Dnevnik pisatelja. Počemu ja ne mogu kul'turno rabotat’”). Further fragments appeared after Belyj's return from temporary emigration: “Dnevnik pisatelja. 1. Ritm žizni i sovremennost’,” *Rossija*, No. 2, 1924, 132-146, and “Dnevnik pisatelja. Literatura i nedra byta,” *Novaja Rossija*, No. 3, 1926, 79-82.

The work which became *Kreščenyj kitaec* arose in August, 1920: «Сильное увлечение Шуманом, особенно „Крейслерьяной“, из которой „сложился ‘Крещеный китаец’...“ Я бормотал на про-

гулках отрывки из „Крейслерьяны“, чтобы... слышать словесное оформление „Китайца“ (КМП, 17 [т.е., *Как мы пишем*, Изд. Писателей в Ленинграде, 1930])» («Летопись»). Parts of it were sketched in February, 1921, but Belyj wrote most of it in April and finished the work in May, 1921. It was published in Moscow by “Niki-tinskie subbotniki” in 1927 (second edition, 1928).

The work KNB calls “Aforizmy o pravde” was written in June, 1921 and finished on July 8. It appeared a year later in the final issue of *Zapiski mečtatelej*, No. 5, 1922, 108-126, under the title “Tak go-vorit pravda.”

91. “Èlegija” (1821 or 1822), I, 1-2.

92. “Pervoe svidanie,” 4, 118-121.

93. The letter, with a few textual differences from that given here by KNB, was first published by Roger Keys in *Novyj žurnal*, No. 124, 168-169. The three dots indicate the following cut: «Но—страшная грусть: не то раскаяние в том, что так беспроко прожиты годы, не то решение—по новому построить остаток жизни. / И—до-верие к силам жизни, все еще бьющим в тебе; и радость, что Клодя пока стоит рядом; и—дарует силы к жизни».

94. *Zovy vremen*, “Idi,” V-VI, dated Kučino. 1931, in the section “Molnii let.” No. 791 in my edition, where it is published for the first time.

PRIRODA

Approximately ten pages of this chapter—beginning with the description of the visit to Zvart-Notc (“I vstaet peredo mnoj...”) through the statement that Belyj always wanted to return to Kodžory (“...ostalos’ gorjačej mečtoj ego do konca.”)—first appeared, with some small cuts, under the title “Andrej Belyj na Kavkaze. Stranicy Vospominanij” in *Novyj žurnal*, No. 103, 125-136.

I have cut the final twenty pages of the chapter (pp.112-132 of the Lenin Library ms.), which give long quotes from Belyj’s published fiction as examples of his nature descriptions.

1. «В образах, данных природой, слышатся художнику зовы Вечного; природа для него есть действительное, подлинное воплощение символа: природа, а не фантазия—лес символов; погружение в природу есть вечное углубление видимости; лестница углубления—лестница символов». From “Simvolizm” (1908), a public lecture read in Moscow on November 21, 1908 at the “Dom pesni.” First published in *Vesy*, No. 12, 1908.

2. «Весенняя мелодия. Мандолина», 2 (1922): «Природы праздники, исполненные / Светами / Утраченного / Смысла».

3. See, for example, *Veter s Kavkaza*, 21-22; 40-41; 45.

4. The poem “Serdce” (No. 581 of my edition), dated “Moskva. 1901-1921” in *Zovy vremen*. KNB quotes I, 1-2 and then III, 1-2. A typographical error in both mss. had “1931,” not the correct “1921.”

5. *Posle razluki*, “Poetsja pod gitaru,” 11. 1-3 (1922).

6. See *Veter s Kavkaza*, 199-272 (covering the period from July 3, 1927 to July 12). See also letters to Ivanov-Razumnik of July 6 and August 19, 1927 in “Andrej Belyj v Gruzii” (*Družba narodov*, No. 2, 1966, 233-235).

7. Belyj and KNB spent about a month (from the end of May to the end of June) of 1929 in and around the small Caucasian resort of Krasnaja poljana. See Belyj’s letter from Krasnaja poljana to Ivanov-Razumnik of June 1, 1929 in “Andrej Belyj v Gruzii,” *ibid*, 236-237.

8. The “Rakkurs dnevnika” (“Letopis’”) contains the following relevant entries from this period in Krasnaja poljana: «Июня 10 [1929]: Мысли о языке; Июня 12: Мысли о „фамилиях“ [материал для „Масок“]; Июня 16: Мысли о слове». On June 15, 1929 Belyj wrote to Zajcev: «приходится придумывать слова, которые живописали бы звуками картины природы» («Летопись»). In describing these Caucasian visits in *Kak my pišem*, Belyj wrote “v gorax legče xudožestvenno mysliť” (11).

9. In *Kak my pišem* (15) Belyj noted: «Книги, подобные „Кубку метелей“, „Запискам чудака“, Я считаю скорее лабораторными экспериментами, неудачи с которыми ложились в основу будущих достижений». In January-February, 1918, Belyj made the “černovye nabroski” for *Zapiski čudaka*. Much of March and April was devoted to work on it, and in October he reworked what he had done and continued it in November. He finished it only at the end of December, 1921 (the Introduction is dated January 2, 1922) in Berlin, and it appeared in two volumes in Berlin in 1922.

10. Belyj spent his first summer at Serebrjanyj Kolodez’, the small estate of his father (Tuľ’skaja gubernija, Efremovskij uezd, Starogal’skaja volost’) in 1899, after his completion of the gymnasium. He spent at least part of every summer there until 1907. He visited it for the last time from the end of May to July, 1908 (“proščanie s ‘milymi mestami’” — “Rakkurs dnevnika”), after which his mother sold the property (“Letopis’”).

11. The first two lines of Baratynskij’s “Finljandija” (1820).

12. See note 79 to Chapter One. The theory involving the “perspective of the fourth dimension” mentioned several paragraphs below was

worked out during the visit in 1928: “Mysli o 4-x izmerenijax [Rakkurs dnevnika]” (“Letopis’”). During the visit in 1929 Belyj made the following entries in the “Rakkurs dnevnika”: «Июля 26-28. Мысли о колорите, о связи глаза с рукой. Июля 29. Мысли о времени и пространстве» («Летопись»).

13. Belyj and KNB left Vladikavkaz on July 12, 1927. They arrived in Stalingrad on July 13, where they were to wait for a Volga steamer. “Ijulja 14-21. Paraxod ‘Čajkovskij.’ ‘Mysli o rel’efe i Rossii.’ Osmotr Kazani. Nižnij-Novgorod. Muzej [Rakkurs dnevnika]” (“Letopis’”). They left for Moscow on July 22 and returned to Kučino on the twenty-fifth. See *Veter s Kavkaza*, 273-293.

14. “Pervoe svidanie,” 2, 349-350. See Vladimir Solov’ev’s article “Vrag s Vostoka” (1892), *Sobranie sočinenij* (vtoroe izdanie, 1911-1913), volume five (1883-1892).

15. «Декабрь [1901]. Чтение литературы по „оврагам“ для кандидатского сочинения у проф. Д.Н. Анучина [Раккурс дневника]. Январь [1902]. Работа в Музее над собиранием материала для кандидатского сочинения [Раккурс дневника]. Февраль. Пишу кандидатское сочинение „Об оврагах“...проф. Д.Н. Анучину. Март. Пишу кандидатское сочинение „Об оврагах“ [Раккурс дневника]» («Летопись»). In *Na rubeže dvux stoletij* (484) Belyj wrote: «Мне до сих пор стыдно, что я писал сочинение „Об оврагах“», and on p. 454: «влетел неожиданно я в специальность, которую не интересовался нисколько, за исключением малого участка: овраги; и то — только русские». Dmitrij Nikolaevič Anučin is one of the few professors Belyj describes with fondness in *Na rubeže dvux stoletij* (“dobryj staričok,” 460) and *Načalo veka* (“patron moj,” 245).

16. “Žal’, čto ‘volžanin’ ne videl velikoj reki: razumeju ja Bloka” (*Veter s Kavkaza*, 279). The entire seventh chapter of *Veter s Kavkaza* (“Volga”) should be read in connection with this section of the memoir, as virtually every one of KNB’s reports could be footnoted with something from Belyj’s work.

17. The opening two lines of “Zakaty,” 1 (1902) of *Zoloto v lazuri*. It was revised in 1931 for *Zovyj vremen* (see the poem “Oves” in the section “Trepeten’,” No. 618 of my edition).

18. Large parts, in some cases all, of the four “Symphonies,” as well as many of the poems of *Zoloto v lazuri*, were written at Serebrjanyj Kolodez’. KNB has the lost *poëmy* “Fontan” (1901) and “Ditja Solnce” (1905) in mind. Both were written at Serebrjanyj Kolodez’ and Dedovo (see note seven to Chapter One).

19. Chapter Five (“Voenno-Gruzinskaja doroga”) and Six (“Kaz-

bek”) of *Veter s Kavkaza* describe this part of Belyj’s Georgian trip of 1927. The “Letopis’” gives a good outline of the major stops and impressions:

Июля 3. Переезд Тифлис-Казбек-Владикавказ. В попытке зарисовать в «Ветре с Кавказа» контуры Военно-Грузинской дороги... «сознательно... ставлю... модель, не имеющую ничего зрительно общего с видимым, но в невидимом вызывающую *точное* впечатление» [Письма к Борису Пастернаку].

Июля 5. Поездка из Владикавказа на станцию «Казбек» Военно-Грузинской дороги — на авто [Раккурс дневника].

Июля 6. Вторая поездка на станцию «Казбек» — в фэтоне [Раккурс дневника]

Июля 8. Ст. Казбек. Лекция М.П. Преображенской о восхождении на Казбек [РД].

Июля 10. «...пораженные видом Казбека, не могли только „пронестись“ мимо... Вернулись из Владикавказа» [Письма Зайцеву].

Июля 11. Владикавказ. «...пять раз проехали Дарьяльским ущельем... (меньше *нельзя*, ...значительней места я... не видал, ...оно, как и Казбек, обеспечивает зарядом дум, впечатлений, будущих книг, — на годы)» [Письма Зайцеву].

Июля 12. Отъезд из Владикавказа [РД].

See also Belyj’s letter from Kazbek of July 6, 1927 to Ivanov-Razumnik (*Družba narodov*, No. 2, 1966, 233-234).

20. «Каменной болезнью болею; коробочки: в них — лежат камни; не стыдно мне: профессора в Коктебеле болели болезнью моей» (*Veter s Kavkaza*, 14). On July 4, 1924 Belyj had written to Zajcev: «...поглощен коллекционированием камней» («Летопись»).

21. *Veter s Kavkaza*, Цихис-Дзири. 15 мая, 1927: «Все мне сочталось в камнях, нами собранных: быт и природа; камнями завалены: стол и диван; глаз наметан до слез на оттенках; оттенки же, — вот где учиться художнику;... Камни аджарские многое мне приоткрыли; они — ключи быта, ключи к пониманию орнамента»; (52-53). See also pp. 14ff. Compare June 7, 1927 letter to Ivanov-Razumnik: «У нас, конечно, уже коллекция камушков, не уступающих коктебельским: надеюсь когда-нибудь Вам показать что-нибудь от батумских даров моря; каменная болезнь охватила; и долго мучилась, как же везти с собой этот груз камней» («Андрей Белый в Грузии», *Družba narodov*, № 2, 1966, 232).

22. Romain Rolland (1868-1944), *L’Âme enchantée*, seven volumes, 1922-1933.

23. Belyj and KNB twice visited Armenia, in 1928 (May 18-25) and

in 1929 (late April-May 21 — see note 14 to Chapter One). On both occasions they spent much of their time with the prominent Armenian artist Martiros Sergeevič Sarʹjan (1880-1972), who took them on numerous sightseeing outings. Judging by an entry in the “Rakkurs dnevnika,” this excursion took place on May 20, 1928: “Poezdka v Ėčmiadzin i v Ajger-Lič” (“Letopisʹ”); the ruins of the church they visited are not far from Ėčmiadzin, the seat of the Armenian Katholikos. See also “Armenija,” *Krasnaja novʹ*, No. 8, 1928, 236-237. There Belyj describes Sarʹjan as «воспитанный „Миром искусства“ и после принесший сюда, в Эривань, свою мудрость художника» (225).

24. *Ofejra. Putevyje zametki. Častʹ pervaja* (Moscow, 1921). Expanded into *Putevyje zametki. I: Sicilija i Tunis* (Moscow-Berlin, 1922). The second volume was never published. For the complete account of Belyj’s work on this project, which described his trip through Italy and northern Africa in late 1910-1911, see pages 610-611 of *Literaturnoe nasledstvo*, 27-28.

25. On August 7, 1929 Belyj wrote to Zajcev from Kodžory: «Вместо коллекции „камешков“ в этом году будут „рисунки“ (Зарисовки Коджор акварелью и карандашом)» («Летопись»). And after returning to Kučino, Belyj wrote to Ivanov-Razumnik on August 30, 1929: «Дорогой друг, знаете, чем мы с К.Н. занимались в Каджорах, с яростью, с самозабвением, с бессонными ночами? Зарисовывали и красили. Смешно сказать, привез ряд „Каджор“ (колоритов)...каджорские колориты нас так замучили, просясь на лист бумаги, что мы, перепачканные красками, 2 недели добровольно укладывали себя в лоск, силясь схватить в убогих каракулях хоть намек на 1/100 того, что видели, как колорит.... верьте, — тут не искусство, а — познание; эта потребность к краске в нас, — то же, что былые потребности к собиранию камушков, листиков: модификация — все того же; дело в том, что я считаю: нельзя *увидеть* правильно, не задвигав рукой; руки — вторая пара глаз, как ноги — вторая пара ушей» (*Дружба народов*, № 2, 1966, 237).

26. *Posle razluki*, “V gorax,” 2, III, 2-4 (1922). The “Rakkurs dnevnika” for 1914-1916, when Belyj was living in Switzerland at the anthroposophic colony in Dornach, contains numerous entries with “brožu po goram.”

27. See *Veter s Kavkaza* (“Boržom. May 27, 1927”), 126-130. “Skorej — èto Al’py, no sorta vtorogo” (127).

28. At the end of 1930 Belyj began to think of another trip to the Caucasus («Декабрь. Мысли о ликвидации жизни в Кучине и о длительной поездке на Кавказ» — «Летопись»). He pursued the plan

in early 1931 (“Letopis’”):

Январь. Переписка с Т. Табидзе о творческой поездке на Кавказ, с целью написать книгу о Советской Грузии.

Февраль. Переговоры с заведующим ГИХЛ В.И. Соловьевым и с Союзом советских писателей о командировке на Кавказ. — «Хочу написать книгу о Советской Грузии (историко-культурного, этнографического, бытового и производственного характера)» [Письмо к В.И. Соловьеву].

By the middle of March, the plan was abandoned: “Marta 15-20. Pоеzdka na Kavkaz otpadaet” (“Letopis’”). Another trip there remained only a dream, but one to which he returned, as KNB notes, almost until the end. In July, 1933 he wrote to Grigorij Aleksandrovič Sannikov from Koktebel’: «Тут все интересно: и горное дело, и железнодорожное; и место любимое (дорога пройдет от Дарг-коха к Гори) ... тут возможность и длительно жить на Кавказе, и материал для очерков, и искание новых форм для производственного романа» («Летопись»). Shortly afterward Belyj’s serious illness forced them to return to Moscow.

29. In citing Goethe’s remark in a slightly different form (“Poèzija: zrelaja priroda”) in *Rudolf Stejner i Gëte v mirovozzrenii sovremenosti* (Moscow, 1917), 53, Belyj footnotes it only with “Iz Gëte-Arxiva.” In the essay “Dom-muzej M.A. Vološina” Belyj wrote: «„Поэзия есть зрелая природа“, — сказал Гете. Она — культура природы, выявляющая в последней новое качество. Это качество в природе, в людях природы, в быте, отложенном ими, пребывает как бы в зародышевом состоянии» (*Звезда*, No. 5, 1977, 188).

30. “Vesennjaja melodija. Mandolina,” 2, 11-18 (1922), where “Uvekovčeny” stands as a separate line.

РАБОТА НАД “MASKAMI”

I have cut the final ten pages of the text (233-242 of the Lenin Library ms.), in which KNB gives a series of Kučino landscapes which Belyj incorporated into the “Moscow” novels («В заключение хочу дать несколько ландшафтных картинок Кучина, составленных мной по тексту „Москвы под ударом“ и „Масок“. В них часто звучит нота самого Б.Н. Но разумеется, эта личная нота дана в преломлении»).

1. Like the rest of the materials sold to the Literaturnyj muzej in 1932 (see note 64 to Chapter One), these materials are now in CGALI (see its *Putevoditel’. Literatura*, Moscow, 1963, 69).

2. In October, 1926, Belyj had conversations with Mejerxol'd about turning "Moskva" (i.e., *Moskovskij čudak* and *Moskva pod udarom*) into a play. When Mejerxol'd expressed interest, Belyj speedily turned to the project and worked on it throughout November. On January 10, 1927 he read it to Mejerxol'd and other members of the production staff of Mejerxol'd's theater. On January 25 he read the play at the apartment of his friend Zajcev in Moscow, and this reading was followed by a discussion of the play. On February 20 Belyj read the play at Mejerxol'd's theater where again the reading was followed by a general discussion. When Mejerxol'd visited Tiflis between May 20-24 he and Belyj had detailed conversations about the planned production, at Mejerxol'd's rooms, where Belyj and KNB were staying («беседы с В. Э. Мейерхольдом о постановке „Москвы“. „Мейерхольд дает спираль сцен... Воодушевленный макетом, хочу переработать текст по спирали...»). Rakkurs dnevnika and letters to Zajcev in "Letopis"; see also the letter to Ivanov-Razumnik of June 7, 1927 in *Russkaja literatura*, No. 3, 1979). Upon his return to Kučino, Belyj turned to the play again: «Июля 26-29. Работа над макетом драмы „Москва“ [Раккурс дневника]. Августа 5-15. Работа над „спиралью“ драмы „Москва“ [Раккурс дневника]—«Летопись». During the remaining months of 1927 and in January, 1928 Belyj gave a series of lectures ("Slovo kak sredstvo izobrazitel'nosti" and "Slovo kak organ tvorčestva") for the actors at Mejerxol'd's theater. In January he read the play "dlja kollektiva" of Mejerxol'd's theater. Mejerxol'd included the play in the plans for his theater's 1927-1928 season (see his letter to N.R. Ėrdman of May 26, 1927 in V.Ė. Mejerxol'd, *Perepiska 1896-1939*, Moscow, 1976, 266), but nothing came of the production, apparently because Belyj never finished the revisions Mejerxol'd asked him to make. The play remained in the theater's plans, however, until 1930 (see Mejerxol'd, *Perepiska*, 414). Belyj stayed on the closest of terms with Mejerxol'd until his death. A brief description of the five-act play in seventeen "kartiny" is given in *Literaturnoe nasledstvo*, 27-28, 608; the ms. is now in CGALI.

3. The final page of *Maski* is dated "Kučino: 1 ijunja 30 g." In September, 1929 Belyj wrote in the "Rakkurs dnevnika" ("Letopis"): «Весь месяц... обдумывание 3-й части „Москвы“,...прогулки... мысли о символизме, ... которые грозили оттеснить „Москву“... Взял себя в руки... числа с 10-го углубился в „Москву“, увидел, ... написанное в прошлом году должно быть заново переработано... Написана 1-ая глава... „Брат Никанор“». By the "third part" of "Moskva" Belyj, of course, means *Maski*, which was first called "Maski Moskvj."

4. The “Letopis’” notes “Aprelja 14, 1924. Dogovor na roman “Moskva” s N.Ė. Xel’minskim, pri posredničestve B.A. Pil’njaka.” At the risk of repeating some matters KNB takes up in the memoir proper, here is a brief summary of the initial stage of the confusing pre-history of this “Moskva” novel. Belyj intended to work on a novel, tentatively entitled “Slom,” in Koktebel’, but nothing came of it, as he wrote to Zajcev from Koktebel’ on July 4 (“ne napisal ešče... ni stroki” — “Letopis’”). Instead, another work connected with a figure he had long ago conceived (Korobkin) began pushing itself to the fore. When he returned to Moscow he started work on the novel which became the first part, i.e., *Moskovskij čudak*, of “Moskva.” He finished its first chapter in October, 1924.

Isaj Grigor’evič Ležnev (1891-1955, real name Al’tšuler) at that time edited the important literary journal *Novaja Rossija* (earlier *Rossija*) to which Belyj was a major contributor.

5. Entries in the “Letopis’” for 1924 give some idea of how full the time at Koktebel’ was:

Июня 1. Три чтения драмы «Петербург» в мастерской М.А. Волошина.

Июль. «Философия конкретного знания» лекция в мастерской М.А.Волошина. Беседы о стихах, о новой поэзии — там же. Знакомство с проф. С.В. Лебедевым, художницей А.П. Остроумовой-Лебедевой, С.А. Толстой.

Август. Последняя встреча с В.Я. Брюсовым. Позирует для портрета художнице А.П. Остроумовой-Лебедевой. Встречи с Н.С. Ангарским, художником К.Ф. Богаевским, В.В. Вересаевым, А.Г. Габричевским, Л.П. Гроссманом, С.В. Шервинским, М.М. Шкапской и др.

Август. Чтение поэмы «Первое свидание» и реферат о Блоке в мастерской М.А. Волошина. Участие в прениях о поэзии (В.Я. Брюсов, М.А. Волошин и молодежь) и в прениях об искусстве (Н.С. Ангарский, В.Я. Брюсов, М.А. Волошин).

Belyj’s “kamennaja bolezn’” also began in Koktebel’, as KNB has noted before (and will describe in this chapter). See also note four to Chapter One.

6. Belyj began work on the fourth volume (or second part of the third volume, *Meždu dvux revoljucij*) of his memoirs on September 22, 1933: «Начал работу над 2-й частью III тома „Воспоминаний“. Заметна быстрая утомляемость» («Летопись»). By the end of October severe headaches had so incapacitated him that he had to dictate the material to KNB («Октября 31. Вечером диктовал главку „Бердяев-Булгаков“» — «Летопись»). On November 16 KNB noted the fol-

lowing in the “Letopis’”: «Мысли о 3-й и 4-й главках „Воспоминаний“: „соединить форму романа и мемуаров“. On November 25 he read the fragment “Egipet” to Zajcev, and on December 3 he found enough strength to revise some of what had been written. He and KNB took their last walk the next day. Four days later, on December 8, he entered a clinic. Exactly a month later he was dead. KNB published those fragments of this fourth volume, called simply “Vospominanija, tom III, čast’ II (1910-1912),” which Belyj had managed to finish in *Literaturnoe nasledstvo*, 27-28. 413-456. Much of the section Belyj first called “Berdjaev-Bulgakov” (“Moskovskij Egipet” in the final publication) appeared there in a heavily cut form.

7. According to the “Rakkurs dnevnika” (“Letopis’”) Belyj wrote the story “Iog” in August, 1918, not 1919. KNB probably made this slip because in 1919, in April, Belyj wrote an article entitled “Lev Tolstoj i ioga.” In 1918 “Iog” appeared in Voronež, in the journal *Sirena*, No. 2-3, 18-30.

8. Belyj himself dates this a few years earlier: «О герое романа „Москва“, Иване Ивановиче Коробкине, рассказывал я Вячеславу Иванову в 1909 году (когда писал „Голубя“); последний просил меня написать повесть о фигуре, живо волновавшей мое воображение» (*Как мы пишем*, 13-14). This must certainly be correct, as almost all of 1911-1912 was spent either abroad or in Moscow or in the Russian countryside. For Belyj’s description of his stays at the “Bašnja” see *Načalo veka*, 319-328.

9. “Dialektika ritma,” i.e., *Ritm kak dialektika i “Mednyj vsadnik.” Issledovanie* (Moscow, “Federacija,” 1929), which Belyj wrote in November-December, 1927. The relevant entries in the “Letopis’” for 1928 follow:

Сентября 13. «Готовлюсь к „Москве“» [Раккурс дневника].

Сентября 15. «Начал работу над первой главой 2 тома „Москвы“» [РД].

Сентября 18-29. «Работа над „Москвой“» [РД].

Сентябрь. ...Рукопись «Ритм как диалектика» взята из изд-ва «Никитинские субботники» и передана в изд-во «Федерация».

Октября 2-31. «Работа над „Москвой“... Написана 1-я глава 2-го тома...(первый вариант)» [РД].

Октября 15. «...сдвиг фабулы 1-й главы» [РД].

Октября 18. Договор с изд-вом «Федерация» на книгу «Ритм как диалектика» (в договоре—«Ритм как проблема и „Медный всадник“»).

Октября 27. Москва. Оформление договора с изд-вом «Федерация» [РД].

Октября 31. Подпись в конце первого варианта первой главы романа «Маски».

Ноября 3. Чтение 1-й главы 2-го тома романа «Москва» у П.Н. Зайцева. Присутствовали: М.М. Коренев, С.Д. Кржижановский, Б.Л. Пастернак, Г. А. Санников и др. Высказывания и беседа после чтения.

10. *Moskva pod udarom*, 241.

11. See note three to this chapter.

12. The “Letopis’” contains two entries that relate to this unpublished work, whose complete title is “Počemu ja stal simbolistom i počemu ja ne perestal im byt’ vo vsex fazax moego idejnogo i xudožestvennogo razvitija.” Both are from the “Rakkurs dnevnika” for 1928: «Марта 17-26. Работа над статьей „Почему я стал символистом“. Апрель 9-10. Правка и переписка „Почему я стал символистом“». Several mss. of the work exist in Soviet archives. My notes, made from a partial ms. in Puškinskij Dom, enable KNB’s cut to be filled in (and reveal a small “distortion”): «от детских напраслин, через „Дурачка“, через „Безумца“, стихотворения 1904 года, через „Затерзали пророка полей“ (из стихотворения 1907 года), через „Обвиненного“ в чем-то Метнером, через „темную личность“ антропософских сплетен 1915 года, через „Бывшего человека“ 1922 года тянулась, усиливаясь, меня терзающая нота; [и в 1922 году воскликнулось: за что *Терзают Меня?*]» (the portion in square brackets is crossed out in the ms.).

13. *Robert Majer* (Berlin-Petersburg-Moscow, “Gržebin,” 1922), 72 pp., an “exciting biography of the founding father of modern thermodynamic theory, Julius Robert von Mayer, whom Zamjatin depicted as a heretic and prophet, a scientific romantic whose heresy had exploded the stagnant inertia of scientific dogma” (*The Life and Works of Evgenij Zamjatin*, Alex M. Shane, 1968, 45-46).

14. In the Introduction to *Maski* (volume II of “Москва”) Belyj explained that he conceived of the “Москва” novel in *four* parts. Volume III was to embrace the period of the Revolution and War Communism, Volume IV the end of NEP and the “beginning of a new period of reconstruction.” Neither part was ever written. As Belyj noted (*Maski*, 5): «таково намерение автора, который должен оговориться: намерение—не исполнение».

15. See Chapter One, note 80. For an excellent discussion of Belyj’s “argonavtizm” see A.V. Lavrov’s “Mifotvorčestvo ‘Argonavtov’” in *Mif-foľ’klor-literatura*, Leningrad, 1978, 137-170.

16. *Zoloto v lazuri*, “Argonavty” (1904), in the section “Liričeskie otrvyki v proze.” KNB next moves to *Peterburg* itself, without pointing

to the two poems of *Pepel* ("Maskarad," 1908, and "Prazdnik," 1908) in which the domino and masked ball of the novel are prefigured.

17. In September, 1906, when Belyj was at the height of his painful involvement with Ljubov' Dmitrievna Blok ("ŠČ" in the memoirs), he spent a fortnight in Petersburg. Belyj describes this nightmarish period in "Domino" and "Skvoznjaki prinevskogo vetra," *Meždu dvux revoljucij*, 89-100.

18. On August 11, 1921, one day after taking part in the funeral of Blok, Belyj, who was staying at Detskoe Selo with Ivanov-Razumnik, wrote "načinaju nabrasyvat' 'Vospominanija o Bloke' [Rakkurs dnevnika]" ("Letopis'"). In Berlin in December of the same year, Belyj reworked this material and finished the first chapter. The second chapter was completed in January, 1922, the third at the beginning of May, and the fourth in October ("Letopis'"). In December, 1922, Belyj noted in the "Rakkurs dnevnika" that he had begun revising the "Vospominanija o Bloke" into the first volume of "Načalo veka" ("Letopis'"). The "Letopis'" thereafter mentions only this "Načalo veka," although the "Vospominanija o A.A. Bloke" were in nine chapters when published in *Èropеја*, Nos. 1, 2, 3, and 4 (1922-1923). In the "autobiographical letter" to Ivanov-Razumnik, Belyj wrote of the seven-year period 1916-1922: «Все завершается попыткой оформить прошлое, до 12 года в „Воспоминания о Блоке“, ставшие в 23 году 3 томани „Начало Века“» (*Cahiers du monde russe et soviétique*, 1-2, 1974, 77).

19. The "Letopis'" contains the following entries about this still unpublished work:

Декабрь [1925]. Поднимается тема «История становления самосознания». Чтение по истории философии [Раккурс дневника].

Январь [1926]. «Кучинский дневник» выливается в... писание «Истории становления самосознания», — исследования по философии культуры, темы которого наметились впервые в Мюнхене в 1906 году [РД]. «...написана часть... от Греции до 15-го века (вводительная)» [РД].

Февраль. «...написана часть от 15 века до 18-го; перехожу к характеристике силуэтов: Кант, Гегель, Гёте, Шопенгауэр и т.д.» [РД].

Март. «Пишу 19-й век в исторических силуэтах» [РД].

Апрель. «Пишу синтезирующую часть „Истории становления“ (около 200 страниц) и их перерабатываю» [РД].

Июнь, конец - август. Продолжение работы над «Историей становления». Чтение по истории философии и математики [РД].

In “Počemu ja stal simvolistom” Belyj wrote of this work: «помимо других работ здесь [в Кучине] я набросал черновой эскиз недоделанной книги „История Становления Самосознающей Души“ (я его доработаю, когда жизнь позволит); эта книга—студенческий семинарий над несколькими мыслями Руд. Штейнера, взятыми в разрезе моей мысли, куда мысли о *Символизме*, конечно, вошли». See also Belyj’s characterization of it in the “autobiographical letter” to Ivanov-Razumnik (*ibid*, 81 and 82).

20. I have not been able precisely to pinpoint what KNB refers to here, but she may have in mind passages in lectures five, six, and eight of Solov’ev’s *Čtenija o Bogočelovečestve* (1877-1881). Belyj wrote the following in the beginning of a long passage on the theme of “maski” in “Počemu ja stal simvolistom”:

...в проблеме жизни я изучал градацию социальных и мировоззрительных крахов; не люди проваливались (они были ценнее и лучше собственных „Мировоззрений“, их облакавших в *Рога*, *Бычьи Морды* и прочие *Маски*); маски надетые—предрассудки; пока они—удел личности, они безобразят личность, а не индивидуальное „Я“; но в социальном сплетении, в обществе, рост предрассудков—невероятен; в нем каждый, отдельно взятый, надетый лишь маской на „Я“, оплетает уже весь Индивидуум; общественные коллективы суть коллективы равнения всех предрассудков в единую линию ужасной чудовищности; коллективы, в таком равнении взятые,—кладбище ценностей.

21. Similar imagery is used in the Sixth Chapter of *Peterburg*, in the section “Nevskij Prospekt.”

22. Compare the first description of one of the Ochrana agents in *Peterburg*: «но лица также мы не успели увидеть, ибо мы удивились огромности его бородавки: так лицевую субстанцию заслонила от нас нахальная акциденция (как подобает ей действовать в этом мире теней)» (Chapter One, “Naša rol’,” p. 33 of Bradda edition).

23. See *Maski*, 103 ff.

24. On March 24, 1925 Belyj and KNB made their first visit to Kučino, where they had been invited by A. A. Velikanova (see note nine to Chapter One). They stayed until April 17. Belyj jotted the following in the “Rakkurs dnevnika” for April: «Начинаю прерванную на 3 почти месяца работу над „Москвой“; Работа над 3-й главой „Москвы“» («Летопись»).

25. The scene described here and paraphrased in part and quoted in part in the following paragraphs occurs on pp. 101-105 of the novel.

26. «Софокл и Эсхил были композиторами собственных творений, потому что они были мелодистами; и ритмы, и метры возникли (уже внутри мелодии); и оттого-то были возможны размеры, подобные „молоссу“ (---) у греков; у нас — невозможны; „молоссы“ — поются; три ударных „молосса“ в нашем метрико-тоническом стихосложении возможны только при длительных паузах.... Как мне произнести „молосс“ (---), чтобы он не превратился просто в плохой усеченный трохей: да только с паузами, которые я должен отметить через „тирэ“» (*После разлуки*, 13-14).

27. *Maski*, 109 ff.

28. «Июнь [1925]. Пишу всю 4 главу „Москвы“ [Раккурс дневника]; Июль. Пишу эскизы к 5 главе „Москвы“ [Раккурс дневника]» («Летопись»). Višnjakov first appears in the second chapter of *Moskva pod udarom*, i.e., in the fifth chapter of “Moskva.” See also note 37 to this chapter.

29. See *Moskva pod udarom*, 77.

30. Under the entry «*Фролы*: м. мн., [лат. *Florus*], день Флора и Лавра, 18 авг.... *фролы* и родятся, цветы, цветочки, один куколь. Кто сеет на Фрола, у того *фролки* и будут». The page reference establishes that Belyj owned the third edition of Dal' (*Tolkovyj slovar' živogo velikorussskogo jazyka*, volume 4, S-V, 1909, 1154).

31. See *Moskva pod udarom*, 88-89.

32. «Август [1925]. Дodelываю 5 главу „Москвы“... пишу почти всю 6-ю [Раккурс дневника]» («Летопись»). The novel was finished on September 24, 1925 (see “Vместo predislavija” to *Moskva pod udarom*). Belyj began work on the sequel (what would become *Maski*) in October, but work on the production of the play “Peterburg” pushed it aside. (In the Public Library ms. this Swedish professor is everywhere “Pšordonner”.)

33. KNB quotes from the notes to the article “Lirika i èksperiment” (*Simvolizm*), on pages 570-571.

34. In June, 1907 Belyj discovered that the ms. of the *poèma* “Ditja-Solnce” had been lost (“Rakkurs dnevnika” in “Letopis”). For more on this work see *Meždu dvux revoljucij*, 18-21, and *Literaturnoe nasledstvo*, 27-28, 580. The work is mentioned in Blok’s letter to Belyj of July 19, 1905 (see *Aleksandr Blok i Andrej Belyj, Perepiska*, M., 1940, 136).

35. Boris Sergeevič Zemenkov (b. 1902), self-styled Expressionist, author of *Koryto umozaključenij (Èkspressionizm v živopisi)*, Moscow, 1920, and *Grafika v bytu* (M., 1930). He published one small book of poems in 1920, *Steorin [sic!] s prosed’ju. Voennye stixi èkspres-*

sionista. (see Vladimir Markov, "Expressionism in Russia," *California Slavic Studies*, Volume VI, 1971, 150). He later published several books on Moscow: *Gogoľ v Moskve* (1954); *Pamjatnye mesta Moskvy* (1959); *Očerki moskovskoj žizni* (1962). Belyj probably met him in August, 1919, when both were elected to the praesidium of the newly formed Vserossijskij sojuz poëtov (*Literaturnoe nasledstvo*, No. 85, 232). He was also a painter: a reproduction of one of his watercolors was included in the 1979 "Paris-Moscou. 1900-1930" exhibit at the Centre National d'art et de culture Georges Pompidou in Paris (see the catalogue of the exhibit, page 317: "Fenêtre ROSTA dans une vitrine de magasin, Moscou").

36. As noted previously, Belyj wrote the first chapter of "Moskva," i.e., the first chapter of *Moskovskij čudak*, in October, 1924. He finished it on November 10 ("Letopis'"). The second chapter, in the first section of which the dwarf Jaša Kaval'kas appears for the first time, was written in November.

37. After visiting Kučino in late March-early April, 1925, Belyj and KNB moved there permanently at the end of May ("Letopis'": "Maja 25. Preezd v Kučino [dača Levandovskogo])." This is the house with the balcony described a few pages earlier, in which they lived for several months and in which Belyj wrote the fourth-sixth chapters of "Moskva" (to repeat: chapters 1-3 of *Moskva pod udarom*). The "Malayan theme" first appears in the fifteenth and eighteenth sections of the fifth (second) chapter, which was conceived and sketched in July ("Letopis'").

38. See *Moskva pod udarom*, 129-130, 135-136, 193.

39. Belyj arrived in Berlin from Harzburg on June 29, 1923: "Živu v... truščobe u Anhalter Bahnhof" ("Rakkurs dnevnika" in "Letopis'"). He left for Ahlbeck on July 14. On June 27 he had written to Zajcey ("Letopis'"): «Ужасно скучаю по России... Трудно жить с берлинскими русскими» («Летопись»).

40. «Дорнахский антропософ Трифон Георгиевич Трапезников, едва вырвавшись из Англии, с июня 1917 года принимает большевицкий лозунг „Долой войну“ и с начала 1918 года становится едва ли не главным организатором, вместе с Троцким, „Отдела Охраны Памятников“, в котором работает до смертельной болезни в 1924 году; в 1924 году едет лечиться за границу и долго умирает у своего приятеля (с 1910 года) Бауэра (антропософа); вопрос о его перевозке в СССР к старухе-матери вместе с главным заданием (лечебного характера) и обуславливает вторичную поездку за границу моего лучшего друга, Кл. Ник. Васильевой (в 1926 году)»; — «Заявление Андрея Белого Советскому Проку-

пору Катаняну, подано 27 августа 1931 года» (*Новый журнал*, № 124, 1976, 157; the publication gives "Trockij," but surely Natalija Ivanovna Trockaja is meant).

Fedor Stepun, recalling his student days in Heidelberg, calls Trapeznikov (born 1882) his friend and describes him as «талантливый историк искусств, нервный, тонкий, всегда изысканно одетый человек, с подлинно аристократической, несмотря на купеческое происхождение, внешностью» (*Бывшее и несбывшееся*, том I, 1956, 119). Trapeznikov seems to have spent much of his time before and after 1909 in Western Europe. In 1909 he defended his Heidelberg dissertation, "Die Porträt-darstellung der Mediceer des XV Jahrhunderts," which was published in Strassburg the same year. Belyj had met him around 1903 in Moscow at the restaurant "Al'pijskaja roza" (*Načalo veka*, 263). But it was not until 1912, in Munich, where both men were attending a cycle of Rudolf Steiner's introductory lectures on anthroposophy, that they became friends ("July-August, 1912: Sbliženie s T.G. Trapeznikovym," "Rakkurs dnevnika" in "Letopis"). Belyj saw him again in Munich at the end of the year. In 1914 he noted that he saw Trapeznikov and Margarita Vasil'evna Vološina-Sabašnikova often between April 5-30 in Arlesheim, a small Swiss village a few miles north of the anthroposophic colony at Dornach.

Vološina [Woloschin], like Belyj, was working on the building of the Goetheanumbau at Dornach between 1914 and 1916. She mentions both Belyj and Trapeznikov frequently in her memoirs, *Die grüne Schlange. Lebenserinnerungen* (Stuttgart, 1954). She accompanied Trapeznikov to Russia in 1917 in one of the famous trains of "plombirovannyx vagonov" when he was called up for military service (see her memoirs, 303-309); and she was closely involved with him in the work of the Moscow Anthroposophical Society. (See also A. Turgeneva, "Po povodu 'Instituta istorii iskusstv'," in *Mosty*, No. 12, 1966, 358-362.)

While no other entries in the "Letopis" mention Trapeznikov until later, he obviously became one of Belyj's closest anthroposophic friends: «...вырастает и делается близним душе и как друг, и как эстетик, с которым мы связаны, Т.Г. Трапезников; с которым потом и в Москве мы оказались в кармическом контакте, вызвав к жизни группу Ломоносова» ("autobiographical letter" to Ivanov-Razumnik, *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1-2, 1974, 70). Belyj wrote about this "Lomonosov group" of Moscow anthroposophists in "Počemu ja stal simvolistom," again singling out Trapeznikov's "obščestvennaja rabota" (Trapeznikov had arranged work both for Belyj and Petrovskij in the "Oxрана pamjatnikov" in Sep-

tember, 1919): «Так одно время виделся мне в нашей [Ломоносовской] группе возможный орган переориентировки быта антропософии в условиях, подаваемых русской действительностью 1918-1921 годов; и в переориентировке мне виделись условия возможности нового стиля культурной работы в России для подлинного антропософа; задание его — найти себе подлинное активное место в своей стране; я должен сказать, что с этим заданием русские антропософы справлялись и продолжают справляться; укажу лишь на культурную роль покойного председателя нашей группы Т.Г. Трапезникова, производившего эту работу в обще-русском масштабе,— хотя бы в роли одного из руководителей отдела „Охраны Памятников“». Sometime in 1923 Trapeznikov arrived in Berlin, but in October, shortly before Belyj's own return to Russia, he left Berlin (“Ot’ezd Trapeznikova” — “Rakkurs dnevnika” in “Letopis’”). I know nothing more about his fate, except for Belyj's remarks in the letter to Katanjan.

Incidentally, the reasons for choosing Lomonosov as the “patron” for the Moscow group are probably revealed in a passage from the memoirs of Mixail Šexov: «„Я [Белый] посвящу свою книгу Михаилу Архангелу.* Пусть в наши дни прозвучит Его имя“. И когда вышел „Московский Чудак“, на первой странице я прочел: *Посвящая Памяти Архангельского Крестьянина Михаила Ломоносова. *Духовная наука (Антропософия) под именем Архангела Михаила объединяет группу духовных существ, играющих важную роль в развитии мира и человека. Задача Архангела Михаила особенно значительна в нашу эпоху*» («Жизни и встречи», *Новый журнал*, № 9, 13; see also Woloschin, *Die grüne Schlange*, 276-277).

41. The depth of Belyj's feeling for Ivanov-Razumnik (Razumnik Vasilievič Ivanov, 1878-1946) is amply demonstrated by the following from “Počemu ja stal simvolistom”: «не забуду и братского отношения ко мне ставшего мне *родным* Иванова-Разумника». In *Načalo veka* (324) Belyj remarks that he first met him at Vjačeslav Ivanov's “Tower,” but it is not clear from the context when this occurred. Roger Keys (see below) suggests, on the basis of archival materials, that it may have taken place as early as September, 1906. In the “Letopis’”, however, Belyj singled out Petersburg, May 11, 1913: “Znakomstvo [as opposed to “vstreča,” a distinction Belyj sometimes made] s Ivanovym-Razumnikom v izd-ve ‘Sirin’; razgovor ob izdanii ‘Peterburga’.” In the “autobiographical letter” to Ivanov-Razumnik, Belyj wrote «в *предзамысле* наших будущих встреч, работ, бесед, дружбы возникает мне Вы в линии 1914-1915 в душевном тяготении к Вам и к *Петербургу*» (*Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1-2,

1974, 70). The two became close friends after Belyj's return to Russia in 1916 («не одни литературные вкусы и личная дружба соединяли меня [в 1917 г.] с Ивановым-Разумником; темы народа, войны и революции были темами нашего сближения»—«Почему я стал символистом»), and they worked together closely in “Skify” and “Vol’fila” («душой, подлинным уловителем ритма жизни „В. Ф.А.“ был... Р.В. Иванов»—«Почему я стал символистом»). Belyj was a frequent guest at Ivanov's residence in Detskoe Selo, where he often found shelter for months on end. From April, 1931 until April, 1932, when Belyj and KNB were literally homeless, they lived there until they and the Ivanovs were forced to move out, when the house they inhabited was turned into a TB asylum. They were to disagree sharply at times (see Ivanov's *Tjur'my i ssylki*, 1953, 127). Belyj never, however, broke with him, as he did with so many of his close friends over the years. And he felt that in Ivanov he had found someone to whom he could reveal his most closely guarded thoughts. The two men's voluminous correspondence of twenty years (1913-1932) has yet to be published in any but fragmentary form. This epistolary record, as well as the story of the friendship, has, fortunately, been described in Roger Key's fine “The Bely-Ivanov-Razumnik correspondence” (*Andrey Bely. A Critical Review*, 1978, 193-204).

42. Although KNB dates Belyj's enthusiasm for collecting leaves with the autumn of 1925, their first mention in the “Rakkurs dnevnika” occurs in September, 1926: “načinajutsja ‘listiki’” (“Letopis’”). The month of November, 1926 also contains simply “listiki.” In *Veter s Kavkaza* (52-53), however, Belyj wrote «два уже года я—снец сухих листиков» (Цихис-Дзири, 15 мая 1927) which points to 1925. Belyj continued: «Мне изученье оттенков сказалось в огромнейшем сдвиге; оно принесло столь же пользы, сколь некогда пристальное изучение полотен музейных; в оттенке листа земляничного есть Рафаэль, есть Иванов; в оттенках боярышника засыхающего—есть Грюневальд; вишня сохнувшая—Тинторетто; в отборе листов, при сложенье отборов,—раздвинута палитра; я убежден—вся история живописи, изучаемая в колорите,—часть палитры этой: ничтожная часть; я давно собирался прочесть специальный доклад с демонстрацией листиков,... Прямо скажу: на камнях и на листьях вполне научаешься видеть; умение видеть—итог долгих опытов;... природа—музей» (53). So intensely did Belyj work on sorting them that on October 1, 1927 he jotted “Byl u glaznogo. Boljat glaza ot razbora listikov” in the “Rakkurs dnevnika” (“Letopis’”). A few days later, however, he wrote in the “Rakkurs dnevnika” «Слагаю сонеты из листиков: разкладка листиков в специальном

альбоме» (5-7 октября) и «Хоралы листиков» (9 октября).

43. «Апреля 1-8 [1931]. Деловые поездки в Москву. Приготовление к предполагаемому отъезду в Детское Село. С Кучиным покончено. Апреля 9. Отъезд в Детское Село (Октябрьский бульвар, д. 32) [дом Иванова-Разумника]» («Летопись»).

44. After finishing *Maski* and work on *Načalo veka* in 1930, Belyj “paused for a rest” (“Letopis’”) in January, 1931. Part of this “rest cure” involved rereading Gogol’, especially *Večera na xutore bliz Dikan’ki* and “Taras Bul’ba.” By July a book was forming: “Mysli o tvorčeskom processe u Gogolja i u L’va Tolstogo” (“Letopis’”). On August 8, 1931 Belyj signed a contract with “GIXL” for a book on Gogol’. The writing occupied him, on and off, for the next year (“Letopis’”):

Сентябрь-декабрь. Напряженная работа над книгой о творчестве Гоголя. Чтение черновых набросков и отдельных отрывков Р.В. Иванову.

Октябрь. Написана глава о «Страшной мести».

Ноября 30. Работа над составлением «макетов» для книги о творчестве Гоголя: наряд, помещик, деревня, народ и т.д.: вытяжки цитат из всего Гоголя.

Декабря 10. Заканчивается первая глава книги о творчестве Гоголя «Пушкин и Гоголь».

Декабря 24. Приезд в Детское Село В.Э. Мейерхольда и З.Н. Райх. Чтение им отрывка о «Страшной мести».

Январь-апрель [1932]. Та же напряженная работа над книгой о творчестве Гоголя.

Марта 21-31. Работа над книгой о творчестве Гоголя.

Апреля 12. Окончена 4-я глава книги о творчестве Гоголя, т.е. вся книга: «5-я глава — пустое, по сравнению с остальным [„Гоголь в XIX и в XX веке“]».

Апреля 23. Окончена 5-я глава книги о творчестве Гоголя.

On May 27, 1932 Belyj attended Mejerhol’d’s production of “Revizor” in Moscow: «Впечатление огромное. „После года работы над Гоголем только еще подчеркнулась верность деталей и целого“» («Летопись»). On June 19 Belyj’s publisher decided to issue the book “nemedlenno.” Between June 27 - July 4 Belyj had a conversation with the artist Milaševskij (who was drawing the portrait of Belyj which appears in *Maski*) about the illustrations for it. The book *Masterstvo Gogolja* was not, however, to appear until the spring of 1934, after Belyj’s death. Judging by what Ivanov-Razumnik (in *Tjur’mu i ssylki*, 209) rightly calls the “naglyj ton” of Kamenev’s introduction to the volume, the reasons for this long delay were probably political, not

literary.

45. The history of Belyj's long relationship with Mejerxoľ'd would require a note of article length. The two men became friends during their work together in "Teo" in 1918 and 1919. From that time on they formed a kind of mutual admiration society. They frequently visited one another, held long discussions on art and the theater, and wrote in defense of each other's work. Mejerxoľ'd's invitation to Belyj to stage a drama based on "Moskva" coincided with the "conceptual stages" of the first version of *Maski* (see note two to this chapter). During that time (late 1926-early 1927), Belyj was a constant visitor to Mejerxoľ'd's theater which was rehearsing the controversial production of "Revizor," which Belyj called «едва ль не последнее достижение... мировой сцены... она — точная фантазия мысли» (*Маштерство Гоголя*, 319). Five years later, on March 6, 1931, one of the first readings from *Maski* was given at Mejerxoľ'd's Moscow apartment. KNB, of course, was there, as were Pasternak, Oleša, Zajcev, and Mejerxoľ'd's wife, Zinaida Rajx, of whom Belyj was very fond. (Belyj was the godfather of her son, Konstantin Esenin, Mejerxoľ'd's stepson — see the photo given to Belyj by Mejerxoľ'd in 1927, reproduced in *V.Ė. Mejerxoľ'd. Perepiska 1896-1939*, 1976, No. 51-52.) Belyj had been very unhappy with MXAT 2's production of his "Peterburg" in 1925, but he remained on good terms with Mixail Ćexov (see note 53 to this chapter).

46. "Pervoe svidanie," 2, 274-275.

47. The "Rakkurs dnevnika" ("Letopis'") for this Cixis-Dziri period of 1927 contains the following entries:

Июня 11-12. Работаю над ритмическим жестом Пушкина.

Июня 13. Вычисление кривой «жеста» «Полтавы».

Июня 14-16. Ритм «Медного всадника».

Июня 19. Разбор кривой «Медного всадника».

The first result was a lecture, "Ritmiĉeskij žest 'Mednogo vsadnika'," on July 2, at the Dvorec iskusstv in Tiflis for the Vsegruzinskij sojuz pisatelej (see *Veter s Kavkaza*, 147 and 194 ff). The ultimate product of this "game" was the book *Ritm kak dialektika i "Mednyj vsadnik"* (1929).

48. Entries in the "Rakkurs dnevnika" ("Letopis'") for 1926 make it clear that the compilation of this bibliography was far more than a game; it was closely connected with Belyj's work on "Istorija stanovlenija samosoznanija" (see note 19 to this chapter.) The autograph of the Bibliography states «библиография по истории философии, ... проработанная согласно плану автора (со схемами соотношений философских течений» (Июнь, конец-август, 1926-«Летопись»).

The accident with the streetcar (described in the first chapter) occurred on August 13, but the “Rakkurs dnevnika” for the end of August still mentions “Rabota nad bibliografiej.” (see also item No. 4 under “5. Issledovatel'skie materialy” in the description of Belyj’s archive in *Literaturnoe nasledstvo*, 27-28, 633.)

49. Belyj met the artist Kuz'ma Sergeevič Petrov-Vodkin (1878-1939) in March, 1920 in Petersburg, where both were active in the work of “Vol'fila.” From then on they saw each other regularly whenever Belyj was in Leningrad, often at the house of Ivanov-Razumnik (who considered him “samyj bol'soj iz našix xudožnikov”—*Tjur'my i ssylki*, 127). It was there, in Detskoe Selo, in May-June, 1931, that Belyj posed for his portrait with the artist. Belyj considered the result “very successful” (“Letopis'”). (The portrait, finished in 1932, is now in the Art Museum at Erevan—see a black and white reproduction in V. I. Kostin’s *K.S. Petrov-Vodkin*, Moscow, 1966, 135.) Belyj often quoted the remark “nauka videt’” (taken from Petrov-Vodkin’s article “O nauke ‘videt’,” published in “Delo naroda,” June 28, 1917) in his writings in the late 1920s and early 1930s: «вспомнились тезисы Петрова-Водкина: живопись, вся, — есть наука: увидеть» (*Ветер с Кавказа*, 265); «После уже я Петрова-Водкина слушал, как он проповедал свою „науку видеть“, и учеников заставлял пережить восход солнца взлетанием грудью навстречу лучам, а закат — упаданьем спиной: назад» (*Начало века*, 255); «Встали лозунги Петрова-Водкина: Живопись: это — наука увидеть!» («Армения» — *Красная новь*, № 8, 1928, 230).

50. The quoted passage begins «Я учился в природе видеть „Платоновы идеи“...».

51. Dozens of citations from Belyj’s writings could be given to support this remark. The notion runs throughout the essay “Как мы пишем” (i.e., e.g., «...ландшафтов, вызывающих чисто музыкальный звук темы, приводящий мою мысль и даже мускулы в движение...», 15) which is reproduced in full in this volume.

52. «Сентября 13, 1928. Готовлюсь к „Москве“. Сентября 15. Начал работу над первой главой 2 тома „Москвы“. Сентября 18-29. Работа над „Москвой“. Октября 2-31. Работа над „Москвой“ ... Написана 1-я глава 2 тома (первый вариант)» («Раккурс дневника» — «Летопись»). In the Fifth Class of the Gymnasium, Belyj’s teacher, Lev Ivanovič Polivanov, had gone over the “Slovo” “metaphor by metaphor” for over a month and a half. «В результате я должен признаться: Моих ушей коснулся он, | И их наполнил шум и звон. „Шум и звон“ — звуковые краски и ритмы „Слова“» (*На рубеже двух столетий*, 286).

53. Belyj met the actor and director Mixail Aleksandrovič Čexov (1891-1955), nephew of Anton Pavlovič, in the middle of October, 1921, shortly before Belyj himself left for Berlin. Čexov had only recently discovered Rudolf Steiner (see his letters about anthroposophy in *Novyj žurnal*, No. 132), and when Belyj returned to Soviet Russia in October, 1923, the two men met again in Moscow anthroposophical circles. In 1923 Čexov had become the director of the “Pervaja studija” of MXAT, which became officially the Moskovskij Xudožestvennyj akademičeskij teatr 2-j during the 1923-1924 season. Čexov, eager to establish the theater in the public mind as something exciting and fresh, turned to the matter of repertory. He may also have wished to help raise the depressed spirits of his fellow anthroposophists. At any rate, on December 17, 1923, Belyj wrote to Ivanov-Razumnik to inform him that Čexov had suggested that he turn *Peterburg* into a play (“Letopis’”). Belyj started work on the adaptation in January, 1924 and finished in May. Until the play’s first performance on November 14, 1925, with Čexov in the role of Apollon Apollonovič, Belyj was in frequent touch with Čexov. He read sections of the play to the actors, lectured at the theater, and from September until the first performance participated in all phases of the production. The play’s failure plunged Belyj into a month-long depression (“nervno zbolevalu na mesjac” he wrote in the “Rakkurs dnevnika”), but he did not hold the failure against Čexov. As he wrote to Mejerxoľd on December 25, 1926 “*Pervyj blin komom*” (Mejerxoľd, *Perepiska 1896-1939*, 259). Čexov, too, remained an enthusiastic admirer of Belyj, long after his emigration from Russia in the summer of 1928, as his letter to Mejerxoľd of February 13, 1933 makes clear (Mejerxoľd, *Perepiska 1896-1939*, 324-325). After trying unsuccessfully to keep a Russian acting troupe going in emigration, Čexov left Europe for the United States, and established a popular acting studio. He died in Hollywood in 1955. A fine section of his memoirs (“Žizni i vstreči,” *Novyj žurnal*, No. 9) is devoted to Belyj; the portrait both confirms and complements much of what KNB writes of her husband.

54. KNB’s memory has slightly betrayed her here. The controversial production of *Hamlet*, with Čexov in the title role, had its first performance at MXAT-2 on November 20, 1924. Belyj did not visit Kučino until March 24, 1925, and only moved there permanently on May 25. The visit described here probably took place in the late summer of 1925, when plans for the production of “*Peterburg*” were in full swing.

55. When Belyj and KNB first moved to Kučino on May 25, 1925 they stayed at the Levandovskij dacha mentioned earlier. In August Belyj wrote in the “Rakkurs dnevnika” (“Letopis’”): «Снимаем... две

комнатки на зиму на даче Шиповых (Железнодорожная ул., № 7 [40])». On September 16 they moved to the Šipov's and remained there until April, 1931.

56. It is difficult to say with any precision which course of lectures this might have been. After his return to Russia in 1916 Belyj constantly lectured on philosophy and culture. The "course" that Anna Alekseevna heard may have been a cycle of lectures on the history of culture and philosophy that Belyj gave in 1925-1926 at the apartment of Mixail Čexov, where he also lectured on anthroposophy.

57. Both manuscripts refer the reader to the nonexistent "March 1, 1934, No. 53" issue of the newspaper. The article appeared in issue No. 53 of March 1, 1935. KNB cites it with several unindicated long cuts.

58. The full title of the paper which Academician I.P. Pavlov read at an International Neurological Congress in London was "Tipy vysšej nervnoj dejatel'nosti v svjazi s nevrozami i psixozami i fiziologičeskij mexanizm nevrotičeskix i psixičeskix simptomov."

STIXI

The epigraph is the opening lines of Baratynskij's "Poslednjaja smert'" (1827).

Approximately seven pages of this chapter, taken from the beginning and the end, with several unindicated cuts, appeared in *Novyj žurnal*, No. 102, 103-109, as "Stixi. Ob Andree Belom."

Throughout this chapter, as elsewhere in the commentary, I refer to poems from *Zovy vremen* by the title and number under which they are to appear in my forthcoming edition of Belyj's complete poetry (Fink Verlag, Munich). In those cases where a poem from *Zovy vremen* appeared in the 1966 "Biblioteka poëta" edition of Belyj's poetry I give also "B.P." and the page reference.

1. Compare "Vy— | Vnimali | Staratel'no. | I— | Starodavnij Zodiak," 11. 13-17 of "Šutka" (1915) in *Zvezda*. The Zodiac image also figures in several of the poems of *Zovy vremen*: "zolotym kolesom Zodiaka" in No. 594, "Poët," B.P., 510; "staryj drug Zodiak" in No. 688, "V ěfire," 4. I have not been able to locate the exact "starodavnie ogni Zodiaka" in any of the poems.

2. On May 23, 1927 Belyj and a party of Georgian friends visited ZAGËS, i.e., Zakavkazkaja Hidroëlektrostancija. The visit is described in *Veter s Kavkaza*, 91ff. «И сквозь рычаги он выводит в пустынную комнату,.... громадные, точно свитые удавы, тишайше лежат

кабеля; на наружных дверях, приводящих сюда, в помещение это, отчетлива надпись: „Смертельно“!» (103).

3. *Meždu dvux revolucij*, 295.

4. “Toľko v 1929 godu ja se’ezno vzjalsja za iskorenenie ‘užasov’ pervogo izdanija ‘Zolota v Lazuri’” (B.P., 561). From the first Introduction to *Zovy vremen*; it, as well as a second, shorter Introduction, is published in an appendix in B.P. and in my own edition.

5. In a preface written in 1920 for a planned reissue (never published) of *Zoloto v lazuri* Belyj talked of the “trudnaja *moral’naja* rabota” that a revision of the book would require. Despite his conviction that the original *Zoloto v lazuri* had to be completely redone, Belyj wrote that “net ni vremeni, ni *moral’nyx* sil.” This reissue was to be the third volume of a twenty-volume “sobranie sočinenij” which Gržebin would publish; nothing came of it, but the plan and Belyj’s prefaces for each volume are now in CGALI, fond 53, opis’ 1, item 103.

6. This and the following citation from the Introduction to *Zovy vremen* are on page 562 of B.P.

7. About the plan for a “sobranie sočinenij” see note 5 to this chapter and *Literaturnoe nasledstvo*, 27-28, 576. In the first Introduction to *Zovy vremen* Belyj wrote: «В 1921 году в Ленинграде я сызнова принимаюсь за правку; и вместе с правкой прикосновение к образам и ритмам прошлого извлекает из него „новые“ почти стихи; и поэму „Первое свидание“» (B.P., 561). “Pervoe svidanie” was written in late May and early June, 1921 while Belyj was staying at the Hôtel d’Angleterre.

8. Although placed in quotation marks, the sentence in the Introduction actually reads «раздвой между ритмани в становлении и ставшими строками был мне мучителен» (B.P., 561).

9. In the first Introduction Belyj wrote: «И автор ценит потенции „Золота в Лазури“, что он и доказал, тщательно редактируя текст; он отвертывается лишь от „кокона“, из которого вылетела бабочка; бабочка—не самый текст переработки, а—протянутость к будущему» (B.P., 562-563).

10. First Introduction, B.P., 567. The citation in the text paragraph *precedes*, rather than follows, this one in the Introduction (see page 561 of B.P.).

11. Belyj never got beyond making the table of contents for this second volume. On it he indicated those poems which needed revision and those which could be republished without changes. I have included the list in my edition of the complete poetry, where it follows the complete text of *Zovy vremen* in Volume Two. “Zvezda nad urnoj” was to conclude with “Pervoe svidanie,” just as *Zovy vremen* ended with “Xristos

voskrese.”

12. Baratynskij's "Muza" (1829), 1. 9: "Ее лica необšчим выражен'em." Belyj himself alluded to the poem in the Introduction to the 1923 Berlin *Stixotvorenija*: «У каждого подлинного поэта есть то — „необыщее выражение“ Лица Музы» (7).

13. "Oves," poem No. 618 (B.P., 503-505); "Grozovoe oblako," No. 657; "Staroe vino," No. 627 (B.P., 538-540); "Ananas," No. 677-680 (B.P., 521-524).

14. "Nad rekoju," No. 624; "Brjusov, 5," No. 727 (B.P., 516-517).

15. A question mark follows the poem title "Serdcе" (No. 581) on a list compiled by KNB which details how the poems of *Zovy vremen* relate to earlier texts. This list is attached to the authorized ms. of *Zovy vremen* in CGALI (fond 53, opis' 1, item 9).

16. B.P., 568. Belyj italicized the entire remark for maximum emphasis.

17. Elena Vasil'evna Nevejnova, a fellow anthroposophist and close friend, later KNB's companion.

18. "Razgovor s fininspektorom o poèzii" (1926): "Izvodiš | edinogo slova radi | tysjači tonn | slovesnoj rudy" (11. 99-102).

19. The seven-part "suite" "Brjusov," Nos. 723-729 (five of its seven poems were published in B.P., 513-518).

20. "Prorok," VIII, 3-4 (1922) in *Posle razluki*. The poem was retitled "Mesjac" in *Zovy vremen*, No. 788. In the final version the lines read exactly as KNB quotes them.

21. KNB quotes IV, 3-4 and V, 3-4 of "Krotkij otdyx." IX, 2-4 and XI, 1-4 of "Solnečnyj dožd'," No. 610 (B.P., 531-532).

22. I, 3-4 of the second part of "Poedinok" in *Zoloto v lazuri*. V, 3-4 of "Poedinok" in *Zovy vremen*, No. 676.

23. Belyj wrote about this rhyme (in V, 1 and 3 of part one of "Poedinok") in the first Introduction to *Zovy vremen*: «ужасы рифм вроде „Валькирия“ и „бросаю гири я“ приводили меня в бешенство» (B.P., 561).

24. I, 1-2 of "Kentavr" in *Zoloto v lazuri*. *Zovy vremen*: I, 1-4 of poem five (No. 662) in the cycle "Lesnye vstreči."

25. I, 1-2 of the first part of "Starinnyj drug" in *Zoloto v lazuri*. I and II of the first part of the poem in *Zovy vremen*, No. 673.

26. I, 1-4 of the first part of "Vozvrat" in *Zoloto v lazuri*. I, 1-4 of part one of the poem in *Zovy vremen*, No. 681.

27. *Posle razluki*, "Budem iskat' melodii," 13. The entire preface to *Posle razluki* treats this question of the "arxitektonika intonacij" (*Posle razluki*, 15), as does much of the first Introduction to *Zovy vremen* (B.P., 564-567).

28. Both "kazennyj porjadok" and "intonacionny žest" are from the preface to *Posle razluki* (10 and 11).

29. «И в этой редакции он [А.Б.]—Тредьяковский будущего Пушкина, но и Тредьяковский—шаг вперед от Кантемира»; and «ибо проза и метр, два позднейших расщепления некоторой давней речитативной напевности (периода тезы), которые в третьем периоде (в синтезе) должны по-новому сочетаться, чтобы явить новую форму, в отношении к которой мы, современники, бьющиеся в расщепе между поэзией и художественной прозой (периода анти-тезы), еще жалкие предтечи» (first Introduction to *Zovy vremen*, B.P., 563).

30. See preface to *Posle razluki*, 11-13.

31. See "Kak delat' stixi?" (*Polnoe sobranie sočinenij v trinadcati tomach*, volume 12, Moscow, 1959, 113-114).

32. "Šut" Nos. 694-698. When the poem was first published in 1912 (in the *Literaturnyj al'manax kn-va Apollona*) it was in quatrains. These were broken into stanzas with lines of varying length when the poem was republished in the collection *Korolevna i ryčari*.

33. "Staryj bard," No. 628. "Parodija," No. 630 (B.P., 481-482) is *not* in eight-line stanzas, but quatrains. "Les," No. 671 (B.P., 483-484). "Roždestvo," No. 747 (B.P., 479-480) is dated 1930, not 1931, and in the final redaction of *Zovy vremen* the five-line stanzas were broken into two and three-line stanzas. "Den'," No. 668 (B.P., 483). "Andron," No. 714 (B.P., 485).

34. First Introduction to *Zovy vremen* (B.P., 556). "Motylek" is poem No. 586).

B. N. V ŽIZNI

Most of this chapter, with several unindicated cuts, appeared in *Novyj žurnal*, No. 108, as "Andrej Belyj v žizny." None of the concluding pages were published; the section discussing the Greek concepts was particularly mutilated.

1. See "Želtyj dom," *Maski*, 171.

2. See "Šiša zagolil nad sudenyškom," *Maski*, 146.

3. I have not been able to identify this "G." Judging by an entry in the "Letopis'" which mentions the poetess Marija Mixajlovna *Škap-skaja* (1891-1952), this incident took place during August, 1924: «Встречи с Н.С. Ангарским, художником К.Ф. Богаевским, В.В. Вересаевым, А.Г. Габричевским, Л.П. Гроссманом, С.В. Шервинским, М.М. Шкапской и др.».

Another entry for August, 1924 notes: «Участие в прениях о поэзии (В.Я. Брюсов, М.А. Волошин и молодежь)». Georgij Arkad'evič Šengeli (1894-1956) was to make his mark in the history of Russian letters as a verse theoretician, but he published a great deal of verse in the second and third decades of the century. For a time (1925-1927) he served as the chairman of the Vserossijskij sojuz poëtov. (On March 1, 1925 Belyj was elected an honorary member of the Union.) Belyj obviously did not break relations with Šengeli because of this incident: in November, 1924 Belyj invited him to hear his report on “ritmičeskij žest” and participate in a discussion of it at the Moscow apartment of Zajcev (“Letopis’”).

Belyj had been a frequent guest of *Gor'kij* while in Germany, and participated in the founding and editing of *Gor'kij's* and *Xodasevič's* journal *Beseda*. (see Berberova, *Kursiv moj* and I.V. Koreckaja, “Gor'kij i Andrej Belyj,” *Gor'kovskie čtenija*, M., 1968, 189-206).

Marija Stepanovna was *Vološin's* second wife (1887-1976). See also note four to Chapter One.

4. The entry for July 15, 1933 in the “Letopis’” states: «Все последние дни находился в состоянии крайней возбудимости и нервного напряжения. Очень много говорил, двигался. 15-го в 6 часов вечера — внезапное ощущение жара в затылке, обморок, сильнейшая головная боль (КНБ)». See also notes 49 and 52 to Chapter One.

5. I have not been able to learn the identity of either “K.V.B.” or the “wife of the poet R.” Nor can I say with certainty when the incident occurred, because Belyj gave at least three lectures on Blok at the Polytechnical museum in Moscow in the early 1920s: in September, 1921 he spoke at a public meeting “Pamjati Bloka”; on October 13, shortly before leaving for Germany (1921), he read a lecture entitled “Rossija Bloka”; and on February 20, 1924 he read a “Doklad o tvorčestve Bloka i vospominanija” at an evening in memory of Blok (“Letopis’”).

6. Belyj met Dmitrij Mixajlovič *Pines* in March, 1920 (“Letopis’”) when he was staying at the Dom iskusstv in Petersburg and at the height of his involvement with “Vol’fila” (“pogružajus’ v dela ‘Vol’fily’” — “Letopis’”). *Pines* was one of the young people attending its courses and lectures. From the end of 1923 until its closing in 1924, he acted as its secretary. His involvement with “Vol’fila” brought him into close touch with *Ivanov-Razumnik* (“R.I.” here), who was another of the founders. His friendship with *Ivanov-Razumnik* meant that he was in frequent touch with Belyj too, and in September, 1928 Belyj named him as one of his literary executors. Belyj and KNB often saw *Pines* and his wife, *Roza Jakovlevna*, when they were the house guests of *Ivanov-Razumnik* from April, 1931 to April, 1932 at *Detskoe Selo*. At

that time Ivanov-Razumnik was engaged in editing the first edition of the complete collected works of Blok for the Leningrad "Izdatel'stvo Pisatelej": «Большую работу эту я мог выполнить в такой сравнительно короткий срок только потому, что все эти два года деятельно помогал мне в ней приятель мой, Дмитрий Михайлович Пинес, прекрасный и тонкий знаток Блока, а кроме того, и исключительно сведущий библиограф. Все эти два года (1931-1932) он почти каждый день самоотверженно приезжал ко мне в Детское — бывшее Царское — Село, где мы работали над хранившимися у меня на дому рукописями Блока» (Иванов-Разумник, *Тюрьмы и ссылки*, 81-82). In January, 1933 Pines was arrested, like Ivanov-Razumnik, ostensibly for being part of a "cell" of Left SR's which used Ivanov-Razumnik's house as its headquarters. He was scheduled to be released from his exile in Arxangel'skoe in January, 1937 (he had previously spent two years in an isolation cell in Verxne-Ural'sk), but: «В самый день окончания срока он был арестован и заключен в архангельскую тюрьму, после чего следы навсегда пропали. В апреле месяце арестована была его жена, Р.Я. Пинес» (*Тюрьмы и ссылки*, 235). Pines survived, and after his release he put his bibliographic gifts to good use by collaborating with KNB and Petrovskij on the compilation of an immense bibliography of writings about Belyj which is now in the Leningrad Public Library (fond 60, item 116). I have been told that he was later rearrested and perished in a labor camp.

In April, 1918 ("Letopis'"), Belyj noted "znakomstvo" with the young poet Sergej Dmitrievič Spasskij (1898-1956) in Moscow. The "Letopis'" further indicates that in May-June, 1931 there were several meetings in Detskoe Selo with Spasskij and his wife, Sof'ja Gitmanovna (1901-1962, née Kaplun), whom he had met and become friends with at "Vol'fila" before her marriage to Spasskij.

7. See note 44 to Chapter Three.

8. During the time of their stay at Ivanov-Razumnik's in Detskoe Selo, Belyj and KNB made several visits to Moscow (and, of course, during this period KNB was arrested and imprisoned in Moscow). But KNB probably means their final departure from Detskoe on April 3, 1932.

9. *Peterburg*. Roman, Moscow, Izd-vo "Nikitinskie subbotniki," 1928. A slightly revised and in places heavily censored printing of the 1922 Berlin edition. This was the first publication of the novel in Soviet Russia. It was reprinted in 1978 (30,000 copies).

10. James Steerforth, David Copperfield's fellow-student and confidant at the hated school of Mr. Creakle. Steerforth later acts "villainously" with Emily and loses his life in a dramatic shipwreck. As KNB

points out later in this chapter, Belyj had a particular regard for *David Copperfield*. In *Na rubeže dvux stoletij* he wrote: «...такое же сильное впечатление на меня произвел „Давид Копперфильд“ Диккенса, первый роман, прослушанный при чтении его вслух мамой, прекрасной чтицей;... с той поры Диккенс—мое перманентное чтение, и теперь я читаю Диккенса; в последний раз я читал „Давида Копперфильда“ в 1927 году; первый раз прослушал в 1887-м: сорок лет читаю этот бессмертный роман; и в каждом повторном чтении открываются новые и не усвоенные оттенки; на этом чтении еще раз видишь, что в художественных произведениях „что“, или смысловая тенденция, не более одной десятой полного смысла; девять десятых лежат в „как“ выполнения» (209). On October 9, 1932 Belyj jotted down the following in the “Rakkurs dnevnika” about *Meždu dvux revoljucij*, on which he was then working (“Letopis’”): «хочу оформить в стиле „Давида Копперфильда“ там, где воспоминания склоняются к биографии; больше места для характеристик общественно-политической картины и... для автобиографических переживаний. Меньше места характеристике писателей и деятелей искусства... Трудная задача... гармонизировать композицию».

11. On August 8, 1932 Belyj and KNB left Moscow for Lebedjan’, the place of KNB’s sister’s exile. They returned to Moscow on September 29. See Elena Nikolaevna’s memoir of the period in this volume.

12. Belyj, according to KNB, by the spring and summer of 1933 had even decided to write a “*proizvodstvennyj roman*” about the building of a new railroad line in the Caucasus (see *Literaturnoe nasledstvo*, 27-28, 609).

13. «В 1905-1906 годах я застаю себя за рядом действий, мне ставших ясными позднее; как-то: особые разговоры с крестьянами Московской и Тульской губерний... посещение ночных чайных, харчевен Петербурга... У меня скапливается коллекция сырья ... Смысл собирания „*досье*“ стал мне понятен лишь в 1909 году и еще более понятен в 1913 (эпоха написания „Голубя“ и „Петербург“») («Как мы пишем», 11-12). Again, KNB dates the writing of *Serebrjanyj golub’* a year late; most of it was written in 1909, although it was finished in 1910 (the preface is dated April 10, 1910).

14. The “Rakkurs dnevnika” (“Letopis’”) notes: «Май-июль [1919]. Карачев, Орловской губернии. „...пишу ‘Путевые заметки’ ...кончаю с Тунисией. Перерабатываю 2-й том...“».

15. Belyj began his revisions of what became *Putevye zametki* in April, 1919 and finished his work in August (“Letopis’”). See *Literaturnoe nasledstvo*, 27-28, 610-611, for a full account of the protracted work

on these travel memoirs and their complex publishing history.

16. The “Rakkurs dnevnika” (“Letopis’”) notes “Ijunja 28-ijulja 1 [1929]: Pereezd Krasnaja poljana-Adler-Gagry-Batum-Kutais.” The 1914 Baedeker *Russia*, 463-465, gives a good account of the rugged railway route from Batum to Kutais via Rion, and on to Tiflis (where Belyj and KNB arrived on July 2).

17. See note 90 to Chapter One. The citations are taken from the Seventh section (Sovest’”), parts 3-7.

18. Belyj’s mother, Aleksandra Dmitrievna Bugaeva (1858-1922). The “Letopis’” contains the following entries about this period in 1921:

Октября 20. Отъезд из Москвы [Раккурс дневника]

Октября 22. Проездом в Риге [РД].

Октября 23. В Ковно [Письмо к матери]

Октября 23-31, – ноября 17. «Стихование», лекция, устроенная Союзом литовских художников.— «Лев Толстой», лекция в Ковенском театре. Латвийский издатель берет рукопись работы «О Толстом» для напечатания в Латвии. Издание не осуществилось, рукопись бесследно исчезла. Копии не было [*Новая русская книга*, 1922, № 1, 39].

Ноября 17. «Виза получена» [РД].

Ноября 19. Приезд в Берлин. «...останавливаюсь у Лундберга в „Скифах“... сумбур...удар за ударом».

19. From the opening of the 1906 essay “Princip formy v estetike.” The actual sentence is slightly different from the way KNB gives it: «Когда мы говорим о *форме искусства*, мы не разумеем здесь чего-нибудь отличного от содержания. Неделимое единство формы и содержания есть канон эстетики, если эстетика стремится выйти из опеки школьного догматизма».

20. This culminates a long discussion (and defense) of Symbolism. The whole paragraph and the one following it are worth citing:

Отсюда смысл шестого параграфа тогдашней моей платформы: *символизм, приемля лозунги исторических школ, их вскрывает, как приемы в их «плюсах» и в «минусах»; он — самознание творчества, как критицизм; до него оно слепое: он противопоставляет себя «школам» там, где эти школы нарушают основной лозунг единства формы и содержания; романтики его нарушают в сторону содержания, переживаемого субъективно; сентенционизм — в сторону содержания, понимаемого абстрактно; современный классицизм (пассеизм) его нарушает в сторону формы.*

Единство формы и содержания нельзя брать, — настаивал

я, — ни зависимостью содержания от формы (грех формалистов), ни исключительной зависимостью приема конструкции от абстрактно понятого содержания (конструктивизм). «Реализм, романтизм... проявление единого принципа творчества» — в символизме.

21. On Lev Ivanovič Polivanov (1838-1899), founder and headmaster of the Polivanov Gymnasium, where Belyj (and Brjusov) studied, see *Na rubeže dvux stoletij*. Vladimir Solov'ev wrote of him that he «вложил в свою школу живую душу, поднял и удержал эту школу выше обычной казенности и умел зажигать в своих воспитанниках искры того огня, который горел в нем самом» («Л.И. Поливанов», сб. *Памяти Л.И. Поливанова*, М., 1909, стр. 7).

Belyj met the prominent French Socialist Jean-Léon Jaurès (1859-1914) in Paris in December, 1906. Belyj left several striking portraits of him: “Siluëty. 1. Žores,” *Nakanune*, 1907, 6 July, No. 20; “Iz vstreč s Žoresom,” *Čas*, 1907, 14 August, No. 2; and “Žan Žores,” *Meždu dvux revolucij*, 149-168.

Mixail Sergeevič Solov'ev (1862-1903), teacher, translator of Plato, brother of the philosopher, father of Belyj's closest early friend, Sergej. He acted almost as a second father and “sponsor” of the young Belyj — see *Na rubeže* and *Načalo veka*.

Belyj knew well Valentin Aleksandrovič Serov (1865-1911) from their activity in the Moscow “Obščestvo svobodnoj èstetiki” (see *Meždu dvux revolucij*, 227-230).

22. See, for example, *Gorgias*, 470e 9-11 or *Meno*, 92.

MYSL'

The epigraph is from Baratynskij's “Poslednij poët,” III, 3-4 (1835).

Because of technical difficulties in setting two long citations from Belyj's published theoretical writings (full of mathematical symbols), these citations have been cut. The exact place and pages of publication are given in the text.

1. As noted before, I, 9 of “Poslednjaja smert'” reads “Kak budto by svoej otčizny *davnej*,” not “dalekoj.” (The Lenin Library ms. gives “dal'nej.”)

2. I, 1-3 of “Druz'jam” (1907) in *Pepel*.

3. Baratynskij, “Poslednij poët,” I, 6.

4. *Na perevale. II. Krizis mysli* (Petersburg, 1918). The quote actually reads “gde mir razmyšljal i gde ‘mirilas’ mysl'.”

5. The 1917 essay “Žezl Aarona (O slove v poëzii)” in *Skify*, sbornik

1-j, 1917.

6. In Belyj's published works the image of the spiral can be traced back at least as far as *Vozvrat. III simfonija* (Moscow, 1905), 82-83. It is no exaggeration to call it a dominant motif of Belyj's thought which culminated in works like *Krizis kul'tury* (with its two spiral diagrams) where Belyj wrote "V spiral'nom dviženii pravda" (39). That work in itself merely carries farther ideas developed in earlier essays like "Linija, krug, spiral' — simvolizma" and "Krugovoe dviženie" (both in *Trudy i dni*, No. 4-5, 1912). He used the image again and again in later works as well (see, for example, the excerpt given later in this chapter from *Veter s Kavkaza*). In one of the more interesting memoirs of Belyj, Evgenij Zamjatin recalled an evening in Petersburg in the 1920s, after Belyj's return to Russia from Berlin, when Belyj dropped by for a few minutes on his way to a lecture: «Но вот разговор коснулся одной особенно близкой ему темы—о кризисе культуры, его глаза засветились, он приседал на пол и поднимался, иллюстрируя свою теорию „параллельных эпох“, „спирального движения“ человеческой истории, он говорил не останавливаясь, это была блестящая лекция, прочитанная перед одним слушателем: другие напрасно ждали его в аудитории в тот вечер, — только когда пробила полночь, увлекшийся Белый вдруг вспомнил, схватился за голову...» (*Лица*, Международное литературное содружество, 1967, 79).

7. The young Belyj's first published book review "Po povodu knigi D.S. Merežkovskogo 'Lev Tolskoj i Dostoevskij' (Otryvok iz pis'ma)" appeared in *Novyj put'*, No. 1, 1903 under the signature "Student-estestvennik."

8. "Pervoe svidanie," 1, 156-165.

9. *O smysle poznanija* (Petersburg, 1922), written in March, 1917.

10. Belyj mentions Goethe's "oblast' 'čuvstvenno točnoj fantazii'" (104) and "točnaja fantazija mysli" (233) in his *Rudol'f Štejner i Gēte*, but in neither place does he identify its source in Goethe. He also wrote in *Maski* (284): "Kak fantazija mysli, i točnoj, i obraznoj." The Puškin is from the 1818 poem "Žukovskomu," line 7.

11. *Na perevale. I. Krizis žizni* (Petersburg, 1918), written in June, 1918 (the first drafts were made as early as January, 1916).

12. See the group of poems written in 1907-1908 in *Urna* (Moscow, 1909) gathered under the title "Filosofičeskaja grust'", especially the poem "Iskusitel'."

13. See *O smysle poznanija*, 21, 24-26. The Russian translates the German "Ding an sich."

14. From the essays "Pesn' žizni" (1917—the published date "1908")

was corrected to 1907 in Belyj's personal copy of *Arabeski*), *Arabeski*, 43-59; and "Iskusstvo" (1908), *Arabeski*, 211-219, both published for the first time in the collection.

15. From the scene in "Vij" in which Xoma prepares for his night-long reading in the church. He approaches the body of the beautiful young woman and looks in her face: «Такая страшная, сверкающая красота! Он отворотился и хотел отойти; но по странному любопытству, по странному попереживающему себе чувству,... он не утерпел, уходя, не взглянуть на нее...» (Н.В. Гоголь, *Собрание художественных произведений в пяти томах*, изд. 2-ое, «Академия наук», II [Миргород], 1960, 248).

16. "God maksimal'nogo lekcionnogo naprjaženija" heads the entries of the "Rakkurs dnevnika" ("Letopis'") for 1920. No cycle of lectures entitled "Mysl' i myšlenie" is recorded in the "Letopis'" for 1920, but the lecture mentioned here could have been from one of the following cycles given that year: "Kul'tura mysli," a course of lectures given between January and February in Moscow at the Dvorec iskusstv; or "Kul'tura mysli," a course of nine lectures given at "Vol'fila" in Petrograd between March 9-30.

17. *Glossolalija. Poëma o zvuke* (Berlin, 1922) [the title, both on the cover and the title page, is misprinted as "Glossalolija"]. The "Letopis'" contains the following entries concerning the writing of the work, all from 1917:

Июль, вторая половина. Поворотка. Подготовительная работа (чтение, выпуски) для исследования «Глоссолалия» (Поэма о звуке), тема которой возникла совсем неожиданно [Раккурс дневника].

Август. Собрание «лингвистического материала... Именно в этот месяц устанавливается взгляд на „глоссолалию“; ...восприимчивость... к слову такого, что не слышал абстрактного слова; ...слышал в любом... лишь его пантомимический жест...» — «...врывается переживание корниловской авантюры; ...ясно, — Временное правительство доживает последние дни» [РД].

Сентябрь. «Весь месяц сижу в Дедове, где зарываюсь в словари... и добираю... глоссолалийный материал» [РД].

Октябрь. Поездка в Петроград и Царское Село по вызову Иванова-Разумника, «по делам „Скифов“». Пишу текст „Глоссолалии“; внутренне: слушаю гул Октября» [РД].

18. "Žukovskomu" (1818), line 22.

19. *Dictionnaire philosophique* (London, 1764), in the section "Enthousiasme": "L'enthousiasme raisonnable est le partage des grands

poètes.” The following appears after the citation in the Public Library ms.: “(Ostolopov, 1821, I, 384),” a reference to Nikolaj Fedorovič Ostolopov’s (1783-1833) three-part *Slovar’ drevnej i novoj poëzii*.

20. “Pervoe svidanie,” I, 170-171.

21. *Na perevale. III. Krizis kul’tury* (Petersburg, 1920), written in September, 1918.

22. On November 16, 1932, after a reading of stories by Viktorina Popova, Belyj took part in a discussion at the “Kraevedčeskaja sekcija” of the Organizing Committee of the Union of Soviet Writers in Moscow. On November 19, he “diktoval pervonačal’nyj tekst doklada ‘Kul’tura kraevedčeskogo očerka,’” and on the twenty-third he delivered the report at the “sekcija pisatelej-kraevedov” at the Organizing Committee of the Union of Soviet Writers (“Letopis’”). This was followed by a discussion of the report on December first, at which Belyj answered objections to it. The report appeared in the third issue of *Novyj mir* (257-273) in 1933.

23. For example: “Govorit’ o sebe kak pisatele mne nelovko i trudno. Ja ne professional; ja prosto iščuščij čelovek; ja mog by stat’ i učenyj i plotnikom.” From “O sebe kak pisatele,” first published in Russian in its complete text in *Den’ poëzii 1972* (Moscow), 269-272. The piece was written in March, 1933 for the Polish newspaper “Wiadomości literackie,” where it appeared in Polish translation (“O sobie jako pisarzu”) on October 29, 1933 (issue No. 47). The Russian text is re-published as an appendix in this volume.

24. The letter is dated “Kruasse [Croisset], subбота, večer (24 apr. 1852)” in the 1933 Soviet edition.

25. «Для художника этого рода восприятия — „сырьё“, с работы над которым начинается „наука видеть“ (термин Петрова-Водкина)» (*Мастерство Гоголя*, 116). And see note 49 to Chapter Three.

26. This is the only mention of Rudolf Steiner in the entire work, although the memoirs are, of course, permeated with his ideas. In 1914-15 (and earlier) Belyj was part of the Steiner entourage and heard hundreds (literally) of his lectures. Steiner’s color theories derive in large part from those of Goethe. In November, 1914 Belyj jotted “izučaju Farbenlehre Gëte” in the “Rakkurs dnevnika”; it is clear that he took up the study in preparation for writing his defense of Steiner from the attacks of his old friend Metner (*Rudolf Štejner i Gëte v mirovozzrenii sovremennosti. Otvèt Èmiliju Metneru na ego pervyj tom “Razmyšlenij o Gëte,”* Moscow, 1917).

27. «По утрам из кровати, бывало, смотрю: на узоры стоящего шкапчика; я умею скашивать глазки (смотреть себе в носик)» (*Котик Летаев*, 79).

28. In his memoirs Belyj treats at length his relationship with the poet and Symbolist theoretician Vjačeslav Ivanov (1866-1949), whom he called “splošnoj ‘feoretik’” in *Načalo veka* (308ff). In the “autobiographical letter” to Ivanov-Razumnik, Belyj noted succinctly “družba do-1912 goda” of his relations with Ivanov (*Cahiers du Monde russe et soviétique*, op. cit., 64). Ivanov’s cult of Greek antiquity, especially the religion of the “suffering Dionysus,” and his “stylizations” of antique genres exerted a powerful attraction on Russian modernist writers before the War.

29. “O mysl’!...” (1834).

30. “Poslednij poët,” III, 1-4.

31. “Poslednij poët,” III, 7-8.

32. “Veščij son,” IV (1909) in *Korolevna i rycari*.

ŽIZN' V LEBEDJANI LETOM 32-go GODA

Belyj and KNB left Moscow for Lebedjan', a town of some thirteen thousand inhabitants in the “black earth” belt, on August 8, 1932. KNB’s sister had been exiled there in 1931. (Lebedjan' itself is about 150 kilometers north of Voronež, where a more prominent exile, Mandel’štam, would spend several years.) They left for Moscow on September 29, and never made another visit, although they kept hoping to do so. Their address in Lebedjan' was Sverdlov Street, No. 36. Kezel'man mentions the visit of her former husband during the time of Belyj’s visit; she does not note the arrival of an old friend from “Vol’fila” days, N.I. Gagen-Torn, who spent September 15-17 with them in long conversations about “ethnography, the history of the area, the Institute of the Peoples of the North, etc.” (“Letopis’”). The manuscript of the memoir, written between 1941-1943, belong to the Belyj holdings of the Leningrad Public Library. A brief citation from it (the description of Belyj’s attitude to Blok) appeared in note No. 62 to Dmitrij Maksimov’s “Kritičeskaja proza Aleksandra Bloka” (*Blokovskij sbornik*, Tartu, 1964, 70). The memoir is published here for the first time.

1. “Noč’ju na kladbišče” (1908), V. 1, from the cycle “Filosofičeskaja grust’.” St. Serafim of Sarov (1759-1833), the greatest of the nineteenth-century *starcy*, is the subject of one of Belyj’s earliest poems, “Sv. Serafim” (1903), in *Zoloto v lazuri*. Belyj dated his reading of “everything about St. Serafim” to the second half of 1902: see “autobiographical letter” to Ivanov-Razumnik (*Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1-2, 1974, 60).

Margarita Woloschin introduced Steiner to his writings—for her report of Steiner's high opinion of the Russian saint see her memoirs, *Die grüne Schlange*, 251.

2. A long obituary, with a photograph of Belyj, appeared on page four of "Izvestija" on Tuesday, January 9, 1934 (No. 8/5256). The authors (Pi'njak, Pasternak, and Sannikov) wrote "My, avtory ètix posmertnyx strok o Belom, sčitaem sebja ego učenikami." The obituary noted that "Andreem Belym napisano 47 tomov." Never before (or since) has such a panegyric of Belyj appeared in the Soviet press. It is worth quoting the opening paragraph at length: «8 января, в 12 ч. 30 мин. дня; умер от артериосклероза Андрей Белый, замечательнейший писатель нашего века, имя которого в истории станет рядом с именами классиков не только русских, но и мировых. Имя каждого гения всегда отмечено созданием своей школы. Творчество Андрея Белого—не только гениальный вклад как в русскую так и в мировую литературу, оно—создатель громадной литературной школы. Перекликаясь с Марселем Прустом в мастерстве воссоздания мира первоначальных ощущений, А. Белый делал это полнее и совершеннее. Джемс Джойс для современной европейской лит-ры является вершиной мастерства. Надо помнить, что Джемс Джойс—ученик Андрея Белого. Придя в русскую лит-ру младшим представителем школы символистов, Белый создал больше, чем все старшее поколение этой школы.... Он перерос свою школу, оказав решающее влияние на все последующие русские лит-рные течения». A far more restrained obituary appeared in "Pravda" on January 11. Equally cautious was Kamenev's long article in the January tenth issue of "Izvestija." The urn bearing Belyj's ashes was interred at the new cemetery of the Novodevičij monastery on January 18.

3. Efremov, a town of some eleven thousand inhabitants, in the Tul'skaja gubernija, lies due west of Lebedjan'. Serebrjanyj Kolodez' was the estate of Belyj's father, which Belyj's mother inherited after his death in 1903—see note 10 to Chapter Two of KNB's memoir. The writing of *Zoloto v lazuri* is described in detail in the Introduction to Volume One of my edition of Belyj's collected verse (Fink Verlag).

4. Erckmann-Chatrion, the double name used by two Alsatian writers, Émile Erckmann (1822-1899) and Alexandre Chatrion (1826-1890), who collaborated for several decades on a cycle of historical novels (among many other works) set during the time of the French Revolution and Napoleonic Wars.

5. «Сентября 1. Начало работы над 3-м томом воспоминаний „Между двух революций“» («Летопись»). On September 19 Belyj

wrote to Zajcev: «...Только что вписался [,Между двух революций“, гл. I и II]... хочу до Москвы справиться с уроком... вся работа сосредоточена с 8 до часу дня» («Летопись»). Belyj finished the second chapter on October 8 in Moscow.

6. The “Letopis’” notes that between August 20-27 Belyj worked on his article about Sannikov’s *poëma* “V gostjax u egiptjan.” The review of Grigorij Aleksandrovič Sannikov’s (1899-1969) “roman v stixax” (subtitled “Iz dokumentov pjatiletki”) appeared in *Novyj mir*, No. 11, 1932, 229-248, under the title “Poëma o xlopke,” in the section “Pisateli o pisateljx.” The article opens with a highly tendentious, but interesting, “class history” of Russian poetry after Puškin and includes a defense of Symbolism. Belyj calls Sannikov’s work a “new stage in the development of our proletarian poetry” (232).

7. «В период от января до мая [1933]... делал попытки к началу составления словаря рифм... меня интересовала методология составления словаря (автограф)» («Летопись»). For more on this project, left incomplete at the time of Belyj’s death, see *Literaturnoe nasledstvo*, 27-28, 624-626, where KNB writes (625): «В мае 1933 г., перед отъездом в Коктебель, составил вчерне же пробный отрывок (24 стр. в лист) рифмы на „ар“ —своего излюбленного звуко сочетания» (my italics).

8. Early in 1932, Belyj worked closely with the prominent artist-illustrator Nikolaj Vasil’evič Kuz’min (born 1890), a member of the former “Gruppa trinadcati,” on planning the illustrations for *Maski* (“Letopis’”): «Февраль-Март. Беседы с художником Н.В. Кузьминым о рисунках к „Маскам“, характеристики персонажей. Мая 1. Беседа с художником Н.В. Кузьминым о художественном оформлении „Масок“. Мая 24. Обсуждение и отбор с художником Н.В. Кузьминым рисунков к „Маскам“». KNB noted the following for June 4-6 in the “Letopis’”: «Позирует художнику Н.В. Кузьмину для портрета к „Маскам“. Набросок в trois-quarts одобряет: „Узнаю автора ‘Масок’“». The portrait was not, however, used. Instead a pen and ink sketch of Belyj by V.A. Milaševskij, another member of the “Gruppa trinadcati,” was printed as the frontispiece to the novel.

9. See the drawing on page 104. «Из-за портъеры же крокуса красный цветок зажимала, как веточка, тонкая, черная ручка» (103); «Черная дамочка, змейка...» (105).

10. There is no reason here to detail the tortured relationship between Belyj and Anna Alekseevna (“Asja”) Turgeneva (1890-1966). But likewise, there is no reason to dispute the use of the term *žena* in regard to her. No matter how much she may have disliked the term, and no

matter what the relationship was, the fact remains that Belyj and Turgeneva were *legally* married in 1914, as Turgeneva herself admitted: «Мы действительно—чисто формально были граждански венчаны в Берне 1914 что бы не смущать враждебное крестьянское население в Швейцарии. Ни брака вообще—ни тем более церковного я не хотела. (Хоть „клятвы“ и не давала)» (letter to N.V. Vol'skij, cited in Gleb Struve's "K biografii Andreja Belogo. A Belyj i A.A. Turgeneva," *Annali dell'Istituto Universitario Orientale, Sezione Slava*, Napoli, 1970, 65). The "Letopis'" notes "Marta 2 (15), 1914. Zapis' graždanskogo braka s A.A. Turgenevoj." The city of Bern, however, supplied a record of the marriage in Bern of "Boris Bugaieff, von Shitomir, Gouv. Wolhynien, Russland" to "Anna Turgenieff, von Shitomir, Gouv. Wolhynien, Russland" on March 23, 1914.

11. Èllis—pseudonym of Lev L'vovič Kobylinskij (1879-1947). He was one of the original "Argonauts," among the founders of "Musaget," and a close friend of Belyj in the first decade of the century. A poet, critic (e.g., *Russkie simvolisty*, 1910, with a long section on Belyj, pp. 207-316), and translator (Baudelaire, Jung), he figures prominently in all three volumes of Belyj's memoirs. In her memoir of Belyj ("Plennyj dux"), Cvetaeva calls him "...odin iz samyx strastnyx rannix simvolistov, razbrosannyj poèt, genial'nyj čelovek." In *Načalo veka* (37) Belyj describes him as "vysoko odarenyj mim"; and in the chapter "Èllis" (45-54) he portrays his outrageous pranks and high-jinks. See also Margarita Woloschin, *Die grüne Schlange* (Stuttgart, 1954), 240-241: "Èllis besass eine unheimliche Fähigkeit, Menschen nachzuzahlen, aber immer ins Groteske, karikaturhafte" (240).

The "Letopis'" for October, 1913 notes Belyj's "break" with Èllis (cf. *Načalo veka*, 45: "do trinadcatogo goda on [Èllis] spleten s moej žizn'ju"). He was the first of the Russian Symbolists to fall under the spell of Rudolf Steiner (1911), but by 1912 he became disenchanted with anthroposophy and turned to Catholicism. In 1913 he went abroad (Italy). Belyj never saw him during his stay in Switzerland, where Ellis moved in 1913 and where he died. See also S.S. Grečiškin and A.V. Lavrov, "Èllis—poèt-simvolist, teoretik i kritik (1900-1910-e gg)," in *Gercenovskie čtenija*, t. 25. Literaturovedenie, Leningrad, 1972, 59-62.

12. *Maski*, 313. "Točno sladkuju mannuju kašu upisyval on"—Prof. Korobkin is not talking with Lizaša at this point, but is being described at the house of his nurse, Serafima.

13. See note 49 to Chapter Three of KNB's memoir.

14. Turgenev's story (1847) is part of the *Zapiski oxotnika*.

15. "Izgnannik" (1904), IV, 1-2: "Begu vo rži, mežoj, po kočkam—|

Neobozrimymi ravninami.”

16. See note 28 to Chapter One of KNB’s memoir.

17. Probably the famous “Proščanie Puškina s morem” (1887), Ivan Konstantinovič Ajvazovskij (1817-1900). The painting, now in the Hermitage, was a collaborative effort with Repin.

18. The final lines of “Samosoznanie” (1914), No. 703, in the section “Vozvrat.” The lines are given here in a different “stanzaic” arrangement from Belyj’s final *Zovy vremena* text. The *Zovy vremena* poem is an only slightly retouched version of a poem with the same title in *Zvezda*.

19. No such exact phrase appears in *Glossolalija*, but see pp. 20, 63, 68-69 and 130. «В древней-древней Аэрии, в Аэре, жили когда-то и мы—звуко-люди» (68); «...есть память о памяти, об Аэрии, милой стране: стране детства, лилеи, крылеющем ангеле слез» (130).

20. No poem in *Pepel* contains these lines. They are II, 1-2 of “А.М. Рocco” (“Projdem i my: medlitel’nym pokojem,” 1916, Dornach) in *Zvezda*. Kezel’man’s memory was probably fooled, because *Pepel* abounds in poems with second-person addresses to Russia. (The 1906 “Vesel’e na Rusi” in *Pepel* closes with “Nad stranoj moej rodnoju | Vstala Smert’!” which is syntactically close to the cited lines, but, of course, very different in other ways.)

21. From the conclusion of Bertran’s opening monologue in Act One, Scene One: «Что ж пророчит странная песня? | „Сердцу закон непреложный — | Радость—Страданье одно!“».

22. “Xristos voskres,” 24, 11. 5-9.

23. “Pustynja,” I-II (in a slightly different line arrangement), No. 768, in the section “Isxod.”

24. “Tuda,” II-IV (Kučino, 1931), No. 765, in the “Isxod” section.

25. Once again no poem of *Pepel* contains these lines. They are IV, 3-4 of “Polevoe bezumie,” No. 775, *Zovy vremena*, in the section “Molnii let.” The text is a revision of a poem with the same title first published in *Pepel* (1929), which itself is a revision of three poems of *Pepel*.

26. «Он [Белый] слушал, как замороженный, ничем не выдавая своего восторга, но тем громче говорило его лицо» («Охранная грамота», часть третья, 13 — a description of a literary evening during which Majakovskij read “Čelovek”).

27. “Arxangel,” VI (slightly different line arrangement), No. 793, in the section “Molnii let.” A lightly revised version of “Inspiracija” (Arlesheim, 1914) in *Zvezda*.

28. There is no such line in *Maski*, unless my eye skipped over it. There is something very vaguely like it on page 387 of the novel.

29. The letter of August 15, 1933 reads: «Но—страшная грусть: не то раскаяние в том, что *так беспроко прожиты годы*, не то решение—по новому построить остаток жизни» («Письма А. Белого к Е.Н. Кезельман», ed. Roger Keys, *Novyj žurnal*, No. 124, 168, *my italics*). The same letter recalls their “*tixie posidy u okoška*” in Lebedjan’.

30. The final stanza (11. 1-2 slightly misquoted) of Bal’mont’s “*Bezglagol’nost’*” (1900).

31. The final stanza of “*Peščernyj žitel’*” (Kučino, 1931), No. 786, in “*Molnii let.*”

32. Stanzas V-VI of “*Idi*” (Kučino, 1931), No. 791, *Zovy vremen*, in the section “*Molnii let.*”

33. Stanza X of “*Grozovoe oblako*” (Moscow, 1925), No. 657, *Zovy vremen*, in the section “*Vozvrat.*” The full stanza (in its final line arrangement) reads: «Зреет со светлого | Темени— | Звездочки летней | Алмаз».

34. Belyj had just finished the book—see note 44 to Chapter Three of KNB’s memoir.

35. See the final pages of Chapter Five of KNB’s memoir.

36. An allusion to Puškin’s “*Skazka o rybake i rybke*” (1834).

37. IV, 3-4 and V, 4 of “*Osvobodi*” (Moscow, 1910-1931), No. 656, in the section “*Vozvrat.*”

38. I have not been able to identify this.

39. In his letter to Kezel’man of April 16, 1933 Belyj wrote: «...милая Елена Николаевна—Вы радовали меня. Среди немногих роздыхов, которыми дарят дни—появления Ваших пейзажиков; как-то захожу в комнату после „Гихла“, и—пять Ваших картинок большого формата; ну—до чего чудесно! Как это Вы можете с такими простыми красками добиваться этих тончайших нюансов; ведь Ваши бумажные клочочки—настолько переносят в Лебедянь, что от них веет в буквальном смысле слова, как из открытого окна,—деревенскую ширью. У меня странное впечатление: будто мы в каком-то отношении и не уезжали из Лебедяни, потому что у нас серия Ваших видиков,—с осени до весны; целый дневник закатов;... В Москве закатов не видишь; для меня с юности закат—лейт-мотив дня. Вы не можете себе представить, как много дает и познавательно серия Ваших картинок. Это—настой из звуков: нежных, тихих; таких звуков в Москве нет» (*Новый журнал*, № 124, 166).

40. The galleys and page proofs of this one volume edition (“*Sobranie stixotvorenij*,” Moscow-Leningrad, Academia, 1935) are now in the Leningrad Public Library. It represents an attempt to expand and “up-

date” the 1923 Berlin edition of Belyj’s verse. Only the introduction, written by Anatolij Tarasenkov, ever appeared in print, and that only in 1956 in his *Poëty* (“Poëzija A. Belogo,” 275-319).

41. This compilation is now in the Leningrad Public Library, in the Belyj collection of the archive («Развернутый регистр слов по стихотворным сборникам А. Белого с указанием количества употребления их в каждом сборнике», 1940-1950-е гг.).

42. This “Materialy k slovarju xudožestvennyx proizvedenij A. Belogo” (1944) is now in the Belyj archive of the Leningrad Public Library. The work is divided into many sections, i.e., e.g., “Cvety i kraski”; “neologizmy”; “poslovicy, fol’klornye vyraženiya” etc.

43. Kezel’man has this in mind: «где белый блеск электрической лампочки, выскочив, бесится» (*Маски*, 116). «Усы у профессора сделали: „Ась?“» (*Маски*, 336). In general, mustaches and beards perform a repertory of “gestures” in *Maski* unrivalled even by Gogol’.

CONTENTS

	TEXT	NOTES
Introduction	9	29
Вступление	33	332
Контрапункт	35	332
Природа	100	351
Работа над «Масками»		
А. Тематика	135	356
Б. «Мозаика»	186	368
Стихи	223	372
Б.Н. в жизни	244	375
Мысль	269	380
<i>Приложения.</i>		
I. <i>Е.Н. Кезельман. Жизнь в Лебедяни летом</i>		
32-го года	293	384
II. <i>А. Белый. Как мы пишем</i>	311	
III. <i>А. Белый. О себе как писателе</i>	322	
A Note on the Texts and Annotations	329	

PHOTOGRAPHS

(between pp. 246-247)

1. Belyj's favorite photograph of Klavdija Nikolaevna.
- 2-3. K.N. Bugaeva.
4. Belyj and K.N. Bugaeva in the Caucasus, late 1920s.
5. Belyj on his bier, 1934.

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
41	9 сн.	слово	слова
63	7 сн.	неува-	«неува-
68	3 св.	я-то знаю,	я-то уж знаю,
84	9 св.	<i>музыка,</i>	<i>музыка,</i>
98	13 сн.	помощь,	помощь...
103	1 сн.	«слошную	«сложную
108	4 св.	воскликнул	воскликнул
134	3 св.	праздником.	<i>праздником.</i>
221	13 сн.	Кухино	Кучино
311	3 св.	9-33)	9-23)
315	1 св.	фразы легли	фразы позднее легли
317	1 св.	Задонятов	Задопятов
	4 св.	какая-то	такая-то
325	3 св.	перевичных	первичных
336	17 сн.	<i>and</i>	<i>und</i>
341	1 сн.	1977	1972
346	5 св.	were	was
	18 сн.	Peter	Petr
347	19 сн.	<i>(Petersburg)</i>	<i>(Peterburg)</i>
349	15 сн.	proektov	proèktov
350	11 сн.	не собой	не с собой
353	8 св.	Paraxod	Paroxod
357	6 сн.	о символизме	о символизме
365	9 сн.	близким	близким
373	16 сн.	ритмами	ритмами
	9 сн.	text	next
375	15 сн.	556	566
	5 сн.	mentiones	mentions
378	5 сн.	kon-	кон-
379	3 сн.	(пассеиям)	(пассеизм)
381	18 сн.	Tolskoj	Tolstoj
382	17 сн.	выпуски)	выписки)

MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE
STUDIES AND TEXTS

1. Глеб Струве. К истории русской поэзии конца 1910-х — начала 1920-х годов.
Second printing in preparation.
2. К.Н. Бугаева. Воспоминания о Белом. 1981.
ISBN 0-933884-15-X
3. Валентина Ходасевич и Ольга Марголина-Ходасевич. Неизданные письма к Н.Н. Берберовой.
Second edition in preparation.
4. Н.В. Резникова. Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. 1980.
ISBN 0-933884-14-1
5. Б.Н. Топоров. Ахматова и Блок. 1981.
ISBN 0-933884-16-8
6. Борис Поплавский. Флаги. Второе, исправленное издание. (*Собрание сочинений*, том 1). 1981.
ISBN 0-933884-12-5
7. Алексей Ремизов. Иверень. *In preparation.*
8. Борис Поплавский. Снежный час. Второе, исправленное издание. (*Собрание сочинений*, том 2). 1981.
ISBN 0-933884-13-3
9. Борис Поплавский. В венке из воска; Дирижабль неизвестного направления. Второе, исправленное издание. (*Собрание сочинений*, том 3). 1981.
ISBN 0-933884-19-2
10. Александр Добролюбов. *Natura naturans. Natura naturata* (1895); Собрание стихов (1900). 1981.
ISBN 0-933884-20-6

ISBN 0-933884-15-X